

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/89

КНР — 40 лет

□

Вспоминают ветераны

□

Демократизация и
стабильность

□

Взгляд американского
профессора

□

Конфуцианство и модер-
низация в Китае

□

Из мемуаров
Н. Т. Федоренко

□

Каратэ-до — этика и
психология

□

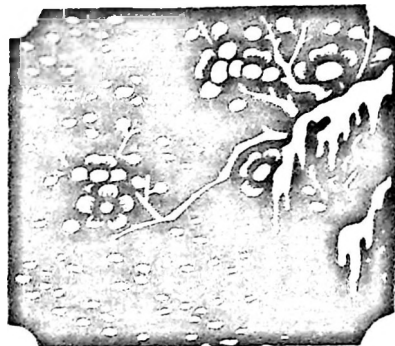
Художник Цзян Шилунь
из Ленинграда

3-ий жкз

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/89

Научный и общественно-политический журнал выходит шесть раз в год на русском, английском, японском и испанском языках

Издается с марта 1972 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К 40-ЛЕТИЮ КНР

Поздравление ССОД и ОСКД	3
М. Л. ТИТАРЕНКО. СССР—КНР: сорок лет спустя	6
Г. В. КУЛИКОВА. Мост взаимопонимания и дружбы	12
Вспоминают ветераны	23

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

СЮЙ ВАНЬМИН. Ли Дачжао о китайско-советских отношениях	34
М. Ф. ЮРЬЕВ. Год Победы	41
И. Г. ЛОБОДА. Из истории Общества китайско-советской дружбы в Харбине	51

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

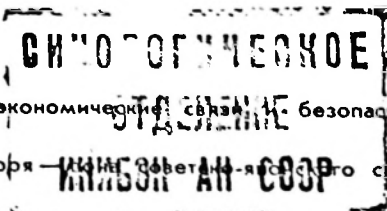
ВАН ХУНИН. Демократизация и политическая стабильность	55
ЧЭНЬ ЦЗУФЭНЬ. «Фанатик» (публицистический очерк)	58

ПРОДОЛЖАЕМ ДИСКУССИЮ О СОБСТВЕННОСТИ

Я. А. ПЕВЗNER, В. Г. ШВЫДКО. Собственность и конкуренция в условиях современного капитализма	73
--	----

ПУЛЬС РЕГИОНА

ЧАН ЮН БАН. Сеул—Москва: экономические связи и безопасность (Послесловие В. Б. Воронцова)	83
К. ОГАВА. Бассейн Японского моря—китайско-советско-японского сотрудничества	95

КЛУБ КОНФУЦИЯ

С. Р. БЕЛОУСОВ. Конфуцианство и модернизация Китая 104

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

Н. Т. ФЕДОРЕНКО. Вспоминаю Чжоу Эньлая 117

ПРОФИЛИ

Г. Д. СУХАРЧУК. Ученый — интернационалист (А. Г. Крымов — Го Шаотан) 125

ПО СТРАНИЦАМ КИТАЙСКОЙ ПЕЧАТИ

Н. В. ЗАХАРОВА. «Маленький император» утверждается в семье 134

В. Н. УСОВ. Кампании реабилитации в Китае 137

АНТОЛОГИЯ КИТАЙСКОЙ КЛАССИКИ

И. С. ЛИСЕВИЧ. «Вёсны и осени» — памятники китайской философской мысли 148

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

И. Л. ГУЛЬБЕВ. Восточные единоборства: этика и психология 167

БИБЛИОТЕКА «ПДВ»

ЛЭ СИНЬ. Из жизни «красной императрицы» (окончание) 175

НАШ ВЕРНИСАЖ

Г. Б. ШИШКИНА. Художник Цзян Шилунь из Ленинграда 194

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Г. А. ГАНШИН. КНР: четыре десятилетия развития 201

В. Ф. ФЕОКТИСТОВ. Полезное пособие по истории китайской философии 203

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале,
не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН,
А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Г. КАРЫМОВ (зам.
главного редактора), В. Н. КАШИН, И. И. КОВАЛЕНКО,
А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ,
В. С. МЯСНИКОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ,
С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ,
А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора),
В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО,
Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс», Проблемы Дальнего Востока, 1989

К 40-ЛЕТИЮ КНР

Поздравление ССОД
и ОСКД

Председателю
Китайского народного
общества дружбы
с заграницей
товарищу
Чжан Вэньцзиню

Председателю
Общества китайско-
советской дружбы
товарищу У Сюцюаню

Президиум Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Центральное правление Общества советско-китайской дружбы от имени советской общественности шлют Вам и в Вашем лице всей китайской общественности сердечные поздравления и наилучшие пожелания по случаю знаменательного юбилея — 40-й годовщины провозглашения Китайской Народной Республики.

Провозглашение 1 октября 1949 года КНР знаменовало победу народной революции в Китае, явившейся величайшей революцией нашего столетия после победы в 1917 году Великой Октябрьской социалистической революции.

Советский Союз на второй день после провозглашения КНР первым заявил о признании молодой республики и установлении с ней дипломатических отношений. Сбылись пророческие слова великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена: Советский Союз как лучший друг и союзник будет приветствовать могучий, свободный Китай...

Глубоко символично, что 40-я годовщина провозглашения КНР совпадает с двумя другими юбилейными датами — 40-летием установления дипломатических отношений между СССР и КНР и 40-летием Общества китайско-советской дружбы.

Из летописи истории, так же как из памяти живущих поколений, не изглаждаются высокие проявления солидарности трудящихся наших стран, вставших на путь строительства новой жизни.

Советские люди всегда будут помнить о китайских интернационалистах, волею судеб оказавшихся в России, вставших на сторону Великого Октября и с оружием в руках защищавших его завоевания.

Воспитанные ленинской партией в духе уважения и дружбы к великому китайскому народу, советские люди сделали все от них зависящее для оказания ему поддержки и помощи как в годы его борьбы за победу народной революции, так и в деле создания основ социалистической экономики КНР, защиты ее суверенитета и территориальной целостности, укрепления позиций на международной арене.

Создание КНР явилось поворотным событием в судьбах китайского народа. Открылась перспектива для преодоления экономической отсталости, ликвидации социального неравенства, духовного раскрепощения народа, достойного великой нации участия Китая в международных делах.

Общественность Советского Союза с удовлетворением отмечает, что последнее десятилетие явило миру новый облик Китая. Благодаря кардинальным реформам заметно ускорилось движение Китая по избранному пути.

Советские люди с большим интересом и симпатией следят за успехами трудящихся Китая, уверенно создающего мощную современную индустрию, осуществляющих преобразования аграрных отношений, раскрепощающих сознание и инициативу масс, обогащающих духовную культуру китайского общества.

Вызывает уважение мужество партии и народа, взявшихся за глубокое преобразование общественного механизма в целях модернизации огромной страны с нелегким наследием многовековой замкнутости и полукOLONиальной отсталости. Общественность Советского Союза желает руководству и народу Китая успешно решить проблемы, встающие на этом пути, обеспечить уверенный прогресс своей социалистической Родины, превратить Китай в развитое современное социалистическое государство.

Советским людям, осуществляющим грандиозные планы перестройки всех сторон жизни советского общества в условиях демократизации и гласности, близок и понятен порыв, которым охвачена КНР в своем стремлении к модернизации всех сфер общественной жизни.

При различии сроков и конкретных условий процессы обновления социализма в СССР и КНР имеют много общего. Наши народы взяли за решение сходных задач — вернуть труженику чувство хозяина, демократизировать общественную жизнь, усовершенствовать политическую систему. А это рождает деловой интерес к опыту соседа, позволяет учиться на успехах и неудачах друг друга.

В Советском Союзе с удовлетворением отмечают динамичное и устойчивое развитие связей с КНР в области экономики, науки и культуры, образования и спорта, по линии государственных и общественных организаций, приветствуют расширение обмена мнениями по международным вопросам.

С огромным удовлетворением советская общественность встретила итоги официального визита в КНР в мае с. г. Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева.

Первая за последние 30 лет советско-китайская встреча на высшем уровне ознаменовала новый этап в отношениях между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, нормализацию межгосударственных отношений, восстановление контактов между КПСС и КПК.

Встреча еще раз продемонстрировала, что отношения добрососедства и равноправного взаимопольного сотрудничества отвечают коренным долгосрочным интересам советского и китайского народов.

Достиженные в ходе советско-китайской встречи в верхах договоренности создают солидную политическую основу для развития советско-китайских

отношений в соответствии с общепризнанными международно-правовыми принципами, содействуют углублению взаимопонимания и доверия, что позволяет нашим народам полнее сосредоточиться на мирном, созидательном труде, умножить материальные и интеллектуальные ресурсы для решения своих проблем в условиях надежно гарантированного, стабильного мира.

В нашей стране с удовлетворением отмечают, что Советский Союз и Китай имеют единую платформу по ряду международных проблем, в том числе в деле борьбы за разоружение и предотвращение угрозы ядерной войны.

Советско-китайская встреча в верхах еще раз показала, что СССР и КНР — две крупнейшие социалистические державы мира, постоянные члены Совета Безопасности ООН — и впредь будут считать мир и развитие двумя важнейшими вопросами современности и прилагать усилия для защиты мира и безопасности в АТР и во всем мире.

Руководствуясь концептуальным подходом к советско-китайским отношениям, который излагался в документах XXVII съезда КПСС, в программных выступлениях М. С. Горбачева во Владивостоке и Красноярске, который был вновь с убедительной силой подтвержден в мае с. г. во время советско-китайской встречи на высшем уровне, советские люди с уверенностью смотрят в завтрашний день советско-китайских отношений.

В целях дальнейшего поступательного развития советско-китайских отношений Советский Союз будет строить отношения с нашим великим соседом — социалистическим Китаем на основе принципов равенства, взаимного уважения, независимости, суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела и учета законных интересов друг друга.

В связи со знаменательным юбилеем — 40-летием провозглашения КНР — советская общественность с удовлетворением отмечает вклад обществ советско-китайской и китайско-советской дружбы в развитие взаимопонимания, добрососедства и сотрудничества между нашими странами и народами.

Пользуясь случаем, разрешите поздравить руководителей, членов и активистов Общества китайско-советской дружбы с 40-й годовщиной со дня его создания и пожелать всем нашим китайским друзьям новых успехов в благородном деле укрепления и развития дружбы, добрососедства и сотрудничества между китайским и советским народами.

По случаю 40-й годовщины КНР разрешите пожелать всему китайскому народу новых успехов, мира и процветания.

*Председатель Центрального
правления Общества советско-
китайской дружбы
академик С. Л. Тихвинский*

*Председатель Президиума
Союза советских обществ
дружбы и культурной связи с
зарубежными странами
Народный депутат СССР
Герой Советского Союза
летчик-космонавт СССР
В. В. Терешкова*

СССР — КНР: сорок лет спустя

М. ТИТАРЕНКО

Одним из крупнейших международных событий, которым ознаменовалось 40-летие со дня образования Китайской Народной Республики, бесспорно, является нормализация советско-китайских отношений. Визит М. С. Горбачева в КНР в мае с. г. и его встречи с высшими руководителями Китая позволили заложить принципиальные основы нового типа отношений между Советским Союзом и Китаем, восстановить прерванные с 1965 г. межпартийные контакты.

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева стал не только крупным этапным событием в истории отношений двух великих соседних социалистических стран, но и явлением огромного международного значения как с точки зрения общего оздоровления политического климата на планете, так и с точки зрения теории и практики международных отношений в целом. Нормализация советско-китайских отношений после почти 30-летнего периода взаимной подозрительности, враждебности, порой доходившей до прямых вооруженных конфликтов на границе, представляет собой поучительный пример устранения крупного очага напряженности в отношениях между странами и народами.

Нормализация двусторонних отношений свидетельствует о практической действенности принципов нового политического мышления применительно к решению застарелого крупного международного очага напряженности. Под таким углом зрения мне и хотелось бы рассмотреть содержание и международное значение советско-китайской нормализации, заключительным аккордом которой явилась майская встреча в Пекине высших руководителей СССР и КНР. Разумеется, завершив трудный процесс возврата к добрососедству, эта встреча положила начало новому этапу отношений между двумя странами, заложила основы новой модели сотрудничества между ними. В Совместном советско-китайском коммюнике подчеркивается, что обе стороны «будут развивать взаимоотношения на основе универсальных принципов межгосударственного общения: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование»¹.

Прежде всего несколько оценочных замечаний по принципиальному содержанию завершившейся нормализации.

Во-первых, она осуществлена на базе общепринятых универсальных принципов международных отношений, положенных в основу отношений любых государств — членов ООН.

Титаренко Михаил Леонтьевич — доктор философских наук, директор ИДВ АН СССР. В основу статьи положен доклад автора на советско-американском симпозиуме, состоявшемся с 29 июля по 1 июля с. г. в Международном Центре стратегических исследований при Стэнфордском университете (город Пало-Алта).

Во-вторых, нормализация нацелена на создание самых благоприятных условий для сотрудничества между двумя государствами как в вопросах их развития, так и в вопросах укрепления международной безопасности.

В-третьих, нормализация исключает военно-политический союз двух держав, направленный против какой-либо третьей страны или группы третьих стран.

В-четвертых, дружеское советско-китайское добрососедство, которое будет развиваться на базе универсальных принципов, исключает влияние идеологических факторов на сотрудничество сторон по международным проблемам; стороны намерены исходить исключительно из баланса государственных интересов, из понимания того, что каждая из них проводит самостоятельную независимую внешнюю политику.

В-пятых, стороны изъявили готовность «решать все спорные вопросы между двумя странами путем мирных переговоров», не прибегая «к силе или угрозе применения силы в отношении друг друга в какой бы то ни было форме, в том числе путем использования территории, территориальных вод и воздушного пространства третьих стран, сопредельных с другой стороной».²

Представляется, что содержание и цели нормализации являются (если учесть международное значение двух держав) весомым вкладом в сужение сферы конфронтационности в международных отношениях вообще. Дело в том, что стороны осуществили нормализацию просто как субъекты этих отношений, а не как страны с одинаковым общественным строем. Последнее обстоятельство особенно важно и как пример, и как стимул для пересмотра мировым сообществом роли и места межсистемных противоречий в международных отношениях с учетом приоритета общечеловеческих интересов. Значение этого примера трудно переоценить в свете того, что по сей день межсистемные противоречия остаются основным препятствием на пути углубления международной разрядки и международного сотрудничества в решении всего спектра глобальных проблем современности.

Исключение из основ новой модели советско-китайских отношений принципа классовой солидарности выражает стремление сторон эффективно способствовать формированию условий для развития современной цивилизации, современных международных отношений как неких целостностей. Только так можно обеспечить сегодня успешное решение глобальных проблем, нависших над человечеством как дамклов меч. В данной связи нельзя не подчеркнуть, что именно подчиненность советско-китайской нормализации общечеловеческим целям обеспечила ей, по сути, всемирную поддержку и одобрение. Она была с удовлетворением воспринята и социалистическими, и развитыми капиталистическими, и развивающимися странами, всей миролюбивой общественностью планеты.

В нынешних условиях мирное соревнование и конкуренция в сфере экономики, социального развития и культуры — единственные допустимые формы «конфронтационности» в международных отношениях. Но и они именно под влиянием осознания человечеством целостности мира неизбежно будут смягчаться и уравниваться потребностью во взаимодействии и сотрудничестве между развитыми и развивающимися, между капиталистическими и социалистическими странами.

По сути дела, содержание советско-китайской нормализации нацелено на создание такого положения, при котором все страны мира имеют лишь один статус — статус членов ООН. К сожалению, пока на пути движения мира к такому положению стоят те силы на Западе, которые десятилетиями критиковали социализм за чрезмерную идеологизацию международных

отношений. Теперь социализм не просто декларирует, а действует в духе принципа деидеологизации международных отношений, ярчайшим примером чему и является содержание советско-китайской нормализации. Нередко западные критики и словом и делом с еще большим усердием, чем прежде, стремятся идеологизировать ныне международные отношения. Вот такой парадокс!

Впрочем, без подобных парадоксов история никогда не развивалась, особенно в переломные периоды. Самый драматический из них человечество, возможно, переживает ныне. И нет ничего удивительного в том, что одни силы быстрее, другие медленнее отказываются от абсолютизации групповых интересов, приходят к пониманию приоритетного характера общечеловеческих ценностей.

Главное, однако, состоит в том, что, несмотря на инерцию старого политического мышления, движение в сторону такого понимания идет повсюду в мире, охватывая самые различные социальные слои. И думается, что советско-китайская нормализация будет способствовать, наряду с другими факторами, ускорению этого движения.

Нормализация между СССР и КНР сама по себе — весомый вклад в уменьшение масштабов напряженности на глобальном и особенно региональном, азиатско-тихоокеанском уровне, поскольку советско-китайские отношения составляют весьма важную часть всей системы международных отношений и прежде всего в азиатско-тихоокеанском регионе.

На фоне небывалой общей миротворческой активности, которой отмечена вторая половина 80-х годов, укрепляющейся разрядки между Востоком и Западом советско-китайская нормализация выделяется как крупный фактор ослабления конфронтационности в азиатско-тихоокеанских международных отношениях. Долгий и временами крайне острый конфликт между двумя крупнейшими державами АТР не только подливал масла в огонь существовавших ранее очагов напряженности, но и способствовал возникновению новых. Среди государств АТР пролегла как бы линия между сторонниками СССР и сторонниками Китая. Связанное с конфликтом наращивание вооруженных сил на советско-китайской, а также на китайско-вьетнамской границе воспринималось в АТР как фактор угрозы безопасности всех других стран региона. Все это давало пищу для рассуждений о растущей военной опасности со стороны СССР. Особенно активно спекулировали на факте общего роста вооруженных сил в азиатской части СССР определенные круги США, Японии, Южной Кореи. Сейчас в эту ситуацию внесена предельная ясность. Опубликованы официальные данные о размерах и вооружении двух группировок войск в этом районе Советского Союза. Из-за конфликта с Китаем советской стороне пришлось создать дополнительно примерно такую же группировку войск, которая издавна противостоит вооруженным силам США и Японии в тихоокеанской зоне, а также американским вооруженным силам на Аляске и западном побережье Соединенных Штатов. Конкретные цифры по обеим группировкам приведены в «Правде» от 28 мая 1989 г.

В результате восстановления добрососедства СССР и Китай договорились вести дело к фактически полной демилитаризации районов своей общей границы. Был намечен поэтапный вывод трех четвертей советских войск из МНР, создан соответствующий переговорный механизм по этому вопросу.

Новые основы советско-китайского добрососедства, исключают военный союз между двумя державами, их заявление об отказе от претензий на гегемонию в какой бы то ни было форме в АТР и любом другом районе мира, подтвержденная практическими делами их приверженность девизу «Мир и развитие», и, что особенно важно, их односторонние и двусторонние

меры по сокращению своих вооруженных сил, решимость сторон развивать свои международные отношения на основе баланса интересов — все это не может не оказать позитивного влияния на международно-политическое положение в Азии и бассейне Тихого океана.

Есть основание полагать, что это влияние будет распространяться по целому ряду направлений:

— Легче будет ставить и решать вопросы о мерах доверия между странами региона, мерах, понимаемых в самом широком, а не только военном смысле.

— Усилится стремление к более энергичному формированию регионального механизма регулирования международных отношений. Примечательно в этой связи предложение Таиланда о созыве региональной конференции министров обороны. Освобожденные от гнета мысли о советской, китайской или советско-китайской военной угрозе, несоциалистические страны региона, возможно, иначе оценят обременительные для них программы оборонного строительства. Это относится и к США, и к Японии, которые пока, напротив, пекутся о наращивании своего военного потенциала и военного присутствия у тихоокеанского побережья Азии, стремясь, очевидно, как-то компенсировать утрату «китайского военного фактора», игравшего существенную роль в обеспечении подавляющего американско-японского военного превосходства в этой части света. Однако такая позиция США и Японии не сможет, видимо, стать непреодолимым препятствием для других стран региона, более заинтересованных в ограничении гонки вооружений.

— Нормализованные советско-китайские отношения, несомненно, усилят тягу несоциалистических стран к всестороннему сотрудничеству и с СССР, и с Китаем, которые ныне широко открыты для внешнего мира. А это в конечном счете поможет ослабить влияние политической конфронтационности на экономическое и гуманитарное сотрудничество между Востоком и Западом в рамках региона, придаст здесь универсальный характер экономическим интеграционным процессам.

— Наконец, советско-китайская нормализация создала благоприятные условия для урегулирования локальных конфликтов в Азии, являющихся крайне опасным проявлением конфронтационности международных отношений. В этом смысле две великие державы делают важный шаг для стимулирования общеазиатского процесса за мир, разоружение, всеобщую безопасность и сотрудничество.

Еще на одном наиболее вероятном направлении воздействия советско-китайской нормализации на положение в АТР хотелось бы остановиться подробнее.

Прежде всего — камбоджийская ситуация. Уже само начало процесса интенсивного улучшения советско-китайских отношений, пришедшееся на 1985—1987 гг., существенно изменило условия для обсуждения камбоджийской проблемы между двумя странами. Примечательно, что нормализация советско-китайских отношений завершилась еще до вывода вьетнамских войск из Камбоджи. Иначе говоря, китайская сторона именно улучшение отношений с СССР, а не продолжение трений с ним, сочла более благоприятным условием для развязывания этой проблемы. Это было важным изменением в ее позиции, в чем, кстати сказать, нашел отражение пересмотр китайским руководством роли конфронтационных методов и средств в урегулировании локальных конфликтов, вообще противоречий в международных отношениях.

Обоюдное неприятие СССР и Китаем старых конфронтационных подходов облегчило им переход к учету баланса интересов всех вовлеченных в камбоджийский кризис стран. К тому же в результате советско-китайской

нормализации фактически начала размываться, так сказать, биполярная конфигурация сил вокруг Камбоджи и Индокитая в целом, которая долгое время препятствовала позитивным сдвигам в урегулировании конфликта.

Уже в 1987 г. были нормализованы отношения Китая с Лаосом. Исполдволь начали устанавливаться контакты некоторых стран АСЕАН с Вьетнамом. Наблюдались позитивные подвижки в китайско-вьетнамских отношениях. В последние два года активизировались связи СССР со странами ассоциации, а также с государствами южной части Тихого океана. В целом сближение принципиальных подходов СССР и Китая к решению кампучийской проблемы существенно усилило динамизм диалога по этой проблеме как между странами Индокитая и АСЕАН, так и между ними и другими заинтересованными государствами.

Как отмечено в Советско-китайском коммюнике от 18 мая 1989 г., стороны «условились продолжать обсуждение вопросов кампучийского урегулирования, в том числе тех, по которым у них сохраняются разногласия». Несомненно, преодоление этих разногласий на базе баланса интересов вовлеченных в конфликт сторон будет дополнительным конструктивным фактором восстановления нормальной международной обстановки в районе Индокитая и ЮВА в целом.

Однако, видимо, не следует сводить все дело оздоровления обстановки в АТР лишь к влиянию улучшения советско-китайских отношений. Эти изменения стали особенно эффективными в немалой степени и потому, что страны АСЕАН, в последнее десятилетие успешно развивавшие свою экспортно-ориентированную экономику, начали остро ощущать минусы такого положения, при котором крупный и богатый ресурсами Индокитай фактически выпал из общего процесса экономического подъема Юго-Восточной Азии. Очевидно, нельзя также сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что со временем баланс плюсов и минусов для других сил, ранее весьма заинтересованных в подогревании военно-политической конфронтации в этом регионе, начал также приобретать в основном негативный характер. Политические дивиденды от «жесткой конфликтной линии» ныне вообще существенно уменьшились, зато резко возрос престиж позиций и акций, способствующих снижению локального и глобального противостояния.

В этом смысле следует рассматривать и роль советско-китайской нормализации в свете развития процесса урегулирования корейской проблемы.

Снятие напряженности между СССР и КНР, двумя военно-политическими союзниками КНДР, конечно же, позитивно сказалось на их подходе к этой проблеме, которая ранее так или иначе испытывала негативное влияние конфронтационности в китайско-советских отношениях. И что особенно важно, возрождение советско-китайского добрососедства не нарушило процесса улучшения и развития отношений СССР и КНР с Соединенными Штатами, а они играют во многом ключевую роль в формировании международной обстановки вокруг Корейского полуострова. Можно констатировать, что с завершением советско-китайской нормализации общее положение в четырехугольнике СССР—США—Китай—Япония, решающим образом определяющем обстановку в Северо-Восточной Азии, заметно изменилось в позитивном плане. Такое новое положение ведет к оживлению конструктивного диалога по международному аспекту корейской проблемы и благоприятствует налаживанию внутрикорейских контактов.

Чрезвычайно важным является тот факт, что нормализация советско-китайских отношений открыла перспективу для развития многостороннего экономического сотрудничества на Дальнем Востоке, которое может охватить соответствующие районы СССР, КНР, обе части Кореи, Японию. При этом,

конечно же, это субрегиональное сотрудничество будет открытым и для участия других стран, прежде всего для США, имеющих здесь значительные экономические интересы. Успешное и масштабное решение проблем развития, несомненно, будет благоприятствовать преодолению здесь военно-политической конфронтации, одной из важнейших зон которой в АТР как раз и является район Корейского полуострова.

В связи с корейской проблемой, представляется, полезно выделить из опыта советско-китайской нормализации следующий аспект. Имеется в виду тот факт, что СССР, а также ряд других социалистических стран вслед за Китаем кардинально изменили свой подход к торгово-экономическим отношениям с Южной Кореей. Иначе говоря, они еще на одном, причем крайне сложном для себя участке международных отношений продемонстрировали новое понимание подчиненного места межсистемных различий. И было бы логично ожидать, что несоциалистические страны АТР и всего мира в свою очередь будут руководствоваться в отношениях с КНДР собственными экономическими интересами, а не ложно понимаемым принципом солидарности в рамках так называемого свободного мира.

Весьма обнадеживающим для процесса оздоровления ситуации в Азии является то, что нормализация советско-китайских отношений положительно воспринята ведущими державами Запада и странами азиатского региона. Опыт поэтапного решения сложного клубка противоречий, вызвавшего длительное обострение советско-китайских отношений, раскрытие и обогащение понятия добрососедства как фундаментальной категории международных отношений, пример реального разоружения, продемонстрированный двухсторонними мерами СССР и КНР по сокращению вооруженных сил в районе советско-китайской границы до минимального уровня, соответствующего нормальным добрососедским отношениям между ними — все это весомый вклад двух стран в дело международной безопасности и мира. Этот опыт является ярким примером поиска конструктивных путей решения еще сохраняющихся конфликтных ситуаций, ликвидации существующих в различных частях Земли очагов напряженности.

¹ Совместное советско-китайское коммюнике. — «Правда». — 1989. — 19 мая.

² Там же.

Мост взаимопонимания и дружбы

Г. КУЛИКОВА

Когда у К. С. Силина — члена Центрального правления Общества советско-китайской дружбы, лауреата Ленинской премии, доктора технических наук, профессора, заслуженного изобретателя РСФСР, спросили, что он считает главным в деятельности Общества, в работе которого участвует с момента его создания, он ответил: «Строить мост взаимопонимания и дружбы между советским и китайским народами».

Так сказал известный советский мостостроитель, который впервые вступил на китайскую землю вместе с частями Советской Армии, пришедшей на помощь китайскому народу в освобождении Северо-Восточного Китая от японских милитаристов. Девять мостов, построенных с участием К. С. Силина, и сегодня стоят на китайской земле. Символом китайско-советской дружбы называют в Китае двухкилометровый двухъярусный мост через реку Янцзы, возведенный его, силинским, бескесонным способом.

Мост взаимопонимания и дружбы... Эти емкие по смыслу слова как нельзя лучше характеризуют деятельность обществ советско-китайской и китайско-советской дружбы — массовых общественных организаций Советского Союза и Китайской Народной Республики.

Общество советско-китайской дружбы (ОСКД) — первое в Советском Союзе общество дружбы с народами зарубежных стран — было создано 29 октября 1957 г. в канун 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

1 октября с. г. исполняется 40 лет со дня провозглашения Китайской Народной Республики. Этот знаменательный юбилей вместе с китайским народом широко и торжественно отмечают советские люди. Мы гордимся тем, что Советский Союз первым признал молодую китайскую республику и заявил об установлении с ней дипломатических отношений. Первым временным поверенным в делах СССР в КНР был С. Л. Тихвинский — ныне председатель Центрального правления Общества советско-китайской дружбы, академик.

С провозглашением КНР было связано и рождение Общества китайско-советской дружбы (ОКСД), 40-летний юбилей которого исполняется 5 октября с. г.

Два величайших события нашего столетия: победа Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1917 г. и победа народной революции в Китае 1 октября 1949 г...

В. И. Ленин и Великий Октябрь заложили основы революционной дружбы народов России и Китая. Между нашими странами граница протяженностью семь с половиной тысяч километров. В умах и сердцах миллионов людей по обе стороны советско-китайской границы никогда не затухал неподдельный интерес друг к другу, взаимное уважение, стремление прийти на помощь. Советские люди всегда будут помнить о китайских интернационалистах, ставших на сторону Великого Октября и с оружием в руках защищавших его завоевания.

Золотыми буквами в летопись советско-китайских отношений вписаны боевые и ратные дела тысяч и тысяч советских интернационалистов, сделавших все от них зависящее для оказания помощи и поддержки китайскому народу в его борьбе за победу народной революции, защиты суверенитета и территориальной целостности, создания основ социалистической экономики.

Куликова Галина Вениаминовна — ответственный секретарь Центрального правления Общества советско-китайской дружбы.

Бережь добрые отношения между Советским Союзом и Китаем, содействовать всестороннему советско-китайскому сотрудничеству, множить и передавать от поколения к поколению это огромное национальное и интернациональное достояние — принципиальный курс КПСС и Советского государства.

Этот курс единодушно одобряет советская общественность, активно участвующая в движении за дружбу с китайским народом, в деятельности Общества советско-китайской дружбы.

В связи с проведением в Москве 29 октября 1957 г. учредительного собрания по созданию ОСКД газета «Жэньминь жибао» писала: «Создание Общества советско-китайской дружбы представляет собой новое звено во всестороннем сотрудничестве китайского и советского народов. Китайский народ искренне приветствует создание Общества, приветствует его благородные цели и желает ему успехов в работе».

Вскоре после создания ОСКД превратилось в массовую, представительную организацию советской общественности. Его отделения были созданы в Украинской, Белорусской, Таджикской, Узбекской, Казахской, Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Киргизской ССР, в Приморском и Хабаровском краях, Ленинградской, Новосибирской, Читинской, Иркутской областях, в Риге, Уссурийске. В состав ОСКД на правах первичных организаций вошло более 400 крупнейших промышленных предприятий, колхозов, совхозов, высших и других учебных заведений и учреждений страны.

Свою работу по развитию дружественных связей с общественностью КНР ОСКД проводило в тесном сотрудничестве с ОКСД, много сделавшим для ознакомления китайской общественности с жизнью Советского Союза, его героическим прошлым, по воспитанию китайского народа в духе дружбы к народам Советского Союза. Были установлены непосредственные контакты между отделениями ОСКД в республиках, краях, областях и городах Советского Союза и отделениями ОКСД в провинциях и городах Китая. Общества дружбы активно обменивались делегациями на центральном и местном уровнях, фото- и другими информационными материалами. К их деятельности привлекались советские специалисты, работавшие в 50-е годы в КНР, и китайские стажеры и учащиеся, проходившие подготовку в Советском Союзе.

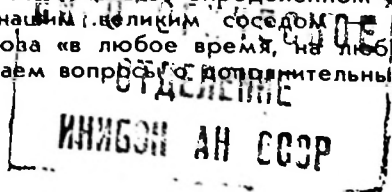
Руководствуясь неизменной линией КПСС и Советского государства на сохранение дружественных отношений с китайским народом, ОСКД не прекратило своей работы и в период «культурной революции», заявив на состоявшейся в Москве в январе 1969 г. II Всесоюзной конференции, что считает своей главной задачей «содействие сохранению, укреплению и развитию братской дружбы и сотрудничества между народами наших стран, широкое ознакомление советской общественности с жизнью китайского народа, его историей и культурой».

Итоги этой деятельности были подведены на III Всесоюзной конференции Общества, состоявшейся в Москве в феврале 1978 г. Конференция поставила задачу «продолжать работу по ознакомлению советской общественности со знаменательными событиями национально-освободительного и революционного движения китайского народа, проводить мероприятия, посвященные памяти видных деятелей этого движения, китайских коммунистов-интернационалистов, деятелей китайской культуры и литературы, посвящать свои мероприятия немеркнущим страницам из истории советско-китайских отношений».

III Всесоюзная конференция от имени советской общественности в 1977 г. заявила также о том, что ОСКД готово к восстановлению контактов с ОКСД. Это было подтверждено в октябре 1982 г. в дни празднования 25-летия ОСКД.

В приветственном адресе ОКСД, направленном в адрес ОСКД по случаю юбилея, отмечалась благородная деятельность Общества советско-китайской дружбы, направленная на расширение взаимопонимания, укрепление дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами.

В феврале 1986 г. в Москве состоялся исторический XXVII съезд КПСС. Советские люди с удовлетворением восприняли прозвучавшие с трибуны съезда слова Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева об определенном улучшении взаимоотношений Советского Союза с нашим великим соседом — социалистическим Китаем. Готовность Советского Союза «в любое время, на любом уровне самым серьезным образом обсудить с Китаем вопросы о взаимных мерах по созда-

нию обстановки добрососедства» была подтверждена в выступлении М. С. Горбачева во Владивостоке в июле 1986 г.

25 ноября 1986 г. в Москве была проведена IV Всесоюзная конференция ОСКД. От имени советской общественности она поддержала курс нашей партии и страны на восстановление с КНР отношений дружбы, добрососедства и сотрудничества, отметила все возрастающий вклад ОСКД в поступательный процесс развития советско-китайских отношений, в интернациональное воспитание советской общественности в духе уважения и дружбы к великому китайскому народу.

IV Всесоюзная конференция с удовлетворением констатировала возобновление в 1983 г. контактов Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), ОСКД с Китайским народным обществом дружбы с заграницей (КНОДЗ), ОКСД, начавшийся делегационный обмен, обмен специализированными группами туристов — активистов обществ дружбы, возобновление контактов между отделениями ОСКД и ОКСД в приграничных с КНР республиках, краях, областях, городах и районных центрах СССР, провинциях и городах КНР, обмен литературой, периодическими изданиями, фотовыставками и киноматериалами.

Начиная с 1985 г. контакты ССОД, ОСКД с КНОДЗ и ОКСД строятся на основе двухгодичных планов сотрудничества.

29 октября 1987 г. советская общественность широко и торжественно отметила 30-летие Общества советско-китайской дружбы. В приветственном послании в наш адрес председатель ОКСД, известный государственный и общественный деятель КНР У Сююань писал: «За прошедшие тридцать лет Общество советско-китайской дружбы проделало большую работу по укреплению взаимопонимания и развитию традиционной дружбы между китайским и советским народами. Мы высоко ценим это».

В ОСКД всегда было доброй традицией торжественно отмечать годовщины провозглашения КНР, проводить различного рода мероприятия, посвященные знаменательным событиям из китайской истории, истории советско-китайских отношений.

В этом году при активном участии ОСКД советская общественность широко отмечает 40-ю годовщину провозглашения КНР.

В Москве в Колонном зале Дома союзов по случаю юбилея будет проведено торжественное собрание представителей трудящихся Москвы. Собрания и вечера, посвященные 40-летию КНР, будут организованы в Ленинграде, Киеве, Минске, Риге, Алма-Ате, Ташкенте, Фрунзе, Ашхабаде, в Приморском, Хабаровском и Алтайском краях, Читинской, Амурской, Иркутской и Новосибирской областях.

В Киеве при участии Всесоюзной ассоциации китаеведов и ОСКД будет проведена научная конференция на тему «КНР. 40 лет. Опыт, достижения и уроки строительства социализма». В Москве пройдет научная конференция, посвященная анализу опыта реформ в СССР и КНР.

В нашей стране будет выпущен энциклопедический справочник «КНР. 40 лет». ОСКД совместно с Всесоюзным обществом «Знание» проведет расширенное заседание лектория на тему «40 лет КНР. Актуальные вопросы внутренней и внешней политики Китая». В Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран будет открыта фотоз экспозиция, посвященная знаменательной дате.

Отдавая дань уважения героической борьбе китайского народа за победу народной революции, ОСКД провело мероприятия, посвященные 120-летию со дня рождения великого сына китайского народа, китайского революционера-демократа Сунь Ятсена, 125-летию Тайпинского восстания и 75-летию Синьхайской революции, 65-летию создания первых марксистских кружков в Китае, 60-летию начала в Китае национально-демократической революции 1925—1927 гг., 55-летию восстания шанхайского пролетариата, 60-летию Наньчанского восстания и Кантонской коммуны, 50-летию начала освободительной войны китайского народа против японской агрессии. В связи с этой датой Обществом была проведена встреча советских летчиков-добровольцев — участников боев за город Ухань. В мае с. г. вместе с Всесоюзной ассоциацией китаеведов было торжественно отмечено 70-летие «Движения 4 мая 1919 г.».

ОСКД проводило также вечера, посвященные памяти выдающихся деятелей национально-освободительного движения, китайских коммунистов-интернационалистов, деятелей профсоюзного движения Цюй Цюбо, Чжан Тайлэя, Су Чжаочжэня, Пэн Бая, Дэн Чжунся, Линь Боцюя, Лю Бочэна и др.

Большое общественно-политическое звучание в нашей стране получили мероприятия, посвященные 90-летию со дня рождения видных деятелей КПК и КНР Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Чжу Дэ, Пэн Дэхуая. В этом году по линии ОСКД будет отмечено 100-летие со дня рождения Ли Дачжао — одного из первых китайских марксистов и основателей КПК.

Свидетельством глубокого уважения советской общественности к культуре великого китайского народа является тот факт, что большое количество своих мероприятий Общество советско-китайской дружбы и посвящает выдающимся деятелям китайской литературы и искусства, музыки, театра и кино. Совместно с Союзом писателей СССР мы торжественно отметили 100-летие со дня рождения Лу Синя — великого китайского писателя. Проводили мероприятия, посвященные известным китайским писателям и поэтам Чжоу Либо, Чжао Шули, Мао Дуню, Лао Шэ, Ба Цзиню, Чжэн Чжэньдо и др., классикам китайской литературы Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Ли Циньчжао, Хань Юю, Инь Фу, Тао Юаньмину, китайским композиторам Не Эру и Си Синхаю, всемирно известному актеру пекинской оперы Мэй Ланьфану и драматургам Сюй Хайшэну и Цао Юю. Совместно с Союзом кинематографистов СССР наше Общество отметило 50-летие со дня создания Китайского кинематографического общества и 70-летие китайской кинематографии; совместно с Государственным музеем искусства народов Востока активно участвует в организации и проведении различных выставок китайского искусства — национальной живописи «гохуа», декоративно-прикладного искусства, лаковой живописи, каллиграфии и народного лука...

Хорошей традицией стал показ в Доме дружбы китайских документальных и художественных фильмов, любезно предоставляемых нам Посольством КНР в Москве.

Одним из важнейших направлений деятельности ОСКД является проведение мероприятий, посвященных знаменательным событиям в истории советско-китайских отношений.

За свою более чем 30-летнюю историю ОСКД превратилось в массовую представительную организацию советской общественности, к деятельности которой привлечены сотни тысяч советских граждан.

В работе Общества принимают участие убежденные седидами ветераны нашей партии и вооруженных сил — те, кто в далекие, трудные для нашей страны первые послеоктябрьские годы по указанию В. И. Ленина своими практическими делами закладывал фундамент советско-китайской дружбы на китайской земле.

В рядах Общества — люди, которые, развивая эти боевые традиции в годы антияпонской борьбы китайского народа, добровольно пришли на помощь сражающемуся Китаю, оставив на китайской земле могилы тысяч своих однополчан.

В деятельности Общества советско-китайской дружбы активно участвуют передовики промышленности и сельского хозяйства, видные деятели науки и культуры нашей страны, которые в первые десятилетия существования народного Китая и на китайской, и на советской земле трудились во имя светлого социалистического завтра китайского народа.

Активистами Общества советско-китайской дружбы являются ученые-китаеведы и переводчики — те, кто делает великое наследие китайского народа — его богатую и древнюю историю, культуру, литературу — достоянием советской общественности.

И наконец, в деятельности Общества активно участвует молодежь, которая сегодня изучает Китай, чтобы продолжить и развивать традиции нашей дружбы.

Немало трогательных страниц в истории советско-китайской дружбы, но, наверное, самые волнующие — участие китайских интернационалистов в борьбе за Советскую власть, а советских воинов — за свободу и независимость Китая.

ОСКД в настоящее время развернуло работу (совместно с китайской секцией Советского комитета ветеранов войны) по связям с китайскими интернационалистами (или их семьями), сражавшимися в первые годы Советской власти на фронтах гражданской войны.

Так, по приглашению ССОД—ОСКД летом прошлого года в Советский союз с женой и сыном был приглашен Жэнь Дунлян — сын китайского интернационалиста Жэнь Фученя, погибшего в 1918 г. на станции Выя Свердловской области, сражаясь в частях маршала Блюхера против Колчака. На станции Выя стоит памятник китайским воинам, павшим в боях за Советскую власть.

Жэнь Дунлян, будучи маленьким мальчиком, с матерью — женой погибшего Жэнь Фученя — был приглашен в Москву и встречался с В. И. Лениным.

В период пребывания с семьей в СССР Жэнь Дунлян побывал на могиле отца, встретился с сыном маршала Блюхера — В. В. Блюхером, ныне профессором Свердловского сельскохозяйственного института, — в Москве посетил кабинет-квартиру В. И. Ленина, где в 1921 г. его принимал В. И. Ленин, в Ленинграде — Смольный.

Уезжая на родину, Жэнь Дунлян сказал: «Поездка в Советский Союз — страну, с которой мою семью связывает давняя дружба, — еще раз убедила нас в том, что не только дети, но и внуки наши должны жить в дружбе и добрососедстве. Советские люди не только свято берегут дружбу, скрепленную кровью лучших своих сынов, но и делают все для развития этой дружбы».

Командир дальних бомбардировщиков Г. А. Кулишенко погиб в августе 1939 г. при налете на Ханькоу. Его могила и сегодня стоит на высоком берегу Янцзы в городе Ваньсяне. В Москве у него осталась жена и двое детей. Его дочь И. Г. Кулишенко весной этого года вместе с В. В. Блюхером, отец которого возглавил первую группу советских военных советников, направленных в Китай в 1923 г., по приглашению Общества китайско-советской дружбы посетили места, где воевали за правое дело китайского народа их отцы.

14 советских летчиков, сражавшихся в небе Китая, были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Среди ветеранов общества — ныне здравствующие и активно участвующие в деятельности ОСКД генерал-лейтенанты А. С. Благовещенский, К. К. Коккинаки, А. И. Пушкин, А. Я. Калягин и др.

Заслуга ветеранов Общества заключается в том, что книгами своих воспоминаний, встречами с молодежью, с военнослужащими они содействуют воспитанию молодого поколения нашей страны в духе уважения и дружбы к китайскому народу.

В вузах и школах Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ташкента и Владивостока, Читы, Хабаровска и Забайкальска при участии ОСКД проходят недели китайского языка, научные конференции о Сунь Ятсене, Лу Сине, древней и современной китайской поэзии и прозе, олимпиады по истории Китая и советско-китайских отношений.

ОСКД совместно с Всесоюзной ассоциацией китаеведов провели в этом году конкурс среди школьников Москвы, посвященный 40-летию КНР. Подведены его итоги. Два юных победителя в составе делегации ОСКД осенью с. г. совершат поездку в Китай.

ОСКД уделяет большое внимание тому, чтобы эстафета нормальных, добрых отношений между нашими народами передавалась из поколения в поколение. Ведь именно молодым предстоит продолжать и развивать дело, начатое ветеранами, — крепить добрососедство и сотрудничество между советским и китайским народами в интересах обновления социалистического общества.

С большим удовлетворением советская общественность воспринимает сообщения о том, что и в КНР становятся доброй традицией мероприятия, посвященные годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции, деятелям советской литературы и искусства, проводимые при активном участии Общества китайско-советской дружбы.

В Пекине живет и работает Гао Ман — известный в Китае переводчик и пропагандист русской и советской литературы, член Союза писателей и художников КНР, Центрального правления ОКСД, правления Общества по изучению советской литературы. За 40 лет творческой деятельности им переведены и изданы сотни произведений русской и советской классики, пьес и сценариев. Под его редакцией и в его переводе выпущена «Антология советской поэзии», готовятся к изданию его монографии о В. Маяковском, Б. Пастернаке, А. Ахматовой и С. Есенине. Гао Ман работает над новой книгой «Антология советской поэзии с 1917 — до наших дней».

В Шанхае под редакцией и при участии известного переводчика, ученого-литературоведа, члена правления Шанхайского ОКСД Цао Ина издано пятитомное собрание рассказов советских писателей.

30 лет посвятил пропаганде советской песни в Китае неутомимый труженик Сюэ Фань — член Союза китайских музыкальных деятелей, писателей и переводчиков. К 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции в Шанхае

Сюз Фанем был издан сборник «Советская песня 1917—1987».

В Нанкине живет и продолжает трудиться член Центрального правления ОКСД профессор Гэ Баоцюань, награжденный орденом Дружбы народов за вклад в развитие советско-китайских культурных связей и пропаганду русской и советской литературы в Китае.

В связи с 40-летним юбилеем КНР ОКСД выражает сердечную благодарность этим людям, а также всем руководителям и активистам ОКСД, вносящим вклад в дело взаимопонимания и дружбы между нашими странами и народами.

Важным каналом, содействующим расширению советско-китайских общественных связей, являются взаимные поездки руководителей и активистов ССОД и ОКСД в Китай, а КНОДЗ и ОКСД — в Советский Союз.

За последние годы в нашей стране по приглашению ССОД и ОКСД побывали председатель КНОДЗ Чжан Вэньцзинь и председатель ОКСД У Сюцюань, а в КНР — председатель Президиума ССОД В. В. Терешкова и председатель ЦП ОКСД С. Л. Тихвинский.

В ходе этих высоких общественных визитов обсуждались планы активизации контактов, в том числе в приграничных районах, с привлечением представителей различных слоев советской и китайской общественности.

При активном участии обществ советско-китайской и китайско-советской дружбы за последние годы были восстановлены контакты Москвы и Пекина, Ленинграда и Шанхая, Киева и Уханя, Владивостока и Гирина, Хабаровска и Харбина, Читы и Хух-Хото, республик Средней Азии и Казахстана с Синьцзян-Уйгурским автономным районом.

Обмены между обществами дружбы стали носить профессиональную направленность. В КНР по приглашению ОКСД выезжали специалисты в области городского хозяйства, деятели театра, кино, музыки, педагоги. Осенью этого года группа известных советских медиков — активистов ССОД и ОКСД, во главе с президентом АМН СССР академиком В. И. Покровским посетит КНР в целях установления и развития контактов с представителями китайской медицинской общественности.

В Советском Союзе по приглашению ОКСД побывали специалисты сельского хозяйства во главе с президентом Всекитайского центра по исследованию сельского хозяйства Ду Жуньшэном, специалисты в области воспитания детей и молодежи во главе с почетным председателем Пекинского общества по исследованию работы среди молодежи Цзинь Цзянем, группа видных китайских медиков во главе с президентом АМН КНР, известным китайским вирусологом профессором Гу Фанчжоу, китайские архитекторы и градостроители. В канун 40-й годовщины КНР Москва, Минск и Алма-Ата будут принимать группу артистов — активистов КНОДЗ, ОКСД.

Когда Председатель Президиума ССОД В. В. Терешкова — первая в мире женщина-космонавт — в октябре прошлого года во главе делегации ССОД, ОКСД впервые посетила КНР, делегация была приглашена в Академию космической техники в Пекине, где встречалась с ее руководителями, имела встречи в Министерстве авиационной и космической промышленности КНР. Для нее было организовано посещение Шанхайского завода «Новый Китай», выпускающего ракетноносители.

Принимая делегацию, президент Академии космической техники КНР Минь Гуйжун подчеркнул: «Визит первой советской делегации войдет в историю Академии как начало сотрудничества с советскими учеными и специалистами. Перспективы такого сотрудничества широки».

Советско-китайские «космические контакты» по линии обществ дружбы были продолжены в мае—июне с. г., когда по приглашению ССОД—ОКСД в Советском Союзе находилась делегация специалистов в области космонавтики — активистов КНОДЗ, ОКСД — во главе с членом постоянного комитета Китайского общества космонавтики, членом-корреспондентом Международной федерации астронавтики, членом правления КНОДЗ, профессором Ван Юнчжи. В ходе визита делегация имела встречи с начальником Главкосмоса СССР А. И. Дунаевым, председателем Совета «Интеркосмос» АН СССР, академиком В. А. Котельниковым, посетила Институт космических исследований АН СССР, где была принята директором Института академиком А. А. Галеевым, Институт земного магнетизма АН СССР в городе Троицке, где имела встречи с директором Института профессором Ораевским В. Н., учеными и инженерами.

Делегация, состоящей из ведущих специалистов КНР в области космической техники, шесть из которых закончили в конце 50-х годов МАИ и другие вузы нашей страны, была предоставлена также возможность ознакомиться с работой Центра управления полетами, Центра подготовки космонавтов, посетить Звездный городок.

Делегация специалистов в области исследования космического пространства была первой иностранной делегацией, которая побывала на Московском машиностроительном заводе им. М. В. Хруничева, посетила цех по производству и генеральной сборке ракет-носителей «Протон», орбитальной станции «Мир».

В своем письме в адрес Председателя Президиума ССОД В. В. Терешковой руководитель делегации Ван Юнчжи написал: «В ходе визита мы почувствовали, что взаимные визиты профессиональных делегаций, организуемые обществами дружбы двух стран, способствуют раскрытию роли обществ как связующих мостов, содействуют развитию взаимопонимания и дружбы между специалистами в различных областях, создают хорошие условия для последующего сотрудничества».

Мы верим, что дружба и сотрудничество между нашими странами получат дальнейшее развитие».

Советско-китайское сотрудничество...

В нашей стране с удовлетворением отмечается и приветствуется динамичное и устойчивое развитие связей с КНР в области экономики, науки и культуры, образования и спорта, связей по государственной линии и по линии общественных организаций.

Осуществляя планы перестройки всех сторон жизни общества в условиях демократизации и гласности, советские люди с огромным вниманием и интересом следят за успехами трудящихся Китая. Под руководством КПК Китай претворяет в жизнь политику реформ, создает мощную индустрию, осуществляет преобразования аграрных отношений, развивает инициативу масс, обогащает духовную культуру китайского общества.

Благодаря реформам заметно ускорилось движение Китая по пути, избранному им 1 октября 1949 года.

В связи со знаменательным юбилеем советские люди искренне желают китайскому народу обеспечить уверенный прогресс своей Родины, превратить Китай в развитое современное социалистическое государство, достойное великого народа.

История возложила на наши народы чрезвычайно ответственную миссию. От двух крупнейших социалистических государств зависит многое в международном развитии.

В Советском Союзе ценят вклад КНР в борьбу против угрозы ядерной войны, за укрепление мира и международной безопасности.

Советские люди, осуществляющие под руководством КПСС перестройку всех сторон жизни советского общества, проявляют огромный интерес к опыту и урокам реформ в Китае. Ведь несмотря на различие в сроках и конкретных условиях, процессы обновления социализма в СССР и КНР имеют много общего. И это создает значительные возможности для расширения советско-китайских общественных связей, обмена опытом, для творческих конструктивных дискуссий, позволяет учиться на успехах и неудачах друг друга.

Свидетельством глубокого интереса двух народов друг к другу является издание в КНР и СССР на китайском и русском языках книги М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира» и книги Дэн Сяопина «Основные вопросы современного Китая».

Советские и китайские средства информации — газеты, журналы, радио и телевидение — информируют общественность своих стран о жизни народов-соседей. Многие известные советские журналисты и телекомментаторы посетили в последнее время КНР и подробно рассказали советским людям об осуществлении там политики «четырёх модернизаций».

Китайские журналисты знакомят общественность своей страны с жизнью советских людей. Находясь в Пекине или в Москве, можно посмотреть в вечерних теленовостях оперативную информацию о событиях в Советском Союзе и Китае.

После возвращения из КНР Председатель Президиума ССОД В. В. Терешкова опубликовала в газете «Правда» 25 ноября 1988 г. большой материал о встречах на китайской земле, в котором интерес и симпатии к переменам в жизни нашего великого соседа переплетаются с твердой убежденностью в необходимости еще активнее содействовать процессу нормализации советско-китайских отношений. В статье «Впечатления от поездки в СССР», опубликованной председателем ОКСД У Сюцюанем в газете «Жэньминь жибао» после возвращения из поездки по нашей стране, также высоко оценивались происходящие в СССР перемены, подчеркивалась заинтересованность китайской стороны в дальнейшем развитии контактов с советской общественностью в целях развития взаимопонимания, сотрудничества и обмена опытом.

В последние годы, особенно в связи с заметными сдвигами в советско-китайских отношениях, возрос поток писем в Общество советско-китайской дружбы. Пишут и наши китайские друзья, и соотечественники — все те, кому безразлично, что делается в нашей стране и в Китае для укрепления дружбы между народами двух стран.

Профессор Шанхайской консерватории, бывшая выпускница Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского Чжэн Синли обратилась в ОСКД с просьбой и предложением оказать содействие в направлении в Шанхай в октябре с. г. для участия в международном фестивале песни ведущих советских исполнителей.

Первая китайская трактористка, а ныне один из руководителей госхоза «Дружба» провинции Хэйлунцзян Лю Ин в письме в ОСКД вспоминает о встречах на московской земле во время VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, сообщает о возобновлении контактов с совхозом «Партизанский» Приморского края, связи с которым были установлены еще в конце 50-х годов, об успехах госхоза, его огромных резервах сотрудничества с советскими сельскохозяйственными организациями, просит содействия у ОСКД в том, чтобы дети рабочих госхоза могли поехать на учебу в СССР.

Сотрудник Уханьского университета Цзинь Дасинь просит Общество оказать содействие в развитии контактов вузов Китая и Советского Союза, директор издательства «Илинь» из Нанкина Ли Цзинжуй предлагает советским организациям сотрудничество в издательском деле.

Рабочие, крестьяне, служащие, студенты, школьники, деятели науки и культуры пишут в ОСКД из Китая и Советского Союза с предложением своих услуг в деле содействия советско-китайским контактам.

За последнее время все больше и больше приходит писем от коллективов и отдельных лиц, которые просят принять их в Общество советско-китайской дружбы, сообщают о создании различного рода самостоятельных организаций, пропагандирующих китайскую медицину, ушу, живопись. Из этих писем мы узнали о том, что в Новосибирске создана «Ассоциация друзей Харбинского политехнического института», в Халимбек ауле под Махачкалой Дагестанской АССР — школа китайской национальной живописи и гимнастики.

Огромный взаимный поток писем, конкретных предложений о дальнейшем развитии сотрудничества исходит из приграничных отделений ОСКД и ОКСД.

Приграничные отделения ОСКД в республиках Средней Азии и Казахстане, в Приморском и Хабаровском краях, в Читинской и Амурской областях возглавляют министры, руководители край- и облизполкомов. В деятельности Обществ на правах первичных организаций принимают участие трудовые коллективы, участвующие в приграничном советско-китайском экономическом и торговом сотрудничестве. Видные представители различных слоев общественности входят в правления отделений и бюро первичных организаций ОСКД. В этом году отделения ОСКД созданы в Туркмении и Алтайском крае, установлены контакты между обществами дружбы в Ашхабаде и Ланьчжоу (провинция Ганьсу), Барнауле и Шэньяне (провинция Ляонин).

Отделения ОСКД за расширение не только экономического и научно-технического, но и культурного сотрудничества, туристического обмена, обмена информацией, теле- и кинопрограммами, студентами и школьниками, за проведение Дней республик Средней Азии и Казахстана в СУАР и Дней СУАР в республиках Средней Азии и Казахстана, за совместные фестивали народного творчества, спортивные сорев-

нования, за широкое человеческое общение.

Все инициативы приграничных отделений ОСКД нашли отражение в проекте Плана сотрудничества ССОД, ОСКД с КНОДЗ, ОКСД на 1990—1991 гг., который мы в настоящее время направили нашим китайским партнерам. Ответ — за китайской стороной.

Стремление Советского Союза строить отношения с нашим великим соседом — социалистическим Китаем на основе принципов равенства, взаимного уважения, независимости, суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела и учета законных интересов друг друга было вновь с убедительной силой подтверждено в ходе визита в КНР в мае с. г. Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева.

Общественность Советского Союза приветствует и поддерживает итоги этого первого за последние 30 лет исторического визита, свидетельствующего о полной нормализации межгосударственных отношений, восстановлении контактов между КПСС и КПК.

Достигнутые в ходе советско-китайской встречи в верхах договоренности создают солидную политическую основу для развития советско-китайских отношений, содействуют углублению взаимопонимания и доверия, что позволяет нашим народам умножать материальные и интеллектуальные ресурсы для решения своих проблем.

Курс КПСС на революционное обновление советского общества, утверждение нового политического мышления требуют сегодня пересмотра целей, задач, форм и методов работы всех общественных организаций нашей страны, в том числе ОСКД.

Закон о выборах народных депутатов СССР позволяет еще энергичнее включать творческий потенциал нашей общественности в процесс перестройки. Прямое представительство в высшем законодательном органе страны повышает роль ССОД в политической системе советского общества.

Программа перестройки ОСКД найдет свое отражение в новой редакции Устава, над которым работает общественная комиссия. Она направлена прежде всего на активизацию нашей работы внутри страны, расширение массовой базы Общества, повышение его самостоятельности, на более широкое участие общественности в выработке своеобразного народного мандата на поступательное развитие советско-китайских отношений и осуществление общественного контроля за его реализацией.

История советско-китайских отношений, у истоков которых стояли великий В. И. Ленин и великий китайский революционер-демократ Сунь Ятсен, показывает, как велики и неисчерпаемы возможности народной дипломатии, которая открывает широкие горизонты советско-китайского взаимовыгодного сотрудничества, взаимопонимания и доверия. А без доверия, писал В. И. Ленин, невозможны «ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации».

Особенно актуальны эти слова сейчас, когда идет процесс развития советско-китайского сотрудничества, политического диалога на всех уровнях и по всем линиям — государственной и общественной.

Мы считаем, что в новых условиях в деятельности ОСКД, в наших контактах с китайскими партнерами большее внимание должно быть уделено такому новому направлению, отвечающему нынешнему состоянию наших отношений, как человеческие контакты.

Как известно, китайская общественность с большим интересом восприняла предложения, направленные на полную нормализацию советско-китайских отношений, высказанные М. С. Горбачевым в Красноярске и с новой убедительной силой прозвучавшие в Пекине в мае с. г.

Особое внимание обращено на предложение непосредственно к общественности, к народной дипломатии, смело включиться в расширение контактов между людьми. Речь идет о создании в азиатско-тихоокеанском регионе Центра культурного общения. Такая общественная организация с национальными отделениями могла бы заниматься разработкой проектов в различных областях, содействовать контактам между учеными и студентами, деятелями культуры, просто гражданами разных стран, проводить совместные гуманитарные, экологические исследования. Советская и китайская общественность может внести весомый вклад в успешную деятельность Центра.

У Советского Союза и Китая сходные приоритеты — успешное социально-эко-

номическое развитие. И почему бы нам не поддерживать друг друга, не сотрудничать в осуществлении планов там, где это очевидно пойдет на пользу нашим великим странам? Чем лучше будут отношения, тем больше мы сможем обмениваться опытом друг с другом. Именно поэтому во время встреч руководителей ССОД и ОСКД, КНОДЗ и ОКСД по инициативе советской стороны поднимались вопросы о проведении «круглых столов» по вопросам перестройки в СССР и реформы в КНР, в ходе которых можно было бы обсудить различные проблемы, интересующие обе стороны.

В практике работы ССОД — проведение широких встреч советской и зарубежной общественности, где обсуждается широкий спектр двусторонних отношений и международных проблем, представляющих взаимный интерес.

Взаимному обогащению наших культур, лучшему взаимопониманию способствовали бы Дни Советского Союза и советских союзных республик в Китае и Дни Китая в нашей стране.

ССОД предоставил КНОДЗ, ОКСД 100 стипендий для китайских студентов и стажеров. Уже в этом году в Советский Союз придут 23 стипендиата. Надеемся, что в будущем их число превысит 100.

ССОД и ОСКД готовы также организовывать стажировку для бывших выпускников советских вузов, занимающих различные командные посты в китайской экономике, науке, технике, культуре.

В ОСКД последнее время приходит много писем из разных уголков Китая и нашей страны, в которых нас просят помочь разыскать бывших сокурсников. Эти письма — еще один повод к размышлениям о поиске новых форм работы, обновлении деятельности ОСКД.

Одна из серьезных организационных проблем, которая уже встала сегодня, — это членство в Обществе. Ныне действующий Устав ОСКД предусматривает коллективную форму членства. В самом деле, такие большие трудовые коллективы, как, например, ЗИЛ, являющиеся коллективными членами Общества, предоставляют возможность участвовать в работе Общества каждому, кто хочет встретиться в Доме дружбы с китайскими студентами и стажерами, обучающимися в Москве, послушать лекцию о Китае или посмотреть китайский художественный фильм. Однако, что означает на практике коллективное членство? Все то же «массовое участие» в «массовых мероприятиях».

География деятельности ОСКД сегодня широка, однако отделения ОСКД в основном находятся в крупных городах. А как быть тем, кто пишет в Москву в ОСКД из тех городов и районов нашей страны, где нет отделений Общества? А ведь если человек взялся за перо и написал в Москву письмо, где выражает желание активно работать во имя укрепления советско-китайской дружбы, значит, за этим желанием стоит внутренняя потребность, убежденность, заинтересованность, а порой и личная судьба, связанная с Китаем. Поэтому явно недостаточно сегодня одно лишь коллективное членство в Обществе — форма, вовлекающая в работу Общества сотни и тысячи людей и вместе с тем это форма пассивного участия, слабо пробуждающая инициативу человека. Назрела необходимость практиковать наряду с коллективным и индивидуальное членство в ОСКД.

Как обновить организационное строение ОСКД, какие предложить новые формы работы, какие идеи вложить в концепцию будущей деятельности Общества?

Над этим постоянно думают активисты ОСКД, его Центральное правление. Однако, как утверждает китайская пословица, «три простых сапожника стоят одного Чжугэ Ляна», т. е. ум хорошо, а два — лучше. Двери Общества советско-китайской дружбы открыты для всех, кто полон новых идей и предложений, кто хочет внести свой посильный вклад в дело укрепления традиционной дружбы между двумя нашими народами.

Думаем мы и над тем, как реализовать предоставленное нам право заниматься хозяйственной деятельностью, какие совместные предприятия создать с китайскими партнерами, чтобы, с одной стороны, на общественном уровне внести свой вклад в развитие советско-китайского экономического сотрудничества, а с другой — укрепить материально-техническую базу для развития советско-китайских связей и контактов по линии обществ дружбы.

Советские люди с уверенностью смотрят в завтрашний день советско-китайских отношений. Мы убеждены, что добрососедство и равноправное взаимовыгодное сотрудничество отвечают коренным интересам советского и китайского народов.

Громадные возможности сотрудничества между нашими странами и народами еще не исчерпаны, еще многое можно и нужно сделать для развития традиционного взаимного интереса наших народов друг к другу.

В этом деле трудно переоценить роль, которую могут сыграть общества дружбы, помогающие установлению контактов между людьми.

Совместно с китайскими друзьями и партнерами активисты ОСКД и будут прилагать неустанные усилия для дальнейшего развития добрых отношений между нашими странами, для наведения прочных мостов дружбы между советским и китайским народами.

В преддверии 40-летнего юбилея Китайской Народной Республики редакция обратилась с просьбой к ветеранам, чей жизненный путь был связан с различными вехами в истории советско-китайского сотрудничества, выступить на страницах журнала с воспоминаниями. Немало советских людей различного положения, возраста, званий связало свою судьбу с мужественно боровшимся за свою независимость китайским народом, с революцией, завершившейся образованием КНР, с усилиями молодой республики по социально-экономическому преобразованию страны в 50-е годы. Их воспоминания, независимо от субъективного восприятия ветеранами истории, участниками которой они стали по воле судьбы, представляют несомненный интерес не только для историков, а для всех, кому дорога память о нашем героическом прошлом, небезразлична боль поколений, переживших в XX веке и в России, и в Китае как все ужасы агрессии, так и преступления времен деспотии.

Сколько несправедливо оклеветанных, сколько безымянных героев ушло из жизни! В этом, посвященном юбилею КНР номере журнала, мы отдаем дань памяти А. Г. Крымову — Го Шаотану, жизнь которого как бы отражает биографии многих преданных революционной идее коммунистов, внесших свой вклад в фундамент советско-китайского сотрудничества, разделивших со своим народом не только радость побед, но и трагическую судьбу жертв насилия. Наш долг велик перед ними. Столь же велико наше уважение к тем ветеранам, кто и поныне трудится, несмотря на груз ушедших лет, стремясь в меру своих сил содействовать строительству безопасного дома, где должно восторжествовать взаимопонимание и сотрудничество между великими соседями — советским и китайским народами.

Редакция признательна Андрею Мефодьевичу Ледовскому, Анатолию Михайловичу Малухину, Василию Яковлевичу Сидихменову, Михаилу Самойловичу Шмелеву за то, что они откликнулись на нашу просьбу и делятся с читателями своими воспоминаниями.

В годы японской агрессии

М. С. ШМЕЛЕВ,
военный советник в Китае
(30-е годы)*

В Советском Союзе очень глубоки чувства уважения и братского отношения к великому китайскому народу. На крутых поворотах истории Китая советский народ всегда оказывал ему широкую безвозмездную всестороннюю помощь и всяческое содействие в обеспечении его национальной безопасности.

Подтверждением глубоких традиций дружбы и солидарности с китайским народом может служить бескорыстная помощь СССР Китаю в его борьбе с японским милитаризмом. В сложный период японо-китайской войны 1937—1939 годов мне вместе с другими советскими людьми довелось участвовать в оказании непосредственной помощи Китаю.

* В настоящее время старший научный сотрудник ИМЭМО АН СССР, кандидат военных наук.

Помощь Советского Союза предполагала снабжение Китая вооружением, посылку в эту страну большой группы военных советников, волонтеров-летчиков и других специалистов.

СССР поставлял Китаю крупные партии различного вооружения. Достаточно сказать, что военно-воздушные силы Китая были укомплектованы только советскими боевыми самолетами. Вооружение, в том числе и самолеты, из Советского Союза доставлялось в основном сухопутным путем: самолеты в разобранном виде на автомашинах переправлялись по действовавшей трассе Сарызык (Казахстан) — Урумчи (Синьцзян) — провинция Ганьсу и далее к месту назначения. Японская авиация весьма активно бомбила эти районы, пытаясь не допустить снабжения Китая советским вооружением. Но, благодаря героическим усилиям советских людей, трасса действовала, и вооружение в кратчайшие сроки доставлялось в нужные районы Китая.

Следует учитывать, что советские поставки вооружений являлись одним из важнейших источников боеспособности китайских вооруженных сил.

Большая группа советских военных советников, состоявшая из высококвалифицированных, опытных офицеров и генералов, находилась непосредственно в действующей армии и оказывала большую помощь китайскому командованию в ведении боевых действий против японских захватчиков на всех фронтах.

Что касается летчиков-добровольцев, то в большинстве это были высококлассные специалисты с боевым опытом, приобретенным в небе Испании. До их прибытия японская авиация господствовала в китайском небе и безнаказанно наносила чувствительные бомбовые удары по важнейшим промышленным и политическим центрам и объектам Китая. При этом налеты совершались днем с малых высот и практически без потерь для японцев, так как китайская ПВО была чрезвычайно слаба.

С прибытием советских летчиков-волонтеров воздушная обстановка в Китае коренным образом изменилась. Вспоминается очередной налет днем в мае 1938 года на город Ханькоу. 28 японских бомбардировщиков появились над городом строем как на параде, на низких высотах и без прикрытия истребителей. Внезапно для японцев в небе возникли наши самолеты «ласточки». Завязался воздушный бой, в результате которого 18 японских самолетов были сбиты, а остальные, не сбросив бомбы на город, вынуждены были быстро удрать из района. В этом бою наши летчики впервые осуществили воздушный таран.

В последующие дни японская авиация пыталась нанести удары по важнейшим объектам уже в ночное время. Однако вскоре японцы, неся большие потери в воздушных боях с советскими волонтерами, прекратили воздушные налеты на Ухань, Чуньцин и другие города. Осенью 1938 года крупные силы японской авиации появились в районе города Чанша. Однако и здесь наши волонтеры сумели нанести японцам чувствительные удары, и они в течение длительного времени не появлялись уже и в этих районах.

Советские военные советники и волонтеры сыграли важную роль в создании китайской авиации, а также в подготовке летных кадров.

Советские представители также оказывали помощь китайскому правительству в организации военной разведки против японцев. Велась квалифицированная подготовка китайской агентуры, и предоставлялась вся необходимая техника для успешной работы разведчиков в тылу японских войск и на территории Японии.

Сложность работы в этом направлении усугублялась тем, что в Китае не существовала единая система разведки, она велась отдельно шестью ведомствами. Наиболее сильной и действенной была партийная разведка. Наши попытки убедить китайское руководство в целесообразности объединить все разведки в единый центр успеха не имели. Это обуславливалось главным образом боязнью того, что в данном случае руководитель такого центра может превратиться в опасного и могущественного претендента на власть в Китае.

Что касается эффективности деятельности китайской стратегической разведки, то она сумела организовать широкую действующую агентурную сеть на территории Японии и добывала весьма ценные разведывательные сведения. В тайной войне Китаю противостоял умелый и опытный противник. Японцы имели многочисленную и хорошо работающую агентурную сеть на всей территории Китая. Как было установлено, у японской агентуры были надежные резиденты как в правительственных кругах, так и среди руководящих кадров Гоминьдана.

В последующие годы Советский Союз продолжал оказывать всестороннюю, все возрастающую помощь Китаю в его борьбе против внутренней контрреволюции и империалистов, за победу китайских трудящихся в 1949 году.

Советский и китайский народы объединяли традиционные чувства добрососедства, взаимовыгодные экономические и культурные связи, высокое чувство солидарности трудящихся, вставших на путь строительства новой жизни.

Нынешняя нормализация межгосударственных отношений СССР и КНР, а также полное восстановление связей КПСС и КПК отвечают коренным интересам и чаяниям народов двух стран, способствуют сохранению мира и стабильности во всем мире. Сближение между Советским Союзом и Китаем стало поворотным событием в междуна-
родных отношениях.

В канун 1 октября 1949 года

А. М. ЛЕДОВСКИЙ,
Чрезвычайный и Полномочный
Посол в отставке, бывший
первый секретарь Посольства
СССР в Китае, Генеральный
консул СССР в Пекине
и Мукдене (1942—1952)*

1 октября 1949 года мне довелось встретить в Нанкине. Я находился там в составе не-
большой группы работников советского посольства. Вместе с нами было несколько
военных — сотрудников аппарата военного атташе. Посол СССР в Китае Н. В. Рошин
вместе с основным составом наших дипломатических сотрудников в январе 1949 года
выехал в Кантон, куда перебазировалось гоминьдановское правительство. МИД Китая
предложил переехать в Кантон всем иностранным представительством. Но большинство
не последовали этому требованию. США и некоторые другие страны направили в Кантон
лишь небольшие группы своих работников, а все главы посольств и миссий, кроме совет-
ского посла, остались в Нанкине, в том числе посол США Дж. Стюарт, который
развил здесь активную деятельность, чтобы, как нередко утверждают западные китае-
веды, «спасти Китай от коммунистов». В Кантоне США создали, по существу, второе
свое посольство при гоминьдановском правительстве во главе с советником-посланником.

Советский посол Н. В. Рошин не задержался надолго в Кантоне, а примерно через
месяц покинул Китай и возвратился в СССР.

Советская сторона, принимая решение о переезде вслед за гоминьдановским правитель-
ством части советского посольства во главе с послом в Кантон, рассчитывала, прежде
всего, воздействовать на то, чтобы все другие иностранные представительства покинули
Нанкин. В складывавшейся в то время обстановке на завершающем этапе граждан-
ской войны нахождение дипломатического корпуса в Нанкине могло быть использовано
США в целях организации интервенции под предлогом «защиты интересов» и «жизни
своих граждан», как это уже делалось в прошлом. Активная кампания по организации
международной или чисто американской интервенции (а войска США уже находились
в Китае) шла полным ходом. Этого добивалось правительство Чан Кайши, которого
поддерживали довольно влиятельные силы в политических и военных кругах США.
Полным ходом шла подготовка к тому, чтобы использовать реку Янцзы как мощный
оборонительный рубеж с опорой на Нанкин и Шанхай. И нахождение дипло-
матического корпуса на этом рубеже могло толкнуть американских «ястребов» и их
империалистических союзников на опасную провокацию — прямую военную интервенцию.

* В настоящее время старший научный сотрудник ИДВ АН СССР, кандидат исторических наук.

Соответствующий для этого фон создавала американская пропаганда, которая изображала события в Китае как «дело рук Москвы». Такова одна из предысторий тех бурных событий на решающем и завершающем этапном пути к октябрю. В Вашингтоне верх одержал «здравый смысл»; интервенция вела к военному столкновению с Советским Союзом, который, как говорили Трумэну ближайшие его советники, вряд ли остался бы «сторонним наблюдателем», и могла «привести в действие советско-китайский договор 1945 года».

Одним из наиболее ярких событий предоктябрьского периода, сохранившихся в моей памяти, было вступление в Нанкин 24 апреля 1949 года частей Народно-освободительной армии под командованием одного из легендарных полководцев революции — маршала Лю Бочэна. Среди ближайших соратников Лю Бочэна в руководстве боями за Янцзы уже тогда называли Дэн Сяопина.

Форсированию Янцзы предшествовали активнейшие политические и дипломатические маневры, которые были развернуты гоминьдановским правительством и США. По совету и под давлением Вашингтона в начале января 1949 года Чан Кайши выступил с предложением о «мирном урегулировании», прекращении гражданской войны, о переговорах с КПК. Под давлением же американцев сам он временно сдал свои полномочия вице-президенту Ли Цзунжэню, прослывшему среди американцев либералом и наиболее подходящей фигурой для переговоров с КПК. Во всех городах, находившихся в руках Гоминьдана — Нанкине, Шанхае, Кантоне и других, — была поднята кампания под лозунгами мира. Она нашла широкую поддержку в общественно-политических кругах, отражавших настроения народных масс: трудовой люд устал от нескончаемых военных сражений, длившихся непрерывно свыше 10 лет — с 7 июля 1937 года. Страна находилась в разлуке, народ — в крайней нищете. Только в одном Шанхае на улицах каждый день подбирали до тысячи трупов детей, стариков, женщин. С каждым днем множились жертвы голода, болезней, невыносимых бедствий войны. Страницы газет невозможно было брать в руки: повсюду как бы слышались мученические голоса миллионов жертв, умолявших о пощаде. Гоминьдановское правительство стремилось использовать всенародный зов к миру ради создания благоприятных для себя внутривнутриполитических условий «почетного» выхода из гражданской войны.

Чтобы добиться «почетного мира», гоминьдановское правительство обратилось к иностранным державам, и в первую очередь к США, Англии, Франции и Советскому Союзу с просьбой о посредничестве в мирных переговорах. СССР отказался от участия в посредничестве, заявив о невмешательстве во внутренние дела Китая. Советское правительство учитывало при этом позицию руководства КПК, которая была выражена в заявлении Мао Цзэдуна: «Довести революцию до конца!», «Не останавливаться на полпути!». В это время в адрес Мао Цзэдуна из районов, находившихся под гоминьдановским контролем, направлялись многочисленные петиции, организовались поездки различных общественных делегаций в ставку НОА с посланиями, где содержались призывы к окончательному разгрому Гоминьдана.

Руководство КПК основывало свою жесткую позицию на том, что гоминьдановский режим вскоре окончательно развалится, диалог с ним потерял смысл и только решительные военные удары могут окончательно его добить. Но оно не могло не считаться с мирными настроениями народных масс и поэтому дало в конечном счете согласие принять в Пекине официальную делегацию гоминьдановского правительства для переговоров. Ряд условий, выдвинутых руководством КПК на переговорах, был, откровенно говоря, заранее невыполним. Среди этих условий наиболее важное, пожалуй, место заняло следующее: «наказание военных преступников», среди которых были названы Чан Кайши и другие наиболее крупные гоминьдановские деятели. Переговоры затянулись, выработанный проект мирного договора с некоторыми компромиссными уступками со стороны руководства КПК был передан Ли Цзунжэню, а тот направил его на согласование Чан Кайши. Последний отверг указанный проект как неприемлемый. И когда 21 апреля 1949 года истек установленный срок для гоминьдановского ответа, был отдан приказ частям НОА перейти в наступление, форсировать Янцзы и «уничтожить всех гоминьдановских реакционеров, кто осмелится оказать сопротивление».

В первых же боях на подступах к северному берегу Янцзы сосредоточенная для защиты Нанкина и Нанкинского фронта 300-тысячная гоминьдановская армия начала отступать и обратилась к бегству. В течение двух дней через Нанкин в панике отступали войска, бежали чиновники гоминьдановских учреждений и все, кто страшился прихода

«красных». В эти дни город оказался во власти грабителей и мародеров. Обезумевшая солдатня врывалась в магазины, здания учреждений, громила склады и вместе с награбленным бежала на юг. Прекратилась подача воды, электричества. Рано утром 24 апреля в городскую тишину, наступившую после того, как откатились последние волны беженцев, ворвалась веселая боевая песня. Звуки ее неслись от реки Янцзы. Сомнений не было: к городу подходили бойцы Народно-освободительной армии. Жившие со мной в одном доме товарищи бросились к автомобилю, прикрепили к нему красный флажок с серпом и молотом и устремились к Янцзы. Навстречу нам двигались колонны войск НОА. Трудно передать чувство охватившей нас радости. Мы почувствовали себя в центре исторических событий и словно не в Нанкине, а в одном из городов Советской России в годы гражданской войны. Мы, советские люди, воспринимали китайскую революцию как нашу, Октябрьскую революцию 1917 года.

В первые же дни после вступления в Нанкин частей НОА у нас установились очень теплые товарищеские отношения с представителями новых китайских властей — с командующим фронтом маршалом Лю Бочэном и руководящими работниками его штаба, с товарищем Хуан Хуа. Мы встречались с ним в 1946—1947 годах в Пекине, где я был Генеральным консулом, а он — членом делегации КПК, возглавляемой маршалом Е Цзяньином в «Трехстороннем штабе по прекращению гражданской войны». Лю Бочэн первый разыскал меня в Нанкине. Я был очень рад этой встрече. Лю Бочэн, Хуан Хуа, другие китайские товарищи проявили к советским работникам в Нанкине большое внимание, оказали нам помощь во всем, в чем мы нуждались. А трудности были. В связи с военными действиями в Китае осложнилась наша связь с Москвой, появились серьезные финансовые затруднения. Помню, китайские товарищи из штаба маршала Лю Бочэна привезли нам целый мешок денег и категорически отказались взять предложенную нами расписку в получении. «К чему эти формальности?!» — заявили они. Нам даже не сказали, сколько в мешке денег. «Зачем считать? — услышали мы в ответ, — израсходуете — сообщите, еще привезем». Вот так складывались наши отношения с китайскими товарищами — отношения, проникнутые чувствами глубокой дружбы и братства, которые проявлялись во всем — в большом и малом. Были, конечно, и некоторые недоразумения. Но они казались незначительными, не стоившими внимания.

Поскольку мои воспоминания касаются освобождения Нанкина, то мне хотелось бы обратиться к двум забавным и в то же время грустным сюжетам, связанным с первыми контактами с бойцами НОА. Когда мы ехали навстречу входившим в Нанкин войскам НОА и поравнялись с первыми колоннами бойцов, в нашу сторону взметнулся лес рук и громко прогремело: «Ян гуйцзы!», то есть «Заморские черти». Мы поняли, что, несмотря на наш красный государственный флажок на автомашине, нас приняли за американцев. Впоследствии на встрече с маршалом Лю Бочэном он рассказал нам, что это была одна из проблем, с которой столкнулся его штаб. Завидев американцев на улицах Нанкина (а за американцев принимался почти каждый иностранец, имевший светлую кожу) бойцы НОА машинально хватались за оружие, а один из них даже выпустил очередь из автомата. Хорошо, что солдат оказался плохим стрелком, промахнулся, заметил маршал Лю Бочэн.

В первую ночь после вступления в Нанкин войск НОА жену одного из наших дипломатических работников пришлось отправить в родильный дом. Ее сопровождал муж, хорошо говоривший по-китайски. Он взял с собой нужные документы. Тем не менее до родильного дома жену ему довести не удалось: в городе был установлен комендантский час, ночной военный патруль задержал автомашину и, не выслушав никаких объяснений, приказал повернуть обратно. Безуспешной была и вторая попытка «прорваться» к родному. Положение было критическое. К счастью, рядом с резиденцией, где жили советские дипломаты, расположилось командование одной из частей НОА. Пришлось обратиться к ним за помощью. Для сопровождения были выделены два бойца. Благодаря этому патрули пропустили автомашину с роженицей в госпиталь, а сопровождавших двух бойцов задержали и отвели в комендатуру за «нарушение приказа о комендантском часе». Мне потом пришлось объясняться с моим соседом — командиром, потребовавшим вернуть двух его бойцов.

При встрече на приеме в нашу честь с маршалом Лю Бочэном мы рассказали хозяйину об этих случаях, давших повод для шуток. Война есть война, а на войне все бывает.

Из всех событий, свидетелем которых мне довелось быть за все многие годы работы в Китае, самым большим и ярким, запомнившимся на всю жизнь, стало провозглашение

первого октября Китайской Народной Республики. Все мы, находившиеся в Нанкине советские работники, торжественно отмечали этот день. Весь город ликовал. На улицы вышли тысячи и тысячи жителей города. Шествовавшие колонны демонстрантов направлялись к советскому посольству (в отсутствие посла оно продолжало функционировать). Эти колонны непрерывным потоком шли перед зданием нашего посольства целый день. Над колоннами демонстрантов высились плакаты и транспаранты в честь победы народной республики и советско-китайской дружбы. Целый день мы принимали многочисленные делегации китайской общественности, которые шли к нам со словами дружбы и яркими букетами цветов. Мы обменивались взаимными дружественными приветствиями, не скрывая нахлынувших чувств радости. Перед зданием нашего посольства состоялся массовый митинг. В своих выступлениях мы приветствовали великую победу китайского народа. Китайские друзья, славя победу, выражали благодарность Советскому Союзу за тот вклад, который он внес в достижение этой победы своей помощью и неизменной поддержкой освободительной борьбы китайского народа.

2 октября было объявлено об официальном признании КНР советским правительством и установлении дипломатических отношений. Мы стали готовиться к переезду в Пекин. В начале ноября все движимое и недвижимое имущество посольства было погружено в специальный поезд, предоставленный китайскими товарищами, и мы двинулись в путь. Китайские власти проявили к нам необыкновенную заботу и внимание, оказали полное содействие в организации переезда, обеспечили нас всем необходимым в пути следования по железной дороге. Накануне празднования 7 ноября мы были в Пекине. В тот же день в Пекин прибыла также со всем имуществом основная группа работников посольства и других советских учреждений, которая находилась в Кантоне. Две части аппарата наших представительств, расколотых гражданской войной, вновь воссоединились. Вскоре в Пекин прибыл назначенный в Китайскую Народную Республику первый советский посол — Н. В. Рошин. Состоялось вручение верительных грамот Председателю Китайской Народной Республики Мао Цзэду. Вместе с ним на торжественной церемонии присутствовали многие министры, а с советской стороны — весь дипломатический состав посольства. Этой церемонией началась первая страница в истории официальных межгосударственных отношений СССР и КНР. Первую главу этой истории составили страницы тесной дружбы и всестороннего сотрудничества. К сожалению, в некоторых главах этой истории яркость красок сменили другие тона. Но все, кто работал в Китае, как и миллионы советских людей, не теряли веры и надежды, что тучи во взаимоотношениях между нашими странами и великими народами рассеются. И с удовлетворением можно сказать: мы стали свидетелями обновления советско-китайских отношений в 80-х годах.

Взгляд из Гуанчжоу

А. М. МАЛУХИН,
бывший второй секретарь
Посольства СССР в Китае*

К концу 1948 года, когда части Народно-освободительной армии Китая приблизились к Нанкину, многие партийные и правительственные учреждения гоминьдановцев эвакуировались на Тайвань и в Гуанчжоу. В последних числах января китайский МИД прощупывал почву в дипкорпусе относительного своего переезда в Гуанчжоу. Советское правительство, оценив обстановку, приняло решение отправить половину дипломатического состава посольства во главе с послом Н. В. Рошиным в Гуанчжоу. Туда же было решено направить исполнявшего обязанности военного атташе посольства полковника Дубровина.

* В настоящее время пенсионер, кандидат исторических наук.

Основные группы советского посольства вылетели в Гуанчжоу 30 января и 2 февраля. Из американских дипломатов мы увидели здесь лишь советника посольства Кларка, да третьего секретаря Ланкастера, другие на Юг не приехали. Посольские учреждения других держав в Гуанчжоу не перебазировались. Но с плоской крыши советского посольства, откуда простиралась панорама кровель трех-четырёхэтажного города, наподобие пчелиных сот, виднелись в разных местах государственные флаги довольно многих стран.

Китайский МИД в Гуанчжоу занимал двухэтажное белое здание между нашим и американским посольствами. К нему редко подходили посетители. В нем рано гасили свет. Протокольные мероприятия на острове Шамянь тогда вообще не проводились.

Когда части НОА форсировали Янцзы, сдержанное и корректное поведение гоминьдановских официальных лиц в отношении советских дипломатов сменилось на холодное. Отлученное. 31 мая, после освобождения Шанхая, мы проводили в аэропорту Байюнь отсюда Н. В. Рощина в Москву. С ним улетел и второй секретарь посольства Б. Н. Верещагин.

Посольство стало жить весьма замкнуто, редкие контакты с представителями властей почти сошли на нет. Помню, посольство настояло на отмене произвольного решения властей депортировать местных советских граждан из Южного Китая в Макао. В первых числах августа пресса в Гуанчжоу и Гонконге переполнилась грубейшими антисоветскими выпадами и призывами в связи с заключением торгового соглашения между СССР и Северо-Восточными провинциями. Заместитель министра иностранных дел Е Гуанчао вручил временному поверенному в делах СССР В. В. Васькову ноту протеста, в которой ответственность «за невыполнение советско-китайского договора» возлагалась на советскую сторону.

* * *

С первых же дней пребывания в Гуанчжоу нас поразило тот факт, что от исторических традиций национально-революционной борьбы в Южном Китае спустя два десятилетия практически не осталось видимого следа. Напротив, повсюду проявлялись и роились силы, чуждые и враждебные освободительной войне. Лишь малое исключение представляли скалистые горы на острове Хайнань, где продолжали вести героическую борьбу народно-революционные отряды во главе с Фэн Байцзюем, да в горах на востоке провинции в округе Дунцзян находились после капитуляции Японии красные партизаны.

В южных и прибрежных уездах провинции Гуандун царила анархия; там при чанкайшистском режиме действовали развращенные феодальными порядками и негативным иностранным влиянием всевозможные паразитические, преступные и продажные элементы. Широкая спекуляция, контрабанда, пиратские набеги на море и реках, повсеместный вооруженный бандитизм расценивались здесь как явления социально-исторической неизбежности. Именитые стражи местных милитаристских гнезд, туфэи, предводители тайных обществ, помещики, политиканствующие громилы исповедовали культ силы, пользовались ради осуществления своих целей активизацией различного рода мошенников и террористов. Главари шаек и головорезы состояли на службе у английской и американской разведок или были заинтересованы в активности Англии и США в Китае так же, как помещицы знать и гоминьдановские власти.

Как мы себе ясно представляли, именно в силу такой реакционной специфики провинция Гуандун фактически с самого начала не могла отвечать плану создания военно-хозяйственной базы гоминьдановцев на Юге страны. Сама власть гоминьдановского правительства не являлась на Юге мало-мальски эффективной — ей просто не подчинялись.

Естественно, что после Хуайхайской битвы, а затем провала «мирных переговоров» с КПК у гоминьдановцев испарилась надежда удержать Южный Китай. Поэтому никакими фортификационными укреплениями, например, в Гуандуне, они не стали заниматься. В течение года их контрразведка с помощью американских советников только усердно создавала контрреволюционное подполье.

По мере почти безостановочного продвижения НОАК в глубь Южного Китая политическая обстановка в Гуанчжоу все нагляднее являла картину обреченности гоминьдановских сил на полное поражение. Мы наблюдали тщетную игру в призрак авторитетной власти, какую вел Янь Шишань, сменивший Сунь Фэ на посту премьера после провала попыток Гоминьдана добиться «мирного урегулирования» с КПК. Что же касается Ли Цзунжэня,

заменившего Чан Кайши на посту президента, то он просто нигде не показывался, даже на страницах разношерстной и скандальной гуанчжоуской прессы.

Темно-зеленое приземистое здание ресторана «Виктори» в центре острова Шамянь были избрано Янь Сишанем для дипломатических приемов, которые он, как видно, любил устраивать. На них Янь Сишань прерывал свое молчание лишь ответом на приветствия знатных гостей. Это была фигура маститого китайца в монументальном темном одеянии мандарина с юбкой из плотной ткани. Коротко остриженная массивная голова оставалась в течение всего приема почти неподвижной. Всем видом пожилого, но еще сильного и здорового представителя феодальной знати, этот милитарист как бы свидетельствовал о том, что в стране все еще не перевелись остатки эпохи богдыханов.

Последний гоминьдановский премьер-министр на материке имел свой, независимый взгляд на события китайской революции. Он по-своему оценивал сложившуюся обстановку и виды на грядущее. Политические оценки Янь Сишаня были изложены им в выступлении на заседании Постоянного комитета так называемой Антиагрессивной лиги, созданной гоминьдановской разведкой. Его речь опубликовала «Дагун бао» 28—29 августа, а затем другие газеты в Гаунчжоу и Гонконге.

Янь Сишань пытался доказать, что поражение Гоминьдана не является окончательным и что нужна новая стратегия в борьбе с КПК, которую следует строить прежде всего на идеологической основе. Политическая и военная стратегия должны учитывать ошибки с целью устранения причин поражения, толковал Янь Сишань. Он требовал учитывать «тактику СССР», ориентировавшую КПК на насаждение «советского пролетарского режима» в Китае, что было бы «противоестественно и противозаконно для Китая», как «принудительный брак».

Антикоммунистическая и антисоветская платформа Янь Сишаня питалась его утопической идеей создания некоей социальной формации на основе всеобщего кооперирования китайцев или организации националистической военно-хозяйственной общины из различных слоев и классов. Идея такого «социализма» Янь Сишаня учитывала неприятие феодальными элементами капитализма и неверие различных социальных слоев в перспективу развития Китая по западному образцу.

Однако судьба гоминьдановской власти была решена. Громкое заверение Янь Сишаня о том, что в Гуанчжоу не повторится ночь бегства из Нанкина, прозвучала как пустая бравада.

* * *

У нас в здании посольства все мы жадно слушали радиосообщения о завершении работы Народной политической консультативной конференции в Пекине и провозглашении КНР. Прошли часы напряженного ожидания и, наконец, ночью поступил из Москвы шифрованный текст советской ноты о прекращении дипломатических отношений между Советским Союзом и правительством Янь Сишаня с указанием В. В. Васькову передать ее в гоминьдановский МИД. Утром нота была немедленно вручена фактически возглавлявшему министерство Е Гунчао, как только в МИД открылись двери.

Передачей советской ноты связь посольства с МИД в Гуанчжоу, к нашей досаде, не закончилась: возник вопрос о визах на выезд. Е Гунчао предупредил о том, что на ноту будет дан ответ.

На другой день, 4 октября, Е Гунчао, пригласив В. В. Васькова, зачитал гоминьдановскую ноту, в которой содержались обвинения в адрес СССР в нарушении советско-китайского договора 1945 года и говорилось об ответственности Москвы за разрыв дипломатических отношений. Встреча, как и предыдущая, была проведена в необычной форме. В. В. Васьков положил на письменный стол переданный текст ноты, отказавшись ее принять, поскольку дипломатические отношения прекращены. Е Гунчао обещал не задерживать выдачу выездных виз. Я удивился манерам этого вышколенного китайского дипломата. На обеих встречах он держался очень ровно, не выдавая эмоционального состояния, обращался мягко, предлагал сигарету. 5 октября «ноту» со злыми комментариями опубликовала вся гоминьдановская пресса.

Наш небольшой коллектив — тридцать взрослых и детей, — укрывшийся в кирпичных стенах посольства, пережил тревожную ночь. Вокруг здания появились молодчики в черной офицерской форме, опоясанные белыми широкими ремнями-патронташами. С автоматами в руках они прятались за вековыми деревьями. Затевались провокации. Власти,

однако не потерявшие на этот раз голову, срочно приняли меры предупреждения серьезного международного инцидента. За деревьями у советского посольства держали в руках автоматическое оружие гвардейцы личной охраны Ли Цзунжэня, своевременно высланные на случай прорыва толпы на остров Шамянь через канал.

Советские дипломаты оставались в Гуанчжоу последними. В МИД же находились только чиновник департамента, ведавший отношениями с Советским Союзом Пу Даомин, и два клерка. Они тянули с выдачей выездных виз, ссылаясь на отсутствие сведений о положении китайских представителей в Москве. Между тем, некоторые из них и не собирались ехать из Москвы на Тайвань, коммуниста Гэ Баоцюаня Центральное правительство КНР назначило временным поверенным в делах своей страны в СССР.

Вокруг здания бывшего советского посольства создалась обстановка изоляции и слежки. Передовые части НОА тем временем уже находились на подступах к городу. Кругом острова Шамянь и на улицах за каналом царил предгрозовая тишина.

Наш отъезд неожиданно затормозили англичане, отказывая в выдаче транзитных виз через Гонконг и предлагая вариант захода советского судна с гонконгского рейда в порт Вампу на реке Чжуцзян. В условиях войны и активизации пиратов такой вариант являлся заведомо неосуществимым.

Правительство СССР, обеспокоенное судьбой советских людей срочно обратилось в Лондон. 12 и 13 октября все мы, снабженные дипломатическими визами английского генконсульства, были доставлены от ворот нашего здания к гонконгскому рейду и поднялись на борт каботажного парохода смешанной советско-корейской компании «Цусима». Морской переход через Тайваньский пролив в порт Тангу был тревожным, небезопасным. 31 октября наша группа прибыла в Пекин, где возобновила работу уже в новом посольстве СССР в КНР.

В освобожденный 14 октября Гуанчжоу я приехал вскоре в качестве консула. Тогда же узнал о том, что в провинции Гуандун почти не существовало коммунистического подполья, в самом же Гуанчжоу перед освобождением насчитывалось не более 250 членов КПК. Поэтому приход НОА на Юге по существу не встречали. Зато в составе северных войск пришли ветераны южнокитайской революции 1925—1927 годов во главе с Е Цзяньином. Его первыми помощниками стали Фан Фан, Гу Дацунь и другие славные борцы Кантонской коммуны и Хайлуфэнской советской власти. Это были друзья советского народа. Часто общаясь с ними, я всегда имел достаточное представление об обстановке в Гуанчжоу и в Гуандуне.

Советско-китайские отношения на Юге Китая начали быстро развиваться по заключенному в Москве Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 года. В те годы все еще существовала опасность развязывания агрессии против молодой республики. Не случайно первой советской помощью в данном районе явилось обеспечение безопасности воздушного пространства от налетов американско-чанкайшистской авиации, как и строительство военно-морской обороны гуандунского побережья.

У истоков преобразований

*В. Я. СИДИХМЕНОВ**

майор Советской Армии в Китае (1945—1956)

По-разному можно увидеть чужую страну: из окна туристского автобуса, во время прогулок по улицам ее городов и бесед с прохожими, при ознакомлении с ее достопримечательностями и историческими памятниками, при посещении заводов, школ,

* В настоящее время старший научный сотрудник ИДВ АН СССР, кандидат экономических наук.

университетов, общественных организаций... Для автора предлагаемых строк Китай — не предмет туристского интереса: с этой страной связана почти вся его сознательная жизнь. Мое не книжное знакомство с Китаем в качестве молодого офицера-киганста началось в августе 1945 года, когда Советская Армия, протянув руку братской помощи китайскому народу, освободила Маньчжурию от колониального рабства. Мне посчастливилось прожить в Пекине в 1953-1957 годах, которые были годами глубоких социально-экономических преобразований и расцвета советско-китайской дружбы. Побывал я в Китае во время «большого скачка» (1958—1960) и «культурной революции» (1966—1976) и, наконец, последний раз посетил Китай после смерти Мао Цзэдуна, когда в стране начался процесс обновления китайского общества.

Высказать свои впечатления обо все виденном не представляется возможным, поэтому ограничусь только фрагментами.

* * *

Летом 1946 года я прибыл в Порт-Артур для дальнейшего прохождения воинской службы и был назначен редактором газеты на китайском языке «Голос правды» («Шихуа бао») — печатном органе Советского командования военно-морской базы Порт-Артур. Газета издавалась в городе Дальний.

Более 40 лет в районе Порт-Артур — Дальний господствовали японские захватчики, используя эти места в качестве опорной базы для проведения своей колониальной политики в Китае.

В качестве редактора газеты «Голос правды» я решил поближе познакомиться с городом Дальний и его людьми, побывал на судостроительном и паровозоремонтном заводах.

Крупный судостроительный завод в этом городе мог строить только корпуса судов и простейшие судовые механизмы, паровые же машины для судов доставлялись из Японии. При установке их на вновь построенном или отремонтированном судне запрещалось использовать китайских рабочих: все монтажные работы производились исключительно японцами.

На паровозоремонтном заводе ремонтировался подвижной состав для Южно-Маньчжурской железной дороги. Сам завод самостоятельно ничего не мог производить, так как важнейшие детали для паровозов (воздушные тормоза, воздухораспределители и др.) ввозились из Японии. Китайские рабочие допускались к работе только на простейших токарных и сверлильных станках. Японская администрация завода и не помышляла поднять уровень их технической квалификации. В те мрачные времена в цехах завода висел лозунг из четырех китайских иероглифов «Мо-тань-го-ши», что означало: «Не смей разговаривать о делах государства». Когда на заводе машиной раздавило одного китайского рабочего, директор-японец был страшно возмущен, но не тем, что из-за отсутствия техники безопасности погиб человек, а тем, что в распоротом желудке несчастного обнаружили крупинки риса — китайцам тогда запрещалось есть рис: нарушение этого правила рассматривалось как государственное преступление.

Население района Порт-Артур — Дальний, освободившись от колониального рабства, проявило прежде всего большую тягу к знаниям. Китайским рабочим приходилось прибегать к знаниям, ликвидировать неграмотность в самых невероятных условиях. В марте 1947 года, когда пламя гражданской войны охватило весь Китай, я посетил паровозоремонтный завод и присутствовал там на занятиях кружка по ликвидации неграмотности. Во время обеденного перерыва рабочие-котельщики собрались в конторе цеха, которая одновременно служила им и классной комнатой. Шло занятие по написанию китайских иероглифов. Учитель указательным пальцем высоко поднятой правой руки выписывал иероглиф в... воздухе и вслух считал количество черт: раз, два, три, четыре... Ученики внимательно следили за движением пальца учителя и старались подражать ему.

— Китайский иероглиф, — пояснил мне учитель после окончания этого необычного урока, — имеет сложное начертание: количество черт в нем доходит до 35, и пишутся они в определенной последовательности. Лучше всего записывать иероглиф на бумаге, но где ее взять? Со всех сторон нас окружили гоминьдановские войска. Чтобы не прекращать из-за этого работу по ликвидации неграмотности, мы вместо бумаги используем воздух.

Воздух вместо бумаги... Какая должна быть жажда знаний, чтобы таким необычным методом ликвидировать неграмотность! Эту жажду к знаниям можно было наблюдать повсюду.

* * *

В 1953—1955 годах, работая в Пекине советником китайского журнала «Народный Китай», мне часто доводилось беседовать с китайскими коммунистами о важности развития отечественной промышленности. И вот как они иллюстрировали колониальный характер китайской экономики:

— По улицам китайских городов курсировали автомашины более ста марок, но ни одна из них не имела марку отечественного производства.

— Китай считался главным поставщиком вольфрамовой руды на мировом рынке, однако вольфрамовые нити для электроламп он закупал за границей.

— Китай имел собственные спичечные фабрики, однако серные головки для спичек он закупал за границей.

— В Китае отсутствовали заводы, производящие средства производства, особенно в отсталом положении находилось машиностроение...

В бурные времена первой пятилетки (1953—1957) я посетил многие новостройки, ознакомился с китайскими инженерами и рабочими, осваивавшими новую технику. На Аньшаньском металлургическом комбинате (Северо-Восток Китая) беседовал с его директором Юань Чжэнем. Сооружение исключительно сложных в техническом отношении объектов, с которыми китайским инженерам и рабочим ранее никогда не приходилось иметь дела, сказал он, велось при непосредственной помощи советских специалистов.

13 июня 1956 года мне посчастливилось стать свидетелем торжественного события, когда с главного конвейера Первого автомобильного завода, расположенного в пригороде Чанчуня, сошел первый четырехтонный грузовик марки «Освобождение». Заместитель директора Первого автомобильного завода Мэн Шаонун по этому поводу сказал: «Настанет время, когда наше поколение будет изучать историю автомобильной промышленности Китая. Оно никогда не забудет эту славную дату, совместно начертанную золотыми руками трудящихся Китая и Советского Союза».

1953—1957 годы — годы первой пятилетки — оставили в моей памяти чувства глубокого уважения к созидательному труду китайских трудящихся.

* * *

Последний раз я побывал в Китае, когда отшумела «культурная революция» и ее установки подверглись коренному пересмотру.

9 сентября 1976 года на 83-м году ушел из жизни Мао Цзэдун. Я вновь посетил Пекин, где на площади Тяньаньмынь возвышался «Дом памяти» Мао Цзэдуна. Перед моими глазами предстало сооружение огромных размеров, площадью сто метров на сто. Его опоясывают 44 колонны, сделанные из белого гранита. Со всех сторон «Дом памяти» окружают сосны, которые по китайскому поверью считаются символом высокой нравственной чистоты.

Мао Цзэдун покоем в хрустальном саркофаге, установленном в траурном зале. Его тело до груди было покрыто красным полотнищем, на котором поблескивали золотым отливом изображения серпа и молота.

Разные мысли приходили мне в голову, когда я осматривал гробницу Мао Цзэдуна. С его смертью обнажились неприглядные стороны «культурной революции»: культ личности и волюнтаризм, прославление хаоса и разрушения, моральный и физический террор под видом классово-борьбы, воспевание аскетизма и бедности.

Китайский народ нашел в себе силы, чтобы дать правдивую оценку «десятилетия великого хаоса». Признание, осмысление горького прошлого стало тем толчком, который позволил китайскому обществу встать на путь глубокого и все-стороннего обновления.

СЮЙ ВАНЬМИН

Просматривая работы по истории первого десятилетия китайско-советских отношений (1917—1927), мы в каждой сравнительно важной статье встретим светлое имя Ли Дачжао. Он проводил большую, эффективную и плодотворную работу, отдавал все силы, содействуя углублению взаимопонимания между китайским и советским народами, способствуя развитию процесса восстановления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом, установлению отношений сотрудничества и взаимопомощи между революционными движениями двух стран. Его заслуги в развитии дружеских связей между Китаем и СССР не только с теплотой вспоминаются китайским народом, но получили полное признание и советского народа. Не считая себя достаточно осведомлённым, автор, тем не менее, позволил себе написать исследование по этому вопросу и хотел бы, чтобы читатели не поспешили на замечания, которые автор с удовольствием примет к сведению.

Взгляд Ли Дачжао на китайско-советские отношения

За три столетия, начиная с последних лет династии Мин и вплоть до Октябрьской революции, многие китайские политики и мыслители высказывались за развитие дружеских отношений между Китаем и Россией. После победы Октябрьской революции ещё большее число китайцев стало стремиться к дружбе с Советским Союзом. Одинаковы были не только их политические идеалы и социальное положение, но и побудительные мотивы большинства людей, а именно стремление защитить суверенитет, независимость и безопасность Китая. Взгляды Ли Дачжао, искреннего патриота, на развитие дружественных связей между Китаем и СССР были сходны со взглядами большинства как предыдущих поколений, так и его современников. Однако Ли Дачжао был ещё и истинным марксистом-интернационалистом, поэтому его стремление развивать дружеские отношения Китая и России было наполнено более глубоко содержанием.

Во-первых, он выступал за установление равноправных межгосударственных отношений, за установление братских отношений между Китаем и Россией на равноправной основе. Вывод о необходимости построения именно таких взаимоотношений он сделал, исходя из печальных уроков истории.

Ли Дачжао глубоко изучил историю китайско-русских дипломатических отношений. После китайско-японской войны (1894—1895) Ли Хунчжан хотел, вступив в союз с Россией, обуздать Японию. «В результате тайного соглашения между Китаем и Россией в аренду России были отданы Порт-Артур и Дальний, Франции — Гуанчжоу, Англии — Вэйхай, Германии — Цзяочжоу. Узнав об этом, Италия также захотела получить китайский залив Саньмэнь. Как говорится, «лёжа на лежанке без сна, услышал как храпят другие». Так и этой стране захотелось пойти по следам сильных капиталистических государств, разделивших территорию Китая и хозяйничающих на ней¹. Империализм и восточный, и западный всегда исходит из эгоистических интересов конкурентной борьбы за экономические преимущества, и поэтому нельзя рассчитывать на то, что он проявит бескорыстие или справедливость. Пословица говорит, что «можно пойти и к волку, и к тигру, а беда, которую они принесут, будет одинаковой». Поэтому

* Сюй Ваньмин — преподаватель исторического факультета Пекинского университета.

«любую нацию, народ любой страны, питающий братские чувства ко всему человечеству, придерживающийся идеалов истинной демократии, поддерживающий высшую справедливость, выступающий против узурпаторов власти, мы готовы считать своим родным братом и хотим вместе с ним прилагать усилия для построения равноправного, свободного, не делящегося на «далёких и близких родственников» мира»².

Весной 1920 года в Китае было распространено первое обращение правительства Советской России к Китаю, сразу нашедшее горячий отклик в разных социальных слоях китайского общества.

11 апреля Всекитайская ассоциация студентов выступила за восстановление дипломатических отношений с Советской Россией. Различные всекитайские ассоциации, в частности ассоциация торговцев, отвечая на обращение Советской России к Китаю, призывали китайский народ немедленно пробудиться ото сна, приветствовали отказ России от всех прав, которые она получила в результате заключённых ранее соглашений, выступили за восстановление дипломатических отношений с Россией, выразили надежду, что русский народ и в дальнейшем будет прилагать все усилия для того, чтобы следовать справедливости и гуманизму своих предшественников. 30 апреля Ли Дачжао в статье «Замечательное движение молодёжи Азии» писал: «Китайская молодёжь глубоко тронута недавним решением рабоче-крестьянского правительства Советской России о возвращении Китаю всех прав, отобранных Россией при династии Романовых, и выражает горячую благодарность Советской России за её великий дух, проявившийся в этом поступке. Однако мы выражаем благодарность отнюдь не только за полученные обратно материальные права. Мы выражаем благодарность за то, что в мире, живущем по принципу «прав сильнейший», рабоче-крестьянское правительство Советской России продемонстрировало истинный дух гуманизма и интернационализма, и мы можем только преклоняться перед ним»³.

Во-вторых, Ли Дачжао считал, что антиимпериалистическая, национально-освободительная борьба китайского народа хотя и должна вестись в основном собственными силами, но должна иметь и международную поддержку. История показала, что такие страны, как Соединённые Штаты Америки, Япония, Англия, Франция, не могут оказать Китаю настоящей помощи. «Советская же Россия является оплотом антиимпериализма и хорошим другом нашей угнетённой нации»⁴. Китай мог рассчитывать на дружбу и искреннюю поддержку только со стороны Советской России.

В-третьих, «Советская Россия — родина, авангард и великий оплот рабочих и крестьян всего мира»⁵. Дорога, открытая Октябрьской революцией, стала и дорогой китайской революции. Китайская революция — не обособленное явление, а часть мировой пролетарской революции. Основой китайско-советской дружбы могло бы стать не только совпадение государственных интересов двух стран, но и общность идеалов коммунистической революции, а также общая идеология марксизма-ленинизма.

В своих работах Ли Дачжао предвидел и некоторые нормы взаимоотношений между будущими социалистическими государствами. «Социалистические государства могут вести дела, представляющие взаимный интерес. Но о выгодности или невыгодности таких отношений нельзя судить по ныне существующим совместным обществам, например, китайско-японским или китайско-английским... Социализм по самой своей природе предполагает полную независимость каждой нации. Если бы такие страны, как Индия и Корея, достигли экономической самостоятельности, они, безусловно, смогли бы обрести независимость. Общество, экономически очень слабо развитое, никогда не станет независимым, если не разовьёт экономику. Долг социалистических государств — вместе, помогая друг другу, двигаться вперёд. Сейчас нередко приходится слышать разговоры об агрессивной природе принципов социализма. Но это глубокое заблуждение. В самой природе социализма не может быть ничего агрессивного. Социалистические государства не должны проводить политику закрытых дверей и изоляции по отношению друг к другу. Необходимо всё решать сообща, по-социалистически, на основе национального равенства»⁶.

Ли Дачжао подробно рассматривал нормы взаимоотношений между социалистическими государствами и, конечно, в мыслях применял их к будущим взаимоотношениям двух социалистических государств — Китая и СССР.

18 мая 1919 года, во время наивысшего подъёма движения «4 мая», Ли Дачжао написал статью «Тайная дипломатия и мир грабителей», в которой он начал борьбу против «узкого патриотизма»⁷ и высказался за интернационализм. Позже он вновь

писал: «Мы должны признать, что любое движение гуманизма серьёзнее, чем патриотическое движение. Наш журнал «Молодой Китай» отнюдь не считает, что Китай следует превратить исключительно в арену действий молодёжи и ожидать исхода борьбы между сильными государствами. Наше мнение таково, что Китай должен стать частью мира, и что мы, живущие в Китае молодые друзья, должны принимать участие в его преобразовании, должны взять на себя часть ответственности за преобразование мира»⁸.

Взгляды Ли Дачжао на дружбу Китая с Советским Союзом, если не затрагивать его мысли о необходимости восстановления дипломатических отношений с Советской Россией, всё же часто носили сильный оттенок идеализации, тогда как на деле внешняя политика правительств Южного и Северного Китая в отношении Советского Союза в то время заключалась прежде всего в стремлении свести на нет воздействие на Китай фактора идеологической обстановки в Советской России. Например, в одном из пунктов знаменитого «Совместного заявления Сунь Ятсена — Иоффе» ясно указывалось: «Доктор Сунь Ятсен полагает, что коммунистическая организация, и тем более советская система, не могут быть применены в Китае, поскольку в Китае отсутствуют условия для успешного существования этой организации и советской системы. Господин Иоффе полностью согласен с такой точкой зрения и считает, что самой насущной проблемой Китая по-прежнему является успешное осуществление национального единства и достижение независимости китайского государства»⁹. Подписание 31 мая 1924 года пекинским правительством «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Китайской республикой и СССР» вновь показало, каких принципов придерживается китайская сторона.

Ли Дачжао был мудрым политическим деятелем. Мы видим, с каким знанием дела он анализировал все обстоятельства, насколько глубоко он разбирался в реальной обстановке, занимаясь конкретным вопросом урегулирования китайско-советских отношений.

Истоки китайско-советского культурного обмена

С тех пор, как зародились китайско-русские связи, появился и китайско-русский культурный обмен. На протяжении длительного периода истории, исчисляемого веками, русские православные миссионеры, русские студенты, учившиеся в Китае, неустанно изучали культуру Китая и старались донести её до России. В русском китаеведении появились крупные специалисты, и некоторые из них стали китаеведами мирового уровня. В старом Китае бюрократы и чиновники гордились высоким уровнем цивилизации своей древней страны и не имели ни малейшего представления о культуре России. И только после открытия китайских морских портов в Китае стали появляться первые отдельные сведения о России. Знакомство же Китая с культурой России задержалось практически до реформ 1898 года. Однако, если европейская и американская культура хлынула тогда в Китай широкой рекой, то русская культура пробивалась сюда лишь тоненьким ручейком. Октябрьская революция открыла глаза китайскому народу, и в среде китайской интеллигенции поднялась волна интереса к изучению Советской России и культуры Советской России. Ли Дачжао же был предвестником этой волны.

В 1916 году когда в Китае только начиналось движение за новую культуру, Ли Дачжао начал изучать культуру России. В то время предметом его преклонения был не ленинизм, и не Ленин, а такой гигант русской литературы, как Толстой. В первом же номере журнала «Миньи» Ли Дачжао опубликовал серьёзную политическую статью «Народный суверенитет и политика», в которой он писал о Толстом как о «великом деятеле культуры и философии», знакомил китайских читателей с его «теорией героя» и определением революции. О толстовской «теории героя» он писал, что это «замечательная, необыкновенно глубокая теория, которая исключительно подходит нам»¹⁰. 20 августа того же года в газете «Чэнь чжун бао» Ли Дачжао вновь опубликовал статью «О философе Толстом». В статье говорилось: «Толстой — великий человек современности. Это идеал, перед которым преклоняется весь мир. Родившись в самодержавном государстве, он горячо и искренне воспекает филантропию, пишет о том, что любовь должна распространяться по всему миру, что надо поддерживать слабых и подавлять сильных, что необходимо осознать святость труда. Толстой принадлежит к аристократии, но он чрезвычайно скромно в еде и в одежде

и работает до пота вместе с крестьянами. Что сравнится с красотой и нравственностью его поступка?!»¹¹. 8 февраля 1917 года в газете «Цзяин» Ли Дачжао опубликовал ещё одну статью, посвящённую Толстому, — «Любовь к Толстому в Японии».

В июле 1919 года в работе «Моё марксистское мировоззрение», которую он опубликовал через два месяца, Ли Дачжао познакомил китайских читателей с другим русским мыслителем Кропоткиным и его теорией «Взаимной помощи». «Люди должны любить друг друга и помогать друг другу. Наше существование и прогресс возможны лишь при условии взаимопомощи, в случае же войны будут невозможны ни наше существование, ни прогресс. Это непоколебимая истина». Учение Маркса о классовой борьбе и «теория взаимной помощи» Кропоткина дополняют друг друга. «Теория классовой борьбы — средство перестройки социальной организации, а принцип взаимопомощи — условие перестройки человеческого сознания»¹².

В написанной в 1918 году работе «Русская литература и революция»¹³ Ли Дачжао познакомил Китай с некоторыми представителями русской литературы: с великим русским поэтом Пушкиным, с Некрасовым, Лермонтовым, Герценом, Чернышевским, Добролюбовым и другими, с уважением отзываясь об их демократических взглядах и революционном духе. Ли Дачжао писал: «Сегодня развеваются красные флаги и распускаются яркие цветы русской революции. Их свет доходит до Китая через холодную и безлюдную Сибирь. Успех русской революции, победа русской молодёжи — это и победа духа поэтов, принадлежащих к русскому обществу». Это был план большой, серьёзной работы, которая должна была всесторонне ознакомить читателя с русской культурой и осветить события русской революции. К сожалению, эта работа не была дописана, и мы имеем сегодня лишь её часть.

Самой большой заслугой Ли Дачжао в деле культурного обмена между Китаем и Россией явилось то, что он донёс до Китая идеологию большевизма и ленинизма. Ли Дачжао писал: «Мне кажется, что распространение большевизма действительно внесёт большие изменения в мировую культуру. Мы должны изучать и разъяснять большевизм, чтобы донести до человеческого общества его истинный облик. Ни на йоту нельзя верить людям, распространяющим различную клевету на социализм. Их жестокие и бесчеловечные измышления изобличают и отрицают сами себя»¹⁴.

Под влиянием Ли Дачжао такие газеты и журналы, как «Янь чжи», «Синь циннянь», «Мэйчжоу пинлунь», «Синь шэнхо», «Миньго жибао», «Чэнь бао» стали базой пропаганды ленинизма. Все основные статьи Ли Дачжао были опубликованы именно в этих газетах и журналах. Среди них такие, как «Сравнение французской революции с русской», «Победа большевизма», «Прошлое, настоящее и будущее русской революции», «Октябрьская революция и китайский народ», «Ленин бессмертен» и другие. В работе «Прошлое, настоящее и будущее русской революции» Ли Дачжао систематично знакомит нас с историей русской революции, с организацией рабоче-крестьянского правительства и его основными деятелями. В этой работе впервые для китайского читателя было дано целостное изложение биографии Ленина, а также приведены краткие биографии, даны характеристики и рассказано о вкладе в революцию тридцати соратников Ленина: Троцкого, Луначарского, Бухарина, Каменева, Зиновьева, Свердлова, Чичерина и Карахана¹⁵.

Ли Дачжао также собирал материалы, намереваясь написать большую работу «История Великой русской революции», но так и не смог приступить к ней. Позднее товарищ Цай Хэлинь собрал воедино все работы Ленина и материалы по Октябрьской революции, которые можно было в то время найти в Пекине, и, проанализировав и изучив их, написал книгу «История русской социалистической революции». Закончив книгу в сентябре 1923 года, Цай Хэлинь обратился за помощью к Ху Ши, работавшего в издательстве «Шаньу» над редакцией библиотеки мировой литературы. Ли Дачжао дважды до этого писал Ху Ши, прося его оказать содействие Цай Хэлиню в издании его книги, и в итоге книга была выпущена в свет.

С сентября 1920 года Ли Дачжао сотрудничал с некоторыми прогрессивными профессорами. Он организовал семинар по современной политике на факультете политики в Пекинском университете, где он говорил о том, что на данном этапе главным содержанием преподавательской деятельности должно стать ознакомление студентов с революцией в Советской России. В каждую годовщину Октябрьской революции, в день памяти Ленина, в праздник 1 мая Ли Дачжао обязательно выступал на массовых митингах, публиковал статьи в газетах или журналах, пропагандируя

ленинизм и Октябрьскую революцию.

Под влиянием Ли Дачжао изучение ленинизма и русской революции сделали своей главной задачей такие общества и группы, как Общество журнала «Гоминь», Общество по изучению Маркса, Общество журнала «Синьчао», Общество «Шаонянь Чжунго», Общество по изучению марксизма, Общество по изучению социализма и другие. Общество по изучению марксизма, например, насчитывало более 60 членов, они располагали более, чем 150 экземплярами различных изданий, из которых была составлена библиотечка по вопросам, связанным с Россией. Это общество делилось на десять исследовательских групп, причём восьмая группа изучала русскую революцию и революционное строительство, а девятая группа — партию большевиков и III Интернационал¹⁶.

Основной базой для изучения и пропаганды ленинизма стала для Ли Дачжао библиотека Пекинского университета. 1 декабря 1920 года в «Газете Пекинского университета» было помещено объявление о содержащихся в библиотеке книгах: «В нашем университете есть 23 книги по вопросу русской революции. Они выставляются в 4-м читальном зале, и студенты могут с ними ознакомиться». Среди этих книг были изданные на английском языке «Победа большевизма», «Ленин и его работа», «Великая пролетарская революция», «Русские большевики» и другие. К началу 1922 года в библиотеке был выделен отдельный зал по вопросам русской революции. В этом «Зале преклонения перед справедливостью» имелось более сорока различных наименований книг, в том числе более двадцати на русском языке¹⁷. Эти книги были закуплены в США, Японии, получены в подарок от представителей Коминтерна и Советской России, побывавших в Китае.

Товарищ Цао Цзинхуа с глубоким чувством вспоминал о влиянии Ли Дачжао на молодёжь: «Из его статей они впервые получили живое представление о Марксе, Ленине, большевизме, о России рабочих и крестьян. В те смутные годы статьи Ли Дачжао стали для них лучшим яркого света. Для них, находившихся в тумане, этот свет был предметом самого горячего желания, их мечтой»¹⁸.

В марте 1924 года лекторская Группа по просвещению жителей Пекина опубликовала результаты проведённого ей опроса общественного мнения: на вопрос «Кого Вы считаете другом Китая — Америку или Россию?» 497 человек, или 59 % опрошенных, ответили, что считают другом Китая Россию. На вопрос «Кого Вы считаете наиболее значимой личностью внутри страны или за рубежом?» больше всего (около половины) было ответов «Ленина». Всего же было названо девять представителей России и в общей сложности за них было подано 263 голоса. Количество же голосов, поданных за представителей других стран, даже в совокупности было меньше, чем поданных за представителей Советской России. На вопрос «К какому из имеющих хождение в Китае политических учений вы испытываете наибольшее доверие?» большинство, а именно 291 человек, ответило «к социализму»¹⁹. Приведенные выше цифры наглядно раскрывают вдохновляющую картину поворота молодёжи Китая под руководством Ли Дачжао и других первых марксистов-ленинцев в сторону Советского Союза, в сторону Ленина, в сторону социализма.

Ли Дачжао придавал чрезвычайно большое значение подготовке кадров, владеющих русским языком. Осенью 1920 года вместе с Чжан Юаньпэем, Чжан Симанем и другими он создал в Пекинском университете факультет русского языка, назначив деканом факультета Гу Мэньюя и пригласив на преподавательскую работу русских китаеведов Полевого и Ивина. Первый набор студентов составил 70—80 человек. Известный китайский русист профессор Цао Цзинхуа был студентом второго набора факультета русского языка Пекинского университета. Он был рекомендован на учёбу Ли Дачжао.

28 января 1926 года Ли Дачжао вместе с послом Советского Союза в Китае Караханом присутствовали на церемонии назначения Сюй Цяня на должность ректора Китайско-русского университета. Ли Дачжао выступил на этом собрании с речью. Однако в апреле Чжан Цзолинь издал указ о роспуске Китайско-русского университета. Часть студентов перебралась на Юг — в Гуанчжоу и Ухань. Ли Дачжао планировал перенести Китайско-русский университет в Ухань. С этой целью он написал письмо Ли Ханьцзюню, в котором просил его оказать всяческое содействие переносу университета²⁰.

Ли Дачжао придавал большое значение направлению молодых представителей китайской интеллигенции в Советский Союз на учёбу для того, чтобы ещё глубже изучить опыт советской революции и социалистического строительства, ещё ближе познакомиться с ленинизмом. В августе 1920 года Мао Цзэдун вместе с другими товарищами организовал в Хунани Общество по изучению России. В февралю того же года Мао Цзэдун написал письмо Тао И, в котором ставил вопрос о подготовке «группы китайских товарищей, которые могли бы поехать в Россию для учёбы там без отрыва от производства. Что касается направления в Россию женщин, то тут не должно быть никаких препятствий, поскольку советские женщины, несомненно, примут их особенно тепло. Вполне возможно, что вслед за Обществом китайских женщин, обучающихся во Франции без отрыва от производства, может быть создано Общество китайских женщин, обучающихся в России без отрыва от производства. Этот вопрос (учёбу в России) я обсуждал с господином Ли Дачжао и другими»²¹. Сам Мао Цзэдун много раз говорил о том, что он хотел бы поехать в Россию на пять лет.

20 февраля 1921 года Пекинский социалистический союз молодежи провел сбор средств на проезд товарищей, отправляющихся в Россию. 16 марта во втором корпусе Пекинского университета было проведено собрание, на котором присутствовал Ли Дачжао. Собрание постановило направить Хэ Мэнсюна делегатом на международный съезд представителей коммунистических молодежных союзов. 30 марта вновь было проведено собрание на тему «Обсуждение вопроса об отправке наших товарищей в Россию на учебу и для ознакомления с этой страной»²². Однако в апреле Хэ Мэнсюн и еще тринадцать товарищей, направлявшихся в Россию, были схвачены и брошены в тюрьму Хэйлуунцзянской армии. Ли Дачжао организовал группу по сбору средств и оказанию помощи арестованным товарищам. В частности, им были высланы ватники. В Хэйлуунцзян для установления контактов с местными властями был послан специальный человек. Ли Дачжао обратился также к ректору Пекинского университета с просьбой направить в Хэйлуунцзян телеграмму с ходатайством за арестованных. В результате этих действий все арестованные товарищи были спасены.

В 1925 г. в московский Университет трудящихся Востока имени Сунь Ятсена был проведен первый набор студентов, составивший более 340 человек. Из Пекина и Тяньцзиня в этот университет была направлена группа из 50 человек, которые были отобраны лично Ли Дачжао²³. Кроме того, Ли Дачжао направил студентов и в ленинградскую военную академию²⁴.

Распространение в Китае идеологии марксизма-ленинизма явилось поворотным моментом в развитии движения за новую культуру и важным показателем того, что в это движение включился и пролетариат. Влияние в XX веке на Китай возникшей в России идеологии ленинизма было даже несколько больше, чем влияние марксизма. Заслуги Ли Дачжао в деле распространения ленинизма навсегда войдут в историю китайско-русского культурного обмена.

Продолжение следует

Перевод с китайского языка Е. Н. Маркиной

Списки даются в соответствии с авторским текстом (Прим. пер.)

¹ Избранные сочинения Ли Дачжао.— Жэньминь чубаньшэ.— 1959.— С. 20 (на кит. яз.).

² Ли Дачжао. Еще раз о неоназиатизме (ответ Гао Чэньюаню) // Гоминь цзачжи.— Т. 2.— № 4.

³ Шаоюань Чжунго.— Т. 2.— № 2.

⁴ Собрание сочинений Ли Дачжао.— Жэньминь чубаньшэ.— 1984.— С. 664 (на кит. яз.).

⁵ Избранные сочинения Ли Дачжао.— С. 401.

⁶ Там же.— С. 430.

⁷ Мэйчжоу пиндунь.— 1919.— 18 мая.

- ⁸ Ли Дачжао. Молодежное движение журнала «Молодой Китай» // Шаонянь Чжунго.— Т. 1.— № 3.
- ⁹ Избранные материалы по истории китайской дипломатии (1919—1931).— С. 280 (на кит. яз.).
- ¹⁰ Избранные сочинения Ли Дачжао...— С. 48.
- ¹¹ Взято из закрытых ранее документов, в частности из сборника Материалы и документы о жизни Ли Дачжао.— Шанхай.— 1984.— С. 20 (на кит. яз.).
- ¹² Ли Дачжао. Классовая борьба и взаимопомощь // Мэйчжоу пицунь.— № 29.
- ¹³ Жэньминь вэньсюэ.— 1979.— № 5.
- ¹⁴ Ли Дачжао. Еще раз о конкретных проблемах и «измах» // Мэйчжоу пицунь.— № 35.
- ¹⁵ Синь цинянь.— Т. 9.— № 3.
- ¹⁶ Общественные организации периода «движения 4 мая».— Т. 2.— С. 276 (на кит. яз.).
- ¹⁷ Бэйцзин дасюэ жикань.— 1922.— 6 февраля.
- ¹⁸ Цао Цзинхуа. Воспоминания о молодежном союзе // Общественные организации периода «движения 4 мая».— Т. 3.— С. 109.
- ¹⁹ Бэйцзин дасюэ жикань.— 1924.— 4—7 марта.
- ²⁰ Сборник документов о коварных происках Советского Союза.— Т. 9 (на кит. яз.).
- ²¹ Сборник документов по переписке Общества по изучению новой демократии.— 1-й сборник.
- ²² Ло Чжанлун. Воспоминания о парке Чунькоань // «Саньянь шудянь».— Сентябрь 1984. У Сянсян в статье «Ли Дачжао мягко стелет, да жестко сплет» писал: «Весной десятого года существования республики вновь были отправлены на учебу в Россию две группы студентов общей численностью 70 человек».— См.: Чжуаньци вэньсюэ.— Тайвань.— Т. 32.— № 6.— 32-й год издания.
- ²³ Шэн Юэ. Московский университет имени Сунь Ятсена и китайская революция.— Саньдайшиляо бяньканьшэ.— Декабрь 1980.— С. 35.
- ²⁴ Ли Юньчан. Я поступил в военный институт по совету товарища Ли Дачжао // Воспоминания о Ли Дачжао.— Жэньминь чубаньшэ.— 1980.— С. 75 (на кит. яз.).

Год Победы

М. ЮРЬЕВ

В насыщенной событиями новейшей истории Китая особое, выдающееся место занимает 1949 год — год победы китайской национально-демократической революции, начала новой эры в судьбе китайского народа.

История не всегда совпадает с хронологией, периоды перемен не всегда укладываются во временные отрезки вращения Земли вокруг Солнца. Известно, например, мнение, что европейский XIX век равен не ста, а ста двадцати пяти годам — от Великой французской революции до первой мировой войны. В этом смысле китайский 1949 год начался 12 сентября 1948 года (день перехода Народно-освободительной армии на юге Северо-Восточного Китая в решительное наступление), а завершился 1 октября 1949 года провозглашением Китайской Народной Республики. Тоже год, но сдвинутый на 3 месяца.

Наступательная операция стратегического значения в южной Маньчжурии длилась 50 дней и показала, насколько выросла мощь Народно-освободительной армии, мастерство ее военачальников. Она началась с прорыва к городу Цзяньчжоу, взятие которого отрезало все 14 корпусов противника от Северного Китая. После этого капитулировали войска, оборонявшие Чанчунь. 2 ноября были взяты главный город Северо-Восточного Китая Шэньян (Мукден) и порт Инкоу. В этой операции, получившей наименование Ляошэньской (от провинции Ляоси и города Шэньяна), гоминьдановская армия потеряла 472 тыс. человек, из них 415 тыс. были взяты в плен, восстали или капитулировали. «Эта великая победа, — отмечалось в Общем обзоре гражданской войны генштаба НОА, — одержанная в течение одного месяца, имела решающее значение в освободительной войне китайского народа»¹. После Ляошэньской операции НОА впервые получила численный перевес над армией гоминьдана: 3 млн. человек против 2,9 млн. В конце 1948 — начале 1949 года было проведено упорядочение структуры НОА, действующие войска которой были объединены в четыре полевые армии: Северо-западную (командующий и комиссар Пэн Дэхуай), Центральной равнины (командующий Лю Бочэн, комиссар Дэн Сяопин), Восточно-китайскую (командующий Чэнь И, комиссар Жао Шуши), Северо-восточную (командующий Линь Бяо, комиссар Ло Жунхуань). В марте 1949 года они были переименованы соответственно в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю полевые армии. Три армейские группы Северного Китая под общим командованием Не Жунчжэня были подчинены непосредственно главному командованию НОА (главнокомандующий Чжу Дэ, начальник генштаба Е Цзяньнин).

Вслед за Ляошэньской операцией развернулась Хуайхайская битва в Восточном Китае, между рекой Хуайхэ и Желтым морем. Центром операции был район города Сюйчжоу (на пересечении Лунхайской и Тяньцзинь-Пукоуской железных дорог). В ней участвовали армии Лю Бочэна и Чэнь И, которым противостояли пять армейских групп противника под общим командованием заместителя командующего гоминьдановскими войсками в Восточном Китае Ду Юймина. За два месяца, с 7 ноября 1948 года по 10 января 1949 года, противник был полностью разгромлен, его потери (56 дивизий) составили 555 тыс. человек, Ду Юймин был взят в плен. Войска НОА вышли к Янцзы на широком фронте, в том числе и напротив Нанкина. Боевые действия НОА шли гораздо успешнее, чем предполагал Мао Цзэдун, считавший, что она выйдет к Янцзы лишь в июле 1949 года².

Еще не была завершена Хуайхайская битва, а Северо-восточная полевая армия,

Юрьев Михаил Филиппович — доктор исторических наук, профессор ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

на считывавшая уже около 1 млн. бойцов, после небольшой передышки развернула наступательные операции в Северном Китае. 5 декабря ее части совместно с войсками Северного Китая начали Бэйпин-Тяньцзиньское сражение. Был создан Бэйпин-Тяньцзиньский фронт (командующий Линь Бяо, комиссар Ло Жунхуань, заместитель командующего Не Жунчжэнь), в состав которого вошли и 100 тыс. партизан. К последней декаде декабря Северо-восточная армия, а также армейские группы Северного Китая изолировали гоминьдановские гарнизоны в нескольких городах, расположенных на железнодорожной линии от Тяньцзиня до Калгана (Чжанцзякоу). Поскольку командующий гоминьдановским гарнизоном Тяньцзиня отверг требование о капитуляции, был предпринят штурм, продолжавшийся более суток. 15 января 1949 года Тяньцзинь был взят. После этого командующий гоминьдановскими войсками в районе Бэйпина (Пекина) Фу Цзон в ходе мирных переговоров принял предложение о переформировании своей 250-тысячной армии и включении ее в состав НОА. Бэйпин был занят войсками КПК 31 января 1949 года. Гоминьдан потерял в Бэйпин-Тяньцзиньском сражении 521 тыс. солдат и офицеров.

Большую помощь НОА оказывало население. В обеспечении Ляошэньского, Хуайхайского и Бэйпин-Тяньцзиньского сражений участвовало 5,4 млн. носильщиков, было использовано свыше 100 тыс. санитарных носилок, 820 тыс. малых и больших телег, более 1 млн. голов скота, около 1 млн. цзиней (500 тыс. кг) продовольствия⁴. Местные жители обеспечивали транспортировку грузов и раненых на телегах, в которые был запряжен их скот, на носилках, на коромыслах с корзинами.

Эти три крупные стратегические операции привели к потере гоминьданом 1,5-миллионной армии. В то же время численность НОА быстро росла, прежде всего за счет пленных, капитулировавших, перешедших на ее сторону и восставших солдат и офицеров армии гоминьдана. Гоминьдан оказался на грани полного военно-политического поражения. Его вооруженные силы были рассредоточены на обширных пространствах к югу от Янцзы и на западе страны.

Календарный 1949 год начался публикацией двух документов, выражавших позиции противоборствующих сил — побеждавшей компартии и близкого к поражению гоминьдана. Агентство Синьхуа распространило статью «Довести революцию до конца», в которой выдвигалась задача свержения в масштабе всей страны гоминьдановского реакционного господства и создания демократической диктатуры народа. «В жизни китайской нации произойдет полный переворот, — говорилось в статье, — полуколония превратится в подлинно независимое государство; китайский народ сбросит с себя гнет феодализма и бюрократического капитала».

Другой документ — новогоднее обращение Чан Кайши, в котором глава реакционного режима, повинного в развязывании гражданской войны в 1946 году, оказавшись перед угрозой краха, заговорил о готовности вступить в переговоры с КПК о мире. Этот шаг был попыткой противопоставить наступлению НОА «мирное наступление» гоминьдана, чтобы выиграть время, собрать с помощью США новые силы и продолжить войну для сохранения гоминьдановской антинародной власти. КПК разоблачила этот маневр. 14 января 1949 года были выдвинуты условия, на которых компартия выражала готовность вести переговоры: 1) наказание военных преступников (25 декабря 1948 года КПК опубликовала список 43 главных военных преступников, начиная с Чан Кайши); 2) отмена псевдоконституции; 3) отмена лжеправовой системы, 4) реорганизация всех реакционных войск на демократических началах; 5) конфискация бюрократического капитала; 6) реформа системы землевладения; 7) аннулирование предательских договоров; 8) созыв Политического консультативного совета* без участия в нем реакционных элементов для создания демократического коалиционного правительства, которое примет всю власть от реакционного нанкинского гоминьдановского правительства и подчиненных ему правительств всех ступеней.

После выдвижения этих условий Чан Кайши 21 января передал президентские полномочия своему заместителю Ли Цзунжэню, а сам отправился из Нанкина на родину, в Фэнхуа, чтобы «посоветоваться с душами предков». На деле он продолжал из-за кулис

* Впервые Политический консультативный совет из представителей различных партий, организаций и деятелей был созван в январе 1946 года с целью объединения Китая на мирной демократической основе. Однако его решения были сорваны гоминьданом, развязавшим гражданскую войну.

направлять действия нанкинского правительства. На следующий день Ли Цзунжэнь заявил о готовности вступить в мирные переговоры с КПК, надеясь выиграть 3—6 месяцев для формирования новой армии к югу от Янцзы, а затем перейти в наступление. Но гоминьданом руководило не только стремление выиграть время для собирания военных сил. Лагерь гоминьдана раздирали противоречия. Группировка гуансийских милитаристов и другие сторонники мирных переговоров хотели обеспечить себе место в коалиционном правительстве. Буржуазия Шанхая и бассейна Янцзы пошла на контакты с КПК, стараясь отстоять свои интересы и придать революции умеренную окраску.

В этот ответственный период КПК сочетала военное наступление с мерами, направленными на политическую изоляцию гоминьдана. Большое значение имела договоренность с генералом Фу Цзю (хотя его имя фигурировало в списке главных военных преступников) о мирной реорганизации его войск и сдаче Пекина. В дальнейшем несколько гоминьдановских командующих по примеру Фу Цзю перешли на сторону НОА.

Одновременно происходило расширение единого античанкайшистского фронта всех прогрессивных сил страны. 22 января 1949 года 55 представителей различных демократических партий и отдельных деятелей, прибывших в освобожденные районы, в том числе Ли Цзишэнь, Шэнь Цзюньжу, Ма Сюйлунь, Го Можо, выразили полную поддержку восьми условиям, выдвинутым КПК, и свое желание участвовать под руководством КПК в достижении победы революции. Это заявление означало полное признание несостоятельности идеи «третьего пути», которую выдвигали некоторые представители политических промежуточных сил и средних слоев. Выступая против реакционной политики гоминьдана, его однопартийной диктатуры, они все же не сразу осознали неизбежность общей борьбы в союзе с трудящимися массами, руководимыми КПК. считали возможным оставаться между двумя главными военно-политическими лагерями Китая, сохраняя надежду сказать решающее слово. Диктаторские антинародные и антинациональные акции гоминьдана (репрессии против демократов, развязывание гражданской войны, ориентация на помощь США, угрожавшая суверенитету Китая) все более развенчали эти иллюзии, способствовали сближению с трудящимися.

На занятой чанкайшистами территории рабочие вели борьбу против уничтожения гоминьдановцами предприятий и складов, угона транспортных средств, организовывали забастовки, создавали дружины под руководством коммунистов⁴. Широкий размах получило студенческое движение за ликвидацию угрозы голода, за демократию и национальную независимость.

В условиях нарастания успехов революционных сил 5—13 марта 1949 года в деревне Сибайю (вблизи города Шицзячжуан, провинция Хэбэй) состоялся 2-й пленум ЦК КПК 7-го созыва. Значение пленума определялось тем, что после VII съезда партии и 1-го пленума ЦК (1945) созывались лишь два совещания ЦК и Политбюро. А ведь за эти четыре года произошли важнейшие события: капитуляция Японии, создание новой революционной базы в Северо-Восточном Китае, переговоры о мирном объединении страны, срыв их гоминьданом, гражданская война, освобождение обширных территорий к северу от Янцзы, аграрная реформа в старых освобожденных районах, значительный численный рост КПК, установление непосредственных контактов с ВКП(б). Компартии предстояло определить политическую линию в условиях завершающей фазы национально-демократической революции, выработать стратегию и тактику КПК как руководящей силы нового Китая. После докладов Мао Цзэдуна (общего), Лю Шаоци (о работе в городах) и дискуссии, в ходе которой высказывались различные точки зрения относительно социальной базы партии в городах, пленум принял курс на перенос центра тяжести работы партии из деревни в город, на восстановление и развитие производства, на превращение Китая из аграрной страны в индустриальную, призвал к ориентации на переход от новодемократического к социалистическому обществу. Ведущей силой государства демократической диктатуры народа, основанной на союзе рабочего класса и крестьянства, был назван рабочий класс. В то же время пленум подчеркнул значение сотрудничества с мелкой буржуазией, национальной буржуазией, интеллигенцией в интересах достижения окончательной победы над реакцией и строительства нового Китая.

На пленуме выдвигались следующие задачи для работы в районах, которые еще предстояло освободить от господства гоминьдана: ликвидировать реакционные вооруженные силы, создать партийные организации и органы власти, поднять массы, образовать профсоюзы, крестьянские союзы и другие массовые организации, включая во-

оруженное ополчение, искоренить остатки сил гоминьдана, восстановить и развивать производство. В деревне надо было развернуть борьбу с бандитизмом и местными деспотами-помещиками, обладавшими властью на местах, подготовиться к снижению арендной платы и ссудного процента и создать предпосылки для аграрной реформы, вместе с тем не допустить снижения уровня сельскохозяйственного производства. Была выдвинута установка на многоукладную экономику, включающую единоличные хозяйства крестьян и кустарей, частнокапиталистический сектор, а также государственный (социалистический) сектор, который образуется в результате перехода собственности бюрократической буржуазии и гоминьдановского государства в руки народной республики. Представления о том, что можно быстро ликвидировать частный капитал или, наоборот, не ограничивать его, было охарактеризовано как «левый» и правый уклоны. Говорилось и о необходимости осторожно, постепенно, но вместе с тем активно стимулировать развитие единоличных хозяйств в сторону модернизации и коллективизации, а также создавать государственно-капиталистический сектор, основанный на сотрудничестве государства с частным капиталом. Задача последовательной и окончательной ликвидации засилья в Китае империалистов относилась прежде всего к сфере политики, дипломатии, таможенной системы. Временно допускалось существование хозяйственных предприятий и культурных учреждений иностранцев под контролем народного правительства. Окончательное разрешение этого вопроса откладывалось до победы революции в масштабе всей страны. Пленум решил создать новый Политический консультативный совет для создания демократического коалиционного правительства.

Вскоре после пленума, 25 марта 1949 года ЦК КПК и командование НОА переехали в Бэйпин. а 26 марта была назначена делегация компартии во главе с Чжоу Эньлаем для ведения переговоров с представителями гоминьдана, прибывшими в Бэйпин. Переговоры продолжались с 1 по 15 апреля, было разработано соглашение об установлении мира в стране. Однако 20 апреля гоминьдановское правительство отвергло окончательный текст соглашения, переданный делегацией КПК и согласованный с делегацией гоминьдана.

Руководство КПК и командование НОА предвидело такой ход событий. В докладе Чжу Дэ высшим командным кадрам 4-й полевой армии в Бэйпине 11 апреля 1949 года говорилось: «У противника нет мощных сил для оказания сопротивления, боевой дух солдат крайне низок. Именно в связи с этим гоминьдановское правительство предложило нам вести мирные переговоры, пытаясь выиграть время для того, чтобы вновь обратиться с силами, дислоцировать войска по берегу Янцзы и оказать нам отчаянное сопротивление. Мы не должны поддаваться обману врага»⁵. В докладе были указаны как благоприятные условия боевых действий на юге (многочисленная армия с высоким боевым духом, поддержка населения освобожденных районов и районов к югу от Янцзы, взаимодействие с партизанскими отрядами численностью в 50 тыс. человек), так и неблагоприятные условия (удаление наступающих частей от тылов, пересеченная местность, непривычные для северян условия, опасность самодовольства и недооценки противника).

Предвидел маневры Чан Кайши и бывший командующий войсками гоминьдана в Северном Китае генерал Фу Цзон. 1 апреля он обратился к гоминьдановской армии с призывом последовать его примеру и перейти на сторону НОА⁶. В тот же день 6 тыс. представителей патриотической молодежи устроили в Нанкине митинг, требуя заключения соглашения. Они подверглись нападению войск, полиции и агентов охраны, двое студентов были убиты, более 100 ранены⁷. Эта кровавая расправа, а также запрещение 25 марта штабом войск района Нанкин — Шанхай — Ханчжоу оппозиционных газет показали подлинное лицо гоминьдановских властей. Отклонение соглашения окончательно разоблачило маневры гоминьдана и ряда реакционных деятелей.

Гоминьдановская делегация во главе с генералом Чжан Чжицзунем отказалась вернуться в Нанкин и осталась в Бэйпине.

Поскольку гоминьдановское правительство сорвало установление мира в стране, Народно-революционный военный совет и Главное командование НОА издали 21 апреля приказ о наступлении на всех фронтах. Войска Народно-освободительной армии (830 тыс. бойцов и офицеров 2-й, 3-й и 4-й полевых армий) на трех участках форсировали Янцзы. Это была сложная операция: ширина Янцзы составляла 1—2 км, не было современных технических средств, переправа осуществлялась на джонках, плотках, весельных

лодках. Противник вел плотный артиллерийский и минометный огонь, 230 самолетов бомбили части НОА. 4 английских корабля открыли стрельбу вместе с гоминьдановцами, но были отогнаны. 23 апреля пал Нанкин, являвшийся с 1927 года центром гоминьдановского реакционного режима. Чан Кайши бежал на Тайвань, Ли Цзунжэнь — в Гуанчжоу. Происходили распад гоминьдановской системы власти, быстрое обесценивание денег, жизнь населения районов, находящихся под контролем гоминьдановцев, ухудшалась день ото дня.

25 апреля 1949 года было опубликовано Обращение Народно-освободительной армии к населению, в котором объявлялась следующая программа из восьми пунктов: 1) охранять жизнь и имущество населения, сотрудничать со всеми слоями населения, наказывать контрреволюционеров в случае попыток чинить беспорядки, заниматься грабежом или вредительством; 2) охранять национальную промышленность, торговлю, земледелие, животноводство; 3) конфисковать бюрократический капитал; 4) охранять все государственные и частные учебные заведения, больницы и культурно-просветительные учреждения, спортивные сооружения; 5) за исключением закоренелых военных преступников и контрреволюционеров, все чиновники, члены «национального собрания», палат, консультативных советов, полицейский персонал должны оставаться на своих местах, отвечать за сохранность материальных ценностей и архивов; 6) ушедшие из своих частей гоминьдановские солдаты должны сдать и зарегистрироваться в местных органах НОА или народного правительства; 7) необходимо подготовиться к планомерной ликвидации феодальной системы землевладения в деревне, осуществляя сначала снижение арендной платы и ссудного процента, а затем раздел земли; 8) обеспечивать безопасность жизни и имущества проживающих в Китае иностранцев. «В Народно-освободительной армии, — говорилось в Обращении, — строгая дисциплина, ее бойцы честно расплачиваются за купленное, им не разрешается брать у населения ничего, даже иголки и нитки. Надеемся, что все население будет соблюдать спокойствие, не будет поддаваться слухам и беспокоиться понапрасну»⁸.

16—17 мая части 4-й полевой армии освободили главный город Центрального Китая Ухань. 12 мая войска 3-й полевой армии развернули наступление на Шанхай и после ожесточенных боев освободили этот крупнейший город и порт Китая. Чан Кайши не помогли ни его приказ удерживать Шанхай во что бы то ни стало, ни мобилизация населения на оборонительные работы, ни террор против прогрессивных элементов. В апреле — мае были также освобождены провинциальные центры Тайюань (Шаньси), Сиань (Шэньси), Ханчжоу (Чжэцзян), Наньчан (Цзянси). Из порта Циндао были вынуждены убраться американские военные корабли.

1-я и 2-я полевые армии действовали в Северо-Западном и Юго-Западном Китае. На отдельных участках гоминьдановцы оказывали сильное сопротивление. В июне 1949 года 170-тысячная группировка нанесла контрудар по частям 1-й полевой армии в центральной Шэньси⁹. Напряженные бои происходили в горном районе на границе Хунани и Цзянси.

Одновременно с военными действиями происходила политическая консолидация демократических сил под руководством КПК, создавались организации всех слоев населения. С целью укрепления профсоюзного движения в июле — августе в Бэйпине было проведено Всекитайское совещание работников профсоюзов¹⁰.

15 июня 1949 года в Бэйпине был созван Подготовительный комитет по созыву Народного политического консультативного совета (НПКС). Были избраны Постоянный комитет НПКС, а также комиссии по согласованию состава участников НПКС, по выработке проектов его документов и решений.

Позиция компартии была выражена в статье Мао Цзэдуна «О демократической диктатуре народа», опубликованной 1 июля 1949 года к 28-й годовщине создания КПК. В ней говорилось, что «главный и основной опыт, приобретенный китайским народом, сводится к следующим двум положениям: 1) Внутри страны — поднять народные массы. Это значит: сплотить рабочий класс, крестьянство, городскую мелкую буржуазию и национальную буржуазию, под руководством рабочего класса образовать единый фронт внутри страны и на этой основе идти дальше, к созданию государства демократической диктатуры народа, руководимого рабочим классом и основанного на союзе рабочих и крестьян; 2) Вне страны — объединиться с теми нациями мира, которые относят-

ся к нам как к равным*, и со всеми народами вести совместную борьбу. Это значит: объединившись с Советским Союзом, со странами народной демократии, а также с пролетариатом и широкими народными массами других стран, образовать международный единый фронт»¹¹. Таким образом, статья свидетельствовала об эволюции взглядов руководства КПК по вопросу о значении международного фактора для развития КПК и победы китайской революции**.

«После Октябрьской революции,— указывалось в статье,— авангард китайского пролетариата обрел марксизм-ленинизм и создал Коммунистическую партию Китая... Если бы не существовало Советского Союза, если бы не была одержана победа в антифашистской второй мировой войне, если бы не был разгромлен японский империализм, если бы не появились страны народной демократии, если бы не поднялись сейчас на борьбу угнетенные нации Востока, если бы в Соединенных Штатах Америки, Англии, Франции, Германии, Италии, Японии и других капиталистических странах народные массы не вели борьбу против господствующих над ними реакционных сил,— если бы не было всего этого, то нависшие над нашими головами силы международной реакции несомненно были бы неизвестно во сколько раз могущественнее, чем теперь. Могли бы мы победить при таких обстоятельствах? Ясно, что нет. Даже если бы и победили, то не смогли бы упрочить свою победу»¹².

В дни, когда отмечалась 28-я годовщина основания КПК, Генеральный штаб НОА опубликовал сообщение об итогах боевых действий за три года гражданской войны (с 1 июля 1946 года по 30 июня 1949 года). За это время противник потерял в результате боевых действий, а также капитуляции и перехода на сторону НОА около 5,7 млн. солдат и офицеров, было освобождено свыше 600 городов и территория в 677 тыс. км² с населением 143,2 млн. человек¹³.

Наступление Народно-освободительной армии в Южном и Западном Китае успешно продолжалось при поддержке широких слоев населения. В ходе боев были освобождены Фучжоу (главный город провинции Фуцзянь в Юго-Восточном Китае), административные центры на Северо-Западе Китая — Ланьчжоу (провинция Ганьсу), Синин (провинция Цинхай), Иньчуань (провинция Нинся). В ряде городов и провинций гоминьдановские войска под командованием своих генералов и при участии местных властей восстали и перешли на сторону НОА. Это произошло в Чанша (главный город провинции Хунань), а также в национальных районах — в западной Суйюани, где значительную часть населения составляли монголы, и в Синьцзяне, в котором большинство жителей составляли уйгуры, казахи, киргизы, дунгане и другие неханьские национальности.

Внутренняя Монголия*** в результате боевых действий советско-монгольских войск была частично освобождена в августе 1945 года, и на этой территории установилась народная власть. Но позднее в ходе гражданской войны гоминьдановская армия захватила ряд городов (Чэндэ, Калган, Долоннор и др.). Демократические органы власти были разогнаны, а их руководители репрессированы. Однако стремление населения к самоуправлению подавить не удалось. Под руководством КПК в апреле 1947 года в городе Ваньмяо (Улан-Хото) был созван съезд народных представителей, который 1 мая принял решение об образовании автономной Внутренней Монголии. Когда Народно-освободительная армия в середине 1947 года перешла в наступление, в нем участвовали и монгольские кавалерийские подразделения. К маю 1948 года из большей части Внутренней Монголии гоминьдановцы были изгнаны. Решающую роль в полном освобождении Внутренней Монголии сыграли переговоры командования НОА с генералом Фу Цзон. 19 сентября 1949 года было объявлено о восстании гоминьдановских частей в западной Суйюани. Это произошло после освобождения провинций Ганьсу, Нинся и Цинхай, значительную часть населения которых составляли неханьские народы — хуэйцзу (дунгане) и монголы.

* Слова из Завещания Сунь Ятсена Гоминьдану.

** Об этом же свидетельствовало и осуждение в 1949 году пленумом Северо-Восточного бюро ЦК КПК националистических тенденций некоторых работников // Пролетарский интернационализм — знамя трудящихся всех стран и континентов. — М., 1964. — С. 34.

*** До японской агрессии к ней относились провинции Жэхэ, Чахар, Суйюань и Нинся.

В Синьцзяне борьба против национального гнета шла много лет. В трех северо-западных округах Синьцзяна в результате вспыхнувшего в 1944 году восстания была провозглашена Восточно-Туркестанская Республика (ВТР), войска которой противостояли 100-тысячной гоминьдановской армии. В 1947 году было достигнуто соглашение, по которому создавалось коалиционное правительство Синьцзяна с участием представителей национально-демократических сил, одновременно было объявлено о самороспуске временного правительства ВТР. В январе 1949 года правительство Синьцзяна возглавил Бурхан Шахиди. После разгрома гоминьдановских войск в западной части Ганьсу правительство Бурхана Шахиди и командование гарнизона Синьцзяна 25 и 26 сентября 1949 года объявили о разрыве с гоминьданом и переходе на сторону народной власти. 19—20 октября в административный центр Синьцзяна Урумчи (Дихуа) вступили части трех округов и войска 1-й полевой армии НОА, освобождение Синьцзяна было завершено*.

Военно-политический крах гоминьдановского режима означал крупное поражение американской политики в Китае. Это признавалось в Белой книге госдепартамента США об американско-китайских отношениях и в письме госсекретаря Д. Ачесона президенту Г. Трумэну, опубликованных в августе 1949 года. В них довольно откровенно говорилось о внутренних пороках гоминьдана, предопределивших исход гражданской войны.

Под ударами Народно-освободительной армии гоминьдановские войска несли большие потери, отступали, распадались. Расчеты чанкайшистов на то, что им удастся под прикрытием переговоров выиграть время и укрепиться в Южном и Западном Китае провалились. Ширилась поддержка населением борьбы КПК и руководимой ею НОА против реакции. Все это дало возможность созвать 21 сентября 1949 года в Бэйпине первую сессию Народного политического консультативного совета. В ней участвовали более 600 делегатов, утвержденных Подготовительным комитетом НПКС и представляющих все демократические партии и группы, народные организации, Народно-освободительную армию, различные районы и национальности страны, а также китайцев, проживающих за границей. Широкое представительство всех слоев населения позволило НПКС выполнять функции Всекитайского собрания народных представителей, для избрания которого в то время еще не было необходимых условий.

Сессия НПКС приняла Организационный статус НПКС как организации народно-демократического единого фронта всего Китая, цель которого — сплотить все демократические классы, все национальности Китая на борьбу против империализма, феодализма и бюрократического капитала, свергнуть реакционное господство гоминьдана, построить и укрепить Китайскую Народную Республику. Был принят также Закон об организации Центрального народного правительства. Создавался Центральный народный правительственный совет из 63 человек во главе с Мао Цзэдун. Его заместителями были избраны руководящие деятели КПК Чжу Дэ, Лю Шаоци, вдова Сунь Ятсэна Сун Цинлин, лидер Революционного комитета гоминьдана Ли Цзишэнь, председатель Демократической лиги Китая Чжан Лань, председатель народного правительства Северо-Восточного Китая Гао Ган. Генеральным секретарем ЦНПС стал Линь Боцзюй. Премьером Государственного административного совета (высшего исполнительного органа) был назначен Чжоу Энлай, председателем Народно-революционного военного совета — Мао Цзэдун (главнокомандующим Народно-освободительной армией остался Чжу Дэ). Образовались также Верховный народный суд под председательством одного из руководителей Демократической лиги, Шэнь Цзюньжу и Верховная народная прокуратура во главе с Ло Жунхуанем.

Была принята Общая программа Народного политического консультативного совета Китая, имевшая в течение 5 лет, до избрания в 1954 году Всекитайского собрания народных представителей и принятия им Конституции КНР, значение временного Основного закона страны. В Общей программе определялся характер государствен-

* Руководитель прогрессивных сил Синьцзяна Акматджан Касыми, командующий войсками Исхакбек Мунинов и другие деятели ВТР по пути в Бэйпин на первую сессию Народного политического консультативного совета погибли в авиационной катастрофе.

ной власти КНР как демократической диктатуры народа, руководимой рабочим классом, основанной на союзе рабочих и крестьян, объединяющей все демократические классы и все национальности Китая, ведущей борьбу против империализма, феодализма, бюрократического капитала за независимость, демократию, мир, единство и создание процветающего и сильного Китая. Выдвигались задачи доведения до конца народно-освободительной войны, освобождения территории Китая, завершения объединения страны, ликвидации всех особых прав и привилегий империалистических стран в Китае, национализации бюрократического капитала, осуществления аграрной реформы, охраны государственной, кооперативной и частной собственности, экономических интересов рабочих и крестьян, мелкой буржуазии и национальной буржуазии, развития народного хозяйства и превращения Китая из сельскохозяйственной в индустриальную страну, введения равноправия женщин, равенства всех национальностей, объединения со всеми миролюбивыми и свободолюбивыми государствами и народами, прежде всего с Советским Союзом, странами народной демократии и угнетенными нациями. В разделе, посвященном экономической политике, указывалось на существование различных секторов: государственного (социалистического), кооперативного (полусоциалистического), сектора индивидуальных хозяйств крестьян и кустарей, частнокапиталистического и государственно-капиталистического, ставилась задача их координирования и регулирования в интересах развития всего хозяйства под руководством государственного сектора.

Сессия НПК постановила перенести столицу страны из Нанкина в Пекин (Бэйцзин), утвердила государственный флаг (пять золотых звезд на красном полотнище) и гимн («Марш добровольцев»).

1 октября 1949 года состоялся массовый митинг на пекинской площади Тяньаньмэнь, где в обстановке огромного энтузиазма было провозглашено образование Китайской Народной Республики. Многолетняя освободительная борьба китайского народа, вылившаяся в национально-демократическую революцию, одержала историческую победу.

В. И. Ленин писал: «...Революционный класс для осуществления своей задачи должен уметь овладеть *всеми*, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности... всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы...»¹⁴. Победа пришла благодаря тому, что Коммунистическая партия Китая сумела сплотить вокруг себя подавляющее большинство народа и обеспечила таким образом соединение героической борьбы Народно-освободительной армии, применявшей оптимальную военную стратегию и тактику, с демократическим движением против гоминьдановской диктатуры, американской экспансии, экономической разрухи, коррупции. Применение различных форм борьбы — военных и мирных, — политическая изоляция гоминьдана, выдвижение на первый план общенациональных и общедемократических целей, начало аграрной реформы — все это обеспечило решающее изменение соотношения сил на фронтах гражданской войны в пользу революции. Исторически сложившиеся особенности Китая предопределили особенно важную роль вооруженной борьбы, армии в противоборстве революционных и контрреволюционных сил. Компартия сумела создать свою армию, закалившуюся в течение трех с лишним десятилетий, заполненных революционной борьбой 1919—1927 годов, гражданской войной 1927—1936 годов, войной сопротивления Японии 1937—1945 годов, «войной самозащиты», начатой для отпора наступлению гоминьдана, которая переросла в стратегическое наступление и разгром реакции.

КПК стремилась широко применять политические формы борьбы, разоблачала гоминьдан как антинациональную партию, виновную в развязывании гражданской войны. Коммунисты активно участвовали в массовом движении на гоминьдановской территории под лозунгами мира, демократии, национальной независимости. Они сумели установить союз с демократическими партиями, привлекли к оппозиции гоминьдану не только рабочих и крестьян, но и деятелей литературы, искусства, просвещения, науки, студенчество, служащих, мелкую буржуазию, даже национальную буржуазию, недобвольную американской экспансией и засильем бюрократического капитала, а также региональные фракции, имевшие противоречия с группировкой Чан Кайши. Все эти силы образовали под руководством КПК единый фронт, обеспечивший включение подавляющего большинства нации в общую борьбу за освобождение и возрождение Китая. В гоминьдановском тылу образовался «второй фронт», подрывавший боеспособность

его огромной армии, которая сама к тому же испытала влияние демократических национально-освободительных призывов КПК.

Огромное значение имела позиция Советского Союза, парализовавшего возможность прямой и широкомасштабной военной интервенции империализма в защиту китайской реакции. Идейная, морально-политическая и материальная помощь нашей страны создала благоприятные внешние предпосылки победы китайского народа.

Образование Китайской Народной Республики имело выдающееся международное значение, оно увеличило силы мира и прогресса во всем мире. Попытки США блокировать КНР не достигли цели. На второй день после провозглашения Китайской Народной Республики правительство Советского Союза заявило об установлении с ней дипломатических отношений. Вслед за тем аналогичные заявления сделали правительства народно-демократических государств, а также Индии, других молодых независимых государств Азии и ряда капиталистических стран, включая Англию. Советско-китайские переговоры конца 1949 — начала 1950 года закончились подписанием 14 февраля 1950 года Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, Соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем и Соглашения о предоставлении кредита Китайской Народной Республике. Договор и соглашения от 14 февраля 1950 года существенно укрепили международные позиции КНР.

«Победа китайской революции была достигнута благодаря направляющей роли марксизма-ленинизма»¹⁵. Она открыла новую эпоху в истории китайского народа, создала условия для превращения Китая в развитое, современное, процветающее социалистическое государство. Но прежде, чем перейти к осуществлению долгосрочных целей, предстояло решать неотложные задачи: завершить освобождение Юга, создать органы власти на местах, приступить к ликвидации бандитизма, восстановлению экономики, подготовить проведение аграрной реформы в новых освобожденных районах, организовать массы и привлечь их к решению политических, социально-экономических и культурных проблем.

К 1 октября 1949 года еще не были освобождены Гуандун и провинции Юго-Западного Китая (Сычуань, Сикан, Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси) и некоторые другие районы. Часть сил 2-й и 4-й полевых армий в день провозглашения КНР развернула стремительное наступление вдоль железной дороги Ухань — Гуанчжоу и, разгромив гоминьдановские войска, 14 октября освободила Гуанчжоу (Кантон) — главный город провинции Гуандун и всего Южного Китая, центр революционного движения 20-х годов. Через 3 дня был взят другой порт — Сямэнь (Амой) на берегу Тайваньского пролива. 1 ноября началась операция по освобождению Юго-Запада. Главные силы 2-й полевой армии при поддержке других соединений повели наступление против последней крупной группировки противника и уничтожили ее. 15 ноября был взят Гуйян (административный центр провинции Гуйчжоу), 30 ноября — Чунцин (самый крупный город Сычуани и всего Юго-Западного Китая, резиденция китайского правительства в годы войны с Японией), 27 декабря — Чэнду (провинциальный центр Сычуани). Несколько командующих гоминьдановскими войсками на Юго-Западе перешли на сторону НОА, в результате чего провинции Юньнань и Сикан были освобождены мирным путем.

Общая численность разгромленных за годы гражданской войны сил противника составила 8 млн. человек. Гоминьдановская армия на материке перестала существовать. Несколько сот тысяч солдат и офицеров бежали на Тайвань, отдельные группы укрылись в Бирме и оккупированных французскими войсками районах Вьетнама.

В апреле 1950 года войска НОА высадились на южнокитайском острове Хайнань, в мае — на Чжоушаньских островах (близ Шанхая). На основе соглашения между представителями Центрального народного правительства и тибетскими властями от 23 мая 1951 года о мирном освобождении Тибета части НОА вступили в этот район.

После освобождения континентальной части страны одной из главных задач стала организация новой власти на местах. В старых освобожденных районах уже в 1948—1949 годах были проведены выборы сельских, уездных, городских, а также провинциальных конференций народных представителей, которые избрали соответствующие правительства. Затем конференции народных представителей Северного Китая (в августе 1948 года), Центральной равнины (март 1949 года) и Северо-Восточного Китая (август 1949 года) образовали народные правительственные советы этих крупных районов. В новых освобожденных районах и городах была установлена система

военного контроля, созданы военно-административные комитеты Северо-Западного, Юго-Западного, Центрально-Южного и Восточного Китая, а также военно-контрольные комитеты провинций и городов, назначавшиеся Народно-революционным военным советом из представителей военного командования, КПК, демократических партий, массовых организаций, торгово-промышленных кругов, деятелей культуры. Задачи органов военного контроля состояли в сломе старого аппарата власти, подавлении контрреволюционной деятельности, установлении революционного порядка, помощи в создании массовых организаций и совещательных органов.

Так закончился 1949 год, год провозглашения Китайской Народной Республики. Китайский народ, Компартия Китая переходили от разрушения реакционного режима к сложной созидательной работе. В решении этой необыкновенно трудной задачи новый Китай опирался на дружественную поддержку Советского Союза.

¹ Третья гражданская революционная война в Китае.— М., 1957.— С. 66.

² См.: Мао Цзэдун. Избранные произведения.— Пекин, 1964.— Т. IV.— С. 341.

³ См.: Чжан Юньин. Гэмин юй фаньгэмин цзюэчжань. Чжунго жэньминь цзефан чжаньчжэн цзяньши. Решительный бой между революцией и контрреволюцией. Краткая история народно-освободительной войны в Китае.— Пекин, 1961.— С. 97—98.

⁴ См.: Рабочее движение в Китае. 1945—1949. Документы и материалы.— М., 1969.— С. 94—95.

⁵ Чжу Дэ. Избранные произведения.— Пекин, 1986.— С. 315.

⁶ См.: Глунин В. И.— Третья гражданская революционная война в Китае 1946—1949.— М., 1958.— С. 156.

⁷ Чжунго синьминьчжучжуй гэмин шици тунши. Общая история периода новодемократической революции в Китае.— Пекин, 1962. Т. 4.— С. 230.

⁸ См. Мао Цзэдун. Указ. соч.— С. 485—489.

⁹ См.: Пэн Дэхуай. Мемуары маршала.— М., 1988.— С. 350.

¹⁰ См.: Рабочее движение...— С. 165—180.

¹¹ Мао Цзэдун. Указ. соч.— С. 506.

¹² Мао Цзэдун. Указ. соч.— С. 505, 508.

¹³ Третья гражданская революционная война в Китае.— С. 209.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 81.

¹⁵ Решение ЦК КПК по некоторым вопросам истории нашей партии со времени образования КНР.— Пекин, 1981.— С. 8—9.

Из истории Общества китайско-советской дружбы в Харбине

Воспоминания И. Лободы о работе в Харбине

1945-1946

И. ЛОБОДА

Разъяснительная работа политорганов Советской Армии в Маньчжурии в 1945—1946 годах была частью разносторонней деятельности, приведшей к «покраснению» Северо-Востока Китая, превращению его в военно-стратегическую базу революции в период Третьей гражданской революционной войны. В русле этой работы проходила деятельность Харбинского общества китайско-советской дружбы, руководимого Ли Чжаолинем. О ней рассказывается в готовящейся к печати книге воспоминаний И. Лободы*. Глава публикуется с сокращениями.

Время мчалось стремительно. За праздником освобождения медленно, но неумолимо последовали нелегкие будни. Нормальная экономическая жизнь огромного региона — от Амура до Великой Китайской стены — была нарушена как военными действиями и параличом транспорта, так и подрывной деятельностью бывшей администрации. Хозяйственный организм страдал тяжелыми недугами...

В деятельности созданных сразу же после освобождения пропагандистских групп в составе советского офицера и нескольких представителей китайской интеллигенции выявились недостатки, влияние групп было незначительным. Свои главные задачи — разъяснение целей вступления Советской Армии в Маньчжурию и политики нашей страны, знакомство с жизнью советского народа — они выполняли подчас формально, не были в состоянии дать населению вразумительных ответов на жгучие вопросы. Повторение надуманных рассказов о том, чего добились советские люди, об их почти райской жизни, порождало лишь чувство зависти. Естественно, что подобное положение нельзя было считать удовлетворительным. Делались попытки найти новые формы работы, но все они неизменно упирались, как в стену, в катастрофически малое число офицеров Советской Армии, умевших хотя бы сносно говорить по-китайски.

В такой обстановке из политуправления фронта, находившегося в Чанчуне, поступило указание о перестройке деятельности органов пропаганды среди китайского населения. Это свидетельствовало о том, что, несмотря на временный характер пребывания советских войск в Маньчжурии, работе среди местных жителей придавалось большое значение.

В директиве политуправления излагался опыт города Чифына, в котором находился политотдел 17-й армии. Там было создано Общество китайско-советской дружбы (ОКСД), показавшее хорошие результаты в разъяснительной работе.

Вряд ли бывает хоть одно существенное начинание, за которым не стояла бы значительная личность, тот, кто убежден в необходимости своего почина, отдает его осуществлению весь свой ум и энергию. Инициатором создания ОКСД в Чифыне, человеком, который нестоловал его, был начальник седьмого отделения политотдела армии, майор Александр Александрович Мартынов.

Его уже нет в живых, но надолго сохранится память о нем у всех, кто знал этого улыбочивого человека. На первый взгляд в Мартынове не было ничего исключительного. Но, несмотря на свою обыкновенность, на внешнее спокойствие, это был человек большой энергии. В то время он, несомненно, уже был видным политработником.

* Лобода Иван Гаврилович в описываемый период работал в политорганах Советской Армии, дислоцированной в Маньчжурии.

Имея востоковедческое образование, он прекрасно ориентировался в обстановке.

По примеру Чифына принимается решение создать Общество китайско-советской дружбы в Харбине с тем, чтобы в дальнейшем распространить его отделения по всей Северной Маньчжурии. Первой проблемой явилось образование правления ОКСД и подбор кандидатуры на пост его президента.

Это оказалось не простым делом. В то время в Маньчжурии не существовало таких объединений трудящихся, которые могли бы выдвинуть своих представителей в правление ОКСД. До разгрома Квантунской армии там действовала «Сехэхуэй» («Общество согласия») — организация, в состав которой автоматически включались все работавшие граждане Маньчжоуго. С помощью «Сехэхуэй» насаждались колониаторские идеи «сопроцветания», самурайская идеология. С приходом Советской Армии общество прекратило свое существование. Отсутствие массовых организаций, как я уже говорил, осложняло подбор в правление ОКСД политически активных рабочих и служащих. Приходилось непосредственно на предприятиях, на собраниях городской интеллигенции организовывать выдвижение кандидатур в состав правления, насчитывавшего примерно сорок человек.

Появились и такие трудности, которых не предвидели. Некоторые кадровые работники, к тому времени прибывшие из Яньани, скептически смотрели на местную интеллигенцию, считая, что она склонна к делам косным, стремится занять независимое положение в обществе. Они говорили, что эти люди, много лет служившие японцам, бросят нас на половине дороги. Им не нравилась даже образованность тех, кого предлагали в правление ОКСД. А политотдел армии хотел иметь там грамотных людей¹.

В правлении оказались разные люди, и попавшие в него случайно, ставшие балластом, и отдававшие себя целиком работе, такие, например, как председатель Харбинского медицинского общества Чжан Боянь или Сунь Ганье, ставший редактором газеты ОКСД «Бэйгун бао». Костяком стали яньаньские кадровые работники. Они выделялись организованностью, определенной политической подготовленностью, понимали необходимость распространения правды о Советском Союзе, о том, какую большую роль сыграл он в разгроме гитлеровского фашизма и японского милитаризма.

Идейность, принципиальность яньаньцев стимулировали активность местных работников. После многих лет войны, жизни в пуританской Яньани они принесли с собой в Харбин романтику борьбы и энтузиазм, что играло положительную роль во всей работе ОКСД. Они вели простой образ жизни, в личных поступках придерживались революционной этики. Никто из них не имел привилегий, выходящих за рамки скромности и оправданности. Такой стиль жизни кадровых работников поднимал их авторитет в массах. К яньаньцам безоговорочно примыкали представители харбинских рабочих. Но и те, и другие, даже взятые вместе, не составляли большинства в правлении. Поэтому не всегда можно было добиться единства.

Различия проявлялись и во внешности членов правления. Кадровые работники демонстративно ходили в дешевых матерчатых туфлях и униформе из домотканых или хлопчатобумажных тканей. Местная интеллигенция, хотя и ходила в поношенных халатах, но под ними, как правило, было тонкое белье, надушенное благовониями.

Харбинскому ОКСД повезло. Его возглавил такой человек, как Ли Чжаолинь, ставший после освобождения Маньчжурии вице-губернатором провинции Бинцзян (по тогдашнему административному делению) с центром в Харбине. Об этом человеке, бывшем командующем Третьей объединенной антияпонской армией в Маньчжурии, в которую входили некоторые корейские партизанские подразделения, у нас написано досадно мало. Мне о нем также известно очень мало, хотя я с ним общался еще до войны с Японией. Расспрашивать было неудобно, так как это почему-то считалось некорректным. Но кое-какие сведения накопились.

Родился Ли Чжаолинь в небольшой деревне Сяюнгунань недалеко от города Ляонина. После окончания средней школы учился в Пекине, где и вступил в Компартию Китая. Ему всегда давались трудные партийные поручения, и он справлялся с ними. В 1931 году по решению организации пекинских коммунистов он был направлен в Маньчжурию, где в октябре в составе антияпонской добровольческой армии принимал участие в боях с захватчиками. В 1935 году Ли стал командиром полка в Третьей объединенной антияпонской армии, а затем начальником ее политотдела, а в 1938 году — уже командующим армии.

Внешне Ли Чжаолинь ничем не выделялся, но все, кто с ним общался, знали его как волевого человека, умеющего хорошо распознавать уязвимые места противника, использовать его слабости, предвидеть и направлять события. Его отличали желание всегда идти вперед, стремление развивать достигнутый успех. Чуткость к товарищам и бесстрашие снискали ему уважение со стороны подчиненных. Здесь большое значение имело убеждение самого Ли Чжаолиня, что мужество — это результат самодисциплины, что в каждом человеке есть силы и способности, для проявления которых надо, чтобы человек уверовал в себя.

Стремление окружать себя умными людьми, умение с вниманием выслушивать мнение других помогали Ли Чжаолиню решать сложные вопросы. Он не позволял себе резких суждений о товарищах, умел легко переводить разговор в другое русло, когда ему что-то не нравилось или когда он не хотел касаться деликатных тем. Писал он просто и гладко, не любил длинных, тягучих речей.

Несомненно, что на характер и привычки этого человека наложили печать суровые годы, проведенные в гириных и хэйлуцзянских лесах, постоянное общение с девственной природой, жизнь, полная опасностей, познание высокой цены товарищеской помощи и солидарности.

Завидные личные качества командующего армией помогли сementировать партизан, поддерживать высокий боевой дух.

Имя Ли Чжаолиня (партизанский псевдоним — генерал Чжан Шоуцян) было широко известно в Маньчжурии, обросло легендами. Крестьяне называли его «орлом, полным воинственного пыла», героем, который «хватал тигра за хвост и не был им растерзан».

Перед освобождением Маньчжурии Ли Чжаолинь оказался в эмиграции и вернулся на родину зрелым коммунистом-интернационалистом вместе с советскими войсками. Население приняло его с восторгом и почестями, которых он вполне заслужил своими подвигами в партизанской войне...

Я был участником первого заседания правления ОКСД, когда решались организационные вопросы и готовился перспективный план работы. Оно длилось много часов, так как Ли Чжаолинь, изложив свое личное мнение о работе ОКСД, просил высказаться практически каждого члена правления. Принятый план включал мероприятия как на ближайшее время, так и на перспективу. Он стал основой работы ОКСД до возвращения Советской Армии на родину.

В этом документе нашло отражение самое важное — развертывание разъяснительной работы на заводах, верфях, на железной дороге. Намечались мероприятия по созданию отделений ОКСД в других городах Северной Маньчжурии, обеспечению их пропагандистскими материалами.

Позже мне пришлось вместе с Ли Чжаолинем побывать на крупнейшей в Маньчжурии табачной фабрике, принадлежавшей полякам братьям Лопато. Ли проводил там собрание по созданию отделения ОКСД. Я знал, что его выступления пользуются большим успехом, но не полностью представлял, как он велик. Слушатели аплодировали так сильно, как только могли, выражали свой восторг и согласие одобрительными криками. Ли не скрывал, что жизнь будет трудной, не убаюкивал красивыми словами, прекрасно зная, сколько зла принесла китайцам ложь в прежние времена.

Под руководством Ли Чжаолиня ОКСД развернуло большую работу. Она слагалась из устной и печатной пропаганды. Для этого ОКСД располагало хорошей материальной базой. В его распоряжение были предоставлены только в Харбине три здания для клубов, много музыкальных инструментов, кинотеатр, особняк для правления, типография, литография, бумага, типографские краски и другое трофейное японское имущество. Типография и литография, выполнявшие и частные заказы, а также кинотеатр приносили определенный доход в бюджет ОКСД.

Периодически выходили газета «Бэйгуан бао», журналы «Чжунсу юхао» (два раза в месяц) и «Жэфэн» (еженедельник). Если в газете и первом журнале помещались статьи о прошлых и настоящих отношениях между Китаем и СССР, традиционной дружбе наших народов, текущая информация о жизни в СССР, то «Жэфэн» был задуман как литературно-художественное издание, вокруг которого спланивались национальные писатели и журналисты.

Общество выпускало также брошюры, содержавшие партийные и правительственные документы Советского Союза, статьи из советских теоретических журналов. Издавались плакаты — копии советских, а также работы местных китайских художников.

Издательская деятельность ОКСД создавала некоторые проблемы советскому командованию, которое несло ответственность за политическую направленность публикаций в зоне дислокации войск. Назову главную из них. При переводе на китайский статей, подготовленных Совинформбюро, произвольно сокращался и редактировался их текст. Упор делался на проклятия и обвинения в адрес гоминьдановцев. Вместе с тем оставалась фамилия автора, например известного советского ученого, общественного деятеля и т. д. Это вызвало протесты МИД Чунцинского правительства, с которым СССР продолжал поддерживать отношения на основе Договора о дружбе и союзе от 14 августа 1945 года.

Но, вопреки всем недостаткам и упущениям, Харбинское ОКСД с его отделениями становилось все более влиятельной организацией. Разрушалось привитое японской пропагандой ложное представление о нашей стране. Не менее важным было и то, что участие в работе ОКСД приобщало население к активной общественной жизни.

... Девятого марта 1946 года произошло непредвиденное. Был злодейски убит Ли Чжаолин (только со спины восемь кинжальных ударов в область сердца). «Правда», сообщая о его похоронах в Харбине, в которых приняло участие более ста тысяч жителей, назвала Ли Чжаолина героем китайского народа. Она писала, что похороны превратились в «грандиозную массовую демонстрацию протеста против реакции под лозунгом борьбы за демократизацию Китая, за укрепление китайско-советской дружбы»².

Я принимал участие в организации похорон. В течение шести дней и ночей над гробом Ли Чжаолина мы оплакивали не только своего товарища, но и пламенного борца за счастье китайского народа, за то, чтобы мы и китайцы вечно жили в дружбе.

Харбин увековечил память этого выдающегося человека. Его именем назван самый большой парк у Сунгаря — Чжаолин гунъюань (в нем и похоронен герой китайского народа), проспект Сюй малу — Чжаолин малу, харбинская средняя школа.

¹ Позже, уже после образования КНР, работая в Главном политическом управлении НОАК, я не раз удивлялся тому, как не принимались в расчет образованность и даже просто грамотность людей при назначении их на должности, иногда высокие. Своеобразным оправданием этому служили слова, будто сказанные Мао Цзэдуном, что известные генералы НОА Сюй Шию, Хань Сянчу, Чэнь Силян и другие никогда не ходили в школу, а основатели Ханьской и Минской династий Лю Бан и Чжу Юаньчжан были вообще неграмотными.

² Правда. — 1946. — 14—16 марта.

ВАН ХУНИН

Процесс преобразований, перестройки всей системы общественных отношений охватил большинство социалистических стран. Одной из основных целей данного процесса является создание демократической политической системы. Однако на этом пути возникает ряд проблем теоретического и практического характера, в том числе наиболее острая на сегодняшний день проблема политической стабильности в перестроечных обществах, ее корней и гарантий. Эта проблема привлекла внимание китайских ученых; так журнал «Чжэнчжиское яньцзю» («Политологические исследования») в № 1 за 1989 год опубликовал статью известного политолога Ван Хунина «Анализ взаимосвязи политической демократии и политической стабильности». Публикуем реферат статьи.

Автор статьи считает, что развитие современного общества, особенно общества, осуществляющего модернизацию, ставит перед политической системой две цели — демократизацию политической жизни и ее стабилизацию. Эти два понятия заключают в себе взаимосвязующие и взаимоотталкивающие факторы, координация действий которых связана с выбором основного направления политического развития государства. С одной стороны, создание и существование демократии немисливо без политической стабильности, с другой стороны — сама демократия, отрицая прежнюю систему, неизбежно нарушает стабильность, и последняя, в свою очередь, устанавливает границы политической демократизации (с. 35).

К категории стран, где политическая нестабильность проявляется особенно широко, автор относит страны, находящиеся на поворотном этапе своего развития, а именно развивающиеся и социалистические. Если в развивающихся странах политическая нестабильность проявляется на этапе перехода от состояния «сытости и тепла» к «малому благосостоянию», то в современных социалистических странах — на этапе радикальных преобразований, особенно в сфере политики. Перестройка в социалистических странах традиционной системы с чрезмерной концентрацией политической власти вызывает широкие требования установления политической демократии, изменения прежнего общественного порядка. Это формирует причины политической нестабильности, степень проявления которой зависит от национальной специфики (с. 35).

При исследовании явления политической нестабильности автор придерживается системного подхода в сочетании с конкретно-историческим анализом. Рассматривая нестабильность не изолированно, а в широкой социальной среде, он связывает ее возникновение с преобразующей деятельностью человека. Преобразование одного элемента системы общества оказывает прямое или косвенное влияние на другие взаимосвязанные элементы. При этом безразлично, являются действия человека осознанными или нет. Невозможность политической нестабильности в условиях перестроечных обществ вызвана изменениями определенных исторических, социальных и культурных условий. Нестабильность как бы сигнализирует об этих переменах, на передний план выдвигается проблема контроля и управления ею. В целом, отмечает автор, «политическое развитие представляет собой непрерывный процесс перехода от состояния политической стабильности к нестабильности, и вновь к стабильности» (с. 36).

Систематизация разнообразных конкретных причин политической нестабильности также подтверждает вывод автора о том, что эти причины кроются в столкновении нового

Ван Хунин — магистр права, доцент Фуданьского университета, член правления и заместитель секретаря правления Китайской ассоциации политических наук, автор ряда монографий и научных статей по проблемам политологии.

порядка с порядком старого общества (социальным, политическим, экономическим, правовым, культурным, религиозным, психологическим и т. д.) (с. 36).

Политическая нестабильность, предвещающая начало социальных преобразований, способна создать много ситуаций, когда в равной степени возможно движение как к решительному прогрессу, так и к полному восстановлению старой системы. Возникает вопрос, действительно ли модернизация общества неизбежно ведет к политической демократии, действительно ли демократия создает коренные условия политической стабильности? В современной мировой истории, считает автор, еще не накоплен достаточный опыт, чтобы это подтвердить (с. 37).

Для «постреволюционных обществ» большинства социалистических стран характерны преувеличенная роль идеологии и высокоцентрализованная система власти. Развитие процесса модернизации меняет данную систему. В этих условиях возможно возникновение политической нестабильности. Автор выделяет две ее основные формы: во-первых, политическую нестабильность относительно прежней стабильности, не влекущую за собой всестороннего кризиса общества; во-вторых, абсолютную политическую нестабильность, серьезно препятствующую политической жизни (с. 37).

Автор констатирует, что политическую демократию рассматривают, как правило, в качестве стабилизатора политической модернизации. Политическая демократия является главным критерием и основным условием модернизации общества. Однако надежды, возлагаемые на демократию в деле обеспечения политической стабильности в обществах, осуществляющих модернизацию, не подтверждаются реальностью послевоенного развития стран Латинской Америки, Африки и других государств. В социалистических странах на этапе реформ проявляются сходные общие тенденции, о чем свидетельствуют события в Югославии, Советском Азербайджане, студенческие демонстрации в Китае и т. д. В результате у определенной части людей возникает сомнение в эффективности и значимости политической демократии (с. 37—38).

Автор также исследует природу возникновения политической нестабильности, раскрывая понятие «политическая демократия». Он выделяет два уровня демократии — философский, теоретический и процедурный, технический. Демократия в ее философском определении реализуется на практике только через определенный политический процесс и политическую технику. Чтобы это осуществить, необходимы политическая открытость, участие граждан в политике, гражданские права, система выборов, определение компетенции и функций правительства, соответствующий правительственный механизм, система права, правовые регуляторы, регуляторы власти и т. д. В условиях перестроечных обществ, вступивших на путь политической демократизации, разрыв между философским и процедурным уровнями демократии часто ведет к возникновению нестабильности (с. 38).

Философский уровень демократии включает в себя политические идеалы, политические цели, а также морально-этические нормы. Их выбор и попытки достижения — общая тенденция исторического развития человечества. Однако, считает автор, общества, осуществляющие модернизацию на процедурном уровне демократии, не имеют для этого соответствующей основы. Старая система не подготовила стройного порядка политической демократии, а новая еще не сформировала его. В условиях, когда общество испытывает мощное давление со стороны философских представлений о демократии, но в нем отсутствует механизм демократических процедур, возникновение политической нестабильности неизбежно (с. 38).

Проблема политической стабильности освещена в статье и с точки зрения форм и особенностей осуществления функций по управлению обществом демократическим и авторитарным строем. На основе сравнительного анализа автор делает вывод, что оба строя заключают в себе факторы стабильности и нестабильности. В то же время авторитарный строй относительно соответствует условиям традиционного общества и поэтому обеспечивает определенную политическую стабильность, условия же перестроечного общества еще не в полной мере созрели для демократического строя, что ведет к нестабильности (с. 39).

В обществе, не создавшем соответствующих социальных условий и демократических процедур, политическая демократия ведет к политической нестабильности (с. 39).

Из анализа мировой истории видно, что в обществах, осуществляющих модернизацию, авторитарный строй имеет больше возможностей обеспечить политическую стабильность,

чем строй демократический. Однако политическая стабильность авторитарного строя не отвечает интересам развития человечества. Это доказывает, отмечает автор, что стремление к политической стабильности не должно быть самоцелью. Вместе с тем при решении данной проблемы возникает препятствие психологического характера. Оно состоит в том, что обществу сложно согласиться на возникновение политической нестабильности во имя преодоления авторитарной стабильности, поскольку это грозит большими бедствиями. Выход из этого положения автор видит на путях реализации модели «политическая демократия — политическая стабильность» (с. 40).

Формирование политической стабильности демократического типа рассматривается в статье как длительный процесс. Модель «политическая демократия — политическая стабильность» нуждается в определенных условиях, которые лишь частично имеются в перестроенных обществах. Поэтому выбор данной модели требует разработки целостной стратегии политического развития. По мнению автора, первостепенное внимание в этой связи следует обратить на ускоренное создание нового общественного порядка, на стимулирование роста экономики общества, на развитие в полном объеме процедурного уровня демократии. Последнее условие является конечной гарантией политической стабильности (с. 40).

Процедурный уровень демократии также обеспечивает условия строительства модели «политическая демократия — политическая стабильность». В то же время полное его развитие невозможно представить вне демократических норм и демократических систем, без социализации демократии, распространения ее на низовых уровнях, демократической морали и т. д. (с. 41).

В условиях здорового демократического строя, находящегося в благоприятной внешней среде, политическая стабильность достигается за счет открытости политической системы общества, широкого участия граждан в политическом процессе, развития демократических процедур и норм, широкой представительности политической власти, политической состязательности. В заключении автор еще раз подчеркивает, что без подготовки обязательных и достаточных условий политическая демократия не в состоянии автоматически привести к политической стабильности. Выбор политической демократии означает прежде всего выбор различных необходимых условий ее развития (с. 41).

Реферат статьи подготовил кандидат исторических наук И. В. ВАСИЛЬЕВ

ЧЭНЬ ЦЗУФЭНЬ

Дан Чжиго, герой публикуемого очерка, — убежденный и увлеченный человек, единственный смысл жизни которого — творчество. Он принадлежит к тому племени людей, которые не похожи на других и творчески непредсказуемый поиск которых, как хаотическое движение молекул, складывается в единый поток, который, в свою очередь, на верное, и составляет основу движения всего человечества.

Летнее время. Преобразования и принуждение

— Поезд № 35 Пекин — Сиань прибывает в Сиань. Время прибытия восемь часов шесть минут.

— Поезд № 238 Чэнду — Сиань прибывает в Сиань. Время прибытия девять часов 12 минут.

— Поезд № 425 Тайюань — Сиань прибывает в Сиань. Время прибытия девять часов 12 минут.

Всякий раз после слов диктора в каждом поезде с нетерпением поднимались люди — писатели, корреспонденты. В мае 1986 года в Сиань прибыло много таких необычно взволнованных людей. Сердца же их, обогнав поезда и самолеты, уже давно находились здесь. Корреспондент «Жэньминь жибао» всю ночь мчался к древней столице на мощной легковой «короне». Спецкор «Янчэн ваньбао», услышав об открытии самого крупного в стране императорского захоронения, тоже прыгнул в автомобиль и примчался из Гуанчжоу в Сиань.

Захоронение было сделано в эпоху Цинь, то есть 2600 лет назад. Бесценный материал для изучения древней жизни, политики, экономики, культуры рабовладельческого общества.

С точки зрения марксизма, железное оружие — это показатель, говорящий о таком уровне развития производительных сил, который характерен для рабовладельческого общества. Циньское захоронение — это 180 саркофагов с останками воинов, похороненных со своим хозяином. С другой стороны, здесь найдено более десятка предметов железного оружия, и это не может не говорить об уровне производства. Неужели циньские солдаты смогут объявить войну марксизму?

Итак, вместе с толпой разгоряченных, спешащих к раскопкам людей я оказался в поезде, идущем в Сиань. Однако дело было в том, что я сам направлялся не к глиняным циньским воинам. Мне был нужен живой человек — человек, который, судя по всему, был выдающимся экономистом-теоретиком. Мне очень хотелось верить, что он своей теоретической работой сможет помочь сегодняшней экономической реформе.

4 мая. Мой 279-й поезд отправляется вечером, в начале девятого. Сажусь на свое место в вагоне, смотрю на часы. Начало восьмого? Неужели я так рано вышел из дому? Как я умудрился прийти на час раньше? Нет, я не мог так ошибиться. Сколько же времени, в конце концов, семь или восемь?

Двое вокзальных служащих в серой и зеленой формах показали мне в окно свои часы: восемь. Но потом и тот, и другой сказали:

— Честно говоря, я и сам точно не знаю...

На часах восемь. Почему же им не ясно? Я словно стал героем сюрреалистического рассказа и оказался в мире, в котором не действовали законы логики.

Наконец, правда, нашелся пассажир, который сказал:

— Теперь все, кажется, отодвинуто на час раньше.

Отодвинуто?

Потом кто-то объяснил:

— Сегодня ввели летнее время. Стрелка переводится на час, и получается, что сегодняшние восемь — это вчерашние девять.

— Вообще нет. Сегодняшние восемь — это вчерашние семь.

Точно! Я не перевел часы, и на них семь. Я все понял и только после этого заметил в глазах сидящих пассажиров удивление и даже плохо скрываемое раздражение, за которым скрывалось то, что они уже привыкли, смирились. Летнее время, так летнее, ничего не поделаешь.

Однако летнее время не было «гостем», которого радостно встретили все. Многие ворчали:

— Все перепутали, да еще вставать все время на час раньше. Кому это нужно? Жили без этого, без этого и умрем...

Так сурово? Но ведь летнее время — это не зарплата, кому-то меньше, кому-то больше. Не может же кто-то получить на час меньше, чем остальные. Вот где полное равенство! Никто не понесет убытков, никто не заплатит дорогой ценой. Зная, как движутся Земля и Солнце, можно ввести экономящую энергию систему времени. Германия, Франция, Англия, Италия и многие другие страны так и поступили еще в 1916 году. Но сколько разговоров и горячих споров вызвала такая система в 1986 году в Китае!

«Я никак не могу понять, почему китайцы так спокойно относятся к старому и так болезненно к чему-либо сравнительно новому; они готовы пожертвовать всем ради того, что уже есть, но так придирчивы к тому, что только возникает». Это, конечно, Лу Синь.

Откуда-то, из другого конца вагона, донеслась модная песенка:

Али, Али-Баба,
Али был веселый паренек...

Независимо от того, был ли веселым Али или нет, песенку слушать было приятно. Она словно помогала вспомнить молодость.

Китай, переходящий на летнее время, — это тоже молодой человек. Молодой человек, вступивший в этап раздумий о своей жизни.

В вагоне вдруг погасли все огни, и стало совсем темно. Я вышел в коридор, где горел дежурный свет, посмотреть на часы. Странно, только девять. А свет гасят в десять. Ах, ну конечно, я до сих пор не перевел часы. Ведь знал же, а не сделал. Я снял часы и перевел стрелку. Хотел я того или нет, мне пришлось это сделать.

Позже, уже вернувшись из Сианя, я не увидел в Пекине никаких беспорядков, которые могли бы произойти из-за летнего времени. Транспорт ходил точно, никто не ошибался, никто уже и не обсуждал происшедшее нововведение. Как будто летнее время существовало в Китае не с 4 мая 1986 года, а с незапамятных времен.

Нужно только решиться на преобразования. Ведь китайцы обладают исключительной способностью к адаптации.

Я прибыл в Сиань. Шло время преобразований. Преобразовывалось само время.

Беглый преступник

На перроне сианьского вокзала я увидел высокого мужчину, эдакого верзилу. Высоко в воздухе он держал лист бумаги с подписью: «Встречаю Чэня». Это был наш опознавательный знак. Я никогда его не видел, но мне почему-то казалось, что смогу сразу его узнать. Я вообще был полон радужных надежд. Казалось, все будет как в известном высказывании: пришел, увидел, победил. Но вот я пришел, увидел, и возникло ощущение, что я проиграл.

Передо мной — беглый каторжник.

Первое впечатление было ужасным. Длинное, вытянутое лицо, которое, казалось, никогда не отмывалось дочиста. Ему было 50, но я подумал, что он никогда не был молодым, что он сразу родился вот таким, старым. Прямой, какой-то потемневший нос и треугольные глаза, в которых ничего не разберешь. От носа спускаются к углам рта глубокие, словно вырубленные в камне, морщины. Рот — вырубленная одним ударом черта.

На матерчатых туфлях кожаные заплаты. Я уже много лет не видел таких туфель с такими заплатами. И не припомню, видел ли я, чтобы белки глаз у кого-нибудь были такими желтыми. Не белки, а желтки. От всего увиденного я пришел в замешательство. Хотелось покончить с этим делом, так его и не начав. Ко всему прочему на нем был новый, ни разу, видимо, не надеванный европейский костюм. Но ткань была, наверное, так плоха, так легко мялась, что костюм выглядел совершенно изжеванным. При одном взгляде на него портилось настроение.

Редкие волосы топорщились вокруг лысеющей макушки. Позже я услышал, как он рассказывал кому-то, что красит волосы в черный цвет — чтобы не выглядеть совсем седым. Я удивился. Неужели эти несколько волосков стоят того, чтобы их красить?

Но он говорил об этом с таким значением, с такой уверенностью в себе, словно каждое его слово и каждый его поступок ценны сами по себе.

Первое письмо я получил в марте и сразу решил, доделав срочную работу, поехать к автору. Верил, что поездка не будет бесплодной. Письмо подсказывало, что есть шанс столкнуться с неординарным, обладающим свежестью взгляда мыслителем: «Сколько ни рисуй в художественных или публицистических произведениях светлые образы сторонников реформы — все они не смогут превратить бездельника или консерватора в убежденного борца за преобразования. Эти образы воодушевят только тех, кто и так все свои надежды связывает с идущей реформой. Однако и люди, всеми помыслами поддерживающие реформу, совсем не обязательно получают реальную возможность проводить ее в жизнь: у них просто нет власти для того, чтобы как-то влиять на ситуацию. Поэтому вопрос состоит не в том, чтобы работников, занимающих руководящие посты, делать сторонниками реформы, а в том, чтобы сторонники преобразований поднимались на руководящие посты... Главным критерием выдвижения должно стать соответствие деятельности человека целям реформы».

И все же я ничего не знал о нем. Стоит ли к нему ехать? Он так не похож на обычного, добропорядочного человека. Спрятав командировочные, я решил ехать за свой счет, чтобы «Народная литература» не несла никакого финансового риска. Хотя, конечно, мне придется объяснять, на что я потратил время.

...Он взял мою дорожную сумку со словами:

— Вот сумка. Что бы я вам ни говорил, вы ни за что не будете ее портить или выкидывать. Вы совершенно естественно будете ее беречь — потому что это ваша собственность и вы можете ею пользоваться и распоряжаться. Вы хозяин этой сумки. И вас совсем не нужно специально обучать психологии хозяина. Мы же на протяжении тридцати лет пытаемся заставить рабочих и служащих государственных предприятий чувствовать себя хозяевами, а тем самым только распишемся в том, что никакие они не хозяева.

И я тут же вспомнил то место в его длинном письме, где он говорит о ключевом вопросе реформы. Ключ к реформе, пишет он, лежит в отношениях собственности.

Что за человек! Настойчиво заставляет тебя рыться в прошлом. Но сам всегда здесь, прочно стоит в настоящем.

Дух вместо материи, или Сознание определяет бытие

На площади Тяньаньмынь стоит высокий смуглый молодой человек с бритой головой. На нем грубая зеленая холщовая куртка и холщовые же, широкие, выкрашенные, видимо, дома самим хозяином в черный цвет штаны. Штаны должны держаться на лямках, которые почему-то белого цвета. Эти лямки дерзко соскочили с плеч — наверное, для того, чтобы еще больше выделяться на бескрайнем черном фоне штанов. Однако выглядит этот молодой бритоголовый человек довольно уверенно. В том, 1954 году в газете «Цюньжун жибао» был опубликован список тех, кто в провинции Шэньси сдал вступительные экзамены в вузы. Первым стояло имя Дан Чжиго из уезда Вэйчэн, поступившего в университет Цинхуа. Дан Чжиго, обнаружив себя в списке, первым делом поехал в Пекин на площадь Тяньаньмынь,

где и сфотографировался. Сейчас он смотрит на нас с этого снимка.

Белые ляжки выглядят комично. Но разве в них дело? Студенту первого курса университета Цинхуа Дан Чжиго нет преград. Покрасить ляжки тушью — и все дела. Вот. Очень хорошо. Лучше и быть не может. Бритая голова выглядит нелепо. Отпустить волосы? Купить костюм вместо домотканого комбинезона? Такие мысли даже не приходили ему в голову. Он вообще никогда не думал о своем внешнем виде. Через 32 года, узнав о моем приезде, он немного забеспокоился, что у него нет приличной одежды, и спешно купил тот самый костюм, который я на нем увидел.

У него, безгранично верящего в возможности человеческого духа, до сих пор не было ни одной вещи, хоть как-то сравнимой с этим костюмом.

...Китай 50-х. Товарная экономика не развита, материальных благ не хватает. Но люди спокойны и радостны. Китайцы, как известно, всегда довольствовались малым. Однако компенсировать моральными стимулами нехватку материальных благ, подменяя их лозунгами, можно только в течение определенного срока, имеющего свои пределы. Чрезмерно увлекшись подобной философией, можно от призывов замены материального развития духовным прийти к положению о том, что сознание определяет бытие. Некоторые «убежденные материалисты» фактически и отказываются от главного постулата материализма. Через 30 лет Дан Чжиго писал в одной из своих статей: «...использовать общественное сознание для воздействия на различного рода общественные явления. Положительные общественные явления — порождение положительного общественного сознания, негативные явления — продукт негативного общественного сознания. Значит, весь вопрос заключается в пропаганде одного образа мыслей и критике другого».

В 57-м такая критика, словно пожар, охватила весь университет. И, как пожар, она ширилась, сжигая все на своем пути... Дан Чжиго вышел на трибуну: «Они не правые уклонисты!» Дан Чжиго пришел в партийный комитет: «Они не могут быть правыми уклонистами!»

— Чтобы линия партии была нерушимой, — сказал он на собрании, — нужно дать людям возможность сомневаться. Человек потом сам себе все докажет, и тогда это будет настоящая вера. И настоящая сплоченность.

В словах Дан Чжиго не было фальши. Он родился на берегах Хуанхэ и сам был цельным и простым, как эта древняя река. В том чувстве привязанности, в доверии, которое он испытывал к партии, не было никаких примесей. Он просто сказал о том, что было у него на сердце. Но эти его слова были признаны ошибочными, правоуклонистскими.

Чрезмерный упор на роль сознания неизбежно приводит к обратному результату — к ликвидации идейной свободы. Дан Чжиго был верным учеником своих преподавателей, а из него сделали не просто «правого уклониста», но «ультраправого». Однокашник и друг Цзе Ба раньше всегда дразнил его:

— Дан-дан-дан-дан... Чжиго!

Испытывая терпение приятеля, Цзе Ба мог держать паузу полдня и только потом выкрикивать его имя. Но теперь Цзе Ба не осмеливался окликать его по фамилии*. Он даже перестал обращаться к Дан Чжиго на людях. И только наедине говорил ему одно и то же:

— Раскаянье грешника — на вес золота...

Через два месяца недумавший и негадавший Цзе Ба сам стал «грешником» — правым уклонистом. Грешник номер два встретил грешника номер один, покачал головой и только сказал:

— Кто прошлое помянет...

После того как Дан Чжиго был назван «ультраправым», он три дня не мог есть. Он правый уклонист? Но ведь партия не может ошибаться. Она всегда права. Значит, причины нужно искать в себе. Но все это никак не укладывалось в голову. Лучше всего сначала прямо признать — виноват ты. А потом потихоньку размышлять.

* Иероглиф «дан» означает «партия, сообщество, группа».

Среди правых уклонистов в 57-м году было много сторонников развития передовых производительных сил. В 56-м ЦК партии выдвинул курс «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», и в 57-м ожидалось бурное развитие производительных сил. Уклонисты были побиты их же оружием. Извините, но свобода мысли вам не нужна, потому что никому не нужны ваши мысли.

Запланированная слепота производства

В окрестностях Сианя есть крупный керамический завод. Разрабатывая залежи глины, рабочие завода наткнулись на старинные религиозные захоронения. Здесь покоился «прах Будды». Обычай таких захоронений был в чести у буддистов и у китайских императоров, и бывают такие захоронения самыми разными: следы буддийских кремаций, тайники времен борьбы с иноземцами, множество захоронений простых верующих китайцев — и везде золото, серебро, хрусталь. В найденном возле керамического завода захоронении обнаружилось хрустальные изображения «праха Будды»...

Для китайца традиционно связывать свою судьбу со своими убеждениями, своей верой. «Правый уклонист» Дан Чжиго, прочитав в газете о том, что с одного му* собирается теперь 300 центнеров риса и 6000 центнеров батата, покончил со своими сомнениями: государство могло добиться таких успехов только потому, что очистилось от правого уклона. Ты объявлен правым уклонистом, и значит, так и есть на самом деле.

Стало очень неудобно ходить в магазин. Раньше можно было спокойно сказать продавцу:

— Товарищ, дайте, пожалуйста, то-то и то-то.

А сейчас как он может называть кого-то товарищем? Он уже никому не товарищ. Конечно, можно эдак просто сказать:

— Дайте мне вот это.

Но это так невежливо.

Хотя откуда может знать продавец, что ты правый уклонист? Зачем создавать себе дополнительные неудобства? Вопрос в том, считает ли он сам себя правым уклонистом. Поскольку он абсолютно верит партии, верит каждому ее слову, он не должен верить себе.

Обвиненные в правом уклоне студенты и преподаватели университета были посланы на трудовое перевоспитание на угольные копи Мучэнцзян в окрестностях Пекина. Пневматический бур. Взрывные работы. Погрузка угля. Переноска угля. В конце 60-го Дан Чжиго был вместе с другими студентами освобожден и вернулся в родной уезд Вэйчэн. Но был ли это его прежний родной край? Хлопок падал на землю, никто его даже не подбирали. Созревал батат, но крестьяне выковыривали только тот, что был сверху, остальной оставляли гнить в земле. Денег ни за что не платили. Еда, правда, была бесплатной. Ни в одном дворе нельзя было найти металлическую плошку — все ушло на выплавку стали. Заверения 59-го превратились в один сплошной крик о том, что с одного му собирается уже 500 тонн зерна. А ежедневный рацион крестьянина в уезде в 60-м году не превышал 250 грамм. Потом уже начали есть кору деревьев, растирая ее в муку. А потом люди стали от голода умирать — в Ганьсу, Хэнани, Шаньдуне. Сианьский вокзал был переполнен беженцами...

Сколько же собирали с одного му?

Чем человек смелее, тем земля щедрей. Чем лучше идеология, тем больше урожай. Почему никто тогда не выступил против этой абсурдной позиции? Главный вред заключался не в том, что несколько сотен тысяч человек стали правыми уклонистами, а в том, что был ликвидирован основной принцип демократии — право каждого человека на собственное мнение.

Дан Чжиго не осмеливался думать о будущем, сомнения снова пришли к нему. Он стал более молчаливым, может быть и от постоянного недоедания. Много читал — в основном Маркса и Ленина. Потом он напишет в одной из статей:

* Му — около 0,06 га.

«Когда человек, который не знает о законе всемирного притяжения, прыгает с высокой горы, то его незнание вовсе не отменяет действия этого закона. Точно так же, когда в человеческом, государственном, общественном сознании не учитывается действие определенного экономического закона, то этот закон все равно сыграет свою роль, и сыграет ее к тому же безжалостно и беспощадно». «Запланированная ошибка наносит производству гораздо больший вред, чем полное невмешательство правительства».

Запланированное нарушение экономических законов — это не частное, случайное нарушение, а всеобъемлющее и всеобщее, и вредные последствия ее приобретают потому несравнимо большие масштабы.

Дан Чжиго изменился: в своих глазах он перестал быть правым уклонистом, вновь обрел самого себя. К нему вернулись присущие ему простота, уверенность в себе.

Экономические корни «культурной революции»

Выпрямиться, расправить плечи, чтобы живой бежала кровь, мозг получал больше питания, ясней мыслилось. Дан Чжиго, желая добиться остроты и ясности мышления, каждый день, придя домой с работы, читал «Капитал». Надо сказать, что эта необходимость — «грызть» неподатливый «Капитал» — действительно отточила его мысль.

В феврале 1970 года Дан Чжиго с неизбежностью, как «правый», подвергся издевательской критике, его заставили участвовать в политической демонстрации, потом еще в разных спектаклях времен «культурной революции». В конце концов его осудили на 20 лет тюрьмы.

— Вот что я хочу спросить у тебя, старина, — не выдержал как-то его сосед по камере, — тебя осудили на такой жуткий срок, а ты по виду даже не расстроился.

— А с чего мне расстраиваться?

— Ты ведь 20 лет будешь сидеть. Выйдешь, когда тебя уже будет за 50.

— Этого не может быть.

— Как это? Сейчас тебе 35, через 20 лет, значит, 55 будет. Не так, что ли?

— Я не буду сидеть так долго. Это они думают, что 20 лет. Но развитие страны не подчиняется их воле. Я верю в законы, которые нельзя отменить. Думаю, отсидю максимум 10 лет.

— Ну-ну. Ты целыми днями читаешь «Капитал», а что может твоя арифметика? Какая цена, да насколько чего растет, какая зарплата, да что из всего этого получается...

— Я хочу узнать, что делают с деньгами капиталисты. — Дан криво улыбнулся. — Чтобы потом самому правильно обращаться с деньгами...

Конечно, это была шутка. На самом деле где-то в подсознании сидела мысль, что главное для него — не умереть, выжить, и, быть может, именно потому — нужно изучать экономику. Брать никем не тронутые, никем еще не решенные проблемы. Тем более, что для себя он окончательно решил: в основе всех грядущих общественных изменений будут лежать законы развития экономики. На долю Дан Чжиго выпало 20-летнее заключение, на долю страны — неутраченная «революция», которая совсем не учитывает интересы производства и которая является не только плодом ошибочных идей, но и результатом глубоких экономических процессов.

(Конечно, Дан Чжиго тогда не мог знать о существовании «банды четырех». Он думал только о закономерностях развития экономики.)

Глупец на самом деле глуп потому, что не догадывается о своих недостатках. Дан Чжиго не был похож на такого глупца. И не потому, что он обладал какими-то особенными мыслительными способностями, а потому, что судьба всегда толкала его к возможности объективной самооценки. В 57-м он видел, как репрессировали преподавателей, отстаивавших прогрессивное развитие производительных сил. Он был одержим мечтой благоустройства самых отдаленных и слаборазвитых районов страны и для этого поступил на факультет водного хозяйства. Большое впечатление на него произвела книга «Далеко от Москвы»*. Он решил, что должен поехать в далекий

* Роман В. Ажасна.

город. Неустроенность, трудности только привлекали его. Привлекали проблемы, которые до него никто не мог решить. Он был, наверное, самым пылким, полным энтузиазма студентом не только на факультете, но и во всей провинции. Именно поэтому он и попал в ряды сторонников передовых производительных сил и, естественно, разделил уготовленную им всем судьбу.

В 1965 году, когда экономическая ситуация в стране стала улучшаться, Дан Чжиго вошел в группу по пропаганде передового технического опыта добычи угля. Он все свои усилия сосредоточил на разработке технологии — так хотелось в короткий срок сделать настоящее открытие. Однако ответом на требования развития производительных сил снова явилась «революция»: «Политике — ведущее место», «Еще раз о ведущей роли политики». Политизировалось все — общество в целом и каждый человек в отдельности. В очередной раз наносился удар по производительным силам.

В этих условиях Дан Чжиго и создал небольшой кружок по изучению теории коммунизма. В кружке изучались «Коммунистический манифест», «Три источника и три составные части марксизма» и другие работы классиков. Через много лет он сказал мне, что тогда был коммунистом-утопистом. Однако и в то время он как мог «работал на коммунизм». Он написал ряд статей, в которых критиковал не только правый, но и левый уклон. Критику левых он мог проводить только под знаменем критики правых. Это идейное противодействие было куда опаснее, чем взрыв обратного направления в шахте. Поэтому он не разрешал никому из друзей, имевших семьи, участвовать в работе кружка. Ему нужны были холостяки, чтобы в случае ареста не было никаких семейных трагедий. Сам стал холостяком — жена ушла от него.

И вот он, нестарый, неженатый, получивший 20 лет, сидел, строго выпрямившись, на тюремной кровати и, предельно сосредоточившись, читал «Капитал». На титульном листе с вызовом написано: «Марксист-ленинец Дан Чжиго».

— Все изучаешь марксизм-ленинизм. А ведь тебя марксисты-ленинцы сюда и засадили!

— Нет. Меня могли посадить только враги марксизма-ленинизма.

Позже Дан Чжиго напишет:

«Цель пролетарской революции состоит вовсе не в том, чтобы переделывать мир по своему образу и подобию, чтобы каждого члена общества сделать пролетарием. Цель ее — в переделывании себя, в превращении себя и любого другого в обладателя средств производства, а в конечном счете — в создании такой ситуации, когда все средства производства станут общей собственностью всех членов общества».

Сторонники «левого» курса считают, что только при ограничении частных интересов можно охранять интересы общие. Но когда наносится ущерб частным интересам огромного числа людей, так называемые «общие интересы» становятся ширмой для неограниченной власти какой-либо группы. Социализм — это не инструмент власти какой-то части общества, а наука об освобождении всех. О социалистической природе любого государства нужно судить не по его собственной самооценке, а по степени свободы каждого члена общества, по росту этой свободы и развитию благосостояния.

Около 20 лет господства «левой» линии — это период постоянных политических кампаний, обострявших противоречия, сводивших на нет требования прогрессивных преобразований.

Да, охраняемая «ультралевыми» окостеневшая система не была в состоянии временно разрешать противоречия между производительными силами и производственными отношениями. «Большой скачок». «Большой котел риса»*. «Уничтожение капиталистического охвостья». «Предпочтение росткам социализма». «Товарная экономика — синоним капитализма, плановая — синоним социализма». Результатом же перепрыгивания через экономические законы явилось то, что законы эти все равно заставили нас платить, но только более дорогой ценой, и мы обязаны были их послушаться.

Я смотрел вниз с 64-метровой высоты верхнего этажа башни, которую в Сиане зовут Большой гусь. Отсюда видна прямая, как нитка, улица, ведущая к вокзалу. Кварталы сверху похожи на доску для облавных шашек, и я вспомнил, что читал

* Большой котел риса — уравнительное распределение.

об этом у Бо Цзюйи. Сианьские улицы говорят о чинном, одностороннем образе мыслей, а весь пейзаж — о каком-то однообразии и, если угодно, несовершенстве.

Сиань, или, как его прежде называли, Чанань, когда-то, в эпоху Тан, имел контакты с более чем сотней государств и территорий. В Чанане начинался «шелковый путь», который через Среднюю, Южную и Западную Азию достигал Европы. Древний Лоулань, стоящий «на шелковом пути», называли «сокровищем пустыни».

Не будем сравнивать сегодняшний Сиань с городами развитых стран, а сравним его с его же прошлым. Но и тогда придется спросить: не слишком ли мало изменений? Кто-то сказал мне: нижний, подземный Сиань гораздо красивее верхнего. В тот день я зашел в столовую на окраине города. Несвежие овощи, жирные, засаленные столы, запах горелого масла, смрад. Танский поэт, зайдя сюда, наверное бы, в страхе бежал. Но завсегдатаи 80-х годов нашего века привычно сидят за столиками и не без удовольствия обедают. Я же с трудом здесь дышал, как будто меня ударили в солнечное сплетение. Неужели и я могу привыкнуть? Изменить образ мыслей, отказаться от своих вкусов? Нет, я не желал мириться с этой ни чем не оправданной отсталостью и бескультурьем. Граждане КНР не должны сегодня сидеть за грязными столами, есть несвежие овощи и дышать дымом. Мы обязаны преобразовать такие и подобные им столовые, чтобы не мы к ним привыкали, а они соответствовали самым высоким культурным требованиям.

Дан Чжиго напишет в своем теоретическом труде: «Общество сейчас исходит не из важнейших экономических реалий, а из взятых абстрактно принципов и положений; идеология, политика, закон — все направлено на борьбу с объективными экономическими законами (десять лет хаоса — классический образец подобной ситуации), и в этом случае общество платит громадную экономическую цену, ветер жизни уходит из общественной атмосферы, общество впадает в унылую спячку и депрессию.»

Голова важнее сердца

В 1975 году вновь приступил к работе Дэн Сяопин. Дан Чжиго узнал об этом в камере и испытал чувство, сравнимое с радостью освобождения. Ему казалось, что наконец-то направление его мысли совпало с политикой партии. Неужели непонятно, что после того, как пролетариат взял власть в свои руки, главный его интерес состоит в развитии производительных сил? Судьба страны меняется, может измениться и его, Дан Чжиго, судьба. Все свои надежды он связывал с возвращением Дэн Сяопина.

Но дождался он пока только критики Дэна.

К этому времени он сильно поседел, волосы его поредели.

Из здоровенного парня он превратился в старика. Если раньше — и на воле, и в тюрьме — он всегда напевал про себя «Песню тореадора», то теперь она зачилась, и он только насвистывал какую-то незатейливую мелодию...

Смерти он не боялся. Если сказать точнее, ее он боялся меньше всего. Страхился одного: с вершины своих надежд упасть на дно безнадежности.

Новая волна борьбы с правым уклоном докатилась и до камеры Дан Чжиго. Чувство обреченности охватило его. Вам нужно, чтобы я критиковал реставраторов? Пожалуйста, для примера могу критиковать себя — за то, что я хотел реставрировать капитализм, феодализм и еще первобытный коммунизм. Ему было на все наплевать.

Нет, он не цеплялся за жизнь.

Он как-то вообще не придавал особого значения своему телесному существованию. Когда во время «культурной революции» в 67-м году в Сиане шли бои, он появился однажды на простреливаемой улице и шел, ничего не замечая, засунув руки в карманы. Ему только вдруг подумалось: что чувствует человек, когда в него попадает пуля? И только потом, узнав, что он был единственным человеком, рискующим пройти те 30—40 метров, он почувствовал страх — но не страх смерти, а страх перед ее бессмысленностью.

В 68-м он лежал, избитый до полусмерти, в каком-то коровнике и в полузабытьи услышал:

— Если помрет, ничего страшного. Даже лучше — одним контрреволюционером меньше.

Нет, он не может умереть глупо и бессмысленно.

В 70-м году он был приговорен к смертной казни в городе Тунчуане. Всего в провинции было приговорено к смерти семь человек, однако, как говорили, казнить должны были только четверых. Имя Дан Чжиго было пятым. Он опять остался жив. Правых уклонистов расстреливали тогда как преступников — за контрреволюционную деятельность, например, или за убийство. На самом деле, конечно, их производили в преступники, потому что их нужно было расстрелять.

Те четверо были расстреляны, позже их реабилитировали. Как было бы хорошо, если бы наука достигла таких высот, что реабилитированного человека можно было бы оживить. Разве можно восстановить их мысли, их мозг?

...К захоронению подъехал заполненный туристами роскошный автомобиль. По виду машины было ясно, что ее могли сделать только в Японии. находка археологов привлекала все больше и больше туристов. Каждый день сюда приезжало более тысячи иностранных гостей. Премьер Франции Ширак заявил, что до сих пор существовало семь чудес света, но циньское захоронение — настоящее восьмое чудо. Но для меня урок нашей недавней истории был более нагляден и вызывал даже больше эмоций, чем уроки древности. Роскошный длинный автомобиль затмил глиняных воинов. Это было живое свидетельство развития японской экономики.

Экономическое развитие и политическая демократия связаны неразрывно. Жизненная сила системы заключается в ее внутренней способности к живому обмену веществ, способности отбирать и менять руководителей на всех уровнях, способности к постоянному урегулированию и совершенствованию производственных отношений. Дан Чжиго: «Социалистическое расширенное воспроизводство должно быть прежде всего расширенным воспроизводством социалистических производственных отношений.» Да, мы не только должны выпускать как можно больше промышленной и сельскохозяйственной продукции, но главным образом должны формировать научно обоснованные, совершенные производственные отношения.

Производственные отношения?..

Диплом получить можно, идею возродить нельзя

Живой человек не может перестать мыслить. В 1978 году, накануне Всекитайского совещания по науке и технике, Дан Чжиго, находясь в своей тюремной камере, решил: он тоже должен внести свой вклад в развитие науки. Там же, в камере, он писал статьи, в которых были мысли по усовершенствованию камнебурильной станка пневматического бура, предложения по закалке жидкого стекла и другие. В 80-м году он был освобожден. Едва придя в себя, тут же бросился собирать научные материалы и с необыкновенной быстротой написал с десятков статей: о подшипниках, электропечах, термообработке, пневматическом оборудовании и проч. и проч.

В 84-м Дан устроился на работу в Сианьский институт угольной промышленности. Вот где ему пригодилась десятилетняя практика работ в шахте. Тогда у пневматического бура не было никаких подставок и подпорок. Для работы на высоте он клал что-нибудь на пол и вставал на подставку. Однако это ему быстро надоело. Он не любил задержек, привык добиваться результата сразу. В конце концов Дан Чжиго стал при необходимости класть 30-килограммовый бур себе на голову. Он был превосходной, высокой живой подставкой для бура. Оглушающий, вибрирующий звук работающего бура изводил его все десять лет. Но сколько же можно мириться с этой жуткой звуковой волной, которая продолжает калечить шахтеров?!

Чертежи камнебурильного аппарата Дан Чжиго принес на завод, где могли изготовить такую машину. Инженеры завода сразу поняли идею Дан Чжиго. Но мнение руководства было другим: это всего лишь схема, для доказательства нужен опытный образец.

На представленные расчеты никто не обратил внимания.

Ведомство, в котором использовались старые пневматические буры, не заботилось о создании новой машины — на том основании, что производство аппаратуры его не касалось.

Один из заводов заинтересовался было изобретением. Но это потребовало бы нового оборудования. Для нового оборудования нужны были дополнительные вложения. Вложения означали риск. Завод на риск не пошел.

Предприятие с необходимым оборудованием находилось в Лояне. Дан Чжиго ис-

пользовал отпуск, который он не брал уже четыре года, и поехал в Лоян. Жил в гостинице, ежедневный его рацион составляли четыре блина. Эти ежедневные блины и привлекли внимание соседа по номеру. Сосед оказался ответственным работником предприятия сельской промышленности в провинции Чжэцзян. Сельские предприятия обладают сравнительно большой автономией, они стремятся путем преобразований преодолеть собственную отсталость и охотно идут на производство новых, имеющих спрос товаров. Сосед сначала тронул рацион Дан Чжиго, затем он увлекся его изобретением, а потом решил наладить производство нового аппарата на своем предприятии.

На маленьком заводе проявили большую энергию — готовы были сразу вложить 20—30 тысяч. Однако оказалось, что собственными силами поднимать производство совершенно новой машины было не под силу. Не хватало рабочих, денег. Неужели Дан Чжиго нужно было самому собирать недостающий капитал?

Один из его бывших преподавателей прислал сто юаней, должен был прийти перевод от другого...

В Китае, где на протяжении нескольких десятилетий истреблялись любые родимые пятна капитализма, сейчас потихоньку стали появляться люди, имеющие немалый доход. Значит, Дан Чжиго должен был где-то искать этих «богатеев»? Где вообще взять необходимые десятки тысяч?

Когда-то, сидя в тюрьме, он мечтал лишь о свободе. Вышел из тюрьмы в 80-м, досрочно, ведь срок у него был до 90-го. Но если его приговор — ошибка, не должны ли ему оплатить потерянное время?

Все это, конечно, нереально.

Сколько нужно усилий, чтобы найти капитал и произвести новый товар! Но ведь рождается не только новый товар. Новое производство — это рождение человека, человека, обладающего энергией и волей.

Я стоял перед циньской медной колесницей, в сердце моем уже не было горячи. Какое искусство уже существовало более двух тысяч лет назад! Поразительная по тонкости чеканка, искусное литье — все это выполнено старыми, древними способами, и все выдерживает сравнение с современным литьем и чеканкой.

Да, таким уровнем техники владели наши предки, жившие в глубокой древности. А как обстоят дела через две тысячи лет?

Двигаемся — хорошо. Не двигаемся — тоже хорошо. Зарплату все равно получим...

Я открыл диплом университета Цинхуа за номером 002150. С фотографии на меня смотрел такой старый человек, которого можно было бы посчитать экспонатом захоронения. Не знаю, то ли Дан Чжиго выглядел старше, чем он есть, когда фотографировался, то ли на диплом приклеили его нынешнюю фотографию, которая тоже, конечно, его не молодит. Учился он в университете в конце 50-х, а диплом получил почти через тридцать лет. Только теперь ему уже не хотелось отдавать все свои силы естественным наукам. Диплом можно получить позже, но идеи возродить так легко нельзя. Несколько десятилетий, через которые он прошел, заставили его понять: сейчас главная проблема, которую нужно решать, — это изменение производственных отношений.

Предприятие без хозяина

Почему государственные предприятия не заинтересованы в производстве новых товаров, в привлечении талантливых людей? Почему реформа, так активно ломающая старое в деревне, придя в город, замедлила свои шаги? Почему сельские предприятия полны энтузиазма, кипучей деятельности, а государственным словно недостает жизненной силы? В чем причина? Где искать болезнь?

Ответ Дан Чжиго: «У предприятий нет настоящего хозяина.»

Но разве рабочий не является хозяином своего предприятия? Ведь мы об этом только и говорили все время. А хозяина, оказывается, до сих пор нет? «Вся та работа, которая проводилась для воспитания у рабочих и служащих государственных предприятий чувства хозяина, говорит только о том, что рабочие и служащие на этих предприятиях настоящими хозяевами еще не стали», — пишет Дан Чжиго.

Мы часто можем видеть такую картину. На каком-нибудь заводе вдруг останавливается производство — ломается оборудование или прекращается подача электроэнергии, не важно. Рабочие при этом совершенно ничем не обеспокоены. Даже хорошо:

можно скорее разойтись по домам, будет больше свободного времени, а зарплату все равно получим. Потери и прибыли предприятия никак не связаны с интересами рабочих и служащих. Получить больше они не могут, зато могут работать поменьше. Равнодушные людей к судьбе предприятия — не что иное, как отражение в их сознании отношений собственности.

А руководители предприятий являются хозяевами? Конечно, у нас есть много прекрасных руководящих работников, но почему же мы часто встречаем в газетах такие, например, сообщения:

«Чанчунь. Агентство Синьхуа, 21 июля. На заводе стальных сплавов в провинции Цзилинь девять руководящих работников повышали себе тарифные ставки. В 1984-м эти девять руководителей получили в качестве премий в среднем на человека по 1770 юаней... что в 5,4 раза превосходит среднюю премию рабочего и служащего». (Газета «Сиань ваньбао», 22.07.1985.)

«Три руководящих работника опытного завода при Институте стали в своих интересах допустили серьезнейшие нарушения финансовой дисциплины. Менее чем за девять месяцев каждый из них в качестве премий получил в среднем по 6600 юаней, что в 20 раз превышает среднюю премию рабочего. Все это оказало крайне неблагоприятное влияние на атмосферу в коллективе». (Газета «Гунжэнь жибао», 6.08.1985.)

«Существует некая категория руководящих работников, стиль работы которых наносит ущерб интересам предприятий, интересам рабочих и служащих, к своим обязанностям они относятся безответственно. Все это говорит о том, что такие руководители не являются хозяевами предприятий. Настоящий хозяин никогда не будет наносить ущерб самому себе.»

Последнюю фразу Дан Чжиго подчеркнул. По его мнению, она отражала суть вопроса.

Дело должно строиться таким образом, чтобы благополучие человека главным образом зависело от конкретной деятельности предприятия. Только тогда он будет реальным, а не абстрактным хозяином. И это должно выражаться в праве на участие, в принятии жизненно важных для предприятия решений, в распределении трудовых и материальных ресурсов, соответствующей части прибыли предприятия.

Система подряда дала хорошие результаты на сельских предприятиях. Некоторые сразу стали считать подряд панацеей от всех бед, призывали к его широкому внедрению в городе. Однако в городе подряд таких успехов не приносит, и Дан Чжиго считает, что на это есть свои причины. Сельский подряд плодотворен потому, что он хорошо увязывает права и обязанности производителя. Эффективная работа — прибыль крестьянину, неэффективная — в убытке тоже прежде всего крестьянин. Руководители предприятий в городе не обладают достаточными возможностями, чтобы нести реальную ответственность за производство. Причина — в самой системе управления, и потому эту проблему решить нелегко.

Дан Чжиго пошел в своем анализе дальше, ясно сказав: вопрос о хроническом застое государственных предприятий — это вопрос о природе капитализма и природе социализма. В теории мы заявляем, что хозяевами предприятий являются рабочие и служащие, но так до сих пор и не знаем, где и в чем это право собственности конкретно реализуется. «Хозяин» — это экономический фактор, а не идеологическая установка. Нужно четко определить место рабочих и служащих на предприятии, чтобы они увидели связь между их жизнью и возможностью получения прибыли, чтобы на этой основе у них возникало и формировалось чувство настоящей ответственности.

Служебный вход и экономические законы

Когда нет хозяина, широко открывает свои двери служебный вход.

Есть дефицитные товары, например фирменные велосипеды, которые распределяются по талонам. Официально талоны бесплатные. Но многие достают эти талоны по знакомству, незаконно, и тогда уже платят за них деньги. При достаточном развитии такой купли-продажи талоны приобретают устойчивую, твердую цену. Так один талон может стоить 100 юаней.

Но ведь проблему дефицита велосипедов известной марки можно решить путем урегулирования цен. Пусть исходная цена — 150 юаней. Можно поднять ее — до 200,

250, и распределение сразу станет более равномерным и законным. А вырученную сверхприбыль направить на расширение производства качественных велосипедов.

Но мы по-прежнему пользуемся системой талонов. И вот результат: те 100 юаней, которые нельзя пронести через главный вход, несут «своим людям» через вход служебный. Настоящая цена велосипеда реализуется обходным, искривленным путем.

Экономические законы не могут быть изменены по воле человека. Наоборот, они могут изменить его волю и сознание. Дан Чжиго даже написал статью на эту тему: «Экономические законы в действии (о «служебном входе» как о реакции экономических законов на поставленные перед ними препятствия)».

«Служебный вход», как и прочие подобные нарушения, наносит государству громадный ущерб. Он является своего рода реакцией экономических законов на те препятствия, которые мы перед ними поставили. Это их возмездие обществу, которое продолжает цепляться за концепции «стабильных цен», «эквивалентного обмена» и т. д. Человеку под силу менять только форму проявления экономического закона, но человек не может изменить его содержание.

Экономика определяет все — и уровень жизни, и существо жизни духовной. Действие экономических законов проявляется во всех сферах нашей деятельности.

• Влияют они и на наше жилье. Я пришел в гости к Дан Чжиго на окраину города. На одной из досок на крыше вырезаны иероглифы: «1985 год, девятый месяц золотой осени, полдень третьего дня, новая крыша к большому счастью». Этот дом строил крестьянин. Вся жилплощадь — чуть более 20 квадратных метров. Где-нибудь в другом районе города за такое жилье нужно было бы платить от 35 до 45 юаней. Но здесь рядом железная дорога, все время шум. Прямо за окном огромные кучи угля, поэтому оно всегда закрыто — от копоти и угольной пыли. Зато за дом Дан платит всего 25 юаней.

— Закон ренты,— говорит Дан Чжиго.— Все определяется спросом и предложением. Но превращение жилья в объект купли-продажи сейчас идет еще очень туго: много противников. В человеке инстинктивна тяга к выгоде. В некоторых местах для того, чтобы построить дом, нужен год. А чтобы его разделить — два года. Разделить трудней, чем построить. И все опять потому, что нарушаем закон ренты, закон экономики.

Я вспомнил, как, подходя к квартире Дан Чжиго, видел поблизости немало строящихся домов. Машина, на которой ехал обратно, чуть не столкнулась с груженной кирпичом повозкой — так было тесно. Люди. Кирпич. Цемент. Доски. Всем этим управлял один дирижер — закон экономики.

Ограниченность идеи

Дан Чжиго жил, как «человек-амфибия», — совершенствовал модель камнебурильной машины, пытался пробить ее производство и параллельно «вгрызлся» в толщу экономической теории, пытаясь добраться до главного, писал экономические статьи. Однако все эти статьи публиковались только в технических журналах. Такое отношение, быть может, нельзя назвать сдерживанием экономических законов, но сдерживанием свободного развития науки назвать можно со всей определенностью.

Дан Чжиго выявил суть вопроса — ведущую, главенствующую роль законов экономики. После этого, как ему казалось, он стал с большей остротой чувствовать любую фальшивую ноту в теоретических, идеологических работах.

Предприятия общественной собственности только при определенных условиях — в тот «золотой» период, когда революция, совершенная сравнительно недавно, наполняет политическую партию и массы горячим революционным духом и энтузиазмом. — только тогда эти предприятия могут функционировать нормально и даже прогрессировать. Но когда революционный дух понемногу охлаждается, революционность идеи постепенно размывается реальной жизнью, тогда эти предприятия сразу выявляют все свои недостатки.

В прошлом, желая угодить мелкому производителю, мы упростили идею коммунизма, сведя ее к идее уравнительности, к тому же пообещав «рай» в скором будущем. Но эта незрелая утопия коммунистического общества была разбита жестокой и неумолимой реальностью. Потом был выдвинут лозунг «Вести классовую борьбу

десять тысяч лет», и эта вредная идея до крайности обострила отношения между людьми. Обещанный через десять тысяч лет коммунизм не мог способствовать революционному духу простых людей, поэтому накал страстей обеспечивался другими методами.

Мы и сейчас часто стараемся заполнить головы людей цифрами их будущего благосостояния, как будто идеология и призывы все-таки смогут компенсировать общее духовное оскудение.

Сейчас можно услышать упреки в «вещизме», «погоне за деньгами». Власть и обязанности по-настоящему не разделены. Власть превышает обязанности — и тут же рождается безответственность, власть становится личной собственностью. Когда обязанности превышают права, человек старается снять с себя ответственность, становится пассивным, ищет способы для компенсации своих ущемленных интересов. Конечно, все эти явления можно подводить под «несознательность» или «идейную отсталость». Однако никакие теоретические оценки и политические обвинения проблемы не снимут. Снятие с поста и уголовное наказание, хоть и являются в определенной мере уроком для будущих нарушителей, но компенсировать экономические потери они не могут.

Нельзя недавно появившуюся науку о коммунизме, учитывающую особенности современной эпохи, ставить на один уровень с древними учениями, просто проповедовавшими добро, самопожертвование, отказ от личного ради общего. Коммунизм — это не изолированное абстрактное учение, а наука, изучающая производственные и социальные отношения на определенном этапе общественного развития.

Идеалы и энтузиазм должны проистекать из экономической политики научного социализма. Ленин говорил о том, что было бы полным ребячеством полагаться в политике на убежденность, верность и прочие прекрасные душевные качества. К этому можно добавить, что было бы полным ребячеством полагаться на это в экономике.

В вышесказанном нет никакого пренебрежения к идеологии. Здесь говорится о том, что идея, концепция всегда неразрывно связаны с интересами, пользой. Маркс говорил, что дух обречен на нерасторжимую связь с материей. Для оторвавшихся от материальных интересов, питающихся только абстрактными идеями теорий совершенно не под силу решать те сложнейшие проблемы, которые ставит на повестку дня реальность.

За что же выступает, что пытается доказать Дан Чжиго? Только лишь главное положение материализма — сознание определяется бытием.

«Собственная экономика» теоретика-экономиста

В своих исследованиях отношений собственности при социализме Дан Чжиго всегда подчеркивает, что нужно очень четко различать собственность общую и собственность общественную. Еще Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» говорили о том, что процесс развития приведет к уничтожению классов и все производство будет находиться в руках объединенных индивидуумов. При этом общественная власть потеряет политическое содержание. Исходя из этого, Дан Чжиго считает, что, в научном понимании, социалистическая собственность — это собственность объединенных между собой членов общества, то есть общая собственность. Социалистическая общественная собственность при этом является необходимой предпосылкой социалистической общей собственности. Социалистическая общая собственность — необходимый результат развития социалистической общественной собственности.

Общественная собственность, общая собственность... У самого Дана Чжиго нет собственности никакой.

После выхода из тюрьмы в 1980 году он сменил шесть квартир, пока благодаря закону ренты не устроился здесь — у шумной железной дороги и огромных куч каменного угля. Надо сказать, что на попечении Дан Чжиго были его родители и ребенок. Жена ушла, когда началась «культурная революция». Когда жилье их не устраивало, они легко снимались с места, унося с собой нехитрые пожитки.

Я даже не ожидал, что в 1986 году в крупном китайском городе можно встретить такую бедность. Первое, что бросалось в глаза при входе в комнату, — это веревки. Старые доски положены на табуретки — это кровать Дан Чжиго и ребенка.

На старой разваливающейся деревянной кровати спят родители. Ножки кровати подвязаны веревками, чтобы она хоть как-то могла стоять. Веревками подвязаны и ножки табуреток. Над письменным столом свисает на белой веревке самодельный абажур.

Есть еще большая кухонная доска и маленький деревянный сундучок.

Всю жизнь Дан Чжиго пытались «вытащить» из области духа, грубо привязать к миру материальному. И вот теперь он так спокоен, пользуется веревками в свое удовольствие. Мне было горько и неловко...

Энгельс как-то сказал, что Маркс был величайшим экономистом, но его «собственная экономика» была сплошным бедствием.

— Когда-то в 70-м году мой младший брат больше всего на свете желал, чтобы стояла хорошая погода,— сказал Дан Чжиго,— тогда как раз объявили, что мне вынесен смертный приговор. Что родным было делать? Только привезти меня с места расстрела на родной двор. Брат починил какую-то тележку. Но от Тунчуаня до моего Вэйчена 150—200 километров. И если бы шел дождь, то каково было бы брату тащить меня по раскисшим проселкам! Раз уж мне суждено было умереть, то все они желали одного — хорошей погоды.

Дан Чжиго говорил так, как будто все это его не касалось. Очень обыденно. Или он слишком много пережил, или, быть может, на его родине существует какой-то строгий обычай похорон? Над письменным столом висит картинка, на которой изображен земляк Дан Чжиго: Сыма Цянь пишет в тюрьме свои «Исторические записки». Дан Чжиго в тюрьме прочел несколько раз «Капитал» и те работы Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Мао Цзэдуна, которые удалось достать. У Дан Чжиго был свой коронный «номер»: для соседей по камере читал наизусть «Относительно противоречия» и «Относительно практики» Мао — и никогда не ошибался.

Но чтение — только подготовка к своим работам. Самое дорогое, что сохранилось с молодых лет,— подаренный теткой портфель из красной кожи. В нем все экономические статьи. О ценах, о системе собственности и т. д.

Судьба его всегда была связана с судьбой его страны.

«... Степень свободы государства, общества — это степень моей свободы. Только освободив все человечество, можно самому стать свободным. Для меня это не слова, а принцип жизни.»

Следуя его логике, можно сказать, что мы строим социализм не потому, что он обладает какими-то преимуществами, а основываясь на объективных законах. Преимущества могут остаться словами, закон же независим, и ему необходимо следовать — чем раньше, тем лучше,— потому что он все равно возьмет свое.

Дан Чжиго не может сказать, что он полностью свободен, подобно тому, как производительные силы страны до конца несвободны, не обретя соответствующей им формы производственных отношений, системы собственности.

«Система, за которую мы продолжаем держаться, более годится для политической деятельности, чем для развития экономики». Дан Чжиго превратился в настоящего фанатика. Стоит ему открыть рот, как из него сыпется: система, собственность. Потом он сразу идет на приступ: а что вы думаете по этому поводу?

Слова застревают у него в горле, он краснеет. Собеседник вынужден успокаивать его:

— Да-да, конечно, но...

Собеседник совсем тушует, превращаясь незаметно для себя в незадачливого студента, который должен дать ответ грозному преподавателю. Он с трудом бормочет:

— Мне кажется...

Голова его заполнена политикой и экономикой, законами и системой собственности. Но люди есть люди, им нужны новости, которые интересуют всех, им нужно решить какие-то практические вопросы. Наконец, им нужно есть, пить, спать.

Он, похоже, может жажду утолять политикой и спать на экономике. Со всеми он говорит только о политэкономии. Кого-то он втягивает в разговор, кого-то просто пугает.

В принципе его точка зрения может быть понятной каждому. Но когда он пытается изложить свою концепцию быстро, многие перестают что-либо понимать.

Он не такой, как все. В нем есть, конечно, что-то необычное. Он не похож на

нормального человека, но он и не ненормален.

Он искренне заботится об общих интересах, об интересах народа. Но сам народ не интересуется его.

Он надеется, что все смогут пойти от явления к его содержанию. Однако все предпочитают болтать о поверхностных явлениях и совсем не думают о сути. Явление дает возможность для проявления чувств. Продвижение к сути требует нелегкой работы мысли.

Он не похож на расчетливого человека, нескладен, неловок. Но у него громадные потенциальные возможности. Любое социальное преобразование прежде всего должно найти свою движущую силу. Старую систему землепользования громило беднейшее крестьянство. Чтобы разгромить старую революционную гвардию, нашли хунвэйбинов. Сегодняшняя реформа, как сказал товарищ Дэн Сяопин, — это вторая революция. Этой революции нужны безвестные теоретики-экономисты.

Я отыскал Дан Чжиго. Вернее, это он первый нашел меня, послав письмо, которое меня тронуло. Обстоятельства его жизни у кого угодно легко могли «вышибить» слезу. Но когда я разговаривал с ним, у меня почему-то не возникало желания плакать.

— Я вовсе не считаю себя потерпевшим! Я очень не люблю, когда мне сочувствуют! — сказал он мне грозно. — Со мной все в порядке! Я чувствую себя мужчиной! Я полон идей! Превосходных идей насчет экономики!

Мысль все время заставляет Дан Чжиго находиться в состоянии беспокойства.

Иногда он так увлекается идеей, что забывает о реальности, иногда реальность заставляет его забыть идею. Совсем недавно он написал еще одну статью, анализирующую отношения собственности, — «Развитие отношений собственности при социализме». Написал, как всегда, с большой смелостью, свежестью взгляда. И пусть его концепция в чем-то спорна, нуждается в доработке и совершенствовании. Главное, что та истина, которая несомненно в ней заложена, будит нашу мысль. И рождение экономических теорий Дан Чжиго, и само появление такого человека, фанатично убежденного в своей правоте, конечно, не случайны. И только отношения людей — их призыв или их ненависть — могут отдалить или приблизить появление такого рода фанатиков.

Можно или нет создать особую коммунистическую зону? Он размышляет. Вопреки прочно укоренившейся привычке, нельзя сначала все ломать, а уже потом строить. Нужно сначала создать, а дальше видно будет. Только воплотив экономическую теорию в жизнь, только после того как она выдержит жесткое испытание практикой, можно будет сказать, чего эта теория стоит.

Но нет ли в его теориях налета утопизма? Тогда вот что: товарищ Маркс, разрешите задать вам один вопрос. Не скажете ли вы, как Китаю в 80-х годах XX века нужно проводить свою реформу?

Маркс, скорее всего, ответил бы, что сама постановка подобного вопроса — ошибка.

Осуществлять реформу своей экономической системы Китай должен собственными силами. Реформа побуждает экономическую науку к развитию, зовет экономистов-теоретиков под свои знамена.

Недавно газета «Вэньхуэй бао» опубликовала статью, в которой задала вопрос: может ли наша страна воспитать великого теоретика-экономиста? Всесторонняя экономическая реформа рождает для этого все условия. Подходящее время. Подходящее место.

У Эзопа есть басня о хвостуне, который заявлял всем, что он совершал прыжки необыкновенной длины на острове Родос. В работе «18-е брюмера Луи Бонапарта» Маркс вспоминает эту басню и говорит, что жизнь иногда словно сама призывает:

Здесь Родос, здесь прыгай!
Здесь розы, здесь танцуй!

Перевел с китайского языка Д. А. Сапрыка

ПРОДОЛЖАЕМ ДИСКУССИЮ О СОБСТВЕННОСТИ

Собственность и конкуренция в условиях современного капитализма

Я. ПЕВЗНЕР,

В. ШВЫДКО

Один из итогов дискуссии на тему «Перестройка отношений собственности в ходе реформы экономической системы КНР»¹ — фиксирование пионерной роли КНР как страны, которая, перейдя от «сплошной коммунизации» на путь плюрализма, в сравнительно короткие сроки достигла больших успехов в экономике. Такой вывод был сделан на основе многостороннего сравнения положения дел в КНР с другими социалистическими странами. Подводя итоги дискуссии, А. П. Морозов выразил следующую точку зрения: «Представляются несостоятельными распространенные в нашей литературе утверждения, что товарный характер производства связан с его недостаточной развитостью, что если бы социализм победил в развитых капиталистических странах..., то было бы возможно и создание «чистого, нетоварного социализма»². Поддерживая такую позицию, авторы полагают, что надо идти дальше: историческая порочность командно-административной системы заключается в том, что с точки зрения девиза «от каждого по способностям, каждому по труду» эта система делает шаг назад по сравнению с конкурентными товарно-денежными отношениями.

В настоящее время речь идет не только о ходе и о результатах тех или иных реформ, но и о назревшей необходимости радикального пересмотра трактовки проблем собственности. В сущности, независимо от фразеологии, научный социализм воспринял тезис Прудона: «Собственность — это кража» (отсюда — «грабь награбленное»), а любая собственность на средства производства в условиях капитализма рассматривалась либо как орудие порабощения и эксплуатации, либо — в случае ее трудового происхождения — как обреченная на ликвидацию в результате процессов расслоения, разорения большинства и обогащения немногих. При таких подходах роль собственности с точки зрения эффективности производства игнорировалась или рассматривалась в качестве фактора торможения экономического прогресса — с выводом об исторической необходимости ликвидации частной собственности и ее замены собственностью общенародной. Из этого же исходного положения делается вывод о том, что в рамках капитализма никакие реформы не могут преобразовать природу собственности, изменить сложившееся в начале нынешнего века господство монополий и финансовой олигархии.

С нашей точки зрения, более чем 70-летний опыт соревнования социализма и капитализма побуждает к тому, чтобы пересмотреть эти представления. В полном соответствии с положением К. Маркса о том, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора...»³, следует признать, что эффективность является фактором, стоящим над собственностью, диктующим собственности ее характер, структуру, взаимосвязь с категориями владения и распоряжения. С этой точки зрения

Певзнер Яков Александрович — профессор, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО.

Швыдко Виталий Григорьевич — кандидат экономических наук, младший научный сотрудник ИМЭМО.

собственность должна рассматриваться как неформационное понятие, как такое отношение отдельных индивидов или юридических лиц (в самом широком смысле этого слова — начиная с корпораций и кооперативов и кончая государством) к средствам производства, которое открывает для производительных сил возможность непрерывного развития, а для непосредственных участников производства — возможность удовлетворения собственных материальных интересов и развития своей творческой универсальности. Соответственно, любые преобразования институтов собственности должны исходить из того, что функция распоряжения должна распределяться между отдельными агентами производственных отношений таким образом, чтобы обеспечить максимальную эффективность использования средств и минимизировать некомпетентное вмешательство со стороны, даже если это вмешательство осуществляется конечными собственниками используемых средств. Только в таком случае может быть создана максимальная заинтересованность и ответственность участников производственного процесса в его результатах.

Сказанное должно рассматриваться как идеал, как ориентир для оценки реального состояния сферы собственности и для тех или иных действий, направляемых при разных общественных условиях к ее непрерывной оптимизации.

С этой точки зрения современное положение в социалистических странах не может вызывать сомнений — происходит болезненный, мучительный, но исторически абсолютно необходимый переход от господства бюрократической монополии, прикрывавшейся формулой «общенародная собственность», к раскрепощающему творческие силы многообразию. В утверждении необходимости и прогрессивности этого перехода мы видим главный итог проведенной дискуссии.

Тот факт, что развернувшиеся перемены сопровождаются пересмотром характера взаимодействия двух мировых систем, требует анализа положения в этой области не только в социалистических странах, но и в странах индустриального капитализма. Роль «священной коровы», которая в теории социализма приписывалась категории «общенародная собственность», в теории капитализма отводилась тезису о том, что на основе высокой концентрации капиталистического производства возникает такая концентрация частной собственности, которая приносит с собой монополию господства финансовой олигархии. Конкуренция же отводилась роль особо разрушительной силы, уничтожающей мелкое производство и обрекающей в сочетании с монополией экономику и всю общественную жизнь на загнивание, а международные отношения — на неизбежность империалистических войн.

На грани последнего десятилетия XX века упрощенность и односторонность таких трактовок представляется все более очевидной. Словно предвидя возможность такой упрощенности, К. Маркс в 1847 году писал следующее: «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой, конкуренты становятся монополистами... Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу...»⁴. В этих словах, написанных в то время, когда ни о каком монополистическом капитализме не было и речи, больше глубины и смысла, чем во всех закланиях на тему о том, что в рамках современного капиталистического общественного строя остаются незыблемыми позиции «монополистического капитала», непреодолимой стеной стоящего на пути прогресса.

Во всех политэкономических работах наряду с заранее заданным тезисом о «господстве монополистического капитала» приводятся данные о высокой концентрации собственности, о несметных богатствах богачей и сверхбогачей, о горстках миллионеров и мультимиллионеров. Действительно, такого рода данные чаще всего отражают реальное положение. И Япония в этом отношении не представляет исключения. В статье «Японские миллиардеры», помещенной в журнале деловых кругов «Токио бизнес тудэй», ее автор Х. Ито пишет следующее: «Несмотря на широко распространенное мнение, согласно которому все японцы принадлежат к «среднему классу», в Японии постепенно выходит на сцену группа «новых богачей». Оставаясь в большинстве случаев неизвестными публике, они держат в своих руках астрономические суммы денег»⁵.

Обрисовав те невероятно большие трудности, которые встают на пути исследований такого рода состояний в национальном имуществе (что связано с разнообразными способами уклонений от уплаты подоходных налогов, доходящих до 88 % дохода, а также налогов на наследование — столь высоких, что, как пишет автор, «через три поколения унаследованное богатство сходит на нет»⁶), автор проводит анализ по двум направлениям — во-первых, в сторону лиц, фигурирующих в числе первых 100 налогоплательщиков, о которых публикуются ежегодные официальные данные; во-вторых, в сторону пусть не вполне достоверных, но широко распространенных и имеющих под собой серьезные основания сведений о сверхбольших состояниях некоторых лиц. По мнению владельца одной из крупнейших компаний, специализирующейся на торговле земельными участками и строительных работах, Х. Ёсимото, в Японии есть от 2 до 3 тыс. человек, каждый из которых владеет активами, превышающими 10 млрд. иен и способен в течение одного дня мобилизовать по крайней мере 5 млрд. иен⁷. Постоянно подчеркивая трудности оценки, автор приводит следующий пример: «К числу лиц, скрывавших свои богатства, принадлежал покойный Кэндзи Осано, бывший собственник корпорации «Кокусай когё» и близкий друг бывшего премьер-министра Какуэй Танака. Приобретенные лично им активы оценивались приблизительно в 8 трлн. иен. Но в ходе исследования, проведенного после его смерти Национальным налоговым управлением, позднее, к своему огорчению, смогло обнаружить принадлежавшие К. Осано активы «только» на сумму в 15 млрд. иен»⁸. К этому следует добавить, что, по приводимым в этом же источнике данным американского журнала «Форбс мэгэзин», к числу самых богатых людей в мире относятся: владелец большинства акций в 73 корпорациях финансово-торгово-промышленной группы «Сэйбу» Ёсиаки Цуцуми, чье состояние оценивается в 20 млрд. долл. (по курсу 1988 года — 2,5 трлн. иен); создатель, а в настоящее время — «советник» электротехнической корпорации «Мацусита» Коносуэ Мацусита с состоянием в 1 трлн. иен; председатель совета директоров фармацевтической корпорации «Тайсё» Сёдзи Уэхара, чье владение акциями оценивается в 1136 млрд. иен, и ряд других⁹. Все они входят и в число крупнейших в Японии налогоплательщиков. В то же время нельзя не отметить, что в первой сотне налогоплательщиков фигурируют не только люди бизнеса, но и врачи, юристы, кинозвезды, профессора университетов и т. п. Некоторые из них переходят и в разряд владельцев очень крупных богатств (здесь в качестве примера приводится бывший врач К. Сасаки, чье личное состояние (в виде земли и недвижимого имущества) составляет 250 млрд. иен¹⁰).

Для того чтобы попытаться оценить значение приведенных данных, надо иметь в виду, что в 1985 году все национальное богатство Японии оценивалось в 1841 трлн. иен¹¹. Можно предположить, что активы, находящиеся в личной собственности 2—3 тыс. миллиардеров, составляют 1—2 % указанной суммы. Если следовать трафаретам, немедленный вывод может быть только один — в руках небольшой горстки богачей сосредоточена значительная часть национального богатства, что дает им возможность осуществлять практически полный контроль над экономикой и общественной жизнью. Но такой вывод в научном плане несостоятелен: он не учитывает действительного масштаба сил, противостоящих тенденции к монополизации и укрепляющих в экономике конкурентное начало.

В историческом плане дело обстоит таким образом, что в период с конца XIX века и до второй мировой войны в экономике Японии сложилось господство «дзайбацу» («финансовая клика») — промышленно-торгово-кредитных объединений, среди которых ведущее место занимала «четверка» — Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда. Это были своеобразные по форме, но вполне типичные по характеру структуры и деятельности монополистические концерны, возглавлявшиеся держательскими компаниями (холдинги, «мотикабу гайся»), т. е. компаниями, в руках которых находились контрольные пакеты акций десятков входивших в каждый из концернов крупнейших корпораций. Наибольшая часть такого рода контрольных пакетов принадлежала контролирующим соответствующие концерны семьям и семейным кланам. Это и был типичный режим господства финансовой олигархии.

Одним из главных последствий разгрома японского милитаризма во второй мировой войне была проведенная в 1946—1949 годах «кампания по ликвидации дзайбацу», которая вместе с ликвидацией большинства прежних крупных японских корпораций принесла с собой и почти полное упразднение собственности их прежних владельцев.

Весьма сложным и противоречивым образом, в острой борьбе, описанной во многих специальных работах японских и иностранных авторов, постепенно складывалась новая система, основные черты которой в настоящее время заключаются в следующем. Во-первых, структура производства и сбыта в основных отраслях экономики является конкурентной прежде всего в том смысле, что нет практически ни одной отрасли, где производство было бы в руках одной корпорации или в руках нескольких корпораций, не противоречащих друг другу, не находящихся одна против другой в конкурентных отношениях. В то же время, как правило, наиболее крупные корпорации выступают в качестве центрального звена «сюдан'ов» — объединений, которые, с одной стороны, противостоят одни другим; с другой стороны, являются очагами постоянной внутренней борьбы — конкурентной борьбы каждой из входящих в них компаний за то, чтобы сохранить или улучшить свое положение в рамках сложившегося горизонтального объединения. Но одновременно страна наводнена мелкими и средними, корпорированными и некорпорированными предприятиями, независимыми от сюдан'ов, имеющими свою собственную клиентуру и находящимися постоянно в состоянии напряженной борьбы за ее сохранение — борьбы за существование.

Вот лишь несколько цифр, иллюстрирующих вышесказанное. Общее число несельскохозяйственных предприятий (всех, начиная от самых маленьких — с одним занятым) составляло в 1986 году 6709 тыс., в том числе в частном секторе — 6511 тыс. Среди последних приблизительно $\frac{2}{3}$ составляли некорпорированные индивидуальные предприятия, а треть — предприятия, принадлежащие корпорациям различных типов.

В частном секторе экономики в 1986 году было занято свыше 90 % всего работающего населения, в том числе на предприятиях с числом занятых менее 10 — 31 %, и от 10 до 100 человек — 39 %¹². В том же году в частном секторе действовало 1330 тыс. независимых компаний, подавляющую часть которых (94 %) составляли мельчайшие и мелкие компании с капиталом менее 30 млн. иен¹³.

Вместе с тем степень концентрации капитала и производства весьма высока, хотя и не обнаруживает ярко выраженной тенденции к дальнейшему увеличению. На крупнейшей компании, капитал которых превышает 1 млрд. иен (в 1986 году таких компаний насчитывалось 2,9 тыс., в 1980 году — 2,0 тыс.), в 1980 финансовом году приходилось 49 % собственных активов всех корпораций, 42 % их общих активов и 36 % продаж (в 1960 финансовом году соответствующие показатели составляли 53 %, 43 и 28 %)¹⁴. Если же учесть, что значительная часть мелких и средних фирм включена в горизонтальные производственные объединения, в рамках которых мелкие компании жестко связаны с крупными корпорациями системой субподрядных отношений, то можно предположить, что 2—3 тыс. крупнейших компаний с суммарным объемом собственного капитала приблизительно 37 трлн. иен фактически контролируют свыше или около половины всего объема продаж корпоративного сектора.

Механическое сопоставление приведенных данных с оценками размеров крупнейших состояний, о которых говорилось выше, на первый взгляд, дает основания говорить (что, кстати, активно и делалось на протяжении долгого времени) о господстве финансовой олигархии, персонифицированной в горстке владельцев крупных и сверхкрупных состояний.

При этом, однако, игнорируется целый ряд важных обстоятельств, на которых необходимо остановиться подробнее. Прежде всего следует отметить радикальные изменения, происшедшие в послевоенные годы в характере крупной корпоративной собственности.

Первым таким изменением, привлекающим внимание, является всеобщее и резкое падение доли акций, находящихся в индивидуальном владении отдельных лиц. По данным обследования 1000 крупных и средних фирм, проведенного министерством внешней торговли и промышленности в 1980 году, индивидуальные владельцы (все вместе!) обладали более чем 50 % акций только в 31 компании. Они (все вместе) в 720 компаниях имели менее 10 % акционерного фонда. Характерно, что в крупных компаниях это явление выражено еще более отчетливо — лишь в 18 крупных компаниях индивидуальные акционеры имеют более половины акций. В 825 корпорациях на их долю (всех вместе) приходилось менее 10 % акций, а в 200 наиболее крупных корпорациях доля индивидуальных акционеров была близка к нулю. Приводя эти данные, японский экономист Х. Уэно отмечает, что сопоставление с первой половиной 70-х годов обнаруживает

развитие этой тенденции (т. е. снижение доли индивидуального владения) как в целом, так и особенно в отношении крупных компаний¹⁵.

Сравнение соответствующих показателей с довоенным периодом (для тех компаний, по которым такое сопоставление возможно) показывает масштаб происшедших перемен. Так, например, акционерный фонд компании «Нихон сэкио» — одной из немногих компаний, сохранившихся с довоенного времени, — в 1939 году был распределен таким образом, что из 22,2 % акций, находившихся во владении 20 крупнейших держателей, 17,8 находилось в руках частных лиц, в том числе 6,5 % — у членов одной семьи, а в 1979 году в составе 20 крупнейших держателей не было уже ни одного (!) частного лица.

Особенно заметно снизились роль и значение собственности крупных семейных кланов, о чем свидетельствуют, например, соответствующие данные по восьми известным компаниям, в которых доля семейного капитала является наивысшей (см. таблицу 1).

Как видно из приведенных данных, даже в тех корпорациях, которые являются исключением в том смысле, что их рассматривают как семейные или полусемейные, эта черта, как правило, не определяется тем, что семья владеет контрольными пакетами акций — доля последних очень низка и, по крайней мере до начала 80-х годов, повсюду продолжала снижаться.

Таблица 1
Падение роли индивидуальных капиталистов
в семейных или полусемейных концернах

Название корпорации	Крупнейшие индивидуальные держатели акций	Доля крупнейшего индивидуального владельца (семьи) в общей стоимости акций		
		1950	1960	1980
Мацусита дэнки Хонда гикэн	Консукэ Мацусита	43,3	7,5	3,2
	Скютиро Хонда	...	13,2	0,88
Шарп Сони	Семья Хонда, Фудзисава и Масуда	...	28,1	5,2
	Семья Хаякава	30,3	4,5	1,9
Тоёта дзидося Аmano	Семья Нарита	...	14,6	11,4
	Семья Тоёда	18,2	3,9	1,0
Есихара сэйю Санъё дэнки	Семья Аmano	...	38,5	9,9
	Семья Есихара	17,9	13,0	3,2
	Семья Иноуэ	...	16,0	4,0

Составлено по: Т. Нисияма. Нихон ва сихонсюги дэ ва най. — Токио, 1981. — С. 200—218.

Резкое снижение доли индивидуальных владельцев в структуре распределения акционерного фонда крупнейших компаний означало, естественно, столь же быстрое возрастание в ней удельного веса юридических лиц, среди которых, в свою очередь, выделяются две большие группы — промышленные и иные компании, связанные между собой деловыми отношениями и взаимным участием в капитале (так называемое «перекрестное держание акций»), и компании, объединяемые понятием «институциональные инвесторы», — юридические лица, занимающиеся размещением на рынке ценных бумаг страховых, пенсионных, университетских и т. п. фондов, специально концентрирующие в этих целях мелкие сбережения либо действующие по поручению отдельных собственников (траст-фонды).

Мотивы приобретения акций этими двумя группами корпораций не просто различны, но и в определенном смысле противоположны. Для институциональных инвесто-

ров характерно отсутствие и желания, и возможности непосредственно участвовать в управлении корпорацией, акции которой приобретаются, или хотя бы в контроле за таковыми. Это — чисто портфельные инвестиции, единственная цель которых — получение дивидендов. Акционеры этого типа, в частности, охотно приобретают специальные акции, не дающие права голоса, по которым дивиденды выплачиваются в повышенном размере.

С другой стороны, компании, объединенные перекрестным владением акциями, осуществляют коллективный контроль над управлением в каждой из корпораций, входящих в группу, хотя и не принимают в этом управлении непосредственного участия. Мотив получения прибыли отходит здесь на второй или даже на третий план, уступая место соображениям стабильности и безопасности. Как замечает по этому поводу известный японский экономист профессор Токийского университета Т. Вакасуги, «взаимное участие, не будучи прибыльной формой портфельных инвестиций, имеет в то же время такие положительные стороны, как поддержание стабильного рыночного курса акций и укрепление деловых связей между заинтересованными компаниями. Кроме того, в случае попытки насильственного слияния или захвата той или иной японской компании кем-либо со стороны, система взаимных участий может этому воспрепятствовать»¹⁶. В том же источнике приводятся данные, согласно которым в 1985 году на все виды финансовых институтов (прежде всего на коммерческие банки и на компании по страхованию жизни) приходилось около 40 % всего акционерного фонда (по его рыночной стоимости) 1834 обследованных крупных компаний различного профиля; на промышленные компании — около 30, и только 22 % приходилось на индивидуальных держателей (остальная часть — на иностранных держателей и на государственные и муниципальные органы)¹⁷.

Значение таких перемен в акционерной собственности невозможно переоценить. Оно заключается в том, что подавляющее большинство крупных и многие средние корпорации вырвались из зависимости от крупных частных владельцев акций и что они сами подбирают себе акционеров, главным образом среди тех юридических лиц, которых считают для себя приемлемыми в качестве совладельцев.

Такая перемена в распределении собственности принесла с собой новые черты в системе управления. Привычная «классическая» схема управления в акционерной компании имела следующий вид: собрание акционеров, на котором число голосов определяется по числу акций, находящихся в собственности каждого из его участников, выбирало директорат, который представлял интересы акционеров и назначал совет управляющих. В настоящее время, однако, собрания акционеров, хотя и проводятся, но носят формальный характер — фактически акционеры доверяют совету управляющих, который играет решающую роль во всей деятельности корпорации — в том числе и в формировании своего собственного состава, производимого, главным образом, при помощи кооптации и очень часто — кооптации в свой состав членов директората. Таким путем достигается прочная, надежная структура управления, при которой управляющие, с одной стороны, обладают большой независимостью в ведении всех дел, в том числе независимостью от акционеров в выборе партнеров, а с другой стороны, ни одной минуты не могут забыть о том, что стабильность может быть достигнута только в непрерывной борьбе с конкурентами. Это и есть та оптимизация во взаимодействии собственности и управления, которая непрерывно совершенствуется и служит отнюдь не только получению наивысших прибылей, но и экономическому прогрессу.

Конкуренция самих крупных капиталов, то есть невозможность для одних крупных корпораций предотвратить образование новых, предотвратить прорывы последних в те сферы, которые в течение какого-то времени оставались монопольными (либо в смысле полного господства одной корпорации, либо в виде жесткого разделения сфер влияния между несколькими корпорациями), — вот главный фактор, определяющий противомонопольный, конкурентный характер экономики.

Другой фактор, действующий в том же направлении, — это мелкое и среднее предпринимательство, которое не только не превратилось в «исчезающую прослойку», но, напротив, обнаружило высокую «устойчивость» и во всех странах неотступно держит в своих руках не менее (как правило, более) половины всего объема производства ВВП. Третье — антимонополистическая борьба трудящихся классов, к которой нельзя относиться как только к лозунгу, обращаемому в будущее. Эта борьба носит повседневно-

ный характер и проявляется в виде направляемой против монополии деятельности профсоюзов и других организаций трудящихся на предприятиях, а также на рынке в виде действий различного рода потребительских союзов. «Союз потребителей», образованный недавно в нашей стране (пока еще очень хилый), создан с опозданием в 200 лет — в странах Западной Европы такие союзы начали появляться еще в конце XVIII века, а в современных условиях они повсеместно охватывают большинство потребителей и играют очень крупную роль в защите интересов последних от монопольных устремлений продавцов.

И, наконец, последнее по счету, но отнюдь не по важности — меры буржуазного государства против монополии в виде антимонопольных законов и специальной администрации для их осуществления.

В связи с темой данной статьи особую внимания заслуживает вопрос о государственной собственности. Вопрос этот очень сложен, и его исследованию в отношении Японии (как, впрочем, и других стран) посвящен ряд специальных работ¹⁶. Здесь необходимо различать два понятия — «общественный сектор» и «общественные предприятия». В 1983 году к первому относилось 5,4 млн. человек, то есть почти 10 % всего занятого населения¹⁷. Удельный вес всего общественного сектора в чистых накопленных активах (национальном богатстве) составлял в 1986 году крупную величину — 9,9 %²⁰. Сюда, однако, входят такие сферы экономики, как имущество государственной и местной администрации, системы образования, науки, медицинского обслуживания и т. д. Если же иметь в виду «общественные предприятия» (или то, что иногда называется «производительный капитал»), то здесь на долю государства приходилось всего 2,2 %²¹. Однако за этой небольшой долей скрывается огромная неравномерность — вплоть до середины 80-х годов на долю государственных предприятий в области транспорта и связи приходилось свыше $\frac{2}{3}$ всего основного капитала этих отраслей. Свыше 40 % той же величины принадлежало государству в сферах электро-, газо- и водоснабжения, около 20 — в строительстве и только 0,7 % в обрабатывающей промышленности²². И вот на это-то положение, то есть на подавляющее превосходство государственной собственности и, соответственно, государственного предпринимательства, в области транспорта и связи был обращен мощный удар правительства — развернувшаяся с начала 80-х годов административно-финансовая реформа. Одним из главных направлений последней был курс на приватизацию производственных предприятий общественного сектора.

Как справедливо отмечает в уже упомянутой работе А. И. Кравцевич, «приватизация» в понимании лидеров японского делового и политического мира вовсе не означает действительного вывода той или иной компании из сферы государственного контроля или полной передачи ее в частные руки. Речь (во всяком случае, на данном этапе) идет о другом — о реорганизации общественного сектора с целью сближения условий хозяйствования для его предприятий с теми, которые господствуют в остальной части экономики. Главная цель нынешнего этапа реформы — внедрение конкуренции и частной инициативы в те сферы, которые до сих пор были «зарезервированы» исключительно для предприятий, находившихся под жестким контролем правительства, и предоставление этим предприятиям большей свободы и большей ответственности²³. Последнее может быть достигнуто путем изменения их юридического статуса и частичной передачи прав собственности на них негосударственным организациям. При условии успешной реализации подобная мера дает, по существу, тройной эффект: при сохранении необходимой степени общественного контроля повышается эффективность управления предприятием, снижаются издержки, которые общество вынуждено нести ради удовлетворения той или иной коллективной потребности; к финансированию деятельности в соответствующих сферах привлекаются средства частного сектора. С этой точки зрения нельзя не согласиться с тем, что при наличии необходимых предпосылок «приватизация» общественных предприятий может привести к повышению не только узко понимаемой хозяйственной эффективности, то есть их рентабельности, но и социальной эффективности в широком смысле этого слова.

Существенным шагом в этом направлении должна была стать реорганизация трех государственных компаний (кося), на которые в 1980 году приходилось 5 % капитала и почти 85 % рабочих и служащих сектора общественных предприятий²⁴. В соответствии с принятым правительством курсом на их «приватизацию» в апреле 1985 года государственные компании «Дэндэн» (Японская телеграфно-телефонная корпорация) и «Сэмбай» (Японская корпорация торговой монополии) были преобразованы в акцио-

нерные общества, а двумя годами позже на месте «Кокутэцу» (Японская корпорация государственных железных дорог) было создано шесть региональных компаний для пассажирских перевозок и одна — для грузовых. Вслед за изменением их юридического статуса должна последовать и фактическая передача большей части акций в частные руки при сохранении, однако, крупных, а возможно, и крупнейших пакетов акций в руках государства¹⁵.

Главным результатом проведенной реорганизации стала рационализация структуры и управления в рамках названных корпораций и, как следствие, улучшение их финансового положения, достигнутое практически без повышения стоимости услуг для потребителя. В более долгосрочном плане это рассматривается как шаг, делающий возможным усиление конкуренции в области пассажирских перевозок и постепенную либерализацию коммерческой деятельности в сфере информации и связи.

Более того, при внимательном анализе споров, ведущихся в Японии по проблемам приватизации, нельзя не обратить внимание на то, что в центре дискуссий стоит не проблема собственности, которая, судя по всему, мало волнует даже персонал компаний, не говоря уже о широкой общественности, а вопрос о соотношении конкуренции и административного регулирования в соответствующих областях.

На наш взгляд, подобное смещение приоритетов естественно и закономерно. Именно эта проблема — проблема управления конкуренцией, то есть ее стимулирование, направление в нужное русло, а в необходимых случаях и ограничение, — является самой сложной задачей, стоящей перед государственной администрацией, и одновременно — главной заботой населения, фактором, определяющим условия его жизни и труда. Вопрос о контроле, об отношениях зависимости и подчинения, о праве принятия важных решений и механизме их реализации вышел на первый план не только внутри современной частной корпорации и в межфирменных связях, но и в отношениях между государственной властью и корпорациями. В условиях, когда титул собственности, ее формальная сторона играют, как было показано выше, все меньшую роль с точки зрения реального участия в управлении, проблема государственной собственности и ее границ все больше преобразуется в проблему пределов и форм государственного контроля, его возможности реально, а не формально влиять на экономическое поведение хозяйствующих субъектов.

С этой точки зрения постепенно теряют свое значение не только размеры участия государства в капитале общественных предприятий, но и принципиальные различия между этими предприятиями и крупными корпорациями частного сектора экономики. Пример Японии, пожалуй, наиболее ярко подтверждает, что принадлежность предприятия к частнохозяйственному сектору отнюдь не означает свободу от правительственного регулирования и даже вмешательства в тех случаях, когда оно сочтет это целесообразным. Как совершенно справедливо отмечает в своей работе американский японовед Т. Бойд, «хозяйство оказывает сопротивление контролю, но признает неизбежность регулирования. Идеи абсолютной рыночной свободы носят чисто академический характер»²⁰.

Вернемся теперь к вопросу о собственности японских миллиардеров. Откуда же все-таки берутся и где обретаются те триллионы иен, которые находятся в руках 2—3 тыс. японских миллиардеров? Как мы уже видели, хотя японское налоговое ведомство не может установить величину и происхождение каждого из такого рода богатств в отдельности, в целом картина более или менее ясна — некоторая часть лиц, принадлежащих к такому рода прослойке, вырвалась далеко вперед на основе опережения всех в создании новых видов производств (самый яркий пример — уже упоминавшийся выше Коносукэ Мацусита, инженер и бизнесмен, первым проложивший путь к последующему быстрому, опередившему все другие отрасли развитию японской электроники). Большинство же обогатилось в результате спекуляции недвижимостью и особенно сельскохозяйственной землей. Сочетание таких факторов, как продолжающийся в условиях и без того высокой урбанизации быстрый рост городов и земельная теснота, огромная плотность населения — все это привело к тому, что в 1985 году в текущих ценах на землю в Японии приходилось 57,1 % стоимости национального богатства — вдвое более высокая доля по сравнению с США и четверо-пятеро больше, чем в странах Западной Европы²⁷. Что касается прибыльного помещения состояния такого масштаба, то оно весьма разнообразно — здесь и покупка акций (напомним, что 22 % акционерного капитала находится в руках индивидуальных владельцев), и создание собственных корпораций неакционерного типа, и создание нового не-

движимого имущества, и приобретение драгоценностей, и (особенно в последние 5—7 лет) экспорт капитала, приобретение предприятий за рубежом.

Огромная концентрация богатств в руках небольшого числа частных лиц небезопасна для экономики и для всей общественной жизни. Очевидное для всех проявление опасности, идущей с этой стороны,— коррупция, которая широко распространена в разных слоях общества — вплоть до высших кругов государственной администрации. Такие события, как «дело Локхид» в первой половине 70-х годов, приведшее к отставке премьера К. Танака, «дело Рекрут» в 1988—1989 годах, вызвавшее отставку премьера Н. Такэсита,— это только вершина айсберга. В сущности, все многолетние усилия японского правительства, направляемые на то, чтобы перенести центр тяжести налогов с прямых на косвенные (то есть на налоги с потребителей),— усилия, которые накладываются на огромное общественное сопротивление,— объясняются самым распространенным из всех видов коррупции — сокрытием доходов, подлежащих налоговому обложению. Но несмотря на такого рода и многие другие проявления монополистической практики, можно сказать с уверенностью, что конкурентное начало в экономике преобладает.

Самый главный вывод из дискуссии о собственности заключается в том, что в рамках одного и того же общественного строя собственность по своему характеру и функциям не является чем-то неподвижным, раз и навсегда сложившимся, что в ней происходят изменения качественного характера. Как это ни парадоксально звучит с точки зрения принятых у нас трафаретов о «всесильности финансовой олигархии», суть сложившегося положения состоит в том, что триллионы иен, сконцентрированные в руках богачей, лежат как бы на периферии экономики, что мультимиллионеры отнюдь не всемогущи, что при сохранении возможностей концентрации богатств и при том, что эти возможности по ряду направлений реализуются, капиталистическое предпринимательство обрело определенный иммунитет, способность самозащиты от монополистических устремлений, идущих со стороны крупных личных богатств. Иммунитет этот достигается отнюдь не командно-административными способами (в случае преобладания они всегда ведут к равнению на худших), а прежде всего путем экономического «естественного отбора» — неотвратимости равнения на лучших. Стабильность экономической структуры неизбежно носит относительный характер в том смысле, что в результате банкротств и в ходе изменений экономической структуры некоторая часть предприятий (ежегодно от 2 до 4 %) ликвидируется. Но, во-первых, банкротства почти не распространяются на крупные корпорации; во-вторых, в связи с возникновением новых предприятий их общее число (и общее число занятых) не уменьшается, а из года в год растет; в-третьих, масса и доля доходов трудового характера также не уменьшаются. Из вышесказанного следует, что разорение относительно небольшого числа мелких и средних предприятий выступает как один из элементов такой экономической динамики, в которой отражается ее общая стабильность и прогрессивность.

Или иначе: судя по положению дел в Японии, в сложившихся в настоящее время условиях сильные стороны корпоративного предпринимательства, сочетание конкурентного начала и стабильности более или менее прочно берут верх над слабыми сторонами, над стихийностью и устремленностью к монополизму.

¹ Проблемы Дальнего Востока.— 1989.— № 2.

² Там же.— С. 78.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.— Т. 13.— С. 7.

⁴ Там же. Соч.— Т. 4.— С. 166.

⁵ Tokyo Business Today.— October 1987.— P. 16.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. Для ориентировки: среднегодовой курс доллара по отношению к иене составлял в 1985 году 240 иен; в 1986—168; в 1987 г.— 144.

⁸ Ibid.— P. 16—17.

⁹ Ibid.— P. 17.

¹⁰ Ibid.— P. 18.

¹¹ Japan 1988. An International Comparison. Keizai Koho Center. Japan Institute for Social and Economic Affairs.— 1988.— P. 88.

- ¹² Кэйдзай юран. Сёва 63 нэмпан-Обзор экономики 1988.— Токио, 1988.— С. 110—111.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Нихон кабусикигайся-но токай-Крах Акционерного общества «Япония».— Токио, 1987.— С. 26.
- ¹⁵ Уэно Х. Кёсо-то кизэй: гэндай но сангё сосики-Конкуренция и регулирование. Современные формы промышленной организации.— Токио, 1987.— С. 26—27.
- ¹⁶ NJRA Report.— 1987.— Vol. 4.— № 2.— P. 15.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ См., в частности, М. В. Баскакова. Япония: государство и накопление основного капитала.— М.: Наука, 1976; А. И. Кравцевич. Общественное предпринимательство в Японии.— М.: Наука, 1988.
- ¹⁹ Уэно Х. Op. cit.— С. 121.
- ²⁰ Кокумин кэйдзай кэйсан кэмпо.— 1986.— С. 382.
- ²¹ Япония.— М.: Мысль, 1981.— С. 125.
- ²² Там же.— С. 126—127.
- ²³ Следует иметь в виду, что степень контроля со стороны государства над общественными предприятиями может быть самой различной — от прямого управления до многократно опосредованного контроля, что особенно характерно для различного рода региональных корпораций.
- ²⁴ Исключая «санкционированные» юридические лица и сферы прямого государственного управления.— А. И. Кравцевич. Указ. соч.— С. 281—282.
- ²⁵ Так, в отношении Японской телеграфно-телефонной корпорации реализации подлежит 2/3 общего количества ее акций, причем в период до 1991 года — не более половины. Фактически на конец 1988 года продана приблизительно четверть акционерного фонда.
- ²⁶ Comparative Government — Industrial Relations (Western Europe, the United States and Japan). Ed. by Stephen Wilks and Maurice Wright.— Oxford, 1987.— P. 85.
- ²⁷ Japan. 1988.— P. 88.

ПУЛЬС РЕГИОНА Сеул — Москва: экономические связи и безопасность

ЧАН ЮН БАН

После Сеульской Олимпиады 1988 года советско-южнокорейское экономическое сотрудничество, набирая внушительные темпы, дает весьма позитивные результаты. Корейская торговая ассоциация (КОТРА) открыла свое представительство в Москве, а в Сеуле открылось отделение Торгово-промышленной палаты (ТПП) СССР¹. Кроме того, многие южнокорейские фирмы, в том числе «Самсун», либо уже открыли свои представительства в Москве, либо сделают это в недалеком будущем.

Позитивное развитие советско-южнокорейских отношений стало возможным в силу двух, главных в данном случае, факторов, а именно: политики Генерального секретаря М. С. Горбачева в Восточной Азии и так называемой новой «северной политики» президента Ро Дэ У.

После вступления Михаила Сергеевича Горбачева на пост Генерального секретаря (11 марта 1985 года) основные акценты в советской внешней политике стали смещаться от Европы в сторону Дальнего Востока. Это обусловлено некоторыми факторами, на первое место из которых выдвигается географический. Архитекторы внешней политики СССР с должным вниманием подошли к тому, что более $\frac{2}{3}$ советской территории находится в Азии. Кроме того, давнее соперничество с Соединенными Штатами заставило Советский Союз пересмотреть свою политику в этом приобретающем все большее значение регионе. Заметную роль при этом играют и экономические соображения, связанные, в частности, с истощением природных ресурсов европейской части СССР и с необходимостью разработки энергетических и минеральных ресурсов Сибири. Наконец, СССР весьма привлекают динамика экономического роста и конкретные экономические успехи стран Восточной Азии. Те же питают надежды на то, что и Советский Союз, развивая свою активность в этом регионе, сможет достичь подобных результатов.

В июле 1986 года Генеральный секретарь Михаил Горбачев выступил во Владивостоке с очень важной речью, в которой провозгласил новую советскую политику в Восточной Азии. Основные, как представляется, моменты этой речи заключаются в следующем.

Во-первых, значительное внимание уделяется внутренним переменам и ускорению экономического развития Советского Союза на основе перестройки и гласности. Те же внутривнутриполитические нововведения будут широко применяться в развитии советского Дальнего Востока.

Во-вторых, подчеркивается настоятельная необходимость интегрировать экономическое развитие Советского Союза в динамичную экономику Восточной Азии. Иными словами, Советский Союз, в целях оживления своей экономики, стремится к более активной взаимовыгодной торговле со странами этого региона.

Настойчивый призыв Горбачева к комплексному развитию советского Дальнего Востока и тесной интеграции с тихоокеанским регионом открывает перспективы экономического сотрудничества между СССР и несоциалистическими странами, в частности Южной Кореей. О возможности и желательности экономического сотрудничества между СССР и Южной Кореей впервые было конкретно сказано в красноярской речи Горбачева в сентябре 1988 года.

В-третьих, как заявляет Горбачев, для того, чтобы СССР смог сосредоточить все усилия на экономической реформе, ему необходима мирная и стабильная обста-

Чан Юн Бан — директор Института Азии и Тихого океана при Университете Сан-Франциско (США), профессор Ханьянского университета (Южная Корея).

новка в регионе; Советский Союз, являясь азиатской страной, имеет законное право участвовать в делах региона и может вносить ценный вклад в урегулирование конфликтных ситуаций.

Горбачев, подчеркивая необходимость интеграции АТР в современную систему международной безопасности, выдвинул программу мира, которая содержит предложения по урегулированию в Камбодже, созданию препятствий на пути распространения и наращивания ядерного оружия в Азии, снижению военно-морской активности в регионе, сокращению вооруженных сил и обычных вооружений и практическому обсуждению мер по укреплению доверия и неприменению силы в этой части мира.

Кроме того, Горбачев объявил, что СССР планирует вывести советские войска из Афганистана, сократить на 75 % свои воинские контингенты в Монголии и обсудить с Китаем конкретные меры, направленные на пропорциональное сокращение сухопутных сил вдоль советско-китайской границы.

Реализация программы Горбачева в Восточной Азии будет иметь особое значение, ибо новые политические инициативы СССР в этом регионе непременно повлияют на нынешнюю политическую ситуацию и соотношение сил вокруг Корейского полуострова.

Более того, объявленные в речи Горбачева крупные уступки Китаю, нацеленные на дальнейшую нормализацию советско-китайских отношений, начавшуюся в 1982 году, могут повлиять на развитие китайско-американских отношений и, следовательно, на региональные интересы США в сфере безопасности. Этот аспект будет проанализирован после рассмотрения политических инициатив Южной Кореи, открывающих путь к экономическому сотрудничеству с СССР.

Корейские факторы

Со времен окончания войны в Корее отношения между Севером и Югом страны отличаются взаимной враждебностью и напряженностью.

Советские ученые часто утверждают, что конфронтационная политика южнокорейских лидеров в отношении Северной Кореи в прошлом создала серьезные препятствия для возможного экономического сотрудничества между СССР и Южной Кореей.

В этой связи заявление президента Ро от 7 июля 1988 года знаменует собой радикальное изменение политики Южной Кореи в отношении Северной Кореи. Основу этого заявления составляют инициативы относительно торговли между Югом и Севером, свободного обмена людьми, а также стремление Южной Кореи поддерживать улучшение отношений между Северной Кореей, США и Японией.

Заявление президента Ро обусловлено следующими внешними и внутренними причинами: во-первых, новая «северная политика» президента Ро знаменует коренной поворот как в направлении, так и в самой сущности политики по отношению к Северной Корее. В прошлом, добиваясь улучшения отношений с Советским Союзом и Китаем, Южная Корея прежде всего стремилась одержать победу над Севером путем политической и экономической изоляции от международного сообщества. Итак, «северная политика» президента Ро означает переход от прежней игры с нулевым результатом к игре с позитивным результатом.

Рассуждая логически, можно прийти к выводу, что любое улучшение советско-южнокорейских экономических отношений, несущее выгоды обеим странам, должно повлечь за собой такое же улучшение отношений Северной Кореи с США и Японией.

Кроме того, Южная Корея рассматривает улучшение отношений и, в конечном итоге, установление дипломатических отношений с Советским Союзом как путь к достижению статуса полноправного члена ООН, что является давним чаянием корейского народа. Это также означало бы, что СССР признает де-факто Южную Корею как независимое государство и негласно примиряется с наличием двух корейских государств.

Следует отметить, что развитие сотрудничества в таком направлении явилось бы крупным шагом к ликвидации взаимного недоверия между всеми заинтересованными сторонами и, следовательно, к созданию нового политического климата, благоприятного для установления мира и стабильности на Корейском полуострове.

Во-вторых, если говорить об экономических интересах Южной Кореи, то сотрудничество с Советским Союзом откроет новый рынок для корейских товаров и предоставит ей доступ к советским источникам ценного сырья. Экономическое сотрудничество с Советским Союзом поможет южнокорейским фирмам получить выход на рынки других социалистических стран Восточной Европы, поскольку Советы влияют на их политику.

Китайский фактор

Выступления Горбачева во Владивостоке и Красноярске представляли особый интерес для одной из великих держав — Китая. Особое значение имеет то, что в них содержались крупные уступки Китаю, цель которых нормализация советско-китайских отношений, начавшаяся в 1982 году.

Китай постоянно указывал на три основных препятствия нормализации советско-китайских отношений: советскую оккупацию Афганистана; значительное присутствие советских вооруженных сил, размещенных вдоль советско-китайской границы; советскую поддержку вьетнамской оккупации Камбоджи. После выступлений во Владивостоке и Красноярске достигнут значительный прогресс на политической арене.

Советский Союз в феврале 1989 года завершил полный вывод своих войск из Афганистана, прекратив таким образом оккупацию этой страны. СССР пошел на значительное сокращение своих воинских контингентов в Монгольской Народной Республике. Что касается третьего препятствия, советской поддержки Вьетнама в Камбодже, то между СССР и Вьетнамом достигнуто соглашение о выводе последних 50 тыс. вьетнамских войск из Камбоджи к концу сентября 1989 года.

Кроме того, СССР, как сообщалось, планирует сократить свои войска в Азии на 200 тыс., а в Европе — на 300 тыс. человек.

Ослабление напряженности в результате ликвидации этих препятствий привело к затуханию давней вражды между Москвой и Пекином. В ходе пекинской встречи на высшем уровне в мае 1989 года лидеры двух стран официально провозгласили долгожданную нормализацию отношений между СССР и КНР.

Как может новое сближение между этими великими державами, имеющими давние интересы на Корейском полуострове, повлиять на соотношение сил и положение в области безопасности в данном регионе?

Во-первых, главная цель визита Горбачева в Пекин состояла в том, чтобы путем снижения напряженности на советско-китайской границе способствовать решению первоочередной внутренней задачи, связанной с проведением экономической реформы. Снижение напряженности на советско-китайской границе приведет к сокращению военных расходов и таким образом позволит Советскому Союзу сосредоточить основное внимание на экономических задачах.

Во-вторых, визит в Пекин и распространение новой восточноазиатской политики Горбачева должны разбить созданную Соединенными Штатами коалицию, куда входят Вашингтон, Токио, Сеул и Пекин. Следует отметить, что усилия Горбачева по демократизации советского общества и решению внутриэкономических проблем существенно снизили вероятность советской угрозы. Теперь, когда опасения по этому поводу в основном рассеиваются, экономические связи должны будут замечать связи в военной области.

Для Соединенных Штатов это будет означать возможное падение влияния в Азии на фоне сокращения вероятности воображаемой советской угрозы и роста торговых трений между США и их азиатскими партнерами.

В-третьих, визит Горбачева в Пекин несомненно приведет к снижению уровня соперничества между СССР и Китаем за влияние на Северную Корею. Таким образом, советско-китайское сближение может снизить стратегическое значение Северной Кореи для обеих стран, ослабляя их давнее соперничество за позиции в этой стране.

В свою очередь, советско-китайская нормализация может создать более здоровый климат для взаимовыгодного экономического сотрудничества между Южной Кореей и Советским Союзом, а также между Южной Кореей и Китаем. Как уже сообщалось, Советский Союз может пригласить Китай и Южную Корею принять участие в реализации проектов развития советского Дальнего Востока.

Для правильной оценки политического влияния инициатив Горбачева на возможности расширения экономического сотрудничества между Советским Союзом и Южной Кореей необходимо осознать суть некоторых подспудных факторов, действующих в этой области.

Экономические факторы

А). Опыт бурного и неуклонного экономического развития Южной Кореи в течение 30 лет представляет прекрасный пример стратегии экономического развития, который может быть использован в ходе советской экономической реформы.

Кроме того, начиная с 1970 года южнокорейские фирмы накопили богатый опыт работы в странах с трудными климатическими условиями (например на Ближнем Востоке) и разработали ценные технологии в области строительства объектов инфраструктуры и производства потребительских товаров.

Учитывая неотложный характер задач ускоренного развития Сибири, СССР рассматривает участие Южной Кореи в разработке природных ресурсов и создании инфраструктуры как позитивный вклад в проведение экономической реформы и модернизации в этой части страны.

Б). Япония является основным экономическим партнером СССР на Дальнем Востоке. В 1987 году объем товарооборота между СССР и Японией составил 2,6 млрд. руб.*

Несмотря на стабильные экономические отношения с СССР и неоднократные советские предложения принять участие в проектах развития Сибири, Япония неохотно идет на сотрудничество и не направляет сколько-нибудь ощутимых капиталовложений в этот регион.

Недостаточный уровень сотрудничества со стороны Японии отражает сохраняющуюся десятилетиями напряженность в отношениях между правительствами двух стран. Главным фактором ухудшения советско-японских отношений в 70-х годах явились настоячивые претензии Японии на так называемые «северные территории» — четыре острова, отошедшие к Советскому Союзу после второй мировой войны. Вследствие этой тупиковой ситуации и недостаточного стремления к развитию отношений с СССР со стороны Японии в Советском Союзе надеются, что развитие экономического сотрудничества с Южной Кореей поможет компенсировать отсутствие сотрудничества с Японией и заставить ее пересмотреть свою позицию.

Кроме того, как известно, Советский Союз занимает передовые позиции в фундаментальных науках, а Южная Корея — в прикладных. Следовательно, как считают в СССР, развитие технологического сотрудничества с Южной Кореей будет эффективно сдерживать технологическую монополию Японии и создаст ей определенный противовес в регионе.

Стратегические факторы

В стратегическом плане политика Горбачева в Восточной Азии и, в частности, в отношении Южной Кореи, преследует двойственную цель.

Во-первых, развивая торговлю и обмены с несоциалистическими странами типа Южной Кореи, Советский Союз стремится свести до минимума широко распространенное представление о советской угрозе и получить доступ к законному участию в делах региона.

Во-вторых, выдвигая комплекс мирных инициатив, СССР стремится снизить давление извне с тем, чтобы получить возможность сконцентрировать все усилия на решении внутренних вопросов, развития гласности и на перестройке.

Более того, подход Горбачева к Южной Корее преследует конкретную цель развития тесного экономического сотрудничества между СССР и Южной Кореей, что должно привести к снижению американского влияния и, в конце концов, выводу войск США из Южной Кореи.

* В 1988 году товарооборот достиг 3,135 млрд. руб. (увеличение на 29,5 %). — См.: Внешняя торговля. — 1989. — № 3; по японским источникам — 5,896 млрд. долл. (увеличение на 20 %). — Гайкоку боэки чайке. — 1988. — № 12. — Ред.

Высказываются различные суждения по поводу военного присутствия и роли США в Южной Корее. Стратеги США, как правило, считают, что вывод американских войск из Южной Кореи не должен неизбежно связываться с улучшением отношений между Югом и Севером Кореи. По их мнению, даже если развитие диалога приведет к установлению мира и стабильности на Корейском полуострове, американское военное присутствие там будет тем не менее необходимо для поддержания баланса между сверхдержавами, то есть между США и Советским Союзом.

Аналогичная идея содержится в недавно опубликованной статье Г. Киссинджера: «Ни одна из основных стран Азии не рассматривает США в качестве передовой линии обороны. Все они готовы предпринять значительные усилия в области обороны... Но для поддержания баланса США должны играть свою уравновешивающую роль, то есть повторить действия Великобритании в интересах четырех стран в Европе».

Неясно только, будет ли большинство населения Южной Кореи поддерживать такую позицию.

Утверждают также, что военное присутствие США в Южной Корее служит региональным средством сдерживания агрессии со стороны Северной Кореи. Однако доказанные на деле возможности народа Южной Кореи в обеспечении неуклонного экономического роста сделали его более уверенным в себе и в своей способности решать свои внешние и внутренние проблемы.

Южнокорейцы могут изменить свое традиционное представление о роли американских войск в стране в силу четырех факторов. Сюда следует отнести растущую разницу в уровнях экономического развития Севера и Юга, усиление торговых трений с США и рост национализма в Корее. И, наконец, поскольку советские мирные инициативы резко снизили восприятие южнокорейцами вероятности советской угрозы, то они могут прийти к выводу о том, что военное присутствие США мешает усилиям Юга по улучшению отношений с Северной Кореей, угрожая таким образом миру и безопасности на Корейском полуострове.

Препятствия на пути развития экономического сотрудничества между СССР и Южной Кореей

I. Географическая близость советского Дальнего Востока и Южной Кореи создает отличные условия для экономического сотрудничества между этими странами.

Бедная природными ресурсами Южная Корея хотела бы импортировать с советского Дальнего Востока лес, уголь, нефтехимические и рыбные продукты.

Однако в силу многих препятствий, особенно очевидных в ходе перестройки и гласности, перспективы советско-южнокорейского экономического сотрудничества выглядят не столь уж радужно.

Несмотря на предпринимаемые ныне меры по перестройке советской экономики, принятие новых законов о смешанных предприятиях, более эффективную систему платежей и расчетов, реформу цен и осознание необходимости конвертируемости рубля, дела в этой области продвигаются довольно медленно. Отсутствие серьезного прогресса в осуществлении этих мер может тормозить развитие экономического сотрудничества между СССР и Южной Кореей.

В 1988 году общий объем товарооборота между Южной Кореей и Советским Союзом составил 278 млн. долл., из которых 100 млн. долл. пришлось на экспорт из Южной Кореи.

Как показано в таблице 1, прирост товарооборота по сравнению с 1987 годом составил 39 %. Несмотря на столь существенный рывок, объем советско-южнокорейской торговли выглядит весьма незначительным на фоне торговли между Южной Кореей и Китаем, объем которой в 1988 году составил 3196 млн. долл.

По данным на сегодняшний день, только одной южнокорейской фирме удалось подписать контракт о создании смешанного предприятия (по обработке шкур) в Советском Союзе. Кроме того, в феврале 1989 года корейская компания «Вонъян фишериз» начала лов рыбы в советской рыболовной зоне в Охотском море, действуя в рамках сложной сделки между четырьмя различными партнерами. Как сообщалось, ввиду возражений со стороны Министерства рыбного хозяйства СССР, создание даже такого предприятия было сопряжено с серьезными трудностями. По условиям

данного соглашения советское судно «Спасск» в настоящее время ремонтируется на судоремонтной верфи «Хэндэ» в Ульсане.

II. Отсутствие дипломатических отношений между Советским Союзом и Южной Кореей является одним из наиболее серьезных препятствий в развитии перспективного экономического сотрудничества между двумя странами.

Правительство Южной Кореи настаивает на том, что при отсутствии дипломатических отношений между двумя странами обеспечение гарантий для будущих капиталовложений корейских фирм в Советском Союзе должно рассматриваться как обязательное условие. Исходя из этого, правительство Южной Кореи стремится повысить функции и статус недавно созданных торговых миссий до уровня консульств.

Советы со своей стороны считают, что отношения между двумя странами должны сводиться лишь к экономическому сотрудничеству. Кроме того, советская сторона утверждает, что отделения ТПП СССР могут выполнять ограниченные консульские функции, в том числе осуществлять выдачу виз, в то время как южнокорейская сторона считает выдачу виз исключительно прерогативой консульств.

Что касается гарантий южнокорейским капиталовложениям в СССР, то советская сторона считает, что такие гарантии обеспечиваются взаимным доверием, базирующимся на необратимых процессах перестройки и демократизации, которые в специфических для каждой страны формах развиваются и в Советском Союзе, и в Южной Корее³.

Итак, в то время как СССР проводит четкое разграничение между политической и экономической, корейская сторона считает такую позицию для себя неприемлемой.

Данный вопрос весьма болезненно воспринимается как на Юге, так и на Севере Кореи. Согласие СССР придать торговым миссиям консульский статус означало бы молчаливое признание «двух Корей», к чему давно стремится Южная Корея и против чего столь же давно выступает Северная Корея.

Разумеется, вопрос может быть решен только в том случае, если Северная Корея пойдет на улучшение отношений с Соединенными Штатами и Японией, в то время как Китай и Советский Союз будут устанавливать связи с Южной Кореей, причем оба процесса будут развиваться симметрично.

Однако нет никаких признаков готовности Пхеньяна следовать в этом направлении.

Таблица 1
Торговля Южной Кореей с социалистическими странами (в млн. долл.)

Страны		1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.
Все соц. страны	Общий объем	1438	1609 (11,9 %)	2027 (26,0 %)	3650 (80,1 %)
	Экспорт	850	900 (5,9 %)	982 (9,1 %)	1996 (103,3 %)
	Импорт	588	709 (20,6 %)	1045 (47,4 %)	1654 (58,3 %)
Китай	Общий объем	1161	1336 (15,1 %)	1679 (25,7 %)	3196 (90,4 %)
	Экспорт	683	715 (4,9 %)	813 (13,7 %)	1809 (122,5 %)
	Импорт	478	621 (29,9 %)	866 (39,5 %)	1387 (60,2 %)
СССР	Общий объем	102	133 (30,4 %)	200 (50,4 %)	278 (39,0 %)
	Экспорт	60	65 (8,3 %)	67 (3,1 %)	100 (49,3 %)
	Импорт	42	68 (61,9 %)	133 (95,6 %)	178 (33,8 %)
Страны Восточной Европы	Общий объем	175	140 (-20,0 %)	148 (5,7 %)	176 (18,9 %)
	Экспорт	107	120 (12,2 %)	102 (1,7 %)	87 (-14,7 %)
	Импорт	68	20 (-70,6 %)	46 (130 %)	89 (93,5 %)

Примечание: цифры в скобках указывают изменения по сравнению с предыдущим годом; цифры по экспорту предоставила КОТРА, по импорту — Таможенное управление Южной Кореи.

III. Северная Корея

Одним из самых серьезных препятствий на пути советско-южнокорейского экономического сотрудничества является резкое противодействие Северной Кореи любым

позитивным сдвигам в социально-политических и экономических отношениях между Южной Кореей и социалистическими странами, в частности Советским Союзом.

Нет явных признаков, что Северная Корея готова принять предложение президента Ро от 7 июля 1988 года о расширении обмена между государствами. В этом заявлении Ро предлагает развивать перекрестные контакты между Югом и Севером, а также каждой из сторон с другими заинтересованными странами, в том числе сверхдержавами.

Северная Корея рассматривает настойчивое стремление Юга к развитию отношений с СССР и другими социалистическими странами как попытку добиться ее отчуждения или изоляции от основных союзников. Более того, в Северной Корее считают, что развитие экономических связей Южной Кореи с социалистическими странами преследует скрытую цель проложить дорогу к перекрестному признанию двух корейских государств, против чего в принципе всегда возражал Пхеньян. Таким образом, Северная Корея расценивает советско-южнокорейское экономическое сотрудничество как угрозу своим коренным интересам в отношениях с Советским Союзом.

Выступая в Красноярске, Генеральный секретарь Горбачев вновь заявил, что СССР всегда поддерживал политику своего союзника — Северной Кореи в отношении Юга и что Советский Союз не только выступает против любых действий, направленных на увековечение раздела Кореи, но и полностью поддерживает позицию Северной Кореи.

В своей речи в Пекине 17 мая 1989 года Горбачев заявил, что задачи объединения Кореи требуют вывода американских войск с полуострова, тем самым полностью подтвердив свою прежнюю позицию по данному вопросу.

В этом смысле отношения между Севером и Югом и их будущее развитие будут оказывать влияние на южнокорейско-советское сотрудничество, хотя отношения между Югом и Севером развиваются отнюдь не гладко и не в сторону примирения.

Прямые контакты между Севером и Югом начались в 1972 году, когда состоялась встреча президента Северной Кореи Ким Ир Сена со специальным посланником президента Южной Кореи Пак Чжон Хи. За этой встречей последовала серия то и дело прерывавшихся политических переговоров.

Последний по времени и санкционированный правительством Южной Кореи контакт имел место в январе 1989 года, когда финансово-промышленный магнат Южной Кореи (имеется в виду глава крупнейшей финансово-промышленной группы «Хёндэ» Чон Чу Ен.— Ред.) совершил поездку на Север. В ходе этого визита обсуждались вопросы совместного развития горного района Кымгансан и совместного строительства судоверфи и вагоностроительного завода.

Несанкционированная поездка лидера инакомыслящих священника Мун Ик Хвана в Пхеньян для встречи с Ким Ир Сеном и вызванный ею подъем «левого» движения заставили Южную Корею изменить направление своей «северной политики».

По возвращении в Южную Корею 13 апреля 1989 года Мун и его сторонники были арестованы. Северная Корея отреагировала на это весьма серьезно и отменила запланированные на конец 1989 года переговоры с Югом.

Развитие отношений между Северной и Южной Кореей, так же как и между СССР и Южной Кореей, будет зависеть от того, сможет ли Северная Корея воспринять идею параллельного улучшения отношений Южной Кореи с СССР и Северной Кореей с США и Японией.

Прямые переговоры между представителями США и Северной Кореи, состоявшиеся в Пекине в начале 1989 года, возможно дают некоторые основания надеяться на первые встречные подвижки в позиции Пхеньяна.

Бывший премьер-министр Японии Такесита заявил о желании Японии улучшить отношения с Северной Кореей. МИД Южной Кореи незамедлительно выступил с одобрением такой позиции Японии.

Северная Корея проявляла признаки усиления социально-экономической и дипломатической активности в отношении стран Запада, однако ввиду неблагоприятного платежного баланса во внешнеэкономических связях и сорокалетней добровольной изоляции от международного сообщества Северу не удалось достичь значительных успехов.

Заключение

Вместе с новой «северной политикой» президента Ро смелые мирные инициативы Горбачева в Восточной Азии открыли путь к перспективному экономическому сотрудничеству между Советским Союзом и Южной Кореей.

Эти новые перспективы неизбежно ставят перед нами жизненно важный вопрос: в какой степени это сотрудничество может положительно повлиять на нынешнюю политическую ситуацию и способствовать установлению мира и стабильности на Корейском полуострове.

Ответ на этот вопрос зависит от стремления главных действующих лиц, а именно США, Советского Союза, Китая, Японии и, разумеется, Северной и Южной Кореи, к расширению диалога и обменов в целях совместной выработки мер по укреплению доверия, направленных на ослабление напряженности.

Следует отметить, что советско-южнокорейское экономическое сотрудничество может способствовать успеху дела мира и стабильности на Корейском полуострове. Развитие этой ситуации зависит от готовности Северной Кореи согласиться с перекрестными контактами и пойти на улучшение своих отношений с США и Японией.

В этой связи Соединенные Штаты и Япония должны предпринимать активные усилия по оздоровлению отношений с Северной Кореей, которые бы соответствовали любым позитивным сдвигам Китая и Советского Союза к установлению связей с Южной Кореей.

Что касается роли Японии, то главной причиной ухудшения ее отношений с Советским Союзом в 70-х годах являются ее претензии на так называемые «северные территории».

Советский Союз мог бы рассмотреть вопрос о передаче некоторых из этих островов Японии. Безусловно, решение СССР вернуть некоторые острова Японии привело бы к значительному улучшению советско-японских отношений и, таким образом, явилось бы крупным вкладом в дело мира и стабильности в этом регионе.

Говоря о роли главного союзника Южной Кореи — Соединенных Штатов, с сожалением приходится констатировать, что президент Буш не смог проявить необходимых в данной ситуации творческого воображения и готовности к ответным действиям.

Буш не выдвинул никаких идей, которые могли бы превзойти смелые мирные инициативы Горбачева. Пока что Соединенные Штаты занимают позицию простого реагирования, предоставив Горбачеву самому выступать с инициативами. Нет нужды говорить о том, что сейчас, когда Советский Союз сопровождает свои реформы внутри страны практической разнообразной работой на благо мира, у Соединенных Штатов есть уникальная возможность ликвидировать барьеры, созданные соперничеством сверхдержав, и содействовать ослаблению напряженности не только в Азии, но и во всем мире.

Безопасность и стабильность на Корейском полуострове во многом будут зависеть от позиции правительства Южной Кореи в проведении «северной политики». При этом южнокорейской стороне следует руководствоваться следующими соображениями.

Во-первых, и это бесспорно, ввиду неспособности справиться с растущим торговым дефицитом и сократить дефицит федерального бюджета, Соединенные Штаты потеряли возможность поддерживать свои глобальные интересы. Следует отметить, что эта тенденция необратима, более того, скорее всего она будет усугубляться.

Во-вторых, поскольку опасения по поводу так называемой «советской угрозы» в послевоенный период в основном рассеялись, геополитическая ось может изменить свое направление и сместиться от военных к экономическим связям.

В-третьих, снижение роли США сопровождалось перемещением центра притяжения в мировых делах в сторону Тихоокеанского бассейна, где все большую роль играют страны Восточной Азии, а именно Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Китай. Значение тихоокеанского региона будет в дальнейшем возрастать.

Поэтому Южная Корея должна четко определить свои роль и задачи. Если она стремится воплотить в жизнь свои давние чаяния и добиться признания в качестве полноправного независимого государства, представленного в Организации Объединенных Наций, то ей, видимо, необходимо занять твердую позицию и осуществлять независимую внешнюю политику, уделяя при этом особое внимание экономическим связям не только с развивающимися, но и с социалистическими странами. Корейский народ, стремясь к этому, видимо, должен в предстоящем десятилетии

сделать выбор в пользу ликвидации командования ООН со значительным сокращением войск США в Южной Корее. Сейчас у Южной Кореи имеются беспрецедентные возможности осуществить при соответствующей мудрости и настойчивости свои цели.

Перевод с английского языка Т. А. Каргановой

Послесловие

Уходит время конфронтационных решений

Сегодня мы представляем читателям профессора Чан Юн Бана. Он неоднократно посещал Советский Союз, и, казалось бы, с его рассуждениями, как и мыслями его коллег, давно можно было познакомиться. Однако такого рода возможность появилась лишь сегодня. А ведь нам необходимо знать различные оценки международно-политической, экономической ситуации в мире, в АТР, в районах, где, как, например, на Корейском полуострове, сохраняется достаточно высокий уровень напряженности.

Прежде всего хотелось бы отметить разносторонность интересов профессора Чан Юн Бана — он вовлечен не только в университетские дела, но и в торгово-экономические связи, которые сегодня выступают в роли важного звена в строительстве здания всеобщей безопасности. Конечно, не страсть к путешествиям и интерес к новым местам влечет Чан Юн Бана в Москву, где он часто бывает. Профессор, как он сам отмечал, видит одну из своих основных задач в ознакомлении делового мира на Западе, в Южной Корее, с возможностями советского рынка, резервами советско-южнокорейского сотрудничества, одним из ограничителей которого стал дефицит информации об СССР.

Содержание статьи Чан Юн Бана выходит за рамки констатации положения в советско-южнокорейских торгово-экономических отношениях. Автор оценивает, хотя и в довольно схематичной форме, взаимосвязи перестроечных процессов в Советском Союзе с азиатско-тихоокеанской политикой нашей страны, контуры которой были намечены в июле 1986 года во Владивостоке, выделяет важные, с его точки зрения, положения Владивостокской программы.

Размышления профессора Чан Юн Бана о «северной политике» президента Ро Дэ У, о причинах ее появления наводят на мысль о серьезном стремлении влиятельных кругов Южной Кореи к осуществлению самостоятельной внешней политики, к ослаблению «идеологической фильтрации» экономических связей.

В рассуждениях автора немало подходов к методам развязывания сложившегося в послевоенные десятилетия корейского узла. Не со всеми из них можно согласиться. Однако, как нам кажется, Чан Юн Бан близок к восприятию международно-политической ситуации с позиций нового мышления, когда, ссылаясь на выступление М. С. Горбачева, указывает на объективную заинтересованность Советского Союза в мирной и стабильной обстановке в АТР, поскольку главной задачей советских лидеров становится необходимость сосредоточения всех усилий на экономической реформе. Уже в этом просматриваются диалектика развития целостного мира, хотя и разделенного на разнотипные формации, развивающиеся в рамках глобального единства человечества, а также противоречия, решение которых в условиях дальнейшего

¹ На церемонии открытия отделения ТПП в Сеуле присутствовал председатель ТПП СССР В. Л. Малькенич и ряд корейских бизнесменов.

² Henry Kissinger. Seeking a New Balance in Asia. — Newsweek. — 1989. — 22 May. — P. 20.

³ См.: Михеев В. В. СССР — Южная Корея: экономические аспекты отношений. Доклад на советско-южнокорейском семинаре «Проблемы мира и сотрудничества на Дальнем Востоке», организованном ИДВ АН СССР и Институтом СССР и Китая при Ханьянском университете 3–6 апреля 1989 года (в печати).

упрочения взаимозависимости мира можно и необходимо находить на основе приоритетности общечеловеческих ценностей.

Обратив внимание на позитивное воздействие реализации советских мирных инициатив на обстановку в АТР, профессор Чан Юн Бан, казалось бы, демонстрирует приверженность принципам нового мышления, но склонность к прежним стереотипам — увы, и мы нередко грешны в том же — дает себя знать, отчего и нарушается логика изложения авторской позиции. Нормализация советско-китайских отношений, например, рассматривается в его статье прежде всего как результат «уступок» советской стороны, а не воплощения в советской внешнеполитической практике принципов нового мышления.

Утверждающееся во внешней политике СССР новое мышление зиждется на осознании универсальности его для стран, принадлежащих к разнотипным формациям, приоритета проблем выживания перед лицом угрозы ядерной и экологической катастроф, голода, неизлечимых заболеваний и т. д. Это касается прежде всего, конечно, эволюции внутривнутриполитической жизни в Советском Союзе; именно она, а не субъективные факторы — на чем делается упор в статье — расширяет и подрывает распространенные на Западе представления о советской угрозе. Это, а также подъем общемировой научно-технической революции, рост интернационализации производства, развитие мирового хозяйства стимулируют в Советском Союзе активный поиск путей скорейшего освобождения страны от тяжкого наследия самоизоляции от внешнего мира, что, конечно, отрицает наличие у советской стороны какого-либо стремления — так утверждает автор — разрушить коалицию (хотя сомнительна возможность использования в данном случае такого термина) США, Японии, Южной Кореи и КНР или «соперничать с КНР за Северную Корею».

Представители университетских кругов в США, к которым относится и Чан Юн Бан, все в большей мере осознают снижение роли военно-стратегических факторов в развитии международно-политических процессов. Для лидеров Южной Кореи, где на положение силы, наиболее организованной и способной обуздать непокорных, всегда претендовала армия, не так легко отойти от казарменных методов управления обществом, отказаться от признания приоритетности военной мощи как основного внешнеполитического инструмента. Но жизнь вносит свои коррективы. Потребности создания эффективной экономики ставят под сомнение неоспоримое ранее право заменять насильем любые претензии на демократическое волеизъявление граждан страны. И новый внешнеполитический курс Сеула — это в известной степени дань потребностям развития как внутреннего политического процесса, так и международно-политической ситуации; он связан с желанием найти внешние опоры для диверсификации экономических и политических связей Южной Кореи.

В наше суровое время осознание невозможности использовать военную силу для достижения своих внешнеполитических целей еще не означает отказа от психологии «тотальной» конфронтации. Одним из наиболее опасных — в условиях усиливающегося разрыва в уровнях экономического развития различных стран — рычагов силового воздействия становится экономическая мощь. Попытки использовать ее в качестве своеобразной дубинки для подтверждения своей правоты, получения соответствующих политических уступок в диалоге отнюдь не согласуются с кодексом поведения партнеров, декларирующих приверженность принципам мирного сосуществования и нового мышления.

Попытки оказывать давление на страны, провозгласившие социалистический путь развития, могут, как свидетельствует и опыт истории, лишь содействовать самоизоляции последних, упрочению в их общественно-политической жизни антидемократических тенденций. Уже не одно десятилетие КНДР существовала как бы во враждебном окружении, в стране насаждалась атмосфера тревожного ожидания того критического дня, когда на нее обрушится лавина агрессии. Поэтому любые шаги, способные каким-либо образом отодвинуть надежду на достижение мира на корейской земле, могут привести к непредсказуемым последствиям.

Проблема объединения страны — это дело прежде всего самого корейского народа, ее решение все больше и больше зависит от развития внутрикореической обстановки. Тем не менее американское военное присутствие до сего времени выступает в качестве важного препятствия на пути диалога Север — Юг. Трудно в связи с этим не обратить внимание на суждения Чан Юн Бана относительно роли США в Южной Корее и ее восприятия южнокорейским населением. Подробное знакомство с такого

рода рассуждениями невольно приводит к мысли о том, что и в Сеуле растет недовольство в связи с намерением влиятельных вашингтонских стратегов и дальше использовать южнокорейскую территорию в качестве форпоста в военно-стратегическом противостоянии государствам иной социальной системы. КНДР, если судить по официальным заявлениям северокорейской стороны, оценивает военное присутствие США на корейской земле как основное препятствие на пути мирного объединения страны, и с этой точки зрения ее позиция объективно соприкасается с возросшими антиамериканскими настроениями на Юге Кореи. В условиях, когда советские инициативы резко подорвали тезис о «советской угрозе», — и об этом пишет профессор Чан Юн Бан — южнокорейцы начинают все чаще задаваться вопросом: а не осложняет ли американское военное присутствие внутрикорейский диалог?

Для представителей нашего журнала, посетивших по приглашению «Хангук Ильбо» Сеул в мае сего года, было приятной неожиданностью узнать о растущем интересе на Юге Кореи к Советскому Союзу. Если здесь читают и оживленно обсуждают книгу М. С. Горбачева о перестройке, переводят и знакомятся с русскими классиками, выпускают советские журналы, в том числе и «Проблемы Дальнего Востока», а около 600 студентов изучают русский язык, то можно, наверно, говорить о ростках нового мышления, пробивающихся в общественном сознании Южной Кореи сквозь тяжкие наслоения времен «холодной войны».

Игнорирование концепции целостности мира сегодня равнозначно конфронтационному мышлению, что неизбежно ведет к продолжению гонки вооружений, убийственному соперничеству за достижение военно-стратегических преимуществ. Конечно, вряд ли можно оспаривать идеи Чан Юн Бана о тесном взаимовлиянии обстановки на Корейском полуострове и взаимоотношений между заинтересованными государствами — США, СССР, Японией, КНР, Северной и Южной Кореей. Но главное все же зависит от способности участников внутрикорейского диалога преодолеть барьер отчуждения, взаимного недоверия, угнетающей подозрительности, сооруженный за многие годы и созданный благодаря гигантским усилиям противостоящих в Корее сторон и их союзников.

Главное отличие нового мышления от прежних стереотипов, определявших конфронтационное решение острых международных проблем, в признании приоритета общечеловеческих ценностей. Новый взгляд на судьбы мироздания в ядерную эпоху не позволяет нам закрывать глаза, как это было раньше, на взлет южнокорейской экономики последних десятилетий. Вместе с тем вполне очевидны и достижения КНДР в сфере просвещения, строительства, искусства, в частности музыки, спорта. Оптимисты верят сегодня в мирное разрешение болезненной проблемы раскола Кореи; они возлагают надежды на интеллектуальный потенциал корейской нации, имеющей за плечами древнейшую культуру, обладающей неисчерпаемыми духовными ценностями, удивительной целеустремленностью как одной из национальных черт, что помогало корейцам выжить в условиях колониального ига и изнурительных войн.

Основная тема предлагаемой читателю статьи профессора Чан Юн Бана — перспективы советско-южнокорейского экономического сотрудничества. Следует признать, что на пути такого сотрудничества существует немало препятствий как объективного, так и субъективного характера, и вряд ли было бы правильно начинать новое дело с выдвижения каких-либо неприемлемых требований, условий, прежде всего политического характера. Ведь не секрет, что некоторые совместные хозяйственные проекты проваливались или тормозились по мотивам, связанным отнюдь не с экономикой. Страны, длительное время разделенные железным занавесом, ставшие теперь партнерами, нуждаются во взаимном изучении, если хотите знакомстве — и не понаслышке, а воочию, хотя время, естественно, торопит как нас, так и южнокорейских бизнесменов. Но если последние привыкли к энергичному натиску на мировом рынке, то наша бюрократическая структура переживает как бы период приспособления к новым реалиям, с опаской воспринимает необходимость создания соответствующих для современного уровня экономических связей, инфраструктуры, отлаженной информационной службы. Излишняя централизация в управлении внешнеэкономическими связями в нашей стране не раз разочаровывала бизнесменов, подрывала в их среде авторитет перестройки в Советском Союзе.

Некоторые проблемы, затронутые в статье Чан Юн Бана, находятся как бы на

поверхности громадного айсберга, олицетворяющего сложнейший механизм развития взаимозависимого мира. Обновление стран, провозгласивших социалистический путь развития и добившихся на этом пути определенных успехов в социальной политике, предполагает ныне восприятие таких ранее недооценивавшихся элементов функционирования социально-экономической системы, как товарное производство, рыночный механизм и т. п. В то же время капитализм, как показала практика, не только не потерял, а активно использовал возможности развития научно-технической революции. Нельзя ожидать, что процесс взаимовлияния разнородных по своей социальной сути систем (будь то по линии СССР — Южная Корея, КНДР — Южная Корея) будет прост для утверждения нового мышления в обществах, где действуют различные давние и стойкие традиции государственного правления, выработанные многими годами стереотипы восприятия себя и окружающего мира. Политика неизбежно должна отражать сложную диалектику взаимодействия государств, имеющих различные социально-экономические и политические механизмы, а роль субъективного фактора — мышления архитекторов новой системы международных отношений — будет приобретать все большее значение. Профессор Чан Юн Бан в заключение статьи призывает южнокорейских политиков проявить мудрость и настойчивость в достижении национальных целей. Мы же склонны закончить свое представление уважаемого Чан Юн Бана читателям следующими словами: осознание государственным деятелями различных стран единства национальных и общечеловеческих ценностей и целей, необходимости приведения в соответствие экономических и внешнеполитических интересов, предполагающих в качестве главной цели обеспечение мира, может спасти человечество от ядерной, экологической и иной катастрофы.

В. Б. ВОРОНЦОВ
доктор исторических наук

Бассейн Японского моря — зона советско-японского сотрудничества

КАДЗУО ОГАВА

Причины застоя в японо-советской торговле в 80-е годы

Переход к застою — так можно кратко охарактеризовать изменения в японо-советских экономических отношениях в середине 80-х годов. Если раньше на Советский Союз приходилось свыше 2 % всего объема внешней торговли Японии, то в последние годы этот показатель снизился до уровня менее 1,5 %. Результаты 1988 г. показывают, что удельный вес СССР в импорте Японии составил лишь 1,2 %, в экспорте — менее 1,5 %.

Ухудшение международной обстановки, в первую очередь обостряющееся противостояние между странами Запада и Востока, в значительной мере препятствовали поступательному развитию японо-советских экономических связей. Другими словами, после введения Советским Союзом своих войск в Афганистан в конце 1979 г. и присоединения японского правительства к экономическим санкциям, принятым по инициативе США в отношении СССР, японо-советская торговля в 80-е годы осуществлялась в нестабильной обстановке и на ее развитие значительное психологическое влияние оказывал политический фактор. В дополнение к этому усугубились проблемы, связанные со сложностями проведения японо-советского диалога из-за различий в позициях сторон. СССР стремится строить советско-японские отношения с акцентом на экономике, будучи крайне заинтересован в использовании японского экономического и промышленно-технического потенциала. Япония же, со своей стороны, исходит из принципа «неразделения политики и экономики», с приоритетной задачей возврата «северных территорий». При этом экспорт промышленных товаров из Японии, обладающей в этом плане большими возможностями, не мог не ограничиваться в условиях усиления ограничений КОКОМ, предпринятых по инициативе США для максимального сдерживания передачи Советскому Союзу опыта в области высокосложных технологий.

Развитию японо-советской торговли мешали также и факторы экономического и коммерческого характера. Это прежде всего значительное снижение заинтересованности японских деловых кругов в сотрудничестве с СССР по освоению Сибири и Дальнего Востока, что вызвано изменением структуры промышленности Японии, испытавшей на себе два энергетических кризиса, а также выравниванием спроса и предложения на мировых рынках сырья и топлива в 80-е годы.

Далее, с первой половины 80-х годов по настоящее время не было реализовано ни одного нового японо-советского проекта по совместному освоению Сибири и Дальнего Востока из-за падения международной конкурентоспособности японских товаров в условиях повышения курса иены и прекращения выдачи японским правительством кредитов Советскому Союзу на фоне общего охлаждения политических отношений между Востоком и Западом. Наряду с этим не было и заслуживающих особого внимания крупных контрактов на поставку в СССР комплектного оборудования. Другими словами, исчезли практически все факторы, которые способствовали расширению японского экспорта в Советский Союз во второй половине 70-х годов и торговля не могла не оказаться в

застое. Негативное влияние оказало и сокращение возможностей СССР обеспечивать поступление твердой валюты за счет экспорта нефти, цены на которую на мировом рынке существенно снизились. Как известно, советский экспорт в развитые западные страны состоит на 60 % из нефти, и на 15—20 % из природного газа.

Импорт Японии из СССР в течение 10 лет — во второй половине 70-х и в первой половине 80-х годов — удерживался примерно на одном уровне. Говоря о лесоматериалах, которые являются основной статьей японского импорта из СССР, следует отметить, что спрос на них на внутреннем японском рынке значительно сузился, не видно перспектив заметного его восстановления и в будущем. В отличие от советского экспорта в западноевропейские страны, куда СССР в 80-е годы заметно увеличил поставки природного газа и нефти, Япония не ввозит ни кубометра советского газа, а импорт нефти из СССР крайне мал.

В целом, японо-советская торговля с 1975 г. развивалась с положительным для Японии сальдо (см. табл. 1). Проявившейся в последние годы тенденцией в структуре японского импорта из СССР было увеличение в нем доли золота, платины, палладия и других благородных металлов, и также алюминия, рыбы и продуктов морского промысла.

Таблица 1
Динамика японо-советской торговли в 1970—1988 гг.
(в тыс. долл.)

Год	Оборот	Экспорт из Японии	Импорт в Японию	Сальдо торгового баланса
1970	821 970	340 932	481 038	140 106
1971	873 147	377 267	495 880	118 613
1972	1 098 085	504 179	593 906	89 727
1973	1 561 911	484 210	1 077 701	593 491
1974	2 513 785	1 095 642	1 418 143	322 501
1975	2 795 818	1 626 200	1 169 618	456 582
1976	3 419 335	2 251 894	1 167 441	1 084 453
1977	3 355 752	1 933 877	1 421 875	512 002
1978	3 943 918	2 502 195	1 441 723	1 060 472
1979	4 372 145	2 461 464	1 910 681	550 783
1980	4 638 099	2 778 233	1 859 866	918 367
1981	5 280 121	3 259 415	2 020 706	1 238 709
1982	5 580 858	3 898 841	1 682 017	2 216 824
1983	4 277 250	2 871 249	1 456 001	1 365 248
1984	3 912 301	2 518 314	1 393 987	1 124 327
1985	4 179 838	2 750 583	1 429 255	1 321 328
1986	5 121 580	3 149 547	1 972 033	1 177 514
1987	4 915 138	2 563 284	2 351 854	211 430
1988	5 895 660	3 129 901	2 765 759	364 142

Источник: Данные Японской ассоциации по торговле с СССР и социалистическими странами Европы.

Активизация японо-советской торговли в 1988 г.

В прошлом году отмечалось быстрое восстановление объемов как экспорта, так и импорта, а суммарный товарооборот в двусторонней торговле достиг рекордного уровня — 5,9 млрд. долл. Экспорт из Японии в СССР возрос на 22,1 % — до 3,13 млрд. долл., а импорт Японии из СССР на 17,6 % — до 2,766 млрд. долл. Торговля отдельными группами товаров представлена в таблицах 2, 3.

По данным советской официальной статистики, экспорт из СССР в Японию в 1988 г. составил 1184,2 млн. руб., увеличившись на 21,8 % по сравнению с предыдущим годом, а импорт возрос на 19,8 % — до 1950,9 млн. руб. Суммарный товарооборот

Структура экспорта из Японии в СССР (в тыс. долл.)

Таблица 2

	1982 г.		1985 г.		1986 г.		1987 г.		1988 г.	
	Стоимость	%	Стоимость	%	Стоимость	%	Стоимость	%	Стоимость	%
В С Е Г О	3 898 841	100,0	2 750 583	100,0	3 149 547	100,0	2 563 284	100,0	3 129 901	100,0
Продовольственные товары	3 694	0,1	1 223	0,0	1 222	0,0	1 877	0,1	2 380	0,1
Сырье и топливо	58 367	1,5	83 124	3,0	48 425	1,5	43 816	1,7	48 676	1,6
Продукция легкой промышленности	307 445	7,9	253 010	9,2	225 144	7,1	193 993	7,6	203 227	6,5
Текстиль	219 113	5,6	167 141	6,1	119 833	3,8	110 788	4,3	108 470	3,5
Продукция из неметаллических минералов	20 006	0,5	13 397	0,5	17 319	0,5	15 094	0,6	10 931	0,3
Прочая продукция легкой промышленности	68 326	1,8	72 472	2,6	87 991	2,8	68 111	2,7	83 826	2,7
Продукция тяжелой промышленности	3 436 169	88,1	2 245 019	81,6	2 770 251	88,0	2 228 537	86,9	2 771 549	88,6
Продукция химической промышленности	272 454	7,0	257 880	9,4	229 066	7,3	334 204	13,0	359 509	11,5
Пластмассы	148 522	3,8	123 662	4,5	121 036	3,8	167 865	6,5	195 012	6,2
Металлы и изделия из них	1 697 969	43,6	937 157	34,1	1 224 442	38,9	1 049 507	40,9	1 315 808	42,0
Черные металлы и изделия из них	1 605 124	41,2	863 184	31,4	1 142 584	36,3	999 146	39,0	1 259 654	40,2
Стальные трубы	1 272 648	32,6	653 292	23,8	989 884	31,4	795 539	31,0	1 120 448	35,8
Машины и оборудование	1 465 746	37,6	1 049 982	38,2	1 316 743	41,8	844 825	33,0	1 096 232	35,0
Продукция общего машиностроения	1 040 329	26,7	627 760	22,8	834 475	26,5	540 987	21,1	637 875	20,4
Металлообрабатывающее оборудование	58 256	1,5	132 853	4,8	60 526	1,9	89 406	3,5	123 464	3,9
Оборудование и машины для строительства и горнодобывающей промыш.	315 921	8,1	212 957	7,7	266 271	8,5	85 504	3,3	41 253	1,3
Электротехническое оборудование	123 645	3,2	191 153	6,9	192 174	6,1	214 930	8,4	289 922	9,3
Транспортные средства	273 653	7,0	199 178	7,2	257 349	8,2	63 725	2,5	136 288	4,4
Грузовые автомобили	137 270	3,5	47 301	1,7	53 867	1,7	-	-	28 027	0,9
Резервные и особые товары	93 166	2,4	168 207	6,1	104 504	3,3	95 061	3,7	104 069	3,3

Источник: «Ежемесячный бюллетень о торговле с СССР и социалистическими странами Европы» Японской ассоциации по торговле с СССР и социалистическими странами Европы.

	1982 г.		1985 г.		1986 г.		1987 г.		1988 г.	
	Стоимость	%	Стоимость	%	Стоимость	%	Стоимость	%	Стоимость	%
В С Е Г О	1 682 017	100,0	1 429 255	100,0	1 972 033	100,0	2 351 854	100,0	2 765 769	100,0
Продовольственные товары	86 298	5,1	101 029	7,1	139 409	7,1	185 093	7,9	285 620	10,3
Рыба и морепродукты	50 399	3,0	67 936	4,8	122 875	6,2	167 812	7,1	269 322	9,7
Сырье	628 513	37,4	461 449	32,3	616 296	31,3	539 453	22,9	731 088	26,4
Сырье для текстильной промышленности	165 901	9,9	36 537	2,6	65 300	3,3	56 725	2,4	45 624	1,6
Хлопок-волокно	159 762	9,5	28 270	2,0	56 708	2,9	51 244	2,2	34 169	1,2
Металлургическое сырье	28 545	1,7	46 119	3,2	81 786	4,1	43 435	1,8	38 019	1,4
Прочие виды сырья	434 067	25,8	378 793	26,5	469 210	23,8	439 293	18,7	647 445	23,4
Лесоматериалы	396 868	23,6	350 395	24,5	445 776	22,6	404 755	17,2	603 886	21,8
Круглая лес	387 765	23,1	338 398	23,7	431 592	21,9	387 546	16,5	573 414	20,7
Иннеральное топливо	262 072	15,6	351 908	24,6	364 129	18,5	436 834	18,6	499 829	18,1
Уголь	94 438	5,6	197 472	13,8	270 564	13,7	296 998	12,6	388 581	14,0
Коксующийся уголь	79 114	4,7	153 304	11,1	231 156	11,7	254 973	10,8	294 287	10,6
Нефтепродукты	159 863	9,5	129 782	9,1	84 046	4,3	132 226	5,6	104 106	3,8
Газы	142 832	8,5	122 769	8,6	79 968	4,1	104 177	4,4	87 882	3,2
Промышленные товары	326 884	19,4	353 067	24,7	454 062	23,0	750 157	31,9	910 121	32,9
Хиникаты	39 184	2,3	55 888	3,9	45 471	2,3	42 719	1,8	56 940	2,1
Машины и оборудование	8 017	0,5	11 716	0,8	10 411	0,5	10 819	0,5	10 722	0,4
Прочие промышленные товары	279 683	16,6	285 463	20,0	398 179	20,0	696 618	29,6	842 459	30,5
Алмазы и бриллианты	16 511	1,0	21 520	1,5	31 221	1,6	54 262	2,3	54 926	2,0
Черные металлы	16 393	1,0	3 860	0,3	30 884	1,6	62 274	2,6	103 871	3,8
Цветные металлы	219 171	13,0	229 847	16,1	304 199	15,4	538 126	22,9	641 967	23,2
Платина	66 608	4,0	31 079	2,2	67 026	3,4	205 524	8,7	232 827	8,4
Палладий	43 980	2,6	74 050	5,2	98 344	5,0	130 635	5,6	126 252	4,6
Алюминий и сплавы на его основе	78 433	4,7	77 715	5,4	62 363	3,2	85 518	3,6	150 786	5,5
Реэкспортные и особые товары	378 250	22,5	161 802	11,3	398 137	20,2	440 317	18,7	339 101	12,3
Золото (не для чеканки монет)	367 835	21,9	154 232	10,8	387 359	19,6	429 803	18,3	335 461	12,1

Источник: Тот же, что и в таблице 2.

в японо-советской торговле таким образом в 1988 г. увеличился до 3135,1 млн. руб., или на 20,5 %. Нельзя не дать положительной оценки тому обстоятельству, что впервые в истории объем советского экспорта в Японию превысил 1 млрд. руб.

Вследствие такой динамики двусторонней торговли в прошлом году Япония вышла на третье место (после ФРГ и Финляндии) среди ведущих торговых партнеров СССР из числа развитых западных стран. Четвертое и пятое места заняли Италия и Франция соответственно.

Что касается перспектив развития японо-советской торговли, то ожидается, что и в текущем году сохранится характерное для 1988 г. ее стабильное увеличение, при котором экспорт из Японии в СССР может увеличиться на 5—10 %, а импорт — примерно на 10 %. Ожидается также, что в условиях поступательного роста экономики Японии ввоз товаров из СССР будет и в дальнейшем расширяться. В то же время японский экспорт в СССР будет расти в первую очередь за счет массовых поставок комплектного оборудования для нефтехимической промышленности, а также за счет расширения вывоза в СССР потребительских товаров, оборудования и материалов для их производства в соответствии с мерами советского правительства, направленными на повышение жизненного уровня населения.

Восток — Запад: возрождение разрядки и упрочение экономических связей

Прошло четыре года с момента начала формирования нового руководства СССР во главе с М. С. Горбачевым. За этот относительно короткий срок состоялось пять дружественных встреч Генерального секретаря ЦК КПСС с бывшим президентом США Р. Рейганом, более 20 советско-американских встреч на уровне министров иностранных дел. В декабре 1988 г. М. С. Горбачев нанес второй по счету визит в США и имел встречи с нынешним президентом США Д. Бушем. Так что можно говорить о закреплении каналов советско-американского диалога.

Основывающиеся на реализме отношения между Советским Союзом и странами Запада становятся все более конструктивными. При этом в странах Запада высоко оценивают политику, проводимую нынешним руководством во главе с М. С. Горбачевым. Встав перед необходимостью учитывать дальнейшее объединение стран «Общего рынка» в 1992 г., Советский Союз в 1988 г. реализовал долго обсуждавшуюся идею установления официальных связей между ЕЭС и СЭВ. Таким образом, идет дальнейшее углубление отношений между западноевропейскими странами и СССР. В частности, усиливаются экономические связи.

Перестройка для СССР является в сущности внутренней проблемой. Однако для претворения в жизнь этой труднодостижимой цели нужно, насколько это возможно, снять внешние помехи. Следовательно, курс на разрядку в отношениях с Западом для СССР является необходимостью. Отсюда проистекают предпринятые Советским Союзом меры в области разоружения, улучшение отношений с Китаем, вывод войск из Афганистана.

Западные страны воспринимают перестройку внутри СССР и новый подход М. С. Горбачева к внешней политике как серьезный курс и приветствуют его. В частности США вынуждены идти на соглашения с Советским Союзом в области разоружения, поскольку перед ними стоит неотложная задача сократить военные расходы для того, чтобы уменьшить государственный долг.

Таким образом, на обе стороны воздействуют факторы, способствующие возрождению курса на разрядку международной напряженности в отношениях между Востоком и Западом. И если взглянуть на это с точки зрения развития торговли между Востоком и Западом и, в частности, с точки зрения японо-советской торговли, то политическое противостояние двух систем, которое было сильным сдерживающим фактором в торговле в первой половине и в середине 80-х годов, хотя не исчезло полностью, но существенно ослабло.

Это проявилось и в отношении ограничений КОКОМ, которые то усиливались, то ослаблялись. Однако в долгосрочном плане здесь наблюдается тенденция к смягчению. В США считают, что при соблюдении принципиальной линии необходимо отменять многочисленные устаревшие ограничения, когда каждый день, каждый месяц появляются новые достижения технического прогресса. Велика вероятность того, что в

условиях углубления разрядки правительство США пойдет на снижение ограничений КОКОМ.

Постепенно, по мере возрождения разрядки в отношениях между Востоком и Западом, в японо-советских отношениях также укрепляется настрой на диалог. В декабре 1988 г. министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе второй раз посетил Японию. Есть надежда, что в 1989—1990 гг. диалог продолжится.

Японское правительство занимает позицию «неразделения политики и экономики», однако ему необходимо вновь подумать над тем, что Советский Союз обращает пристальное внимание на японский экономический потенциал.

Повышенное внимание к освоению Дальнего Востока и экономическое сотрудничество в регионе Японского моря

После выступления Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Владивостоке в июле 1986 г. перед японо-советскими экономическими отношениями открылись новые перспективы. Впоследствии, с учетом выступления М. С. Горбачева в Красноярске в сентябре 1988 г., они приобрели большую основательность и конкретное наполнение.

Другими словами, был отдан приоритет комплексному освоению советского Дальнего Востока, при этом в его развитии чрезвычайно важное место отводится углублению связей с Японией, Китаем и другими странами АТР.

Одной из причин повышенного внимания советского руководства к освоению дальневосточных районов является полное осознание того, что центр мировой экономики смещается в АТР и что в будущем эта тенденция будет все больше набирать силу. Учитывая это, СССР заявил, что он тоже является одной из тихоокеанских стран, и начал предпринимать практические меры для реального вхождения в члены АТР. С другой стороны, многие страны АТР, и в первую очередь НИС, начинают расширять экономические и внешнеторговые контакты с Советским Союзом. Самым наглядным примером здесь служит экономическое сближение Южной Кореи с Советским Союзом.

Эти изменения в ситуации следует приветствовать хотя бы с точки зрения обеспечения безопасности на северо-востоке Азии, и Японии нужно бы отнестись к ним позитивно. Думается, что она могла бы, взяв на себя роль инициатора, способствовать развертыванию в этом регионе многостороннего сотрудничества. Страны этого региона, начиная с СССР и Китая, придают наибольшее значение экономическому, промышленно-техническому и финансовому потенциалу Японии, и они хотят любым путем привлечь японские ресурсы для экономического освоения этого района.

Прежде всего приобретает реалистические очертания идея о формировании экономической зоны «Японское море», в которой могли бы принять участие страны побережья Японского моря — Япония, Китай, СССР, Южная Корея и КНДР. Расширяются возможности для конкретной реализации в первую очередь проектов освоения этого района и разработки природных ресурсов, для налаживания не только двустороннего, но и трехстороннего и многостороннего сотрудничества в создании совместных предприятий, заключении компенсационных соглашений и т. п.

Что касается японо-советских проектов сотрудничества по разработке ресурсов, то здесь наибольшие результаты принесла реализация Генеральных соглашений о сотрудничестве в разработке лесных ресурсов Дальнего Востока. Завершено выполнение первого, второго и третьего соглашений, и в настоящее время обсуждается проект четвертого аналогичного соглашения. Однако в последние годы импорт советского леса в Японию не растет из-за хронического застоя на японском внутреннем рынке. С другой стороны, лес — одна из главных статей советского экспорта в Китай, который в будущем планирует еще больше увеличить его закупки. Учитывая такую структуру отношений было бы естественным и целесообразным для Японии, СССР и Китая наладить трехстороннее сотрудничество в разработке лесных ресурсов Дальнего Востока и Восточной Сибири.

В этом случае Япония взяла бы на себя предоставление Советскому Союзу долгосрочных кредитов, машин и оборудования на основе тех принципов, которые применялись при реализации прежних лесных проектов. Китай взял бы на себя поставку рабочей силы, потребительских товаров и продовольствия в места, где проводятся

работы. А Советский Союз на долгосрочной основе снабжал бы Японию и Китай лесоматериалами и другими товарами.

Реалистичность подобного сотрудничества проистекает из наличия у Советского Союза опыта, накопленного в ходе выполнения прежних японо-советских лесных проектов, из курса на активизацию советско-китайских экономических отношений, а также из имеющегося опыта сотрудничества между СССР и КНДР, при котором советская сторона расплачивается лесом за использование северокорейской рабочей силы на лесозаготовках. При этом следует отметить, что на Дальнем Востоке СССР и в Сибири всегда не хватало рабочей силы, что является одним из препятствий на пути экономического освоения этих районов.

В последние годы советское руководство в качестве одной из мер по решению данной проблемы привлекает вьетнамских и кубинских рабочих для разработки лесных ресурсов, в срочном порядке предпринимает усилия для строительства жилья и создания социальной инфраструктуры. Однако легко представить, как тяжело трудиться в суровом климате рабочим из южных стран и какие затруднения будут у советского руководства при создании им соответствующих условий.

Ожидается, что в ближайшее время на повестку дня будет поставлен вопрос о реализации на практике выдвигаемой Советским Союзом концепции создания в дальневосточных районах специальных экономических зон и обустройства курортных зон. Если эти планы будут претворяться в жизнь, то скорее всего они будут связаны с крупномасштабными проектами многостороннего сотрудничества, и, конечно, двустороннего японо-советского сотрудничества. Если в ближайшем будущем Владивосток, будет открыт, то это послужит мощным стимулом развития международного сотрудничества в регионе Японского моря.

Владивосток — крупнейший город и порт. Его открытие (включая аэропорт и морской порт) расширит транспортные и информационные связи Советского Союза с государствами АТР, укрепит роль и функции Владивостока как центрального города во всей северо-восточной Азии.

В этих условиях весьма реальным представляется проект сооружения скоростной автомагистрали Владивосток — Находка на основе многостороннего международного сотрудничества. Преимущество, которое может принести этот проект, очевидны. Это сокращение сроков доставки людей и грузов до нескольких часов, лучшая организация и активизация грузовых перевозок. Можно будет эффективно использовать функциональные возможности обоих портов при значительном увеличении их пропускной способности. Оба города смогут стать центрами специальных экономических зон. Все это связано с экономическим освоением советского Дальнего Востока как части региона «Японское море».

В Китае также как реальные обсуждаются перспективы развития многостороннего экономического сотрудничества между КНР, СССР, Японией, Южной Кореей и КНДР. Виден прогресс в реализации «Стратегии экономического развития прибрежных районов», выдвигается концепция сотрудничества в рамках «экономической зоны Японского моря», что в сочетании с сотрудничеством в рамках «экономической зоны Японского моря» говорит о больших возможностях для налаживания многостороннего экономического сотрудничества.

Важность мини-проектов и прибрежной торговли

Хотелось бы подчеркнуть, что не следует бросать все усилия на крупномасштабные проекты сотрудничества. Необходимо взяться за реализацию большого числа проектов малого масштаба, которые можно осуществить в короткие сроки. В прошлом наблюдалась тенденция к тому, что Япония и СССР ставили целью успешную реализацию крупномасштабных проектов и пропагандировали это как свидетельство укрепления двустороннего сотрудничества. Однако эта эпоха ушла в прошлое.

В настоящее время Советский Союз и Япония обсуждают проекты сотрудничества по разработке таких природных ресурсов, как нефть, природный газ, уголь, лес, железная руда, асбест и других, проекты строительства металлургических предприятий с использованием непрерывных процессов, портов, лесоперерабатывающих заводов и других объектов. Уже началась реализация тех проектов, где интересы обеих сторон совпадают, например освоения угольных месторождений и

разработки лесных ресурсов. При этом стало ясно, что нужно распространять сотрудничество на более широкий, чем ранее, круг отраслей и осуществлять его в рамках мини-проектов.

Внимательное рассмотрение курса на активизацию мер по освоению Дальнего Востока показывает, что это освоение в значительной мере связывается с развитием японо-советских экономических связей, и это вселяет надежды. После того, как были свернуты работы в рамках проектов японо-советского сотрудничества по освоению Сибири, в развитии восточных районов, Советский Союз сделал основной упор на разработку энергетических ресурсов Западной Сибири, расположенной ближе к европейской части СССР. Однако выдвинутый советским руководством нынешний курс на приоритетное развитие Дальнего Востока ставит целью содействовать развитию различных отраслей промышленности и туризма с полным учетом специфики экономических условий, характерных для дальневосточных районов. В число таких отраслей входят рыбная и лесная промышленность, топливно-энергетический комплекс, цветная металлургия, создание инфраструктуры, включающей железные и автомобильные дороги, порты и другие сооружения, морской транспорт, станкостроение (для расширения промышленных мощностей региона), пищевая промышленность, производство удобрений и др. В связи с этим идет поиск подходов, позволяющих развивать новые формы внешнеэкономических связей с включением в них кооперативов, совместных предприятий и др. для активизации прибрежной и приграничной торговли, укрепления экспортного потенциала дальневосточных районов, а также для создания экспортных баз.

Появились надежды и на расширение советско-японской прибрежной торговли. Оборот прибрежной торговли, которая представляет собой в основном обмен лишними товарными ресурсами между Японией и дальневосточными и восточно-сибирскими районами СССР, в последние годы составлял около 100 млн. долл., а ее доля в совокупном объеме советско-японской торговли весьма мала. И если говорить откровенно, то в последние годы японо-советская прибрежная торговля шла вяло, а перспективы ее развития в будущем никак нельзя назвать благоприятными по разным причинам, например из-за окостеневшей товарной структуры и конкуренции со стороны участников китайско-советской и китайско-корейской приграничной торговли.

Изменения, происшедшие после посещения Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым Дальнего Востока, стали причиной пересмотра роли японо-советской прибрежной торговли и повлекли за собой поиск способов ее расширения. Если целью ставится развитие дальневосточных районов с полной опорой на их собственный потенциал, то тогда необходимо, чтобы местным организациям были предоставлены полные полномочия самостоятельно осуществлять экспортные операции. В ходе осуществления политики перестройки постепенно получает признание курс на все большую передачу соответствующих прав из центра на места. Исходя из этого ожидается, что различного рода регламентации, в первую очередь контроль из Москвы над деятельностью местных организаций, будут существенно смягчены, а японо-советская прибрежная торговля станет соответствовать своему названию в том смысле, что будет торговлей на основе интересов местных организаций — ее участников, вследствие чего существенно возрастет ее товарооборот.

Прибрежная торговля по своему характеру с самого начала преследовала цель повысить жизненный уровень жителей дальневосточных и восточно-сибирских районов СССР. И поэтому естественно, что ей должно уделяться больше внимания.

Перспективные сферы и условия деятельности совместных японо-советских предприятий на Дальнем Востоке СССР

Советский Союз весьма активно предлагает Японии создавать совместные предприятия, и в настоящее время идут переговоры по нескольким десяткам проектов. К марту 1989 г. было заключено 11 соглашений об учреждении японо-советских предприятий, однако подход японских компаний к этому делу все-таки остается сдержанным. И, похоже, что такая позиция японских фирм вызывает недопользование советских ответственных лиц.

Отраслями, которые имеют хорошие перспективы с точки зрения реализации проектов японо-советских предприятий на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, прежде всего являются лесоперерабатывающая и рыбная промышленность. За ними идут агропромышленный бизнес и туризм (включая строительство гостиниц и курортных зон).

Разработка лесных ресурсов и рыболовство с последующей переработкой продуктов морского промысла — самые важные отрасли экономики дальневосточных районов, к тому же они являются и экспортными отраслями. Советское руководство в своей политике стимулирования экономического развития Дальнего Востока отдает первейший приоритет укреплению этих двух отраслей, и естественно, что они являются многообещающими в плане организации здесь совместных предприятий.

Если сравнить индустрию туризма в Советском Союзе и в развитых западных странах, то можно видеть, что в СССР развитие этой отрасли значительно отстало по многим параметрам — и по числу сооружений для отдыха (гостиниц и др.), и по организации транспорта, и по обслуживанию туристов, и по организации развлечений — по всем параметрам Советский Союз уступает Западу.

На фоне реального повышения жизненного уровня советских людей проведение свободного времени становится все более важной проблемой с социально-экономической точки зрения, а туризм получает широкое распространение. В связи с этим руководство страны пытается в срочном порядке принять меры для удовлетворения быстрого растущего спроса на туристские услуги.

Наряду с этим необходимо выполнять задачу по расширению притока валютных поступлений от туристов из западных стран. Именно поэтому туризм в широком смысле и связанные с ним отрасли рассматриваются как перспективная сфера деятельности совместных предприятий.

Условия для ведения сельского хозяйства в дальневосточных районах весьма суровы, и в настоящее время степень самообеспечения этого региона продовольствием составляет менее 50 %. Оставшиеся 50 % поступают из европейской части СССР, преодолевая большие расстояния по железной дороге. Естественно, что в этих условиях улучшение продовольственной ситуации является важной задачей. Поэтому СССР предлагает Японии сотрудничать в рисоводстве и других областях сельского хозяйства, предлагает создавать соответствующие совместные предприятия.

Советское правительство смягчило условия, регулирующие деятельность совместных предприятий, в ответ на неоднократные просьбы западных компаний. Тем не менее, несмотря на предпринятые меры, если всерьез думать о будущем экономическом сотрудничестве и создании совместных предприятий, то необходимо еще большее смягчение регламентации. Если говорить более конкретно, то процесс сдерживают следующие факторы:

- недостаточная привлекательность проектов создания совместных предприятий в СССР, полное отсутствие компаний по подготовке общественного мнения («паблик рилэйшнз») в Японии по этому вопросу;
- отсутствие сведений о том, какие органы уполномочены принимать решения (после реорганизации системы внешнеэкономических связей возникла большая путаница, и стало непонятно, кто уполномочен принимать решения);
- отсутствие сведений о пределах полномочий совместных предприятий при осуществлении своей деятельности, о возможности контроля над производством;
- отсутствие инфраструктуры;
- отсутствие данных и информации, необходимых для подготовки ТЭО;
- отсутствие рабочей силы в требуемых объемах и нужной квалификации;
- неустойчивость снабжения сырьевыми материалами;
- недостаточное понимание вопросов, связанных с организацией производства в капиталистических странах.

(июнь 1989 г.)

С. БЕЛОУСОВ

...Мы должны видеть в Конфуции не забытый курьез давно ушедших времен, но помнить, что на его учение не только опиралось две тысячи лет великое государство, что в Китае и сейчас живут его потомки, они носят его имя и гордятся знанием о нем...

Герман Гессе

В октябре 1989 г. в Пекине и Цюйфу (КНР) пройдет международный симпозиум под рабочим названием «Историческое место Конфуция и конфуцианской школы и их влияние на современное общество», посвященный 2540-летию со дня рождения Конфуция (551—479 гг. до н. э.) и организованный совместно Китайским фондом Конфуция (КФК)¹ и ЮНЕСКО. В симпозиуме планируется участие более 300 крупных ученых и известных общественных деятелей из более чем 30 стран и регионов с четырех континентов. О том, какое значение придается этому событию, косвенно свидетельствует хотя бы тот факт, что в церемонии открытия, которая состоится во Дворце народных собраний в Пекине, примут участие высшие руководители КНР.

В последние годы в советской² и — в еще большей степени — зарубежной, в том числе китайской, историографии значительно возрос и продолжает возрастать интерес к истории философской и общественно-политической мысли Китая. Заметное место в исследовательском процессе занимает изучение позитивных элементов традиционной китайской культуры, систем взглядов китайских мыслителей и возглавлявшихся ими школ, сравнительный анализ достижений восточной и западной цивилизаций, диалога культур. Свидетельством тому является также (помимо выпуска большого числа специальной литера-

туры, активной источниковедческой и аналитической работы на факультетах и отделениях различных высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов КНР, США, Восточной Азии и Западной Европы) создание и быстро расширяющаяся деятельность таких академических и научно-политических центров, как Китайский фонд Конфуция (КНР), Институт философии стран Восточной Азии (Сингапур), Фонд Конрада Аденауэра (ФРГ) и др. Начиная со второй половины 80-х годов они регулярно проводят представительные международные симпозиумы и семинары, посвященные древнекитайской мысли, традиционной системе ценностей, их эволюции в новый и новейший периоды истории и — что особенно важно — влиянию традиционного духовного наследия на сегодняшний процесс социально-экономической и политической модернизации в странах Восточной Азии — Китае, Японии, Тайване, Южной Корее, Сингапуре, Сянгане. Основное внимание на этих форумах уделяется конфуцианскому учению (как основному формату идеологических стереотипов, социально-политических структур, всего «жизненного тонаса» обществ в названных странах). Тем не менее на них неизменно затрагиваются, да и не могут не затрагиваться, системы взглядов других мыслителей Древнего и Средневекового Китая (Лао-цзы, Чжуан-цзы, Мо-цзы, Шан Ян, Ван Янмина и др.), те или иные интерпретации их доктрин — как равноправные компоненты многогранного комплекса под названием «китайская цивилизация».

Интерес к этому кругу вопросов, повторим, вполне закономерен. Помимо, разумеется, чисто академического аспекта, есть и другие, не менее серьезные мотивы. Ведь современный уровень развития историко-философской науки, наше сегодняшнее знание о тенденциях и закономерностях социально-исторического и культурно-идеологического ста-

Белоусов Сергей Романович — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник ИДВ АН СССР.

новления восточных обществ уже ни у кого, пожалуй, не оставяя сомнений в факте самого непосредственного и весьма значительного влияния традиционной системы ценностей на трансформацию всего разностороннего комплекса общественных структур в азиатских странах. Китайские ученые (Гун Чжэбин, Хуан Ханьцзян) много говорят сейчас о национальной самобытности философского сознания, подчеркивая, что национальному своеобразию философии должно быть отведено соответствующее место в методологии исследования истории марксистской философии. В этом контексте становится ясно, что ретроспективный анализ традиции, диалектический подход к дихотомии Восток — Запад, традиционное — современное, безусловно, представляет не только большую научную ценность, но и — что не менее важно — такую же научную (более того, научно-политическую) актуальность, поскольку позволяет глубже и вернее понять сегодняшний облик восточноазиатских обществ, дать адекватную оценку степени самобытности их исторической эволюции, в значительной степени прогнозировать тенденции и перспективы их развития и, кроме того, проследить как расхождения, так и точки соприкосновения между такими, казалось бы, различными цивилизациями, мировосприятиями и мироустройствами, как восточные и западные. Иными словами, такой анализ важен еще и потому, что освященные веками традиции, обобщающие исторический опыт и национальную мудрость, всегда оказывали и сегодня продолжают оказывать далеко не последнее (если не самое непосредственное) влияние на жизнь китайского общества и определять специфику его модернизации.

Китайские авторы Шэнь Чжунцзюнь и Цзян Тиншэн сегодня отмечают, что повышение уровня морального сознания и самосознания, прогресс общественной морали отнюдь не происходят стихийно, что экономическая реформа не может заменить нравственного воспитания, а потому, помимо разъяснения массам экономического и политического аспектов модернизации, необходимо самое пристальное внимание обращать на моральное воспитание в рамках создания «духовной культуры социализма»¹.

Именно поэтому, когда ведущие обществоведы КНР сегодня говорят о Конфуции, они, оставляя за скобками некоторые негативные элементы конфуцианской доктрины, все настойчивее акцентируют «планетарное» значение ее гуманистического, конструктивного потенциала, считая — с разной степенью категоричности — возможным, желательным или необходимым синтезировать его с достижениями мировой общественной мысли и использовать в ходе структурных многоступенчатых реформ и строительства «социализма с китайской спецификой»².

В связи с этим хотелось бы отметить, что нашему Китаеведению, прежде всего тем ученым, которые непосредственно работают над

анализом различных аспектов реформ в КНР, необходимо, видимо, больше внимания уделять ретроспективному анализу культурно-исторической и социально-экономической эволюции китайского общества в предшествующие эпохи. Это общая и, как нам кажется (и подтверждается ходом и результатами прошедшего в ФРГ симпозиума, о котором речь пойдет ниже), наиболее плодотворная тенденция мировой синологии. Попытки же объяснить реформу «из самой» реформы зачастую оказываются несостоятельными.

Иными словами, адекватное понимание конфуцианства и сегодня обуславливает адекватное осмысление прошлого, настоящего и прогнозирование будущего Китая; а коль скоро это так, ретроспективный и компаративистский анализ китайской традиции, лишенной сегодня ауры некой таинственности, во многом способствует улучшению взаимопонимания и поискам точек соприкосновения между Востоком и Западом, вообще между людьми, если они откажутся от идеи геополитической детерминированности своей судьбы. Г. Гессе в этой связи отмечал, что при знакомстве с конфуцианством «читателя вдруг озаряет странная мысль о возможности синтеза обоих миров. Ибо в великом незнакомце Конфуции мы открываем, по существу, те же самые глубинные свойства, что давно знакомы нам у великих людей западной истории»³. Иными словами, изучение и понимание конфуцианства помогает другим цивилизациям и народам лучше познать самих себя, поскольку дает возможность взглянуть на свою судьбу под несколько иным углом зрения.

Это, может быть, и условно. Но безусловно то, что последние исследования ЮНЕСКО по проблемам национальной самобытности свидетельствуют, что взаимопроникновение культур ведет отнюдь не к потере «местного колорита», но к обогащению и развитию национальной культуры и общественного сознания. На этом, как известно, настаивал не только И. В. Гёте, работая над «Западно-восточным диваном», но и многие русские мыслители, в частности Н. М. Карамзин, Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев, В. И. Вернадский и даже такой, казалось бы, «западник», как П. Я. Чаадаев⁴. (Н. М. Карамзин, например, в «Письмах русского путешественника» с глубоким убеждением говорил о культурном и духовном единстве путей развития человеческого сообщества.) Добавим, что рациональная и компетентная власть неизменно и всегда наиболее широко использовала опыт мировой мысли и культуры на благо отечества. И не случайно, видимо, М. С. Горбачев, выступая с трибуны ООН, говорил о «верховенстве общечеловеческой идеи», о нелицеприятности «закрытых обществ» и многовариантности общественного развития.

Чтобы понять, с чем мировое китаеведение пришло к сегодняшнему симпозиуму, посвященному 2540-летию юбилею Конфуция, какая колоссальная научная работа уже проделана в рамках изучения проблемы влияния конфуцианской традиции на нынешний этап модернизации китайского общества, необходимо обратиться к предшествующим форумам аналогичного порядка, в частности к последнему из них по времени, проходившему в ФРГ.

Конфуций в гостях у Блаженного Августина

«...Старый Восток дал нам вечные образцы, которые никогда не потеряют своего значения для человека... Новый Восток полон тоже великих возможностей, заветы старого не умерли в нем, но он должен претворить их в новые образы, дать новые достижения». Эти слова С. Ф. Ольденбурга, как и афоризм Гу Цзегана «Каждая эпоха творит свой имэдж Конфуция», могли бы стать эпиграфом ко всем, пожалуй, материалам Международного симпозиума по конфуцианству, проходившего в ноябре 1988 г. в Сан-Августине под Бонном и организованного Фондом Конрада Аденауэра (ФРГ)⁹ при участии КФК². Симпозиум, тема которого звучала как «Конфуцианство и модернизация в Китае», собрал около 50 ученых-культурологов, политологов и экономистов из ФРГ, КНР, США, СССР, Сингапура, Тайваня, Италии, Израиля, Ливана, ПНР, ВНР, Франции, Швейцарии. Среди участников можно назвать хотя бы такие известные в мировой синологии имена, как профессора Р. Траузеттля, Г. Штумпфельд, В. Кубин (ФРГ), Томас А. Метцгер, Ду Вэймин (США), Куан Ямин, Гун Дафэй, Чжан Цичжи (КНР), Ш. Н. Эйзенштадт (Израиль), А. Шпренгер (Сунь Чжизьнь) (ФРГ), У Дэ Яо (Сингапур), Кин-ю Чжан (Тайвань), К. Гавликовский и сенатор В. Коломбо (Италия).

Различная идеологическая ориентация участников, неоднозначность и разнонаправленность их философской и социально-политической экзегезы обусловили широкий спектр точек зрения на прошлое, настоящее и будущее Китая. При доминировании в целом мнения о традиционной китайской культуре¹⁰ как органической части культуры человечества раздавались голоса, расценивающие первую в качестве реальной альтернативы западной и общемировой культуре¹¹.

Тем не менее один существенный момент, безусловно, объединял все доклады. Лейтмотивом симпозиума, его «сверхзадачей» был поиск ответа на один из кардинальных вопросов в контексте строительства «социализма с китайской спецификой», создания «материальной и духовной культуры социализма в КНР»: каковы место и роль конфуцианской традиции в процессе модернизации китайского общества, может ли конфуцианство стать фактором, так или иначе детермини-

рующим этот процесс, и главное, может ли оно — и если да, то в какой степени — способствовать именно успешному осуществлению политики реформ в Китае. Забегая вперед, надо сказать, что большинство участников утвердительно — хотя, разумеется, с разной степенью категоричности и различным уровнем аргументированности — ответили на поставленный вопрос.

Открывая симпозиум, президент ФКА проф. Б. Хек говорил о том, что сегодня человечество во многом связывает свои надежды с реформами в Китае и Советском Союзе, с выработкой единого видения мира, общей для всех ответственности за его судьбу, с необходимостью обоюдной помощи. Позитивные перспективы в последнее время находят подтверждение в «открытии себя» Китая для всего мира (равно как и СССР «с его по-новому формулируемой социалистической философией гласности и перестройки»). Осознание единства судеб исторического развития Китая и остального мира определяет важность и актуальность изучения «одной из великих моральных сил мира» — традиционной китайской идеологии, конфуцианского комплекса ценностей. Они «должны изучаться в совокупности с другими великими моральными силами», которые немецкий философ-экзистенциалист К. Ясперс (1883—1969) рассматривал в качестве «носителей всемирно-исторического сознания». Ясперс, как известно, в своей книге «О детерминирующих личностях» выделил четыре фигуры, которые оказали более чем существенное воздействие на весь ход развития человечества, — Сократ, Будда, Христос и Конфуций. Доминирование их идей обусловлено тем, что философия каждого из них была направлена на поиски и создание путей общечеловеческой «коммуникации», взаимопонимания между нациями и государствами, преодолевшего все барьеры культурных и временных кругов.

Президент КФК проф. Куан Ямин согласился с проф. Хекем в том, что Конфуций как «учитель десяти тысяч поколений» принадлежит не только Китаю и китайцам, но и всему человечеству. Конфуцианство сегодня, несомненно, играет стабилизирующую и консолидирующую роль в китайском обществе, поскольку обладает гуманистическим потенциалом и содержит позитивные элементы, которые вполне могут и должны оказать влияние на процесс модернизации в КНР. Во многом благодаря конфуцианству Китай в настоящее время приближается к «идеалу духовной гармонии и внутреннего равновесия», взвешенно и гармонично строит свои отношения с внешним миром, что не может не отвечать надеждам всех людей, живут ли они в Европе, Азии, Америке или Африке.

Эти тезисы (повторим — с теми или иными вариациями) доминировали на симпозиуме. Но соглашаясь в основном, признавая заметное воздействие конфуцианства на процесс реформ в КНР, участники расходились, и по-разному существовало, в деталях.

Одними из центральных на симпозиуме были доклады проф. Ду Вэймина (Гарвардский ун-т, Кембридж, США) «Перспективы развития индустриальной Восточной Азии в контексте конфуцианской мысли» и проф. Томаса А. Метцгера (Калифорнийский ун-т, США) «Конфуцианская мысль и нынешние поиски моральной автономии в Китае».

Ду Вэймин остановился на методах и целях конфуцианской системы образования, направленных на то, чтобы воспитать каждого индивидуума как члена «доверительного сообщества». Это подразумевает постепенное и целенаправленное культивирование «самости» (self); в комплексе все это трактуется как ответственность каждого за себе подобных, за собственную семью и за общество в целом. «Самость» становится центрирующим фактором морального консенсуса, своеобразным центром тех связей и отношений, которые служат социально-философской основой органической солидарности группы. Психологическая динамика, генерируемая подобным видением «самости», — коллективистская, и, кроме того, интересы «самости» и общества не вступают в противоречие, хотя подлинное столкновение «в реализации самого себя» все-таки присутствует и осуществляется между обладанием «ego» и рациональной величиной истинной «самости». Развивая тезисы школы Уильяма Т. де Бари, Ду Вэймин подчеркнул, что конфуцианская «самость» общинна по натуре и потому заслуживает всемерного рационального развития, будучи диаметрально противоположной «автономной и деструктивной «самости» западной»¹².

Т. А. Метцгер в историческом экскурсе сконцентрировал внимание на проблеме «икноборчества» — росте сомнений в конфуцианской системе ценностей, применимости ее в новую эпоху и, в той или иной степени, отрицании традиции многими китайскими интеллектуалами в начале XX в. И на Востоке и на Западе конфуцианские постулаты обычно были критикуемы по трем направлениям: во-первых, они расценивались как нечто вредное для развития науки и логического мышления и — более широко — как нечто доказавшее свою непригодность на пути развития и строгого восприятия проблем познания (в том виде, как они были интерпретированы, в частности Р. Декартом и Д. Юмом); во-вторых, им вполне справедливо отказывали в совместимости с демократическими политическими процедурами и институтами (которые контролируют действия властей предрезающих и предотвращают возможный произвол со стороны последних); в-третьих, их критиковали с позиций западного индивидуализма — как факторы, существенно ограничивающие самостоятельность индивидуума путем подчинения его строго регламентированным нормам, господствующим внутри различных социальных образований (прежде всего семьи, группы и государства). Конфу-

цианство решительно осуждали за практику чрезмерно жесткой «опеки» над личностью, аналог чему европейцы находили в концепции французского социолога-позитивиста Э. Дюркгейма, говорившего в работе «Правила социологического метода» (1895) о социальных фактах как существующих вне и помимо индивидуума и обладающих по отношению к нему принудительной силой: «ego не принадлежит самому себе» — соответственно общество властвует над личностью в форме «слишком суровой опеки».

Конфуцианская доктрина считалась олицетворением подобной «опеки», продолжает Т. А. Метцгер, рассматривалась как учение, слишком прочно связанное с авторитарными формами правления, делающее исключительный акцент на социальной иерархии. Точка зрения, согласно которой конфуцианство ставило интересы группы над интересами личности, отдавало приоритет конформности над неортодоксальной творческой мыслью, социуму над индивидуумом, безоговорочно доминировала среди западных сиологов (и продолжает доминировать, надо добавить, среди многих и многих из них). Т. А. Метцгер согласен, что, несмотря на отсутствие в политико-философском лексиконе китайцев термина, эквивалентного западному «иерархия», сама идея иерархичности, несомненно, была одной из основополагающих для конфуцианцев, которые всегда говорили о «вышестоящих» и «нижестоящих» (*шан — ся*). И тем не менее, не расшифровав в подробностях те параметры, которые были заложены в понятие иерархичности, не конкретизировав и не уточнив до конца его содержания, мы никак не сможем адекватно оценить, насколько важна была для китайских мыслителей идея моральной автономии.

Отдавая должное проф. Метцгеру, обратившему внимание на внутреннюю свободу конфуцианской личности и аргументированно доказавшему это в своей работе, нельзя не сказать, что, развенчивая один из устоявшихся западных стереотипов в представлениях о конфуцианстве, он идет по пути, уже проторенному советскими учеными, давно обратившими внимание на то, что Конфуций первым в китайской истории заговорил о личной моральной ответственности и нравственном идеале как гармонии различных интересов, подчеркивал духовную независимость индивидуума¹³.

В заключение Т. А. Метцгер отметил, что конфуцианская концепция иерархии включает в себя в конечном счете два момента: уважение к власти *per se* и необходимость ставить мораль выше власти. Вопрос о том, могут ли нет конфуцианские ценности способствовать модернизации китайского общества, сводится к трем аспектам: стимулируют ли они нечто наподобие баланса между личностью и группой (как это классически сформулировано у Э. Дюркгейма); совместимы ли они с демократией; не препятствуют ли они раз-

витию науки в КНР. Оставляя за скобками третий аспект проблемы, американский ученый доказывает, что в контексте нынешнего поиска Китаем индивидуальной моральной автономии и демократии конфуцианская доктрина не содержит непреодолимых препятствий в форме каких-то чрезмерных акцентов на иерархии. Она, конечно, как и большинство досовременных направлений западной мысли, вступает в конфликт с преобладающими сегодня социальными идеалами, когда говорит о монархии, зависимом положении женщины и аристократическом статусе. Однако нельзя забывать, что независимо от того, идет ли речь, скажем, об аристотелевской традиции или о конфуцианской, эти три идеи обычно отбрасываются модернизаторами. Если даже допустить, что три момента власти, упомянутые выше, формируют фундаментальные конфуцианские представления об обществе, они все-таки лишены какого-либо чрезвычайного акцента на власти и иерархии. Поэтому, заключает автор, конфуцианская концепция власти, взгляд на иерархию и личность полностью совместимы с нынешними поисками моральной автономии в Китае¹⁴.

Западногерманские участники симпозиума строили свою аргументацию на идеях крупнейшего немецкого социолога и философа М. Вебера (1864 — 1920), в частности на его противопоставлении конфуцианского и протестантского рационализма. Проф. Х. Шмидт-Глинцгер (Мюнхенский ун-т, ФРГ) в своем докладе, так и озаглавленном — «Макс Вебер и его интерес к конфуцианству (Некоторые соображения о значении веберовского анализа конфуцианства для сегодняшнего дня)», отметил, что в окончательном варианте своего труда «Конфуцианство и даосизм» (1920) М. Вебер так определил «фундаментальное расхождение» между «двумя типами рационализма»: «Конфуцианский рационализм — это рациональная адаптация к миру. Пуританский рационализм — это рациональное доминирование в мире». Вебер соглашался, что конфуцианство, как и пуританский протестантизм являют собой феномены прошлого, но он также был уверен и доказывал, что и тот и другой сохраняют свое влияние в современную эпоху.

Полемизируя с тезисами Т. А. Метцгера и Ду Вэймина о «моральной автономии», с их концепцией «самости» и критической оценкой концепции М. Вебера, ведущие специалисты Боннского ун-та (ФРГ) проф. Р. Траузеттель в докладе «Проблемы универсализации конфуцианства» и проф. В. Кубин в докладе «О проблеме «самости» в конфуцианстве и неоконфуцианстве» говорили о «веберовской лихорадке», царящей в среде китайских интеллектуалов 80-х годов, увидевших в идеях Вебера методологическую основу ответа на вопрос, почему Китай никогда не разрабатывал концепцию «автономной личности в современном значении слова» (*цзиньдай ишан дэ дули жэньгэ*), но скорее

концепцию «личности, обладающей коллективистским сознанием» (*цуньгэ иши жэньгэ*)¹⁵.

С точки зрения В. Кубина, американские синологи (Уильям Т. де Барн, Роберт Э. Гегель, Энтони Дж. Марселла, Ду Вэймин), стремясь утвердить духовное и моральное величие конфуцианства¹⁶, обратились в последнее время к проблеме «самости» в китайской традиции, заменив ею проблему индивидуума. Однако, как считает В. Кубин, они не достигли здесь заметных результатов, не дав даже удовлетворительной дефиниции самого термина. Единственный автор, чьи работы, по мнению В. Кубина, вполне выдержаны в методологическом плане, — это Р. Траузеттель, который в отличие от другого известного немецкого ученого, В. Бауэра, объединяет идеи М. Вебера и западную философию истории в попытке продемонстрировать границы «самости» в Китае (никакой абстрактной этики — в силу доминирования клановых связей; никакой альтернативы «магическим мировым связям», за пределами которых было бы возможно существование феномена «индивидуальности»). Это, с точки зрения Р. Траузеттеля, объясняет также, почему в Китае до 1911 г. не было такого понятия, как «субъект», а лишь «первоначальная субъективность» или, иными словами, «самость», которая «все еще не рассмотрена в своей природе».

Делая короткий экскурс в историю термина «самость» (лат. *ipse*, англ. *self*, нем. *Selbst*), впервые, кстати, употребленного Дж. Локком в 1690 г. и ставшего общепринятым благодаря усилиям И. Канта, В. Кубин подчеркнул, что западные мыслители обычно употребляли понятие «я» и «сам» («самость») как взаимозаменяемые. Р. Траузеттель в свою очередь заметил применительно к китайской мысли, что термин «я» «никогда не употреблялся как нечто, относящееся к субстанции, имеющей свою собственную идентичность»; скорее он трактовался как «объект в ряду других объектов». Ни в одном древнем философском тексте не содержится анализа или хотя бы определения категории «я». Только в сунский период в китайском языке появляется достаточно четкое различие между «я» и «мы».

В заключение В. Кубин фактически солидаризировался с точкой зрения китайского историка Пан Пу, настаивающего на существовании фундаментальных различий между культурой Китая и культурой Запада¹⁷. Китайская традиция не делала акцента на «личной ответственности» и вообще на «индивидуальности» (*дули гэти*), не уделяла должного внимания понятиям любви, свободы, равенства и самовыражения (*яньюань*), но была куда больше занята проблемами удовлетворения «коллективных жизненных нужд». «Принадлежащий к группе» (*цуньгэ дэ фэньцзы*) являет собой моральную личность, осознающую себя таковой и реализующую себя только в рамках системы, к которой принадлежит.

Д-р М. Курин (Боннский ун-т, ФРГ) в докладе «Конфуцианские тенденции в современных дискуссиях по проблемам морали в Китае» отметил, что конфуцианство сейчас оказывает влияние на упомянутые дебаты по трем направлениям: терминологическое влияние и принятие ценностных ориентаций; позитивное отношение к конфуцианству в контексте исторического наследия страны; воздействие конфуцианского стиля размышлений (тезисы о синтезе морали и политики, о связи между микрокосмом и макрокосмом, о взаимозависимости между знанием и ответственностью). Затронув концепцию создания «духовной цивилизации социализма» в Китае (термин, впервые употребленный, кстати, еще Е Цзяньином в речи по случаю 30-й годовщины КНР в 1979 г.), М. Курин обратил внимание аудитории на тот факт, что один из важнейших ее аспектов вызывает реминисценции с понятием «цзяохуа» (если пользоваться языком конфуцианства), т. е. с моральным образованием, воспитанием и перделкой людей. Содержание статьи, опубликованной в органе ЦК КПК газете «Жэньминь жибао» к 61-й годовщине образования КПК (июль 1982 г.), и текст резолюции ЦК КПК «Основные направления строительства духовной цивилизации социализма» (сентябрь 1986 г.) определенно говорят о том, что партия и в конечном счете государство все еще остаются и рассматриваются не столько как политические, сколько как моральные институты. Но ведь подобная трактовка прямо корреспондируется с конфуцианской традицией. Поэтому, говорил М. Курин, мы не можем объяснить превалирование морального аспекта в программе «духовной цивилизации социализма» только ссылками на ленинскую концепцию и традиции партийности. Конфуцианский подтекст, безусловно, присутствует в беспрецедентном акценте, сделанном в упомянутой резолюции ЦК КПК на личном примере каждого члена партии и его роли как образца для других. Иными словами, конфуцианская идея «цзяохуа», несомненно, детерминирует процесс создания «духовной цивилизации социализма» в КНР.

Обратило на себя внимание и выступление д-ра О. Вегеля (Ин-т Азии, Гамбург, ФРГ) на тему «Между марксизмом и мета-конфуцианством: Китай на его пути к „нормализации“», вызвавшее оживленную дискуссию. Доклад разбит на три параграфа: «Оригинальные идеи Мао Цзедуня — «китаизированный» марксизм»; «Политика реформаторов: дэмаоизация под маской „восстановления подлинного облика идей Мао“»; «Китай под знаменем «ренормализации»: молчаливый триумф мета-конфуцианства». Нас в данном случае интересует последний из разделов, поскольку в нем автор задается принципиальным и всех сейчас волнующим вопросом: можно ли считать современное китайское общество социалистическим и если да, то каковы его главные характеристики и на какой

стадии развития социализма оно находится?

С точки зрения О. Вегеля, даже поверхностный взгляд на китайскую действительность убеждает, что власть в стране осуществляется *de facto* не народом, а тонким слоем элиты, который состоит из нескольких пластов¹⁶, но в целом составляет не более 1% населения КНР. Если охарактеризовать этот тонкий социальный слой «номенклатуры» в марксистских терминах, говорил автор, то это скорее не «класс в себе», а «класс для себя». Вряд ли, продолжал О. Вегель, сегодня в КНР есть люди, которые воспринимают государство как «свое», на которое они оказывают непосредственное влияние. Обычно средний китаец чувствует себя уютно только в своей административной ячейке, или «социальной общности» (*даньэцзи*). Здесь он всегда обладает правом голоса, может выступить «за» и «против», несет ответственность за успехи и неудачи. За пределами *даньэцзи*, считает автор, превалируют чувства социальной апатии и бессилия¹⁷.

Тем не менее, утверждал О. Вегель, если современное китайское общество — не социалистическое (надо добавить, с точки зрения сталинской модели социализма, от которой, видимо, и отталкивается автор. — С. Б.), то в еще меньшей степени его можно назвать капиталистическим (на чем настаивают некоторые западные политологи перед лицом последних перемен в КНР). Более того, в китайском обществе наличествовали прежде и благодаря влиянию веками складывавшихся стереотипов присутствуют и сейчас устойчивые антикапиталистические традиции, генеалогия которых при желании можно проследить еще в программе верхушечных реформ императора Ван Мана (8—23 гг. н. э.), установившего в 10 г. н. э. государственную монополию на некоторые важнейшие промыслы (соль, железо) и регламентировавшего рыночные цены, кредитно-ростовщические операции и т. п.¹⁸ Как бы то ни было, отметил О. Вегель, китайское общество сегодня нельзя назвать ни социалистическим, ни капиталистическим. Он пытался доказать, что это — общество, «постепенно трансформирующееся в сторону мета-конфуцианства». Расшифровывая термин, автор подчеркнул, что «мета-конфуцианство» имеет мало общего с «конфуцианством мандарината» или «Конфуцианством с большой буквы»; оно подразумевает ту ипостась учения, которая функционирует на уровне обыденного сознания, т. е. то, как конфуцианство понимается «человеком с улицы». Следуя этой интерпретации, «мета-конфуцианство» — это, во-первых, собственный ответ Китая на проникновение Запада и угрозу вестернизации; во-вторых, это «стиль жизни», некие рудиментарные правила и нормы, которые передаются из поколения в поколение не посредством формального курса обучения, а спонтанно — в форме навыков, приобретаемых в процессе повседневного наблюдения за образцами поведения, ориентирован-

ного на отношения старшинства, избегание конфликтов и консервацию иерархичности; в-третьих, это солидный арсенал традиционных ценностей и обычаев, значительное влияние которых до сих пор ощущается (и будет ощущаться) в обществе. Переходя от абстрактных характеристик «мета-конфуцианства» к конкретным, О. Вегель выделил несколько наиболее важных аспектов в данной шкале ценностей: 1) «общинная ориентация» (как автор предпочитает переводить и трактовать понятие «жэнь»²¹); 2) традиция постоянного, никогда не прекращающегося обучения и само-совершенствования; 3) мышление в категориях иерархичности; 4) бюрократическая традиция (мало кто ожидал, говорил О. Вегель, что «родимые пятна» прошлого почти без изменений просуществуют вплоть до сегодняшнего дня, в том числе — однопартийная система, «догматическая монополизация бюрократией общественного мнения», настороженность официальных властей по отношению к не-бюрократическим элементам, бесконечное писание отчетов, проведение собраний и «обсуждений» (*хайхуэй*), боязнь ответственности, ведомственный стиль мышления); 5) «экономические добродетели» (услужливость, бережливость и, главное, корпоративное мышление) как слагаемые успеха (в доказательство приводится бурное развитие таких «мета-конфуцианских стран», как Япония и «четыре малых Дракона» — Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Сянган); 6) «порядок» как необходимая альтернатива «хаосу» (*луань*). С точки зрения О. Вегеля, эта концепция находится в противоречии с идеями плюрализма: конфуцианский «порядок» признает только одну доктрину мироустройства, государства и общества, только одну партию, обладающую мандатом на власть.

Необходимо отметить, что О. Вегель, рассматривая современное китайское общество как «общество, постепенно трансформирующееся в сторону мета-конфуцианства», и отказывая ему в «социальности», сам тем не менее признает, что все три главные характеристики социалистического общественного устройства — общественная собственность на средства производства (завершенная по всем параметрам к 1956 г.), распределение в соответствии с принципом «каждому по труду» и руководящая роль компартии, — несомненно, присутствуют в общественной жизни КНР.

Авторы доклада «Экономическая реформа в Китае: упорядочивающая и регламентирующая политика в конфуцианской стране» проф. Г. Кириш (Фрибургский ун-т, Швейцария) и проф. К. Макшейд (Кельнский ун-т, ФРГ) остановились на проблеме «вертикального и горизонтального порядка» в Китае. Одна из главных характеристик вертикальной системы порядка — иерархичность; другая — избегание, предотвращение или по крайней мере игнорирование открытых конфликтов. Следуя логике авторов, получается, что в Китае чрез-

вычайно трудно осуществить демократию в полной мере, поскольку «демократия есть конфликт» (пусть даже и «конфликт, разрешающий конфликты»), а традиционная система ценностей всегда отдавала приоритет гармонии интересов в обществе, концепции «народная», «государство-нация» (*гоцзянчжуи*). Что касается «горизонтального порядка», то, по мнению Г. Кириша и К. Макшейда, поиски его сейчас активно ведутся в КНР. Одно из направлений этих поисков — создание рыночной экономики. Однако, утверждали авторы, рынки в Китае — «продукт политики, который получил право на существование поэтому, что содействует проведению политического курса, санкционированного вертикальным порядком». Иными словами, «рынки не более как инструменты централизованно планируемой экономики»; КНР заинтересована в рынке постольку, «поскольку он служит дополнительным инструментом выполнения задач плановой экономики, но не заинтересована в нем как в феномене общественного устройства». Как бы то ни было, отмечали авторы, китайцы сегодня стремятся уяснить для себя, каким образом можно направлять развитие общества при помощи выборочного применения рыночных факторов. Авторы доклада называли марксизм в Китае «псевдонимом конфуцианства, вынужденного скрывать свое настоящее имя». Небезынтересно отметить, что сегодня эту точку зрения в какой-то степени разделяют и некоторые обществоведы КНР. В частности, Цинь Гуантао, выступая на симпозиуме по конфуцианству (сентябрь 1988 г., Сингапур), отстаивал идею «конфуцианизации марксизма» в современном Китае²². Сами характеризуя свой тезис как «ошарашивающий», Г. Кириш и К. Макшейд тем не менее пытались доказать наличие многих сходных черт между двумя учениями, а трудности на пути развития марксизма на китайской почве объясняли его не всегда адекватным пониманием: «Как Европа не стала конфуцианской только потому, что Вольтер дважды в день отбивал поклоны перед изображением Конфуция, так и Китай не стал марксистской страной, потому что работы Маркса и Энгельса читались и воспринимались здесь с благоговением и, как следствие этого, чаще всего не понимались и еще чаще искажались». Впрочем, авторы, по их собственным словам, отдают себе отчет в гипотетическом характере выдвинутых тезисов и признают, что не могут достаточно аргументированно доказать правоту своих рассуждений.

С особым интересом участники симпозиума отнеслись к выступлениям соотечественников Конфуция. Проф. Чжан Цичжи (Северо-Западный ун-т, Сиань, КНР) в докладе «Конфуцианская мысль и современный мир» согласился с Куан Ямином в том, что, как и «другие гиганты мировой мысли и культуры» (Сократ, И. Кант), Конфуций и оставленное им духовное наследие принадлежат не только его народу, но всему человечеству. Отвечая

на вопрос, каково соотношение между конфуцианским комплексом ценностей и современным мировым общественным развитием, Чжан Цичжи затронул пять наиболее важных, с его точки зрения, проблем: 1) «Большее внимания — культурной традиции человечества». Иными словами, за поиском материальных благ не забывать о необходимости духовного обогащения, изучать культуру прошлого, «кристаллизацию мудрости прежних времен», знание и понимание которой во многом поможет разрушить противоречия современности; 2) «Необходим акцент на плюралистической концепции культуры». В современном мире «культура принимает форму плюралистической идеологии», люди должны учиться друг у друга, расширяя процесс духовного взаимообогащения; 3) «Актуальность изучения моральной психологии конфуцианства», что будет залогом успеха исторического развития человечества; 4) «Рационализм Конфуция и естественные науки»; 5) «Чувство исторической ответственности в конфуцианстве и современность». Философские термины Конфуция «чижи» и «дао» сохраняют свое значение и сегодня, поскольку дают нам возможность видеть нынешний и будущий мир в оптимистической перспективе.

Проф. Гун Дафэй (вице-президент КФК, КНР) выступил с докладом «Гуманистические идеи Конфуция и современное международное сообщество». Он отметил, что конфуцианская категория «жэнь» («человеколюбие», «благосклонность» или «благожелательность» в трактовке автора) означает «отношение к другим, как к самому себе» и подразумевает, что «все люди — родственники», живущие мировым сообществом «как одна семья». И хотя «дух равенства в конфуцианском гуманизме» уступает гуманистическому потенциалу западной мысли, тем не менее концепция «ай жэнь» более «доступна для понимания и всеохватывающая», поскольку делает акцент на «добрых чувствах ко всем людям вообще». Конечно, говорил Гун Дафэй, это была утопия, «но разве возвышенный идеал, возникший более 2500 лет назад, не является главной задачей нашего поколения и даже многих будущих поколений?»

Проф. Ван Хайбо (Ин-т высшего образования АОН КНР) в докладе на тему «Структурная экономическая реформа в Китае» подчеркнул, что конфуцианская социально-политическая доктрина была основана и развивалась на определенном экономическом фундаменте и, разумеется, имела в своей основе определенную экономическую теорию, которая на протяжении многих веков влияла на различные стороны общественной жизни, включая прежде всего экономику (стоит хотя бы упомянуть традицию государственного регулирования экономических процессов в Китае. — С. Б.), и «до сих пор продолжает оказывать заметное воздействие на ход начального этапа строительства социализма в КНР». Определяющая характеристика экономической структуры в старом Китае — это «центра-

лизованное административное управление экономическими процессами как доминирующий фактор». «Это было продолжено и после 1949 г., уже в новых условиях, так как Китай следовал за экономической моделью социализма, осуществлявшейся Сталиным в СССР». С этой точки зрения, отметил Ван Хайбо, старая (конфуцианская) и новая (сталинская) концепции экономической жизни и инфраструктуры дополняли друг друга. Однако сегодня, подчеркнул автор, необходимо искать перспективы углубления реформы на иных направлениях: «ускоренно развивать социалистическую рыночную систему, прежде всего реформу цен»; «углублять реформу системы предпринимательства», для чего отделить экономическую инициативу от директивного планирования; постепенно внедрять «непрямой, недирективный контроль в системе управления крупным производством, суть реформы здесь — изменить функции директивного государственного планирования».

Проф. Чэн Ханьбан (Педагогический ун-т, Цюйфу, КНР) в докладе «Конфуцианская этика и моральное обучение современных студентов» говорил, что целый ряд идей Конфуция долгое время был и продолжает оставаться «общей собственностью» многих наций; это относится и к его этическим воззрениям, которые нельзя ограничивать национальными рамками. При всей масштабности фигуры Конфуция, жившего более 2500 лет назад, его мысль не могла не быть исторически ограничена. Тем не менее он «предлагал некоторые конкретные пути и методы самовоспитания, саморазвития и самосовершенствования»: во-первых, усидчивость в обучении; во-вторых, осторожность и терпимость в мышлении; в-третьих, пути формирования идеала; в-четвертых, опробование на собственном опыте тех постулатов, за которые ратуешь. «Конфуцианский метод морального воспитания и развития как комбинация учебы, мышления, идеала и практики содержит глубокую философскую истину», — сказал в заключение Чэн Ханьбан. Эти четыре фактора самым тесным образом взаимосвязаны и взаимообусловлены: «Без обучения невозможно мышление; без мышления невозможно формирование идеала; без идеала не будет практики, а без практики обучение, мышление и идеал ни к чему не ведут и теряют всякий смысл». Тезисы Чэн Ханьбана вызывают пусть и не всегда отчётливые, но иногда просматривающиеся реминисценции с идеями крупнейшего китайского философа-традиционалиста XX в. Лян Шумина (1893—1988), который настойчиво и убедительно говорил о возможности возрождения Китая на основе конфуцианской этики, рассматривая ее как средство избавления от общественных недугов не только в Китае, но и в других странах.

Выступление Чэн Ханьбана интересно сопоставить и с докладом западногерманского ученого А. Шпренгера (*Сунь Чжианя*), профессора Пекинского педагогического ун-та,

на тему «Конфуций и модернизация Китая: перспективы в сфере образования». А. Шпренгер подчеркнул, что «конфуцианство действительно дает ответы на многие сегодняшние проблемы образования в КНР». Его эвристический метод обучения имеет много общего с методами Сократа, равно как и с идеями современных просветителей; особенно важен акцент на этических ценностях в образовательном процессе. Автор сослался на авторитет Фэн Юлани, признававшего приоритет Конфуция как учителя и просветителя и считавшего, что его роль и влияние в китайской истории аналогичны роли Сократа на Западе²¹. В этом контексте можно вспомнить высказывание Г. Гессе, говорившего в свое время, что его «сильно... заинтересовало китайское понятие о добродетели, после чего Кун Фу-цзы и Сократ показали мне братьями...»²⁴. А. Шпренгер упомянул о международном симпозиуме, посвященном философии «последнего конфуцианца» Лян Шумина (октябрь 1987 г.), и процитировал в этой связи Ду Вэймина, который отмечал: «Вполне возможно, что Лян был «последним конфуцианцем», но конфуцианство, которое он отстаивал, может пережить такие распространенные современные идеологические течения, как социализм, либерализм, демократизм и технократизм, — как в теории, так и на практике в Китае»²⁵. По мнению А. Шпренгера, конфуцианское единство образования, этики и политики (моральная ориентация системы обучения: «задача учителя смешивать знания с добродетельностью в умах своих учеников»), строгое следование принципу «правление путем примера» могут при благоприятных обстоятельствах служить весьма эффективной альтернативой некоторым современным формам правления.

Проф. К. Гавликовский (Ун-т ориенталистики, Неаполь, Италия) в докладе «Борьба и конфликт в китайской мысли (Стратегическая традиция и конфуцианство)» отметил, что китайские мыслители представляли мир как гармоничное целое, в котором все существа и явления расположены в соответствии со сквозной всеохватывающей иерархией, образуя космическую модель; они внутренне взаимозависимы и взаимосвязаны. Что касается конфликтов и путей их разрешения, то конфуцианская доктрина (в соответствии с иерархическим видением универсума и общества) постулировала: социальные группы и индивидуумы обладают различными «правами», представленными как обязательства. Те, кто находится у подножия социальной пирамиды, должны демонстрировать лояльность по отношению к «старшим» (и вообще стоящим выше на иерархической лестнице), более того — беспрекословно им повиноваться. Последние же имеют несравненно больше прав выдвигать те или иные требования, выражать свою волю и даже применять силу в случае «неповиновения». Используя метод культурно-исторических аналогий, автор подчерк-

нул, что в некоторых аспектах конфуцианство можно сравнить с христианской традицией, которая также учит «любить своих врагов», хотя китайская интерпретация дает нам более высокие стандарты, требуя от каждого проявлять добрую волю, «делать добро врагу» — например, удовлетворяя его нужды, одаривая подарками и т. п. О практическом применении этих принципов в недавнем прошлом напомнил К. Гавликовский, говорится у Мао Цзэдуна, когда он описывает политику НОА в отношении военнопленных. Если обратиться к более давней истории, то мы вспомним, что подобным же образом поступал и Чжугэ Лян (как свидетельствует роман «Троецарствие»). К сожалению, отметил в заключение автор, в Китае (как, впрочем, и везде) такое поведение зачастую не дает ожидаемых результатов; иными словами, строгое и искреннее следование конфуцианскому постулату «относиться к каждому в пределах Четырех морей как к старшим и младшим братьям» (Лунь юй, гл. 12) отнюдь не всегда вызывает аналогичную ответную реакцию и не служит гарантией достижения взаимопонимания и сотрудничества.

Сингапурские участники симпозиума в основном сконцентрировали свои усилия на исследовании проблемы возрождения традиционных этических норм в процессе сегодняшних реформ в КНР. *Проф. У Дэ Яо* (Директор Ин-та философии стран Восточной Азии, Сингапур), выступивший с докладом «Конфуцианство и политика реформ в Китае: философские и исторические основы», был достаточно категоричен в своем утверждении, что концепция «социализма с китайской спецификой» во многом аналогична «конфуцианскому политическому идеалу», поскольку подразумевает «политическое разделение власти, экономический эгалитаризм, общественное благополучие и социальную гарантированность, а также уважение человеческого достоинства». Эта концепция корреспондируется с конфуцианским идеалом «Среднего пути», предохраняющим от крайностей, всегда нежелательных и чреватых непредсказуемыми последствиями. Речь идет, таким образом, о политике баланса и гармонии как единственной разумной альтернативе хаосу и «скачкам».

Д-р Ван Синьин (Ин-т философии стран Восточной Азии, Сингапур) в сообщении «Некоторые результаты воздействия китайской политической и экономической систем на конфуцианскую этику» подчеркнул, что традиционные этические нормы продолжают играть весьма и весьма заметную роль в повседневной жизни современного Китая. Однако для того, чтобы это воздействие сохранило позитивный потенциал, сегодняшние реформы должны быть направлены «на политическую децентрализацию и экономическую деколлективизацию». Ретроспективный анализ культурно-исторической эволюции «крупнейших индустриальных наций» со всей очевидностью свидетельствует, что каждая из них прошла

свой собственный, отличный от других путь к модернизации, максимально используя сильные стороны отечественных традиций. Модернизация Китая отнюдь не подразумевает его вестернизацию, не должна и, разумеется, не может быть копией западных моделей²⁵. Модернизировать Китай — значит прежде всего верно определить, каковы преимущества традиционной этики и каким образом достичь возможно более полного использования этих преимуществ. С точки зрения автора, такие конфуцианские ценности, как «близость между родственниками и преданность между друзьями», обладают значительным позитивным потенциалом, способным стимулировать всестороннее развитие рыночной экономики и частного предпринимательства, а потому реформа не может не быть направлена на всемерное, оптимальное раскрытие этих ценностей. В заключение Ван Синьян отметил, что «будущая культура Китая, вне всякого сомнения, будет плюралистической».

Д-р Лау Каок Кун (Ин-т философии стран Восточной Азии, Сингапур) в докладе «Интерпретация конфуцианских добродетелей и их релевантность к модернизации Китая» отметил любопытный факт: первоначально «четыре модернизации» (модернизация сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники) воспринимались большинством специалистов как политика, сконцентрированная в первую очередь и исключительно на заимствовании и обновлении технологий. С этой точки зрения «четыре модернизации» поразительно напоминали лозунги и содержание «движения за самоулучшение», поскольку оставляли за скобками принципиальную перестройку мышления и политической структуры (это, по мнению автора, недусмысленно зафиксировано в официальных документах). Однако подобный подход, отметил Лау Каок Кун, страдает односторонностью. М. Вебер, продолжал сингапурский ученый, затрагивая «взаимоотношения между протестантской этикой и духом капитализма», отмечал, что пуританская доктрина «прижизненной аскезы» (основанная на фундаментальной христианской идее «призвания» и подразумевающая: а) строгую самодисциплину, б) разумный образ жизни, в) отсутствие чрезмерного интереса к мирским благам, г) сохранение здоровья, д) готовность выполнить предначертанный свыше жизненный долг и т. д.) и концепция предопределения (как освящение буржуазной бережливости и деловитой уверенности в себе) «поставляют моральную энергию и стимулы для капиталистического предпринимательства»; вышеперечисленные ценности весьма и весьма высоко ценились, поскольку были необходимы для добросовестного выполнения своих обязанностей в мирской деятельности, что как раз и означало соответствие своему «призванию» и его реализацию²⁷. В этом контексте значительно возрастает и роль таких, казалось бы, прозаических на первый взгляд ценностей конфуцианской этики, как усердие, умеренность

(бережливость), лояльность, благожелательность и, главное, «дух семейных взаимоотношений», а также принципа «почитания единства» (кстати, общее место всех китайских этико-политических теорий и утопий — от конфуцианства и моизма до суньятсенизма). Эти ценности помогают стабилизировать и манипулировать отношениями не только в рамках семьи, но и внутри более широких социальных групп. В подтверждение своих слов автор сослался на пример Японии, подчеркнув, что сегодня уже достаточно убедительно доказано: конфуцианские благожелательность и доверительность, консолидирующие членов японских корпораций, во многом обусловили беспрецедентные темпы социально-экономического развития Японии, стали далеко не последними факторами в рождении «японского чуда» (а позднее, можно добавить, и «четырёх малых Драконов» — Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и Сянгана). Иными словами, игнорирование первоочередной перестройки мышления на основе рационального использования элементов традиционной этики чревато возникновением серьезных препятствий на пути осуществления реформ в КНР.

Пolemично прозвучало выступление *проф. Кин-ю Чжана* (Национальный политический ун-т, Тайбэй, Тайвань) «Конфуцианство в Китайской республике и его роль в процессе реформ на материковом Китае», в котором автор предпринял попытку проанализировать вчерашнюю роль конфуцианства «по обе стороны Тайваньского пролива», утверждая, что конфуцианство, отделенное от имперской системы, способствует политической стабильности и экономической модернизации «китаизированных обществ». Автор подчеркнул, что различные направления политического, экономического, социального и культурного развития, «выбранные обществами по разные стороны Тайваньского пролива, в значительной степени были результатом различного отношения к конфуцианству». На Тайване, во-первых, произошла секуляризация конфуцианства; во-вторых, власти реализуют конфуцианскую доктрину «благородного правительства», следуя принципу «добродетельные и компетентные должны выдвигаться и назначаться на должности» (Мэн-цзы) и соответствующим идеям Сунь Ятсена; в-третьих, тайваньское правительство (опять-таки руководствуясь конфуцианскими постулатами и положениями суньятсенизма), не ликвидируя и даже всемерно поощряя частное предпринимательство, практикует тем не менее государственный контроль над ключевыми отраслями экономики (нефтедобыча, энергетика, кораблестроение и сталелитейная промышленность). Подобный курс в купе с соответствующим налогообложением предотвращает чрезмерную концентрацию капитала в руках немногих и ликвидирует возможность возникновения такой ситуации, когда «кто-то будет чересчур богат, а кто-то слишком беден». Что касается политики в отношении конфуцианства в КНР, говорил Кин-ю Чжан, то она прошла через три

этапа: 1) «критическое наследование» (1949—1964); 2) «огульный отказ» (1965—1976); 3) возвращение вновь к «критическому наследованию» (с 1976—1978 годы по настоящее время). Абрис этого «критического наследования» на последнем, третьем этапе характеризуется, с одной стороны, элиминированием «нерациональных элементов» конфуцианства, а с другой — отбором тех его позитивных аспектов, которые способствуют «подготовке и воспитанию кадров и народа», т. е. использованием принципа «древность — на службу современности». В частности, влияние конфуцианских стереотипов явно прослеживалось в кампании против аморальных, неэтичных поступков членов КПК и кадровых работников (взятки, коррупция, использование служебного положения в корыстных целях, протекционизм и т. п.). Кроме того, обществоведы КНР и даже некоторые официальные лица начали признавать важность конфуцианского акцента на связях между материальными стандартами общественной и жизненной морали (например, регулярно и открыто цитируются слова Мэн-цзы: «Только образованные люди, без определенных средств к жизни, могут обладать устойчивым сердцем»); наконец, появились симптомы, что ученые КНР стали вновь подвешивать актуальность конфуцианской идеи обучения музыке как одного из необходимых компонентов системы образования и неизменных условий успешного строительства «духовной цивилизации социализма»²⁹. Автор доклада упомянул о новом толковании известного понятия «китайзации марксизма», предложенного обществоведом из КНР Тан Йице и подразумевающего постепенную ассимиляцию марксизма китайской традиционной культурой (по аналогии с буддизмом). Все вышеперечисленные меры, утверждал Кин-ю Чжан, нацелены на «политическую консолидацию общества и упрочение пошатнувшихся позиций коммунистической идеологии в Китае». В заключение автор подчеркнул, что нынешняя политика «критического восприятия» конфуцианской традиции в КНР «фактически направлена не на возрождение и развитие конфуцианского общества, но на прагматическое использование определенных аспектов конфуцианства для развития марксистско-ленинского общества».

С большим интересом были заслушаны также доклады проф. Г. Штумпфельда (Гамбургский ун-т, ФРГ) «Конфуций и конфуцианство: их прошлое, их развитие и перспективы»; проф. Ю Дунькана (член правления КФК, КНР) «Связь между конфуцианской концепцией гармонии и сегодняшним днем»; проф. Шунь Чанцзяна (зам. гл. редактора журнала «Наука и техника Китая», КНР) «Китайское общество, китайское конфуцианство и китайская модернизация: важность обсуждения конфуцианства в процессе реформ в КНР»; к. и. н. С. Р. Белоусова (Ин-т Дальнего Востока АН СССР) «Конфуцианский

элитизм: интерпретация традиции в XX веке»³⁰; д-ра Б. Штайгер (Ин-т Азии, Гамбург, ФРГ) «Образ Конфуция в Китае XX века»; Фу Шуфан (член правления КФК, КНР) «Некоторые соображения о позитивных аспектах конфуцианской мысли».

С сообщениями на симпозиуме выступили: проф. Ш. Н. Эйзенштадт (Еврейский ун-т Иерусалима, Израиль), сенатор В. Коломбо (Ун-т ориенталистики, Милан, Италия), мин-р Р. Дитмар (Мин-во экономики, Бонн, ФРГ), проф. А. Бонет (Ун-т города Гебена, ФРГ), д-р Ханс ван де Вен (Кембридж, Англия) и др.

* * *

Весь ход и результаты Международного симпозиума в Сан-Августине говорят о том, что большинство современных ученых-культурологов и синологов, специалистов по конфуцианству и китайской культурно-исторической традиции, солидарны в известном признании или даже прямой констатации того многозначительного сегодня факта, что конфуцианское наследие как основной формант идейно-политических стереотипов и «стиля жизни» китайцев всегда оказывало и продолжает оказывать далеко не последнее влияние на все те неоднозначные и противоречивые процессы, которые происходят в современном китайском обществе, самым непосредственным образом определяет специфику его модернизации. С другой стороны, нерациональное замыкание в узких рамках национального ведет не к возрождению и упрочению культуры, но к ее стагнации и, соответственно, оскудению.

В заключение можно вспомнить отнюдь не потерявшие актуальности слова С. Ф. Ольденбурга, который отмечал: «Что даст новый Восток, мы еще не знаем, но мы чувствуем большие силы, которые таятся в нем... Восток все же хранит и свои старые навыки, и что он делает из них, мы еще не знаем, но хотим это знать»³⁰.

¹ Китайский фонд Конфуция официально создан в сентябре 1984 г. Это всекитайская академическая организация, поддерживаемая и финансируемая правительством КНР. Почетный президент Фонда — известный экономист Гу Му, бывший зам. премьера Государства КНР; главный почетный консультант — историк Чжоу Гучэн, зам. председателя ПК ВСНП; действующий президент — известный деятель просвещения Куан Ямин, почетный президент Нанкинского ун-та. Главное направление деятельности КФК фокусируется на исследовании взглядов и учения Конфуция, конфуцианской школы и традиционной китайской культуры в целом, а также культурологических проблем, вопросов цивилизацион-

ного взаимодействия, на компаративистском изучении духовного наследия Востока и Запада и возможности синтеза двух культур. Фонд занимается исключительно академической деятельностью: в частности, может учреждать и издавать научные журналы, организовывать и проводить дискуссии, конференции, научные исследования и публиковать их результаты, поддерживать и осуществлять научные связи и обмены. КФК уже выпускает свой орган — ежеквартальник «Изучение Конфуция» («Кун-цзы яньцзю», «Confucius Research»).

² Стоит упомянуть хотя бы такой факт, как недавний перевод Конфуция на эстонский язык // Литературная газета.— 1989.— 1 марта.

³ См.: Чжэсюе яньцзю.— 1984.— № 12.

⁴ Этот тезис в наиболее концентрированном виде присутствует в достаточно солидной монографии проф. Куан Ямина «Критическая оценка Конфуция». Так или иначе, идея эта сегодня отстаивается и во многих других работах китайских ученых, посвященных конфуцианству и традиционному духовному наследию // Куан Ямин. Кун-цзы пинчжуань=Критическая оценка Конфуция.— Цзинань, 1985.

⁵ Гессе Г. В мудрости Востока и Запада мы видим уже не враждебные силы, но полюса, между которыми раскачивается жизнь // Восток — Запад. Исследования, переводы, публикации.— М., 1982.— С. 207.

⁶ См.: Рашковский Е. Б., Хорос В. Г. Проблема «Запад — Россия — Восток» в философском наследии П. Я. Чаадаева // Восток — Запад. Исследования, переводы, публикации.— М., 1988.— С. 110—142.

⁷ Ольденбург С. Ф. Связи Запада с Востоком старинные... // Восток — Запад.— 1982.— С. 8.

⁸ Фонд Коирада Аденауэра (ФКА) — солидный научно-политический центр с широкими финансовыми возможностями (финансируется партией ХДС). С 1979 г. ФКА проводит серии консультаций, посвященных анализу тех идейно-политических и социально-экономических факторов, которые прямо или косвенно детерминируют формирование и функционирование политической системы в обществе.

⁹ Если проследить историю подобных встреч еще дальше, то можно упомянуть Международную конференцию по изучению конфуцианства, проходившую в августе 1987 г. на родине Конфуция в Цюйфу (провинция Шаньдун, КНР), и Конференцию по развитию конфуцианского учения: проблемы и перспективы (Сингапур, сентябрь 1988 г.). Обе были организованы КФК и Институтом философии стран Восточной Азии (создан в Сингапуре в июне 1983 г.) Материалы первой конференции опубликованы в двухтомном сборнике, озаглавленном «Конфуцианское учение, его становление, трансформация и влияние».

¹⁰ Необходимо сразу же отметить, что в

данном контексте подразумевается отнюдь не шпенглерская трактовка из «Заката Европы» («цивилизация — это стагнация культуры»). Напротив. Понятие «культура» (вэнхуа) трактуется в традиционном для Китая смысле, наиболее адекватном феноменологическому значению такого понятия, как симбиоз гуманитарной культуры (создающей духовно-эстетические ценности) с социокультурой (вырабатывающей стереотипы мышления, мировоззрения и социального поведения в рамках конкретно-исторического общества, страны, нации), т. е. основной детерминант жизни, тот комплекс современной культуры, который непосредственно связан с развитием социального прогресса и который скорее может быть охарактеризован термином «цивилизация» (вэнмин) — «культура в широком смысле слова».

¹¹ Генеалогия подобных социально-исторических иллюзий прослеживается еще во взглядах крупнейшего французского философа-интуитивиста А. Бергсона, его учителя — сторонника спиритуализма Э. Бутру, немецкого фихтеанца Р. Эйкена, его соотечественника и единомышленника (сторонника витализма) Г. Дриша, отчасти у родоначальника английского неопозитивизма Б. Рассела и др. (все это — на рубеже 20-х годов XX в.). В Китае идея о существенном отставании Востока в области прикладных наук, но и о не менее безусловном его превосходстве в фундаментальных областях, в сфере «духа», нашла наиболее яркое отражение в ходе дискуссии о науке и метафизике» (1918—1923) в позиции Янь Фу, Лян Цичао, Лян Шумина, Чжан Цзюньмяя и др.— Белоусов С. Р. Поиски альтернативы развития Китая: традиционализм или модернизм (начало 20 гг. XX в.) // Проблемы Дальнего Востока.— 1987.— № 4.— С. 112—127.

¹² Подробнее о позиции Ду Вэймина см.: Tu Wei-ming. Confucian Thought. Selfhood as Creative Transformation. Albany (New York), 1985, p. 3, 53, 83; Tu Wei-ming. Toward a Third Epoch of Confucian Humanism: A Background Understanding.— Confucianism, the Dynamics of Tradition.— New York, 1986.

¹³ Об этом говорит, в частности, советский исследователь В. В. Малявин в своей работе об Э. Паунде: «В конфуцианстве человек предстает как универсум, обладающий «всей полнотой Небесной природы». Раскрывая в себе это совершенное начало, освобождаясь от всего субъективного, ограниченного, «слишком человеческого» и так становясь «равным Небу», конфуцианский мудрец обретает полную автономность, внутреннюю неприступность (мнение о принципиальном конформизме конфуцианства относится к числу западных заблуждений о китайской культуре).— Малявин В. В. Китайские импровизации Паунда // Восток — Запад.— С. 265—266.

¹⁴ Подробнее представлено о позиции

Т. А. Метцгера дает его фундаментальная работа «Бегство от бедствий» // Thomas A. Metzger. *Escape from Predicament. Neocofucianism and China's Evolving Political Culture.*— New York, 1977.

¹⁵ См., например: Сюй Цзилинъ. Чжунго чжишифэньцзы цюньти жэньгэ дэ лиши таньцзо=Об истории коллективистских характеристик китайских интеллектуалов // Синьхуа вэньчжай. — 1987. — № 2. — С. 10—16.

¹⁶ In: Tu Wei-ming. *Toward a Third Epoch...*— P. 3—21; Idem.— *Confucian Thought...*— Albany, 1985.

¹⁷ См.: Пан Пу. Чжунго вэньхуа дэ жэньвэнь цзиньшэнь=Гуманистический дух китайской культуры // Гуанмин жибао.— 1986.— 6 января.

¹⁸ Первый пласт— это верхушка руководства, около 90 чел. (члены Политбюро, секретари ЦК КПК, первые секретари провинций, высокопоставленные члены ЦК, Госсовета, руководящая верхушка армии); другая, более широкая группа включает: 300—350 членов ЦК, 600 высших ганьбу из провинций, 130 членов ПК ВСНП, 170 членов Центральной комиссии советников, 100 членов Дисциплинарной комиссии КПК, 500 зам. министров и ведущих дипломатов, 300 военных более низкого ранга, 400 крупнейших представителей интеллигенции (творческой и технической) и около 2500 других функционеров; третья группа — около 80 тыс. кадровых членов партии (рангом от зам. руководителей ведомств, зам. отделов и выше); наконец, еще около 450 тыс. кадровых членов партии (рангом от зам. руководителя района и выше). Кроме того, в элитный слой можно включить и 9 млн. рядовых «кадровых членов партии» (ганьбу).

¹⁹ Этот материал — обзорного характера, и мы не претендуем на глубокий теоретический анализ всех постулатов участников симпозиума, но данный тезис все-таки нуждается в серьезной критической оценке и комментариях, поскольку события апреля — июня 1989 г. в КНР во многом ставят по сомнению позицию О. Вегеля в этом вопросе.

²⁰ Для аргументации своей точки зрения автор ссылается на тот факт, что, хотя руководство КНР в последнее время санкционировало и поощряет частное предпринимательство, коммерческую деятельность и передало аграрное производство в руки «частных лиц», доля участия государства во владении средствами производства настолько велика, что «капиталистические» тенденции не имеют никаких перспектив в Китае (особенно если принять во внимание, что «капитализм» не вписывается в традиционную китайскую шкалу ценностей, о чем говорилось выше). Даже на Тайване, говорил О. Вегель, в стране, которая, казалось бы, являет собой образец «капиталистической», ключевые отрасли промышленности находятся под прямым контролем государства. Хотел того О. Вегель или нет, но его тезисы вызывают ассоциации с концеп-

цией «государственного социализма» К. И. Роббертус-Ягенова и Ф. Лассалы и — в еще большей степени — с ее китайским вариантом // Белоусов С. Р. *Китайская версия «государственного социализма»* (20—40 гг. XX в.).— М., 1989.

²¹ О. Вегель против перевода «жэнь» как «гуманность», поскольку считает, что это сразу переносит европейского, в частности немецкого, читателя в «мир Веймара», а не Китая и первоначально препятствует адекватному пониманию конфуцианства. Кроме того, такой перевод вызывает у автора возражение еще и потому, что основополагающие постулаты конфуцианства и «мета-конфуцианства» прямо противоположны идеям «протестантской этики» М. Вебера: 1) «мы», не «я»; 2) приоритет обязанностей и обязательств, а не господство прав; 3) «благопристойность», «правила поведения», а не юриспруденция; 4) доминирование не столько личных, сколько групповых интересов; 5) «гармоничное» сотрудничество, а не конкуренция и соревновательность; 6) формирование морального консенсуса (среди всех членов даньвэй), а не разрешение проблем путем конфликтов; 7) господство групповых связей и интересов (пietet, лояльность, старшинство), а не принцип *laissez faire*; 8) гармония между противоположностями (в соответствии с законами взаимодействия *инь-ян*), а не экстремизм («шекспировские характеры», «фаусты» — неустаные и гениальные).

²² In: *China Times.*— 1988.— August 30—31.

²³ In: Feng Yu-lan. *A History of Chinese Philosophy.* — Princeton, 1983. — Vol. 1.— P. 43—75.

²⁴ Гессе Г. Я добирался до Индии и Китая не кораблем и не поездом, туда нужно было искать магические мосты // Восток — Запад...— С. 187.

²⁵ Tu Wei-ming. *Toward a Third Epoch...*— P. 5.

²⁶ In: Yu Ying-shih. *From the Value System See the Modern Significance of Chinese Culture.*— Taipei, 1984.

²⁷ In: M. Weber. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism.*— London, 1930.— P. 181.

²⁸ См.: Жэньминь жибао.— 1982.— 25 ноября.

²⁹ In: R. Pavolini. *Un Seminario internazionale sul Confucianesimo.*— Mondo Cinese, Milano.— 1988.— Dicembre.— № 64.— P. 67—75.

³⁰ Ольденбург С. Ф. Указ. соч.— С. 8

Н. ФЕДОРЕНКО

В мире человеческих отношений бывает немало такого, что не поддается объяснению и пониманию. Часто вокруг нас возникает множество лиц, но они мелькают, не привлекая нашего внимания, остаются вне поля наших интересов.

Бывает, однако, что, увидев какого-то человека, мы невольно сосредоточиваемся на нем, всматриваемся, движимые нарастающей увлеченностью.

Таким человеком оказался в моей жизни Чжоу Эньлай, когда мы впервые встретились в 40-е годы в далекой китайской провинции Сычуань. С тех пор он не покидал моего сознания, жил в памяти. Между тем ничто не выделяло его из общей массы. Не отличался он ни статностью фигуры, ни экстравагантной одеждой, ни какой-либо оригинальностью. Внешность Чжоу Эньлая оставляла впечатление скромности и даже некоторой заурядности.

Что же тогда привлекало в нем, отчего вокруг него всегда были люди? Не мне одному отвечать на этот вопрос. Но и мне позволительно высказать свой личный взгляд.

Чжоу Эньлай, несомненно, принадлежал к людям, отмеченным природой даром разума, высоким уровнем интеллекта. Это, видимо, уже от бога, как говаривали в старину.

Можно было бы весьма обильно цитировать многочисленные высказывания его соратников и «однополчан», выступивших на торжественном собрании в Пекине по случаю девяностолетия со дня рождения Чжоу Эньлая. Но, пожалуй, весомее привести здесь высказывания его коллег в связи с девяносто первой годовщиной со дня его рождения, отмеченной 2 марта 1989 года. Эти высказывания, на мой взгляд, в меньшей степени содержат обычные в таких случаях юбилейные панегирики. В большом конференц-зале Пекина состоялся глубокий разговор о внешнеполитическом мышлении и практике Чжоу Эньлая. Здесь собрались государственные деятели, дипломаты, ученые и общественные деятели, свыше пятисот человек, как об этом сообщалось в отчете, опубликованном на страницах «Жэньминь жибао» от 3 марта 1989 года.

Чжоу Эньлай, подчеркнул в своем вступительном слове премьер Ли Пэн, был образцом не только великого пролетарского революционера, но и великого пролетарского дипломата, выполнившего огромную, новаторскую работу, добившись для Китая высокого международного положения и авторитета. Подводя аналитический итог его деятельности, продолжал он, надо сказать, что внешнеполитическое мышление и практика Чжоу Эньлая — это многозначный труд, который должен быть образцом для всех китайских дипломатических работников, примером для старательного изучения.

Отметив выдающуюся роль Чжоу Эньлая как стратега, руководителя и практического деятеля, снискавшего авторитет основоположника новой дипломатии Китая, министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь сформулировал главные особенности дипломатического стиля Чжоу Эньлая. Это — ясность позиции, непринужденность в поддержании отношений, добросовестность, искренность в дружбе, скромность и выдержанность, разумность в обхождении, гибкость, взвешенность слов, смелость, чистосердечность и усердие в науках.

Дипломатический талант Чжоу Эньлая успешно проявился во время Женевского совещания министров иностранных дел (1954) по мирному урегулированию корейского вопроса и по восстановлению мира в Индокитае.

Федоренко Николай Трофимович — член-корреспондент АН СССР, автор многих научных трудов и публицистических книг.

Женевское совещание было посвящено проблемам Азии. Весьма существенным являлось то, что на совещании впервые за многие годы участвовали все великие державы, постоянные члены Совета Безопасности ООН. Особенно примечательным было участие КНР, которую представлял Чжоу Эньлай, в то время премьер-министр и министр иностранных дел. Он привлек пристальное внимание западных деятелей, которые искали с ним контактов и встреч. Исключением явился Джон Фостер Даллес, заявивший, что у него не может быть никаких дел с человеком, который никого здесь не представляет. Американский дипломат демонстративно избегал встреч с Чжоу Эньлаем, делая вид, что китайский премьер-министр вообще как бы не существует, поскольку США признавали лишь гоминьдановский режим на Тайване. Комично было наблюдать, когда Даллес, завидев Чжоу Эньлая в зале заседаний, обходил его стороной, дабы не столкнуться лицом к лицу. Чжоу Эньлай смотрел на это, как на ребячество, как на бестактные выходы к пастуха с Дикого Запада. Даллес старался показать свою непримиримость и твердость. Чжоу Эньлай выражал гибкость, терпимость. Понятия о твердости и мягкости понимаются китайцами и европейцами не всегда одинаково. В стихотворении Синь Цици (1140—1207) есть такие строки:

Все твердое, замечу вам, непрочное,
Таится в мягком прочности начало.
А если же
Вы верите не очень,
Я приоткрою рот
Для вас нарочно:
Язык мой цел,
Зубов — как не бывало!

(Перевод М. Басманова)

Речь здесь об одном из постулатов учения древнего мудреца Лао-цзы и его последователей. В книге «Шао юань», в главе «О почтительности и предусмотрительности» читаем: «Чан Цзун занемог. Его навещил Лао-цзы. Больной широко открыл рот и спросил: «Язык мой на месте?» Лао-цзы сказал: «Несомненно». «А зубы мои на месте?» Лао-цзы сказал: «Исчезли». Чан Цзун далее спросил: «Язык на месте не потому ли, что он мягкий? Зубы исчезли не потому ли, что они тверды?» Лао-цзы засмеялся и сказал: «Да, это так».

Женевское совещание, помимо всего, вынуждено было выработать особый порядок рассадки участников в зале. Протокольные хитрости начались еще до обсуждения вопроса о восстановлении мира в Индокитае. Даллес решительно отказался сесть за один стол с остальными участниками совещания. Вероятно, он усмотрел идею единого целого в том, что в главном зале заседания были установлены столы в виде подковы. Выход был найден. В другом зале Дворца наций было расположено девять столиков, которые как бы «символизировали» независимое положение каждой делегации. Но и это не устроило Даллеса. Вскоре он покинул Женеву и больше сюда не возвращался, отдавая, видимо, себе отчет, что историю невозможно ни остановить, ни тем более повернуть вспять.

По существу, Чжоу Эньлай и Даллес, выступавшие с диаметрально противоположных позиций по обсуждавшимся вопросам, были антагонистами, главными «дуэлянтами» на Женевском совещании. Большинство участников выражали свои симпатии китайскому представителю — одни открыто, другие негласно. Даллес же в глазах многих участников олицетворял надменность и невежество.

Важнейшее значение Женевского совещания состояло в том, что это был первый случай сотрудничества и совместных действий Советского Союза и Китайской Народной Республики на международном форуме.

Следует отметить, что китайский представитель проявил себя наилучшим образом. Чжоу Эньлай, казалось, вобрал в себя огромный вековой опыт китайской дипломатии и сумел органично соединить его с современной диалектической методологией. Помимо всего, он обладал еще личным обаянием, умел расположить к себе собеседников, даже противоположных с ним взглядов, а то и просто своих недругов. Чжоу Эньлай исходил из того, что и человек, который не разделяет его взглядов, может быть достоин уважения. В политических спорах нелишне бывает на какое-то

время встать на сторону противника, чтобы понять его взгляды, убеждения. Тогда быстрее можно подойти к «храму истины».

Чжоу Эньлай был эрудит, сочтавший в себе китайские традиции и знания современного европейца. В нем таилось нечто неуловимое — убежденность. Не без причины за ним установилась в Китае слава человека с качествами льва и лисы.

Вспомним, что именно Чжоу Эньлай в 40-е годы был назначен руководством КПК представителем Восьмой армии китайских коммунистов для связи с центральным командованием, то есть для связи с Чан Кайши в Чунцине, тогда временной столице Китая. Ему приходилось в сложнейших условиях антияпонской войны осуществлять «сотрудничество» с гоминьдановским руководством, которое не прекращало своей борьбы против коммунистических вооруженных сил.

Память переносит меня в Чунцин того времени, когда дипломатический корпус находился в этом далеком городе в провинции Сычуань. Здесь я впервые познакомился с Чжоу Эньлаем, которого ранее знал лишь по газетным сообщениям и рассказам китайских друзей. Мы встретились в нашем посольстве во время одного из приемов. Его не нужно было представлять — все хорошо его знали по фотографиям, часто публиковавшимся на страницах газет и журналов. Чжоу Эньлай был одним из популярнейших людей в Китае. Сухопарый, среднего роста, подвижный, открытое лицо, зачесанные назад черные волосы, пронизательные глаза. Угадывалась неукротимая жизнедеятельность. Во всем его облике была одухотворенность интеллектуального, мыслящего человека. Все это составляло неповторимые его особенности. Одет он был в самый скромный костюм — френч и брюки из простой, грубой ткани кубового цвета.

Наша первая беседа была посвящена не политике и военной обстановке в стране, а литературе, писателям, драматургам. Очевидно, он был наслышан о моих интересах и сразу же повел разговор о Го Можо и его получившей широкий резонанс пьесе о великом поэте Цюй Юане. Приятной неожиданностью для меня был его язык — северный диалект, близкий к пекинскому. Редко можно встретить в Китае южанина по рождению, каким был Чжоу Эньлай, прекрасно владеющего разговорной речью северянина. Запомнилась ее характерная интонация, по которой легко определить особенности речи человека. Правда, как выяснилось позднее, Чжоу Эньлай столь же свободно владел и другими диалектами — шанхайским, кантонским, чжэцзянским (нинбоским) и др.

Я всю жизнь занимаюсь китайским языком и иероглификой, но каждая встреча с живым носителем китайского языка для меня трудный экзамен, который, как мне всегда кажется, не осилю ни за что на свете, ибо тебя постоянно поджидает незнакомый диалект или головоломное сочетание иероглифических знаков в тексте. В Кантоне, Гонконге или в районе Южных морей китайцы говорят на каком-либо из южных диалектов, который почти ничего общего не имеет с северным. В лучшем случае они могут не без труда понять тебя, но договориться с ними почти невозможно. Не бойтесь окунуться в языковую стихию, как в воду, наставлял меня мой академический куратор в Институте востоковедения. Объяснитесь только по-китайски. И я добросовестно пытался этому следовать. Но в первое время это вызывает только головную боль и желание вышвырнуть учебник в окно. Однако другого пути в овладении китайским языком и грамотой нет. Каково же было мое огорчение, когда я впервые услышал сычуаньское и кантонское произношение — я как будто столкнулся с непреодолимой китайской стеной. Диалекты эти в устах китайцев звучали для меня иностранным языком, хотя раньше у меня было немало случаев убедиться в обманчивости сходства, которое заставляет невнимательный взгляд и слух путать китайца с китайцем. Не без причины в Китае сложилась поговорка: «Не страшны ни земля, ни небо, страшен лишь кантонский диалект».

Чжоу Эньлай говорил на звучном северном диалекте. У него была хорошая дикция, многообразный словарный запас, он мог легко переходить от разговора на политическую тему к экономическим, историческим проблемам. С удовольствием поддерживал беседу о литературе, живописи, театре. Меня постоянно привлекало его всегда интересная интонация, простая и ненавязчивая ее выразительность. С особой готовностью принимал я участие во встречах с Чжоу Эньлаем, вслушивался в его речь, переводил, и это доставляло мне большое удовлетворение.

Антиподами в этом смысле, смею признаться, служили многие другие политические и общественные деятели, с которыми мне по роду работы приходилось встречаться и вести разговоры. Наиболее трудным для меня был язык Чан Кайши. Он говорил на южном, нинбоском диалекте, который далеко не все китайцы понимают. Это скорее местный говор, от которого Чан Кайши не мог избавиться всю свою долгую жизнь. Понимать его было мукой, особенно когда он говорил без протеза. Это походило на какое-то беззубое шамканье, бормотание, лишённое четкой артикуляции. Приходилось предельно сосредоточиваться, чтобы уловить смысл. Помогала лишь его привычка повторять сказанные слова, иногда неоднократно. Все, кому приходилось сталкиваться с Чан Кайши, не без чувства страха говорили о его неистребимом нинбоском диалекте.

Не меньшей сложностью было произношение Мао Цзэдуна. Он говорил на своем провинциальном диалекте — хунаньском, шаошаньском. Это еще одна разновидность южного говора, который обычно вызывает даже у китайцев горькую улыбку. В разговоре с Мао Цзэдунем меня часто спасала иероглифика, особенно в тех случаях, когда он цитировал классические стихи, вводил в речь крылатые выражения, афоризмы. Лист бумаги и перо моментально решали проблему. Мао Цзэдун охотно изображал на бумаге цитату, сознавая, видимо, что у него отнюдь не образцовое произношение и артикуляция.

Особая опасность для синолога таится в точном прочтении текста, главным образом древнекитайского поэтического текста. Положение намного усложняется, если это рукописный текст или стилизованный каллиграфический афоризм. Здесь уже недостаточно одного знания иероглифики. Здесь необходимо умение разбирать скоропись, ее закономерности, графические аббревиации, вариационные сочетания знаков и т. п.

Не однажды приходилось мне переживать тягчайшие моменты, когда текст не поддавался прочтению, расшифровке. Положение казалось безнадежным, отчаянным. Состояние такое, будто теряешь самообладание. Каково же чувство восторга, когда вдруг наступает какое-то просветление, сознание постигнутой истины. Еще мгновение назад ты не видел ни малейшего просвета, и вот теперь все словно преобразилось. На сердце — легко и отраднo.

Вскоре Чжоу Эньлай стал нашим частым гостем. Почти всегда он приезжал в посольство в вечерние или ночные часы — наиболее удобное для него время. Беседы нередко затягивались. Они представляли для нас большую ценность. Чжоу Эньлай был прекрасно осведомлен о политическом положении в стране, обстановке на фронтах антияпонской войны, экономической жизни. Его информация всегда была достоверной и позволяла правильно оценивать положение дел в Китае.

Обычно разговор сопровождался скромной трапезой: бутерброды, фрукты, чай. Из всех угощений Чжоу Эньлай предпочитал московскую сухую колбасу, которую с удовольствием ел как лакомство, обычно без хлеба.

Помнится, как во время этих ночных беседований мы иногда предавались мечтам, пытались вообразить будущее Китая после окончания войны и победы народной революции. В мечтаниях наших мы как бы предсказывали Чжоу Эньлаю высокую миссию министра иностранных дел в новом Китае. И хотя не таким близким казалось то время, мы верили, что мечты сбываются.

И вот спустя пять-шесть лет, мы снова встретились с Чжоу Эньлаем, теперь уже в Пекине. Отмечалась годовщина образования Китайской Народной Республики. Мы оказались рядом на правительственной трибуне во время массовой демонстрации на площади Тяньаньмынь. У всех было праздничное настроение.

— Помните ли наши встречи в Чунцине, наши мечты, ожидания и пророчества? — спросил я Чжоу Эньлая.

— Еще бы, это были сладостные размышления друзей, единомышленников. Мы вместе верили в победу. И хотя я отвергал тогда ваши предсказания насчет моей судьбы, считая, что недостоин и все такое прочее, однако кое-что сбылось, — негромко произнес Чжоу Эньлай.

— Да, кое-что... Но мы недооценили вас тогда, товарищ Чжоу Эньлай. Теперь вы не только министр иностранных дел, но и премьер-министр Китайской Народной Республики, — продолжал я.

— Верно, хотя прогноз был весьма оптимистический, но реальность превзошла даже смелые мечты, — улыбнулся Чжоу Эньлай и не преминул поблагодарить за сердечную атмосферу в Чунцине и самую вкусную московскую салиями. А мне подумалось:

прошлое остается с нами, как наша память, как то, что пришлось испытать и пережить. Увы, мы привыкли воздавать людям только после смерти, а не при жизни.

Незабываема встреча с Чжоу Эньлаем и в Пекине во время обеда, устроенного им тогда как главой правительства. Это был обед в честь советской правительственной делегации в знаменитом ресторане «Бэйцзин фаньдянь» — веселое, дружное и оживленное застолье. Перед тем, как покинуть ресторан, Чжоу Эньлай взял куайцзы — палочки для еды, которыми я пользовался, завернул их в салфетку и преподнес мне.

— Это вам на память об одной трапезе в Пекине с мыслями о встречах в далеком Чунцине, — сказал он.

— Достоин ли? — произнес я принятые в таких случаях традиционные слова.

— Вы заслужили благодарность за труд, за ваш перевод, который помогал нам объясняться, понимать друг друга в прошлом и теперь. По смыслу это равнозначно *туаньсян* — интерпретирование триграмм в китайском классическом каноне «Книге перемен».

Здесь необходимо пояснение: палочки для еды были сделаны из слоновой кости. Чжоу Эньлай прибег к игре знаков: слон (слоновый) изображается иероглифом *сян*, который имеет также значение — «образ», «подобие» и в этом смысле входит в композицию *туаньсян*.

— Вы слишком переоцениваете мою роль: я лишь старался не обронить *сянху*, — ответил я в стиле высказывания Чжоу Эньлая.

Снова вынужденное объяснение. Слово *сянху* состоит из двух знаков: знакомого нам иероглифа *сян* (слон, слоновый) и *ху* — пластина. *Сянху* — продолговатые, расширяющиеся кверху дощечки из слоновой кости, которые в старину придворные чины держали в руках перед сюзереном и записывали все, что он произносил.

В ответ на мою реплику Чжоу Эньлай взял со стола теперь уже свои куайцзы, не торопясь завернул их в салфетку и преподнес мне со словами:

— Ссылка на китайскую древность в наш прогрессивный век «наказуема»... Впрочем, отнеситесь к моим словам как к *исян* — выражению искренних чувств и мыслей... (Здесь опять упомянут иероглиф *сян*.)

Запомнились мне встречи с Чжоу Эньлаем в Пекине, Ханчжоу и Гуанчжоу (Кантоне) в 1957 году во время визита в Китай главы Советского государства, маршала К. Е. Ворошилова. Его встречали руководители партии и страны в столице Китая, а во время ознакомительной поездки маршала сопровождал премьер-министр Чжоу Эньлай.

Чжоу Эньлай знакомил советских гостей с достопримечательностями Пекина — он был идеальным гидом. Слушая пояснения, невозможно было не удивляться его эрудиции и памяти. Особенно интересным был рассказ о Летнем дворце, расположенном в окрестностях столицы. Много раз мне приходилось бывать здесь, но никогда я не слышал столько историй об этом месте. Все это несомненно заслуживает подробного описания, может быть, создания целой книги, которую, возможно, когда-либо удастся написать. Здесь же придется ограничиться лишь краткими заметками, сохранившимися в моих дневниках и дорожных тетрадях.

Кажется все, что способно создать воображение народного гения, воплотилось в этом дворце. Нет нужды доказывать, что Парфенон был творением редчайшим и вряд ли повторимым. Китайский же Летний дворец мог представляться огромным слепком с фантазии европейцев, если, конечно, с фантазии можно сделать слепок.

Между тем Летний дворец — неописуемое сооружение, подобное волшебному дунному замку. «Создайте мечту, — отмечал Виктор Гюго в своем письме «Разграбление Летнего дворца» от 25 ноября 1861 года, — из мрамора, нефрита, бронзы, фарфора, постройте ее из кедрового дерева, украсьте драгоценностями, задрапируйте шелками, превратите в святилище, в крепость, населите богами и чудовищами, покройте лаком, эмалью, позолотой, лепкой, прикажите архитекторам, наделенным воображением поэтов, воплотить тысячу и один сон «Тысячи и одной ночи», окружите садами, бассейнами, сверкающими фонтанами, лебедями, ибисами, павлинами — словом, представьте себе неисчерпаемое и ослепительное богатство человеческой фантазии, претворенной в храм и во дворец, — и перед вами предстанет это чудо».

Добавим к этому, что для создания этого великолепия нужен был труд поколений. Ведь это сооружение, громадное, как город, возводилось не месяцами, а десятилетиями. Мы вправе спросить, для кого? Для грозных повелителей. Но не только для них.

Скорее для народа. Ибо то, что творит время, принадлежит народу, человечеству. Ныне это блестяще подтвердилось самой жизнью.

Известно, что многие зарубежные художники, поэты, философы упоминают о Летнем дворце. Говорили: Парфенон в Греции, пирамиды в Египте, Колизей в Риме, Собор богородицы в Париже, Летний дворец в Пекине. Не всем пришлось видеть его воочию. Но для всех это — несравненный шедевр, который рисовался в китайском далеке, в каких-то таинственных сумерках, словно силуэт дальневосточной цивилизации на горизонте цивилизации европейской, общемировой.

Не говоря уже о китайских авторах, писавших о Летнем дворце в разное время и по разным поводам, многие иностранные литераторы также отдавали должное этому чуду. Тот же В. Гюго сказал так:

«Однажды двое бандитов ворвались в Летний дворец. Один разграбил его, другой поджег. Победа, оказывается, может быть грабительницей. Победители расхитили все богатства Летнего дворца и поделили добычу. Во всем этом замешано имя Эльгина, роковым образом заставляющее вспомнить Парфенон. То, что сделали с Парфеноном, сделали и с Летним дворцом, но куда усерднее и обстоятельнее, не оставив после себя уже ничего. Все сокровища наших соборов вместе взятые не могли бы сравниться с этим огромным и великолепным музеем Востока. Там хранились не только замечательные произведения искусства, но и богатейшие собрания золотых и серебряных изделий. Громкий подвиг и славная пожизненная! Один из победителей набил карманы, другой, глядя на него, наполнил сумки; и оба, взявшись за руки, довольные вернулись в Европу. Такова история двух бандитов.

Мы, европейцы, считаем себя людьми цивилизованными и для нас китайцы — варвары. Но вот как цивилизация обошлась с варварством.

Перед судом истории один из бандитов будет называться Францией, другой — Англией. Но я протестую, и я вам благодарен за то, что вы дали мне возможность выразить мой протест. Преступления властителей нельзя вменить в вину тем, над кем они властвуют; правительства подчас бывают бандитами, народы же — никогда.

Французская империя захватила половину этих сокровищ и теперь с наивным бесстыдством выставляет напоказ великолепные древности Летнего дворца. Я верю, что придет день, когда освобожденная и очищенная Франция вернет свою добычу разграбленному Китаю.

А пока что свидетельствую: двумя грабителями был совершен грабеж...»¹

Южный город Гуанчжоу (Кантон) бы конечным пунктом визита Ворошилова в Китай. Отсюда предстоял наш полет в индонезийскую столицу Джакарту. По давнему обычаю гостеприимства Чжоу Эньлай накануне отбытия высокого гостя устроил прощальный ужин по-кантонски.

Здесь следует напомнить, что кантонская кухня одна из самых прославленных. Не без причины в китайском народе издавна говорят: «Питаться в Гуанчжоу, а жить в Ханчжоу». Для европейца кантонская кухня — это прежде всего экзотика. Китайцы, в его глазах, едят все, что произрастает на почве, все, что способно ползать по земле, все, что летает в воздухе. Похоже, что это так.

Ужин у Чжоу Эньлая был поистине императорским. Не только и, наверно, не столько по количеству блюд, сколько по изысканности приготовления, высокого кулинарного искусства. Не даром считается, что китайская кухня — это подлинная академия гурманства. Признают это даже самые компетентные кулинары Франции.

Застолье началось с пробы китайской водки «Маотай», крепость которой около 70 %. Обычно подается этот напиток в небольших керамических чашечках-«наперстках», ибо, проникая в организм, он действует как расплавленная магма. И, помимо опьянения, вызывает сильный аппетит.

Гости и хозяйва разместились за традиционным круглым столом из красного дерева с мраморной плитой, врезанной в его крышку, напоминавшей напольный художественный натюрморт.

— Разрешите мне, дорогие гости, сопровождать предлагаемые блюда небольшими комментариями. Кантонская кухня этого требует, — сказал Чжоу Эньлай и попросил меня быть его интерпретатором в беседе с маршалом Ворошиловым.

В самом начале пивар принес керамическое блюдо с местным приготовлением — корнн лотоса и лилии — «символ сплочения и согласия».

— И лотос, и лилия неразлучны с жидкостью,— произнес хозяин.

— Намек понят,— поторопился Ворошилов и залпом осушил стопку. Чжоу Эньлай тоже выпил, не моргнув глазом.

Затем пошли блюда из морских продуктов: лангусты, креветки, шримпсы.

— Кантонцы предлагают знаменитое блюдо из трепангов, имеющих целебные свойства и рекомендуемых для людей в возрасте как тонизирующие и восстанавливающие...— сказал Чжоу Эньлай.

— Годится, годится...— моментально отреагировал маршал и не заставил себя упрашивать насчет «наперстка».

Потом подавали различные приготовления из ласточкиных гнезд, акульих плавников, улиток с чесноком, не говоря уже о свинине под сладким соусом, пекинской утке, фазане...

— А сейчас нас угостят особым кантонским блюдом из местных змей,— торжественно произнес Чжоу Эньлай. Если это кому-либо неприятно или непривычно, то прошу советских друзей воздержаться от этого приготовления. Должен признаться, что далеко не все китайцы употребляют змею, хотя известны ее целебные свойства. Во всяком случае прошу вас проявить сдержанность.

— Не слишком ли затянулся комментарий?! Мы ведь не из робкого десятка,— самонадеянно заявил Ворошилов.

— В таком случае прошу приготовить ваши пиалы, чтобы суп из змеиного мяса я смог бы сам разлить каждому,— заметил Чжоу Эньлай.

И он ловко наполнил пиалы. Маршал тотчас произнес очередной тост и быстро опрокинул рюмку. Все приступили к необыкновенному деликатесу, приготовленному из мелко нарубленного змеиного мяса и белого филе цыпленка.

— Прошу вас, товарищ Чжоу Эньлай, наполнить еще одну пиалу и, разумеется, «наперсточек»,— обратился маршал к хозяину.

— Я это сделаю с большим удовольствием, но поверьте, одной порции этого блюда вполне достаточно. Это очень сильный продукт и как бы...— вновь предупредил Чжоу Эньлай.

— Мы и не то пробовали, нас не запугать. Прошу еще одну порцию,— сказал неустрашимый Клим Ворошилов.

Обратившись ко мне по-китайски и попросив не переводить, Чжоу Эньлай, явно озадаченный бравадой советского гостя, настойчиво повторил свое опасение за последствия непомерного употребления маршалом змеиного мяса. Он просил меня сделать все, чтобы Ворошилов воздержался от третьей пиалы, ибо неотвратимо серьезное осложнение с пищеварением.

Разумеется, я старался как только мог, но Ворошилов был неумолим:

— Сам не ешь и другим мешаешь,— сказал он мне в сердцах.

Видя нарастающую опасность, Чжоу Эньлай осторожно распорядился убрать супницу с змеиным мясом и подать что-либо нейтрализующее, а также зеленый чай.

Пиалы с рассыпчатым рисом, поставленные на стол, означали окончание трапезы. Вскоре мы попрощались с хозяином и отправились на ночлег, чтобы на рассвете вылететь в Джакарту.

Как только мы оказались в нашем спецсамолете, Ворошилов улегся на диван и молча лежал пластом до самого приземления в Джакарте. Лицо у него было бледное, и я, обеспокоившись, подошел к нему и справился о самочувствии:

— Нам надо без промедления отправиться в резиденцию... Постарайся договориться с президентом Сукарно,— еле выговорил маршал.

Пришлось все объяснить президенту, назвав вещи своими именами. В течение двух суток маршал оставался в резиденции, без сна и отдыха пребывал в неотложных бегах по маршруту между спальней и «троном». Все протокольные визиты и деловые встречи были отменены.

Не скрою, случай этот показался мне весьма поучительным. И я рассказывал о нем во время инструктивных совещаний посла с дипломатическими сотрудниками советского посольства в Японии и в ООН в Нью-Йорке. Думается, что было это небесполезно.

Как гласит китайская поговорка, даже самое большое путешествие начинается с одного шага, моя первая встреча с Китаем произошла, как я уже сказал, в Чунцине. Чунцин, который ничем особенно не отличается от других провинциальных городов

Китай, стал для меня прежде всего городом Чжоу Эньлая. В дальнейшем мне приходилось встречаться с ним в Пекине, Шанхае, Кантоне, Ханчжоу, Нанкине. И за пределами Китая — в Москве, Женеве, Берлине. Каждая встреча оставила в памяти свой след.

И вот новая, волнующая встреча. Передо мной изданная в 1989 году книга «Биография Чжоу Эньлая», на обложке которой каллиграфическая надпись Дэн Сяопина. Это — лишь первая часть жизнеописания Чжоу Эньлая (1898—1949). В основе книги — его выступления и речи разных лет. Они едва вместились на 833 страницах фолианта. Для людей моего поколения книга эта — вознаграждающее чтение. В послесловии отмечается, что содержащиеся в книге материалы о Чжоу Эньлае охватывают лишь период до победы народной революции в Китае. Готовится вторая книга, в которую войдут биографические материалы периода социалистического строительства.

Глядя на вышедшее в свет монументальное издание и читая строки о готовящейся второй книге о Чжоу Эньлае, невольно думаешь о том, что это возможно в стране великих традиций и преемственности, где чтут великих сынов великой земли.

[А. Г. Крымов — Го Шастан]

Г. СУХАРЧУК

Прошел почти год со дня кончины А. Г. Крымова, Го Чжаотана (Го Шаотана — в местном произношении), Го-Лао, высокочтимого Го, как его уважительно называли коллеги и друзья в СССР и в Китае. И тем не менее его невозможно представить вне нас, ушедшим от нас навсегда...

Первая половина XX века — время небывалого подъема освободительной борьбы китайского народа. Громадный импульс этой борьбе дал мощный идейно-политический заряд, который несла в себе Октябрьская революция в России. Она, как молния, мгновенным и резким, без теней и переходов светом озарила всю панораму мнений и споров о том, как сбросить гнет иностранного порабощения. Древняя мечта об Обществе Социальной Справедливости, Великого Единения — Датун, обрела в этом свете реально достижимые очертания.

Тысячи молодых людей по всему Китаю встали под знамена революции, сознательно жертвуя карьерой и славой, будущим и талантом во имя великой цели. Одним из этих тысяч был пылкий Го Чжаотан.

Го Чжаотан родился в январе 1905 года в обычной для Китая начала века многодетной бедной крестьянской семье уезда Юлао, провинции Чжэцзян. Дом держался на добрейшей бабушке. У бабушки всегда был полон рот забот. Она болела за все и тяжело переживала, когда в семье возникали ссоры. Она никогда не выступала в качестве судьи, а всегда стремилась всех примирить и помирить. Так вспоминал он о своей любимой бабушке, таким он был и сам.

Больше, чем о других, бабушка беспокоилась о внуке, который с юных лет «решительно отрицал» существование богов и утверждал, следуя старой пословице: «Вынеси будду из храма, и он будет всего-то куском глины». В подражание дяде, младшему брату матери, он в 1912 году отрезал, к ужасу бабушки и матери, свою маленькую косичку и тоже «стал революционером», совсем как А-Кью у Лу Синя. Вот так с самого детства подвергал он сомнению все, что не поддавалось проверке опытом или разумом.

После четырехлетнего обучения в деревенской школе, 11-летний Шаотан был отдан «в люди», стал учеником в лавке фармацевта в Шанхае, куда его привез старший брат. Там, движимый чувством справедливости, он, не раздумывая, присоединился к стачке фармацевтов и аптекарей. Вышел из этой стачки, изгнанный хозяином за строптивость, готовым к восприятию идей справедливости и свободы.

Работая после изгнания из фармацевтов в ломбарде, юный Го однажды по ошибке выдал в чужие руки дорогую вещь. За это он должен был внести 8 юаней компенсации. И не смог расплатиться за все время работы в ломбарде. В 1921 году он сбежал в Ханчжоу, где поступил в школу в качестве работающего ученика.

Можно себе представить богатство и новизну впечатлений в школе «Чуньхуэй» («Блеск весны»), где преподавали известные деятели культуры прогрессивного толка: Чжу Цзыцин, писатель, ведший курс литературы, Фэнь Цэкай — живописи, ученик Ли Шудуна, одного из первых китайских художников, применивших приемы европейской живописи, младший брат Мао Дуня Шэнь Цземинь, один из первых коммунистов в Китае. Приезжали и выступали в школе великий Лу Синь,

пионер крестьянского движения в Чжэцзяне молодой коммунист Сюнь Чжунхуа, только что возвратившийся из США будущий Генеральный секретарь ЦК КПК Чжан Вэньтянь и многие другие замечательные люди.

У учащихся формировалось патриотическое и демократическое мышление. В их среде широко обсуждались вопросы эстетики, теории анархизма и социализма, программы гоминьдана и компартии. Группа учеников загорелась идеей создания школ для крестьян. Среди ее организаторов был и юный Го Чжаотан (1922).

Богатый круг чтения — «Синьциннянь», «Дунфанцзачжи», «Лаодун», «Цзюэ'у» (впоследствии в приложении к этому журналу появились его первые литературные опыты), сочинения Лу Синя, Го Можо, Ю Дафу, Шэнь Яньбина, переводы русских и западноевропейских авторов. Огромный след в его душе оставили книги И. С. Тургенева «Отцы и дети», «Накануне», «Записки охотника», А. С. Пушкин, «Воскресение» Л. Н. Толстого, романы Достоевского, произведения Леонида Андреева.

В школе Го потянулся к кисти. Он писал короткие статьи, рассказы, стихи о том, что знал сам и пережил. Первая его публикация в журнале называлась «Год ученичества в мастерской и в ломбарде, и как я поступил учиться» («Сюэшэн цзачжи», 1922). Статья «Молодежь общества», опубликованная в «Шиши синьбао», приложении к журналу «Сюэдун» уже содержала полемику с нигилистско-анархистскими взглядами Чжу Цзянцзы. Его рассказ «Фаси» («Штрафное представление») о горькой судьбе забитого крестьянина-арендатора, написанный с его слов и помещенный в «Цзюэ'у», был перепечатан в провинциальной газете Чжэцзяна «Цзэжень». В общей сложности за школьные годы он напечатал более 20 статей, рассказов и стихов.

Затем он переехал в Шанхай, чтобы под руководством профессора Чэнь Вантао специализироваться в области китайской литературы. Но на этом пути встали великие исторические события. Вопреки увещаниям самоотверженного и заботливого старшего друга Чжоу, который предоставил ему кров, а частично и хлеб, юный Шаотан с головой окунулся в революционное движение. В 1925 году он уже состоял в кружке Союза социалистической молодежи, руководителем которого был Жэнь Биши. «Я числился на факультете китайской литературы, но часто посещал лекции на факультете общественных наук, деканом которого был Цюй Цюбо», — вспоминал Го в зрелые годы. Шанхайский университет был одной из кузниц коммунистических кадров революции, его основал в 1923 году Дэн Чжунся. Будучи студентом университета, Го преподавал и в вечерней рабочей школе.

В своих воспоминаниях Го Чжаотан подробно описывал, как готовилось грандиозное выступление пролетариата и студенчества Шанхая 30 мая 1925 года в ответ на жестокое и бесцеремонное обращение японских текстильных фабрикантов с китайскими рабочими. В гуще этих событий 20-летний крестьянский сын окончательно превращается в неггибаемого борца за дело китайского народа, в сознательного коммуниста. День «30 мая» вошел в историю Китая как «кровавое воскресенье», послужившее исходным пунктом Великой китайской революции 1925—1927 годов, писал он позднее. А 31 мая вышла студенческая газета революционного направления «Сюэчао» («Кровавая волна»), в состав редакции которой вошел Го Чжаотан. Это был орган студенческого союза Шанхая.

Го Чжаотан — прекрасный историограф и мастер высокохудожественного портрета. В лаконичных и емких главках воспоминаний, которые вполне достойны полного издания, он живо и точно, пользуясь литературой того времени и собственными наблюдениями активного участника событий, воссоздает объективную и в то же время проникновенную горячим сочувствием к угнетенным и обездоленным массам китайских рабочих картину забастовочной борьбы в Шанхае в июне — сентябре 1925 года. С не меньшим, а быть может, и большим мастерством он воссоздает портреты героев-коммунистов, отдавших свое здоровье, благополучие и саму жизнь за счастье и человеческое достоинство китайских рабочих, китайского народа. Таков, например, портрет рано погибшего от рук милитаристов одного из выдающихся вожakov шанхайских пролетариев Лю Хуа (Лю Цзянхуа).

Го Чжаотан убедительно показывает, как в ходе и благодаря событиям «30 мая» и Сянган-Гуанчжоуской забастовке пролетариат Китая становится мощной революционной силой, выдвигается на руководящую роль в революционной борьбе китайского народа.

Укрепление политической и организационной мощи компартии и расширение ее влияния явились самым значительным итогом «Движения 30 мая». Другим важным результатом был рост симпатий к СССР и его авторитета в Китае.

«До шанхайских событий,— писал Го в своих воспоминаниях,— я не понимал сущности коммунизма и империализма, знал только названия. 30 мая я столкнулся лицом к лицу со звериным обликом этого хищного врага — империализма, порабошавшего китайский народ. Я стал понимать, что такое неравноправные договоры, таможенная зависимость, экстерриториальность и т. д.». Стал понимать смысл требований революционеров. До этого не знал и не понимал форм, методов, тактики и организации революционной борьбы. Другими словами, «30 мая» сделало из него сознательного коммуниста-революционера.

После «30 мая» Го уже не студент факультета китайской литературы. Он возобновил свою учебу во вновь открытом университете на факультете общественных наук, где деканом (видимо, под чужим именем) был Цюй Цюбо, находившийся на нелегальном положении. Одновременно Го является секретарем — переписчиком учебных материалов, за что ему платили 20 юаней в месяц с предоставлением жилья и питания. Наверное, с тех пор он стал прекрасным каллиграфом, и много лет спустя один переписал громадную иероглифическую часть Большого китайско-русского словаря.

Го Чжаотан — Крымов неоднократно возвращался в своих трудах к идейной борьбе и идеологическим течениям времен той революции. Последовательный интернационалист, он раскрыл расистско-националистическую основу взглядов идеологов правого гоминьдана, в частности, Дай Цзитао и убедительно показал, что теория «национальной революции» последнего ничего общего не имеет с «принципом национализма» Сунь Ятсена, направленным на борьбу против империализма, на равноправие всех национальностей Китая. Он рассматривал идейные позиции различных группировок и их отношение к начавшемуся 30 мая 1925 года революционному подъему. Здесь и Лян Цичао, и Ху Ши, и Чжан Дунсунь, и лидер младокитайской партии Цзэн Ци, и др.

Для современных историков и, надеюсь, не только советских, но и западных и тем более китайских, особый интерес должна представлять серия очерков-воспоминаний, а также исследований Го Чжаотана о жизни, деятельности и встречах со старшими современниками, видными политическими деятелями и деятелями культуры Китая. В числе этих очерков — «Последняя поездка Сунь Ятсена». Как и все, что писал в этом жанре Го Чжаотан, он согрет теплом его сердца, покоряет эффектом присутствия. Со страниц Го Чжаотана (А. Г. Крымова, Тин Шэна) встает живой Сунь Ятсен, страстный и негибаемый политик и борец. На этих страницах сама история, полная гнева и неостывшего фюса, борьбы с клеветой и низостью, страданий и подвигов народных. Именно такие штрихи дают эффект присутствия — заказанный нами портрет Сунь Ятсена в простом френче, написанный масляными красками, не понравился «великим людям» — Тан Шаою, Чжан Тайяню и др. «Ветераны» — правые гоминьдановцы предпочли на траурном стенде видеть покойного в форме генералиссимуса. А на демонстрации мы несли впереди колонны тот простой портрет...»

Не менее поучительны его оценки Ли Дачжао. Целое поколение передовых людей Китая моего возраста, писал Го, «через труды Ли Дачжао знакомились с марксизмом. Ли Дачжао заложил основы новой марксистской историографической школы в Китае. Он был основоположником интернациональных традиций китайских коммунистов и китайского пролетариата. ...Ли Дачжао был настоящим человеком, достойным этого великого звания, совсем в духе нового мышления»,— восклицает юный Шаотан под впечатлением единственной личной встречи с ним на лекции «О социализме» в Шанхайском университете в канун 7 ноября 1923 года. В очерке о Ли Дачжао много того, о чем мало писали исследователи, особенно начала 50-х годов. Обычно он представлялся теоретиком и (преимущественно) ранним пропагандистом марксизма в Китае. Из очерка мы узнаем о нем как об организаторе и надежном вожаке китайских рабочих, бесстрашном революционере и близком друге Сунь Ятсена, имевшем на последнее большое и благородное влияние, которое послужило источником идеи Суня относительно союза с Советской Россией.

Юнь Дайинь был одним из самых любимых и уважаемых наставников и товарищей Го Чжаотана по Шанхайскому университету. Статья-воспоминание, посвященная 90-летию Юня (1985), стала первой работой о Юнь Дайине на русском языке. Она, как и другие

аналогичные очерки Крымова, показывает богатство политической и философской мысли молодого Китая первых десятилетий XX века, мысли, шедшей в одном ряду с расцветом гуманистических идей в мире, противостоявших угнетательским стремлениям империализма. И вполне закономерно, что носители этих идей, такие, как Юнь Дайин, пришли к коммунизму под воздействием Октября. В статье также очень хорошо и ценны детали. Например, Юнь Дайин организовал в Учани массовое производство бумажных вееров, на которых были написаны антиимпериалистические прокламации, этот остроумный прием помог провести всеобщую стачку в Учани, Ханькоу и Ханьяне.

Статья о Юнь Дайине — это, по сути дела, во многом и оценка исторической роли в революции такого важного издания, как «Чжунго циньянь», которое делалось его руками. Благодаря усилиям Юнь Дайина, утверждал Го, «Чжунго циньянь» превратился в авторитетный орган китайской молодежи, который идеологически готовил молодежь к великой революции 1925—1927 годов.

В очерке об Инь Сюэне, с которым он познакомился в конце 1927 года, когда тот учился в Москве в КУТКе, Го живо и достоверно, опираясь и на воспоминания жены Иня, воссоздал картину «будничной» работы подпольщиков-коммунистов в Шанхае начала 30-х годов. Одним из руководителей подполья и был Инь Сюэнь. Можно сказать, что очерк об Инь Сюэне, так же как о Е Тине, которого Го встретил в Москве в 1928 году, — новые страницы китайской истории бурного новейшего времени, которые открыл для нас Го Чжаотан.

Очень насыщен очерк-воспоминание о Цай Хэсене. Впервые после 50 лет молчания во весь рост показана яркая фигура одного из основателей КПК, стойкого революционера и подлинного героя, который, будучи распят врагами на кресте и исколот штыками, не проронил, погибая, ни единого слова.

Важное свидетельство, заслуживающее внимания историков: лекции Цай Хэсена в Шанхайском университете, прочитанные в начале 1924 года на основе «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и изданные в августе отдельной книгой под названием «История общественного развития», были первым марксистским курсом на китайском языке, посвященном учению об общественных формациях.

И другое важное свидетельство. В КНР в 1980 году изданы сочинения Цай Хэсена с 1918 по 1931 год, то есть до его гибели. Но в них не включена его самая крупная работа по истории китайской революции, которую Цай писал в Москве и которая охватывала период с 1911 по 1929 год. Она была переведена на русский язык сотрудниками НИИ по Китаю в 1929 году. Перевод в единственном экземпляре, как утверждал Крымов, хранится в Синологической библиотеке в Москве, и в Китае, очевидно, не известен. Китайский же подлинник не сохранился.

Если о Цай Хэсене Крымов пишет с почтительным уважением к старшему, то о Цюй Цюбо — с чувством глубочайшего восхищения, признательности и нежной любви. Это был человек сверкающего таланта, его называли китайским Луначарским, восклицал Го. Цюй Цюбо был Джоном Ридом на Востоке, писал Крымов в другом месте своих воспоминаний. Прекрасный, полный красок портрет Цюй Цюбо, воссозданный Крымовым, насыщает живой плотью великую историю великого революционного подвига китайской компартии, которая вершилась отнюдь не одним «гениальным человеком», а плеядой мужественных вождей и борцов, бесстрашно ведших народ к социальному и национальному освобождению.

Выступления Цюй Цюбо в философской дискуссии 1923—1924 годов были направлены против сторонников Дьюи, Бергсона и идеалистов Ху Ши, Чжан Цзюньмая, Лянь Цичао, У Чжихуэя и др. За полемикой по чисто философским, категориальным вопросам на самом деле был спор о том, куда и с кем пойдет молодой Китай. Лекции Цюй Цюбо по философии и социологии сыграли огромную роль в поднятии теоретического уровня молодых китайских коммунистов, помогли осмыслить основы философии и диалектический метод мышления. Это я испытал на себе, свидетельствует Го Чжаотан. Такому таланту с таким широким кругозором, восклицал он, тесно было среди феодальных ученых Китая. Цюй Цюбо и плеяда подобных ему является продуктом новой эпохи, продуктом Октябрьской революции и рабочего движения Китая.

В очерке о Чжан Вэньтяне Крымов характеризует его как одного из наиболее выдающихся деятелей КПК в области идеологии, теории марксизма-ленинизма на протяжении всей истории партии. «Я завидую тебе, — говорил Чжан Крымову во время одной из

встреч,— что ты можешь спокойно сосредоточиться на научном исследовании. Я только мечтаю об этом. У меня нет времени даже для того, чтобы осмысливать вопросы, целые дни уходят на заседания, приемы (Чжан Вэньтянь был тогда послом КНР в Москве.— Г. С.), телефонные разговоры, чтение бумаг и т. д.»

Сегодня мы в нашей стране многое делаем, чтобы восстановить правду истории, показать место выдающихся сынов нашей Родины и партии, а также наших друзей. В своей статье о Чжан Вэньтяне, проникнутой бережным уважением к правде. Го Чжаотан внес свой вклад в воссоздание истинной картины современной истории своей Родины — Китая. Чтобы сохранить живые силы партии в условиях жесточайшего террора в стране, КПК переправляла часть видных кадров в Москву, где они также совершенствовались в теории. Так в 1927 году в Москву попал 48-летний У Юйчжан. Часть занятий в особой группе повышенного типа, где занимались

У Юйчжан, Линь Боцзюй, Сюй Тели, вместе с русскими преподавателями вел Крымов. Тогда же в Москве У вместе с Цюй Сюбо разработали латинизированный китайский алфавит. В начале 30-х годов во Владивостоке У написал для китайских рабочих учебник китайского языка на латинице. После создания КНР У Юйчжан был до конца своих дней ректором Народного университета в Пекине. Пользовавшийся большим уважением и любовью народа У Юйчжан был вполне достоин звания Учителя народа, заключает свой очерк о нем Крымов. У Юйчжан умер вскоре после разгрома в 1966 году Народного университета, его детища.

Фуцзяньские события 1933—1934 годов — один из самых, может быть, запутанных эпизодов революционной войны против правого гоминьдана, а также борьбы за единый антияпонский фронт всех патриотических сил Китая. Был ли возможен на рубеже 1933—34 годов единый фронт всех патриотических и революционных сил Китая, направленный и против правого гоминьдановской реакции, и против японской агрессии одновременно? Героическая оборона Шанхая 19-й армией, казалось бы, давала основание ответить на этот вопрос положительно. Однако только этого факта, факта срыва захвата Шанхая в 1933 году японцами при всей его огромной важности, и военной, и моральной, и политической, вряд ли было достаточно для ответа на этот вопрос. Воспоминание-исследование А. Г. Крымова вносит свой вклад (наряду с недавно опубликованной на русском языке автобиографией Пэн Дэхуая) и в решение этой проблемы. Снова, читая эти исследования, поражаешься точности и скрупулезности автора, взвешивающего множество факторов истории на весах логики. Во всяком случае, автор прав, указывая в заключении, что уроки фуцзяньских событий для КПК не прошли даром и из ошибок, допущенных в то время, были сделаны выводы.

Особняком стоят заметки и размышления Го Чжаотана о работе Особого отдела, создание которого было санкционировано VI съездом КПК в 1928 году. Он появился в обстановке все ужесточающейся реакции и белого террора, писал Крымов. Отделу в основном пришлось работать в Шанхае, этой столице мирового авантюризма и преступности того времени. Отдел избрал тактику «яд против яда», поясняет Го. С переходом от легальных и полулегальных условий работы в глубокое подполье неизбежны были отходы и переходы в лагерь противников части попутчиков, случайных и неустойчивых элементов, вступивших в партию во время подъема революционного движения, но не выдержавших испытаний во время отступления революции. Первоочередной задачей отдела стало наказание предателей партии и пресечение их грязной деятельности. Го вполне отдавал себе отчет о том, что существование подобного подразделения в партийной структуре — явление чрезвычайное и что в определенных условиях оно может быть повернуто и против партии. Потому-то столь актуально звучат его пояснения о том, что успехи Особого отдела, в частности в Шанхае, объясняются политической сознательностью его работников, которых возглавил такой испытанный революционер, как Чжоу Эньлай (У Хао), и которых партия решительно оберегала от авантюризма, а также — непрерывной связью с политической работой в массах. Вся конспиративная деятельность КПК строилась на базе ее массовой политической работы, подчеркивает Го. И там и тогда, где и когда отдельные работники или подразделения отдела замыкались в себе, и происходило ослабление политической работы и отрыв от партийного политического контроля, там возникали провалы, предательства и внутри самого отдела.

Плодом многолетних наблюдений и исследований в области общественно-политической мысли Китая явилась фундаментальная монография А. Г. Крымова «Общест-

венная мысль и идеологическая борьба в Китае, 1900—1917 гг». (М., 1972), созданная на материалах докторской диссертации, которую Афанасий Гаврилович защитил в 1960 году, вскоре после реабилитации и возвращения из сталинских лагерей.

Монография отличается предельной четкостью плана и глубиной анализа взглядов ведущих фигур общественно-политической сцены Китая первых десятилетий XX века. Однако, характеризуя эту работу, я чувствую потребность не только в том, чтобы оценить ее значение для науки, для понимания истории Китая. Больше всего поражает в ней соединение строгого анализа ученого со страстным рассказом о своей эпохе. Со страниц книги встают живые Кан Ювей и Лян Цичао, Сунь Ятсен и Хуан Син, «социалисты» и анархисты. Слышишь их горячие споры, наполненную то гневом, то убежденностью речь. Вот это мастерство в передаче духа времени и позволило выразить огромную сложность оценки минувшей эпохи изнутри, глазами ее современников. А. Г. Крымов в полной мере владел таким мастерством.

В 1924 году Го Чжаотан стал комсомольцем, в 1925 году — членом КПК, а в конце того же 1925 года ввиду угрозы расправы, как активного участника событий 30 мая 1925 года партия направила его в Москву на учебу в КУТВ. В 1927 году он возвратился в Китай на партийную работу. Однако уже в 1928 году снова вынужден покинуть Родину. В том же году он, как и все сотрудники Коминтерна, был переведен в ВКП(б).

Крымов много и плодотворно работал в Коминтерне, в партийной печати, преподавал в партийных учебных заведениях. Жизнь его наполнена повседневной работой с людьми, и не было у него другой жизни, кроме жизни партии, не было у него других интересов, кроме революции во имя торжества свободы и блага трудящихся его родного Китая и всего мира.

Так было до 20 марта 1938 года. Он был арестован «за участие в право-троцкистской контрреволюционной террористической организации в системе Коминтерна и за шпионаж в пользу Японии»...

Впрочем, дадим слово самому Афанасию Гавриловичу. Вот что он сообщил в своем заявлении на имя Генерального прокурора Союза ССР, направленном из Норильска, с места поселения в 1954 году.

«В 1924 году я вступил в комсомол Китая, в 1925 году — в КП Китая, где вел подпольную массово-политическую работу. В 1925 году ввиду угрозы репрессий ЦК КПК направил меня в Москву на учебу в КУТВ, где я учился до 1927 года. С 1927 по 1928 год работал по линии КП Китая на специальной работе. После поражения революции вновь был отозван в Москву. В 1929 году по командировке Политсекретариата ИККИ и Секретариата ЦК ВКП(б) поступил на учебу на подготовительное отделение Института красной профессуры. В 1934 году защитил кандидатскую диссертацию.

С 1929 года по совместительству работал в представительстве ЦК КПК при ИККИ и вел преподавательскую работу в Международной ленинской школе, в КУТВ и др. Был членом большой редакции журнала «Коммунистический Интернационал», редактором китайского издания журнала, входил в редколлегию по изданию избранных произведений В. И. Ленина на китайском языке. В 1932 году был инструктором ЦК ВКП(б) по Дальнему Востоку. С 1933 года — член бюро Отдела по работе в деревне (Отдел Коларова)».

С 1934 года Го являлся, после окончания ИП (отделения истории партии) ИКП, помощником заведующего сектором Восточного секретариата ИККИ. В 1935 году — делегат VII Конгресса Коминтерна от КПК и член бюро китайской делегации. После Конгресса работал политреферентом у Г. Димитрова по китайскому вопросу. В 1937 году стал заведовать кафедрой Восточного отделения Института красной профессуры.

Ему предъявили нелепые обвинения и поместили в Лефортовскую тюрьму. Бесконечно тянется изматывающее «следствие» с применением пыток и провокационных угроз. Но он не подписывает ни одного так называемого документа, должностного «изобличить» его и ряд ответственных сотрудников Коминтерна в шпионаже и других антисоветских и антикоммунистических деяниях. Ему одно за другим предъявляют «показания» провокаторов и сломленных пытками товарищей, порой мало или совсем ему незнакомых, — все тщетно. В начале марта 1939 года он подписывает документ об окончании следствия и получает извещение о передаче его дела в прокуратуру. Но в конце марта его дело возвращается на доследование, а вернее — на новое следствие.

Следователь Чекрыкин, пишет Крымов, «повел следствие, применяя самые жестокие методы, добиваясь от меня во что бы то ни стало данных, компрометирующих руководителей ЦК Киткомпартии, Коминтерна и т. д. Несмотря на то, что я физически сильно ослабел за годичное пребывание под следствием и в Лефортовской тюрьме, я твердо решил умереть, но не клеветать ни на себя, ни на других честных людей».

27 апреля ему предъявлено на суде обвинительное заключение, которое утвердил начальник следственной части Кабулов. В обвинительном заключении утверждалось, что обвиняемый «при помощи работников Коминтерна» Кнорина и др. «перехватил из Китая в СССР», и ими же «был вовлечен» в правотроцкистскую организацию, ставившую своей целью «разложение китайской революции и провал Коминтерна», что виновным он себя не признал и что вещественных доказательств нет, а личные документы уничтожены.

И тем не менее, Военная коллегия Верховного суда под председательством Кондыбина 27 апреля 1939 года после пятиминутного разбирательства вынесла приговор, по которому Крымов (Жан Папюк, как он числился почему-то по документам следствия) является агентом японской разведки, что с 1931 года он — член троцкистской организации и проводил антисоветскую деятельность. На основании такого, с позволения сказать, обвинения, его приговорили по статьям 17, 58, пункты 8, 11 и 6 (1) к лишению свободы сроком на 15 лет и к 5 годам поражения в правах с конфискацией всего личного имущества. Протест обвиняемого, что он никакой не Жан Папюк, разумеется, во внимание принят не был.

Этим заявлением... теперь, в 1954 году, когда победила народная революция в Китае, когда во главе нового Китая, Китайской Народной Республики, великого социалистического государства стоят коммунисты, товарищи по партии и борьбе, Го Чжаотан требует пересмотра его так называемого дела. Он еще не знает, что все дела 30-х годов являлись чудовищной преступной провокацией властолюбивых маньяков, вернее маньяка и его подручных. Но он твердо знает, что его товарищи по партии и революционной борьбе в Китае, на его Родине не откажутся свидетельствовать, что он честный человек, коммунист и революционер, а не гнусный шпион и предатель китайского и советского народов». «Я неоднократно обращался с заявлениями и жалобами по поводу своего дела. Я твердо уверен, что запутанные нити вражеской провокации будут распутаны и я добьюсь правды. Совесть моя чиста. Я под угрозой смерти не оклеветал ни себя, ни других честных людей... Меня знает большинство руководителей ЦК КПК, в частности Чжоу Эньлай (премьер Государственного административного совета), Лю Шаоци (Генеральный секретарь ЦК), Чжан Вэньтянь (посол КНР в СССР) и др., — пишет он в своем заявлении, ни минуты не сомневаясь, что его товарищи по партии и борьбе подтвердят его правоту и невиновность. И заключает этот поистине достойный подлинного революционного борца документ такими словами: «Если мне не суждено больше видеть свободной землю моей многострадальной Родины, то пусть мои товарищи по борьбе знают, что я мыслями всегда был с моим народом, борьбе за благо которого я посвятил свою жизнь еще с юных лет».

В 1956 году он вновь обращается к Генеральному прокурору с требованием об отмене решения Военной коллегии от 6 октября 1954 года и вынесении дополнительного решения о прекращении его дела не по статье 204-б, а за отсутствием состава преступления. «Этот вопрос, — пишет он, — имеет для меня не только формальное, но и принципиальное значение».

Добиваясь полной реабилитации, восстановления в партии с учетом всего непрерывного стажа пребывания в ее рядах, Крымов считает своим долгом делать все, что в его силах, для сохранения благородной памяти о деятелях партии и коммунистического движения, чтобы ничьи имена не были забыты, чтобы ничто не кануло в реку забвения. Он откликается на запросы братских партий и республик, когда встает вопрос об освещении тех или иных сторон деятельности славных коммунистов прошлого, особенно тех, кто, как и он, подвергся гонениям и репрессиям 30-х годов. Это и воспоминания о Манфреде Штерне, немецком коммунисте, который под именем генерала Клебера командовал интербригадой во время гражданской войны в Испании и был главным военным советником ЦК КПК в 1933 году. Статья о Штерне («Народы Азии и Африки». —

1978.— № 1) и до сих пор не потеряла своего значения для исследования стратегических проблем гражданской войны в Китае.

В галерее прекрасных портретов великих революционеров ленинского поколения по праву находится и портрет Сэн Катаямы, с такой теплотой и восхищением к этому неутомимому борцу за дело японского и мирового пролетариата воссозданным Го Чжаотаном. Вчитываясь в строки младшего современника, с особой остротой ощущаешь величие подлинных Граждан Земли, для которых счастье собственного народа ни на минуту не мыслилось и тем более не противопоставлялось лучшим идеалам человечества. Именно у таких людей черпал уверенность в правоте своего жизненного выбора и сам Го.

В 1970 году Крымов опубликовал в № 8 журнала «Коммунист Советской Латвии» статью о своем руководителе и товарище Вильгельме Георгиевиче Кнорине. Они были знакомы с 1930 года, когда Кнорин работал заведующим среднеевропейским лендерсекретариатом ИККИ. По представлению Кнорина стал членом бюро Отдела ИККИ по работе в деревне, которым руководил славный болгарский революционер Васил Коларов. Рассказывая о Кнорине, Крымов приводит такой интересный эпизод. В 1934 году он завершил работу над диссертацией «Зарождение и развитие коммунистического движения в Китае». Защита состоялась 17 апреля 1934 года под председательством В. Кнорина. Это была показательная защита после недавнего введения в действие Постановления СНК СССР о присвоении ученых степеней. Кнорин выговорил диссертанту на защите за то, что тот принял критические замечания оппонентов, так как диссертация — законченное исследование. А кто прав, диссертант или оппоненты его, будет решать ученый совет, сказал председатель Кнорин. В этой статье А. Г. Крымов показал себя одним из тех свидетелей Истории, кто смог защитить позиции и доброе имя рано погибших бойцов. В очерке о Кнорине он решительно и со всей ответственностью возражает против следующего утверждения в книге «Коммунистический Интернационал (Краткий очерк)» (М., 1969.— С. 342): «Группа Неймана — Реммеле пользовалась поддержкой некоторых левацки настроенных работников аппарата Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, в частности, В. Кнорина, дававшего иногда рекомендации в сектантском духе немецким коммунистам». Крымов категорически опроверг это утверждение и доказал, почему Кнорин не мог давать подобных указаний.

С большой признательностью Крымов пишет о своем руководителе и наставнике по работе в Коминтерне Георгии Димитрове. Чем хороша его статья о Димитрове? Автор показал в ней линию борьбы за единство рабочего класса, всех его слоев и партий, а также и других сил, вставших на пути фашизма и войны. С точки зрения сегодняшнего понимания это и есть тот важный общечеловеческий интерес, из которого возникает философия нового мышления, провозглашенная XXVII съездом КПСС. Автор убедительно продемонстрировал в этой статье, как с приходом Димитрова к руководству Коминтерном, после его триумфального сражения и победы над фашизмом на Лейпцигском процессе 1933 года в Коминтерне, произошел настоящий взлет творческой мысли и действия в духе подлинных ленинских традиций и ничего, казалось, этому не могло помешать — такова была сила коммунистической убежденности Г. Димитрова, таков был поистине всемирный авторитет его, быть может, самого популярного вождя международного коммунистического движения.

Сегодня особый интерес к деталям эпохи. Вот одна из них, на которой подробно останавливается Афанасий Гаврилович в своей статье о Димитрове. Первоначальные тексты докладов на VII Конгрессе КИ были отпечатаны на машинке через четыре интервала и с широкими полями, чтобы читающие могли сделать свои замечания, поправки и дополнения. На самом Конгрессе тексты проектов решений раздавались также напечатанными с большими полями для замечаний.

Особо важно для китаистов отметить свидетельство Го Чжаотана — мемуариста о том, что именно с одобрения Г. Димитрова и по его совету VII Конгресс Коминтерна опубликовал известное обращение ЦК КПК к народу от 1 августа 1935 года, в котором предлагалось всем партиям, общественным организациям и войскам прекратить гражданскую войну, сплотиться, создать объединенную антияпонскую армию и объединенное антияпонское правительство национальной обороны с программой оказания отпора японскому империализму, улучшения условий жизни народа, осуществления

демократических свобод и национального равноправия, союза со всеми государствами, которые сочувствуют национально-освободительной борьбе китайского народа¹.

После VII Конгресса Коммунистического Интернационала делами Китая по просьбе КПК занимался непосредственно Георгий Димитров. Его политреферентом стал 30-летний Крымов. Очень ценно свидетельство Крымова как очевидца: «Я хорошо помню слова Димитрова, что лозунг Советов в Китае был заскоком». Это очень смелое заявление, учитывая авторитет автора этого лозунга. Автором был Сталин.

Г. Димитров поручил Крымову вопросы «сохранения и воспитания» кадров. Крымов курировал китайских слушателей в советских учебных заведениях, где они обучались военно-техническим специальностям. По предложению Агитпропа ЦК ВКП(б) с начала 1937 года Крымов также по настоянию Димитрова возглавил кафедру истории стран Востока в ИКП, где когда-то учился сам...

Осенью 1956 года со дня создания Института китаеведения АН СССР А. Г. Крымов стал его сотрудником. Он возглавил сектор государства и права. Это было время грозного XX съезда КПСС, на котором был разоблачен культ личности Сталина. Надо было видеть нашего Афанасия Гавриловича в эти исторические дни! Он стал тогда одним из свидетелей, привлекавшихся Верховным Судом СССР по делам, связанным с реабилитацией безвинно осужденных деятелей партии и коммунистического движения. И каждый раз, приходя в институт из здания Суда, Крымов подробно рассказывал нам, его товарищам, о реабилитациях. Обладая феноменальной памятью, столь необходимой профессиональному революционеру, он воспроизводил диалоги, состоявшиеся почти 20 лет назад между «подследственными», и — с их слов — между ними и их следователями. Запомнился его рассказ об О. Пятницком, который, оставаясь и в тюрьме коммунистом с чистой совестью, как-то сказал, что их арест и осуждение, вероятно, нужны Сталину ради какого-то грандиозного дела, и потому их жертва послужит на благо «нашему общему делу». Не мог себе представить, что такое возможно ради борьбы за личную власть и из страха за нее!

Летом 1957 года по приглашению правительства КНР Афанасий Гаврилович едет на Родину с женой Бертой Лазаревной Паглиной и дочерью Инессой. Он посещает родные места, свою «малую родину», встречается с земляками, его принимают руководители КПК и Народной Республики. В 1958 году осенью мы вместе с ним в составе группы сотрудников Института китаеведения АН СССР с научными целями проехали с севера на юг весь Китай, и он вновь встречается со старыми товарищами по революционной борьбе. И, наконец, в начале 1986 года Афанасий Гаврилович, перешагнувший 80-летний рубеж, вновь в сопровождении дочери едет на Родину. В эту последнюю поездку его принимают старый товарищ Ян Шанкунь и тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан. Последний произнес знаменательные слова: «Впервые за более, чем четверть века мы поднимаем здесь тост за советского коммуниста».

Сегодня, после визита в КНР М. С. Горбачева, мы можем сказать, что самые сокровенные мечты и надежды Афанасия Гавриловича о дружбе и сотрудничестве двух одинаково родных ему народов — советского и китайского — состоялись!

Трудную, суровую жизнь прожил наш Афанасий Гаврилович Крымов. Го Чжаотан — китайский и советский коммунист, профессиональный революционер и выдающийся ученый. Оставаясь в душе поэтом, художником, он по зову совести пожертвовал и своим талантом, и благополучием, вступив на тернистый путь революционной борьбы, страданий и жертв. Жизнь жестоко обошлась с ним. И все же он был счастливый человек! Его не предала жена, пошедшая без колебаний за мужем, его не предали друзья, воспитавшие его дочь. Жизнь свела его с замечательными людьми, каждый из которых — целый мир мыслей и чувств, поступков и решений. Все они, каждый по-своему, оставили в его поэтической душе отпечаток, все они давали ему силу пережить самые трудные годы, выжить и не сломиться. И, наконец, он увидел торжество Великой народной революции, поставившей его многострадальную и горячо любимую Родину в ряд свободных и гордых великих держав современности.

¹ См.: Борьба за единый национальный фронт в Китае.— М., 1937.— С. 104—110.

ПО СТРАНИЦАМ КИТАЙСКОЙ ПЕЧАТИ

«Маленький император» утверждается в семье

Н. ЗАХАРОВА

Как-то раз в одной из редакций солидного московского издательства мне довелось стать очевидцем разговора между редактором и составителем сборника переводов китайской литературы. Редактор, не имеющий синологической подготовки, был смущен тем, что одно из стихотворений будущей книги называлось «Маленький император». «Как это так,— возражал он,— это же абсурд! Нет, такое сочетание читателю совершенно непонятно». Против подобного аргумента составитель возразить тогда не смог, и стихотворение так и не увидело свет.

Хотя советские люди не могут сейчас жаловаться на нехватку информации о жизни Китая, перемены во всех сферах китайского общества настолько стремительны, что многое проходит мимо нас. Это можно отнести и к многочисленным проблемам, возникшим в Китае в результате политики «плановой рождаемости». [Эта политика стоит в одном ряду с важнейшими экономическими преобразованиями. Осуществление «плановой рождаемости» несомненно является глубокой реформой, несущей с собой смену понятий и традиций, взглядов и привычек. Эта реформа затрагивает миллионы семей, оказывает влияние на чувства и настроения миллионов китайцев, бьет по традиционным взглядам и старым привычкам, оставшимся в наследство за тысячелетия. Курс на «плановую рождаемость» — это одна из задач по строительству социалистической духовной культуры,— пишет обозреватель газеты «Жэньминь жибао»¹.

Однако проведение подобной политики сопряжено с немалыми трудностями. Традиционно в Китае существовали большие семьи. Счастливыми назывались семьи, где за новогодний стол садилось пять поколений. Испокон веков считалось, что семейный союз заключается не только для продолжения рода, но и с тем, чтобы последующие поколения могли проявить заботу об усопших. В книге «Страницы прошлого» В. Я. Сидихменов пишет: женить сына и увидеть внучат было сокровенным желанием главы семьи: только в этом случае он приобретал уверенность в том, что, перейдя в мир иной, будет сыт и обеспечен всем необходимым. Если род прекращался, то об усопшем некому было заботиться и «посмертное существование» оказывалось очень трудным². Народная мудрость гласила: «Чем больше детей, тем семья богаче».

Сейчас в стране проводится в жизнь лозунг: «одна семья — один ребенок». Рождение второго ребенка разрешается только в тех случаях, когда это обосновано необходимостью. Система социальных и материальных льгот призвана содействовать признанию проводимой демографической политики. Однако комплекс мероприятий не дал желаемого результата. По мнению китайских социологов, Китай в последние годы вновь вступил в очередной пик деторождения, в основном за счет разбогатевшей в результате реформы деревни.

Многие в КНР понимают, что сдерживание прироста народонаселения порождает новые проблемы, например старение населения, воспитание в семье детей-одиночек. [Сейчас на страницах периодических изданий часто можно встретить термин «маленький император». Так ныне журналисты любят называть единственного ребенка в китайской семье.] Иностранцы представляют его, по словам автора статьи в журнале «Чжунго Фнью», следующим образом: «Отец собирает ему портфель, мать проверяет домашнее задание, бабушка его кормит, а дедушка надевает ботинки»³.

Захарова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук.

Осуществление политики «плановой рождаемости» и решение проблем, вызванных ею, определяются не только условиями жизни, но и в значительной мере зависят от идеологии и культуры. В сегодняшнем Китае перед средствами массовой информации, перед всеми, кто связан с литературой и с издательской деятельностью, поставлена задача пропаганды нового демографического курса. В публикациях по этому вопросу все отчетливее прослеживается тенденция перехода от декларирования принципа принятого курса «одна семья — один ребенок» к углубленному изучению проблем, возникающих в связи с воспитанием единственного ребенка.

В 1986 г. в журнале «Чжунго цзюэцзя» была опубликована статья «Маленький император в Китае», имевшая огромный успех. Ее автор, используя данные социологических исследований и примеры из литературы, осветил проблемы воспитания единственного ребенка. Статья была перепечатана многими изданиями, телевидение посвятило ей несколько передач.

{Одним из острых вопросов, волнующих социологов КНР, является вопрос, как научить родителей привить своим детям такие качества, как самостоятельность, независимость, умение адаптироваться во внешней среде. Инфантильность растущей смены принимает в Китае угрожающие масштабы.} Журнал «Цзятин» рассказал о курьезном на первый взгляд происшествии: ученик четвертого класса школы начальной ступени города Гуйлинь на конкурсе каллиграфов, в котором участвовали представители нескольких провинций, завоевал призовое место. Когда мальчика пригласили в Сингапур и Гонконг для участия в выставке, его отец поставил условие, что с ребенком должен поехать один из родителей. Оказывается, маленький каллиграф абсолютно беспомощен, так как родители не научили его элементарной самостоятельности¹. Подобная проблема типична для многих семей, где растёт единственный ребенок. Поэтому так часто в китайских популярных журналах встречаются советы, как приучить детей к самостоятельности.

{Вполне понятно, что единственный ребенок в семье подобен драгоценности, его лелеют, оберегают, стараются оградить от забот. Вот почему в китайской прессе так часто рассказывается о детях совершенно беспомощных. Достигнув десятилетнего возраста, они не в состоянии сами одеться, почистить свою одежду, не говоря уж о простейших навыках личной гигиены.} «Если с малых лет ребенку внушают мысль, что он не должен уставать, — спрашивает автор одной из таких публикаций, — то как сможет он, став взрослым, трудиться на благо общества?»⁵

{Всячески проявляя любовь к своему ребенку, родители в то же время лишают его права решать какие-либо вопросы, в том числе и касающиеся его самого. Психологи, учителя задают вопрос: «Кто растёт в современных китайских семьях? «Маленький император» или «маленький раб»? Ребенок не вправе самостоятельно распорядиться своей судьбой, выбрать будущую профессию. Родители навязывают ему свой стереотип мышления и не дают сойти с курса к желанной, по их мнению, цели.

В конце 1987 г. сообщение о трагедии в провинции Цинхай вызвало многочисленные дискуссии на страницах китайской печати. Молодая женщина умертвила своего сына, а затем покончила с собой. Причиной убийства явилась неудовлетворительная оценка, которую мальчик получил на экзамене. Эта трагедия вскрыла еще одну проблему, порожденную современным демографическим курсом. За последние пять-шесть лет в китайском обществе произошла переоценка ценностей. Вновь стали престижными профессии, связанные с умственным трудом, с творчеством. 95 % учащихся мечтают в будущем занять место в рядах творческой или технической интеллигенции, и лишь 5 % видят себя рабочими. Эта тенденциозность в выборе будущего, по мнению специалистов, является результатом вмешательства родителей. Проявляется вполне объяснимое стремление взрослых к тому, чтобы их единственное чадо смогло занять в обществе более высокое положение, нежели они.

В этих и других проблемах воспитания детей китайские социологи обвиняют, как правило, родителей. Они утверждают, что чаще всего изъяны семейного воспитания проявляются в том, что взрослые не находят общего языка с собственными детьми. Родители не хотят поставить себя на место маленького человека, увидеть и оценить его потребности, заглянуть в его мир. Не менее серьезным упущением является неумение создать в семье столь необходимую духовную атмосферу, непонимание того, что именно с нее начинается духовное здоровье будущего гражданина.

{ Ни одно поколение детей в Китае не отличалось от своих родителей так, как

отличаются дети восьмидесятых годов. Ведь юность их родителей пришлось на мрачные годы «культурной революции», когда из молодежи пытались выгравить такие понятия, как самосознание, индивидуальность, чувство собственного достоинства. На поколении китайцев, ставших сейчас родителями и учителями, до сих пор лежит тень того страшного времени — времени бесконечного унижения и слепого подчинения воле руководства. Последствия черного десятилетия сказываются на молодежи и по сей день. Это отрицательное влияние прошлого признают многие специалисты, занимающиеся проблемами подрастающего поколения. Так, автор статьи «Положительные факторы воспитания единственного ребенка» Ван Ляньцзе считает, что «десятилетняя смута сказалась на формировании внутреннего мира части подростков, это подтверждается фактом роста преступности среди молодежи»⁶.

Общество предъявляет повышенные требования прежде всего к тем, кто пишет о детях и для детей. Следует отметить, что детская литература КНР сейчас находится на небывалом подъеме. В стране, где каждый третий — ребенок, а их, как сообщает китайская пресса, около трехсот миллионов, это вполне закономерно. Государство стремится восполнить урон, который был нанесен детской литературе в годы «культурной революции». О том, что в Китае все больше сознают важность создания настоящей литературы для детей, можно судить и по стремительному росту названий детских книг, и по тиражам, и по возникающим новым периодическим изданиям для детей и юношества. Сейчас в стране издается 49 газет и 64 журнала для детей, выходит в свет 15 иллюстрированных журналов и различных вестников⁷. Периодические издания адресованы детям самого разного возраста — от дошкольников до старшеклассников. Издатели стремятся привлечь читателей красочным оформлением и увлекательным содержанием своей художественной продукции. Выпускаются яркие журналы-картинки, как, например, журнал «Эртун хуабao», подобный нашим «Веселым картинкам». А журнал «Шаонянь вэнь», рассчитанный на школьников средних классов, примечателен тем, что его рубрика «Ростки» печатает литературные опыты самих ребят. Есть и совсем необычная газета «Сяо чжужэнь бао», в выпуске которой участвуют только дети.

Высокая активность отличает в последние годы и детские книжные издательства, которых сейчас в Китае двадцать шесть. Китайцы любят апеллировать к цифрам, когда говорят о своих достижениях. Се Бинсинь, одна из старейших писательниц, стоявшая у истоков современной литературы для детей, с гордостью отмечает, что сейчас около двух тысяч членов Союза китайских писателей и его провинциальных отделений пишут для детей⁸. Среди этого многочисленного отряда все чаще и чаще заявляют о себе представители нового поколения литераторов, прекрасно понимающего, что на него возложена ответственность за судьбы детей и юношества. Как правило, пришедшие в литературу в восьмидесятые годы, они хорошо знают мир детей, о котором пишут, равнодушны к его проблемам, видят свою задачу в том, чтобы в их произведениях читатель нашел тех мальчишек и девчонок, которые живут в сегодняшнем Китае, проникся их радостями и огорчениями, задумался над тем, что их тревожит. Молодые писатели открыто говорят о многочисленных проблемах, возникающих в стране в связи с проведением новой демографической политики, и своим творчеством помогают найти их решения.

¹ Жэньминь жибао.— 1986.— 23 октября.

² Сидихменов В. Я. Страницы прошлого.— М., 1987.— С. 355.

³ Чжунго фунюй.— 1988.— № 4.— С. 51.

⁴ Цзятин.— 1988.— № 10.— С. 23.

⁵ Там же.— № 11. С. 19.

⁶ Там же.— № 6.— С. 19.

⁷ См.: Детская литература.— 1988.— № 6.— С. 63.

⁸ См.: Там же.— С. 3.

Кампании реабилитаций в Китае

В. УСОВ

За 40 лет существования КНР китайское общество прошло в своем развитии сложный путь, на котором были и значительные успехи, и серьезные ошибки. «Не надо забывать прошлого, — писал известный китайский писатель Ба Цзинь, — и тогда ты сможешь сделаться хозяином будущего».

В 80-х годах в Китае стали уделять больше внимания делу восстановления исторической правды, возвращения доброго имени тем, кто пострадал в ходе различных политико-идеологических кампаний. Как отмечалось в КНР, «столь массовых реабилитаций и пересмотра необоснованных и ошибочных дел не было ни в прошлом, ни в настоящем, ни в Китае, ни за рубежом»¹. Для того, чтобы хотя бы приблизительно представить себе истинные масштабы трагедий прошедших лет, достаточно вспомнить лишь некоторые политико-идеологические кампании (по китайским современным справочникам их было более 15), сопровождавшиеся репрессиями и борьбой с инакомыслящими, которые проходили за 40-летний период истории КНР.

Как указывается в современной китайской историографии, только кампаний «упорядочения партии» было шесть: в 1950 году, в 1951—1954 годах, кампания упорядочения стиля 1957 года, аналогичная кампания в период борьбы с правыми в 1959 году, кампания упорядочения партии в период «движения за социалистическое воспитание» 1964—1966 годов и, наконец, упорядочение партии в период «культурной революции» 1966—1976 годов². Помимо этого проводились и другие кампании: «борьба против трех злоупотреблений» (декабрь 1951 года) и «против пяти злоупотреблений» (январь 1952 года), критика фильма «Жизнь У Сюня» (1951), критика взгля-

дов Юй Пинбо относительно романа «Сон в красном тереме» (1954), критика взглядов Ху Ши (1954—1955), борьба против «антипартийной группировки Ху Фэна» (1955), курс «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» (1956—1957), кампания по борьбе с «правыми» (1957), движение за «четыре чистки» 1964—1966 годов и, наконец, разрушительная «культурная революция». Эти политические кампании охватили период в два десятилетия — половину истории КНР. Масштабы, цели и сроки кампаний были различны, однако в результате всех их значительная часть китайского населения подверглась репрессиям. По данным «Жэньминь жибао», с 1 октября 1949 по май 1954 года в судах было рассмотрено 8—9 млн. дел, и лишь одна треть их них — уголовные. В ходе «кампаний чистки скрытых контрреволюционеров» (1955—1957 гг.), которая по китайским данным «охватила 30 млн. работников и служащих государственных учреждений», была выявлена 81 тыс. «скрытых контрреволюционеров», 190 тыс. явились с повинной, «была внесена ясность в политическое прошлое свыше 1 млн. 300 тыс. лиц, привлеченных к ответственности по различным делам»³.

До сего дня привлекает внимание китайских историков кампания по борьбе с «правыми», проходившая в 1957 году, в ходе которой, по словам Дэн Сяопина, был допущен перегиб, расширены рамки нанесения удара, причем удар оказался слишком тяжелым⁴.

«В этой политической борьбе лишь незначительная группа правых потерпела поражение, — писал Лу Динъи. — Рамки этой борьбы были неоправданно расширены, она затронула многих произвольно названных правыми, множеству интеллигентов были предъявлены несправедливые обвинения»⁵. По зарубежным данным к «буржуазным правым» были отнесены члены партии, интеллигенция, лица, занимавшиеся производственно-экономическими и культурно-воспитательными вопросами. В целом за период «упорядочения стиля работы» 1957—58 гг. в деревню было выслано около 16 млн. человек, из которых кадровые работники составляли 3 млн., военнослужащие — 600 тыс., выпускники средних и начальных школ — 3 млн., бывшие крестьяне — 8 млн. человек. В результате «упорядочения» было репрессировано 2,9 млн. членов КПК и 9,9 млн. комсомольцев⁶.

Усов Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР.

Особенно сильно пострадала интеллигенция. По некоторым данным, из причисленных к «правым» интеллигенты составляли 57 %⁷. Среди них были известные ученые, деятели литературы и искусства, историки, экономисты, преподаватели, юристы, журналисты, некоторые весьма влиятельные в стране и за рубежом патристически настроенные хуацяо (эмигранты). В результате репрессий некоторые неоправданно рано ушли из жизни, другие около 20 лет не могли работать по своей профессии.

Характерным примером в этом отношении является Дин Лин, которая была зачислена в «антипартийную группу Дин Лин — Чэнь Цися». В сентябре 1957 года в «Жэньминь жибао» утверждалось, что эта группа выступала пропагандистом буржуазной идеологии внутри партии, что Дин Лин, не обращаясь за разрешением в КПК, готовилась выйти из Союза писателей, чтобы «предпринять неожиданное наступление на партию», ее обвиняли в «преднамеренном тайном заговоре». Такие обвинения явились удобным поводом организации против литераторов разгромной кампании, которая после 28 заседаний парторганизации Союза писателей закончилась осуждением «антипартийной группы Дин Лин — Чэнь Цися». Вслед за разгромом основной группы на местах были «выявлены и разоблачены» их единомышленники, которых постигла та же участь, что и других «правых», снятых со всех постов, посланных на «трудовое перевоспитание» в деревню или спецлагеря. Дин Лин в 1958 году выслали в целый район Хэйлуңцзяна. На все ее произведения был наложен запрет, несмотря на это она вела дневник, писала роман. Однако уже в первый год «культурной революции» рукопись романа и все ее многолетние личные записи были уничтожены хунвэйбинами⁸.

В такой же ситуации оказались популярный поэт-коммунист Ай Цин, молодой писатель, нынешний министр культуры Ван Мэн, критик Фэн Сюэфэн, писатель Лю Биньянь. Ай Цин в интервью корреспонденту «Ньюсуик», рассказал: «Меня выслали в Синьцзян в 1961 году. Я подрезал там деревья, а потом, когда обстановка еще более ухудшилась, мне пришлось убирать общественные уборные. Я обслуживал 15 таких уборных. До 1957 года мои стихи читали в школах, но потом их изъяли из учебников и в течение 15 лет люди думали,

что я умер». На вопрос, писали ли они тайно, Ай Цин ответил: «Мы слишком уставали. Нам приходилось работать с раннего утра до позднего вечера. У нас не оставалось сил. Почти 17 лет стали для Китая потерянным временем». Резюмируя итоги пройденного страной пути, Ай Цин в стихотворении «Жизнь и время» восклицал:

В пору горечи и бед!
Потеряли не четыре года!
Десять лет и снова десять лет!
Холостого хода!
Молодых ужасен был удел!
Стариков мучительна дорога!
Страшный, незаполненный пробел!
Времени земного⁹.

Новая кампания «борьбы с правым уклоном» развернулась после Лушаньского совещания и августовского пленума ЦК КПК 1959 года, на которых с критикой «большого скачка» выступили министр обороны КНР Пэн Дэхуай, заместитель министра иностранных дел КНР Чжан Вэньтянь, начальник генштаба НОА Китая Хуан Кэчэн и первый секретарь комитета КПК провинции Хунань Чжоу Сяочжоу. По стране прокатилась очередная волна репрессий.

Однако к середине 1961 года в связи с курсом на «урегулирование» народного хозяйства КНР ряду руководителей стало ясно, что стране не обойтись без высококвалифицированных опытных кадров, только с участием которых и можно реализовать новый курс. Причем к этому времени после провала «большого скачка» Мао Цзэдун и некоторые его ближайшие сторонники «ушли в вторую линию», а исправлять критическое положение в стране стали такие деятели как Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Ли Фучунь, Чэнь Юнь, Чжоу Эньлай. С 1959 по 1964 г. в КПК пять раз рассматривался вопрос о «правых элементах» и их реабилитации. В июне 1961 года издается указание ЦК КПК о выборочной реабилитации членов партии и кадровых работников¹⁰, репрессированных в ходе «борьбы против правых», однако темпы реабилитации были крайне низкими.

В связи с этим от имени ЦК КПК в апреле 1962 года было издано специальное «Уведомление об ускорении темпов работы по частичной реабилитации рядов членов партии и кадровых работников»¹¹.

В нем предлагалось ускорить реабилитацию и усилить руководство по ее осуществлению. «Все члены партии и кадровые работники, которые в ходе кампании борьбы с выступавшими под белым знаменем, борьбы с правыми элементами, упорядочения стиля работы и упорядочения коммун... безо всяких или без достаточных на то оснований подверглись критике, либо наказанию... должны быть... реабилитированы», — говорилось в документе¹². Уведомление предусматривало вначале реабилитацию членов партии и низовых кадровых работников ниже уездного уровня, а затем уже реабилитацию кадровых работников уровня выше уездного¹³. После этого была реабилитирована еще одна группа «правых». К концу августа 1962 г. по всей стране в 23 провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах был проведен разбор дел 3 млн. 650 тыс. членов КПК и кадровых работников¹⁴. В результате к 1963 году было реабилитировано в общей сложности 300 тыс. человек¹⁵.

Последняя же группа «правых» была реабилитирована только через 15 лет, в 1978 году. 5 апреля ЦК КПК утвердил доклад отдела единого фронта ЦК КПК и Министерства общественной безопасности о снятии ярлыка «правых элементов»¹⁶. Было реабилитировано еще более 315 тыс. человек¹⁷.

После 10-го пленума ЦК КПК (сентябрь 1962 года) в КНР по инициативе Мао Цзэдуна стала проводиться «кампания за социалистическое воспитание» — «четыре чистки». Под предлогом борьбы с ревизионизмом развернулась критика в сферах литературы и искусства, философии, экономики¹⁸. Все больше появлялось «изобличительных материалов», они становились все серьезнее. «Количество материалов о проникновении классовых «врагов» резко возросло, обнаруженных «контрреволюционных группировок» и «фактов» подрывной деятельности, совершаемой контрреволюционными элементами, день ото дня становилось все больше» — отмечает историк Ван Вэйцзя¹⁹. Было заявлено, что в одной трети низовых партийных организаций всей страны руководство находится в руках чуждых элементов, что в КПК появился «класс буржуазии». К весне 1966 года это движение развернулось в одной трети уездов, сельских коммун и некрупных городов, на части

промышленных предприятий, а также в других производственных единицах²⁰. Мы не смогли в китайской литературе найти точных данных о количестве репрессированных; в ходе «четырёх чисток», но, судя по масштабам кампании, можно сказать, что их было немало. Это подтверждается решением 6-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, где говорилось, что движение «во второй половине 1964 года нанесло незаслуженный удар по многим низовым кадрам под влиянием того, что эти носящие совершенно различный характер вопросы отгульно считались проявлением или отражением классовой борьбы в партии»²¹.

Развязанная в КНР «культурная революция» нанесла тяжелый удар по экономике, культуре и политической жизни страны. Она характеризовалась впоследствии в Китае как «кровавый террор», «дикий разгул феодального фашизма», «десятилетнее страшное бедствие». О ней говорили в КНР как о «мясорубке кадров». В ходе «культурной революции» за 10 лет репрессиям и преследованиям подверглось 100 млн. человек²². Уже к февралю 1968 года две трети высших руководящих работников министерств оказались не у дел и были репрессированы. По китайским данным из 97 членов ЦК КПК 8-го созыва — 60, а из 73 кандидатов в члены — 37 были объявлены «спецагентами и предателями», «контрреволюционными ревизионистскими элементами». 60 из 115 членов Постоянного комитета ВСНП 3-го созыва был наклеен ярлык «предателя», «ревизиониста» и «лица, поддерживающего тайные связи с заграницей». 74 из 159 членов бюро Народного политического консультативного совета Китая 4-го созыва были оклеветаны, 37 из 60 членов и кандидатов в члены Комитета партийного контроля ЦК КПК 8-го созыва были зачислены в разряд «предателей» и «контрреволюционеров»²³.

«Шельмованию, притеснениям и преследованиям в той или иной степени, — говорил министр обороны КНР Е Цзяньин, — подверглись все руководящие и многие другие кадровые работники, прославленные отличники труда со всех фронтов, многие рабочие, крестьяне и революционные воины, широкие круги интеллигенции, в том числе почти все ректоры и директора, профессора и преподаватели учебных заведений, ученые, техники, медицинские работники, деятели обществен-

ных наук, литературы, искусства и журналистики»²⁴.

Одним из первых в августе 1966 года пострадал участник I съезда КПК (1921), видный китайский философ и общественный деятель, ректор Уханьского университета, председатель Общества философов КНР, президент Уханьского отделения Академии наук Китая Ли Да. «Ли Да вновь очнулся от забвения. Уже пять дней он не прикасался к воде и пище, находясь при последнем издыхании.— рассказывалось в одном из очерков о нем, опубликованных в Китае.— Обланы японской военщины, грабежи бандитов, боль от потери сына, страдания от холода и голода, этот «настоящий человек», как его в свое время уважительно называл Мао Цзэдун, все вынес, но светлого коммунистического будущего, за которое он сам боролся десятки лет, Ли Да уже не увидит. Он вовсе не считал окружавших его хунвэйбинов врагами, а видел в них орудие в руках злых сил. Ли Да не мог покориться. «Верните... рукописи... моей... книги...— прошептал он. Даже на краю могилы достойный человек все еще думал о продолжении работы. Ранее, когда кампания критики еще только начиналась, супруга Ли Да уговаривала его написать письмо председателю Мао. Поначалу Ли Да не хотел его беспокоить, и только тогда, когда достойный старец почувствовал, что определенная группа людей действительно добивается его смерти, решил обратиться к Мао с просьбой о спасении. В июне 1966 года, когда Мао прибыл в Ухань для заплыва по Янцзы, Ли Да, живший в то время в Ухани, тайком написал ему короткое письмецо на бумаге, выданной для изложения своих «преступлений»: «Председатель! Меня постигла беда, прошу спасти мне жизнь. Ли Да бьет челом». Однако письмо не спасло его и, как вспоминала жена Ли Да, он погиб 24 августа 1966 года на 76-м году жизни, после того, как ему было отказано в необходимых лекарствах, а не «от болезни», как утверждали некоторые»²⁵.

Были предприняты шаги по дискредитации и устранению с политической арены члена Политбюро ЦК КПК, заместителя премьера Госсовета КНР, заместителя председателя Военного совета ЦК, маршала Хэ Луна. Хэ Лун стал подвергаться репрессиям и травле уже с августа 1966 года. Затем, впоследствии командующий ВВС НОАК, У Фасянь в сентябре

1966 года написал письмо Мао Цзэдуну, чернящее Хэ Луна, в котором утверждал, что в ВВС существует «антипартийная группа, представляемая Хэ Луном», что Хэ Лун желает «узурпировать власть в партии», и замышляет «контрреволюционный переворот»²⁶. По воспоминаниям вдовы Хэ Луна, это письмо Мао Цзэдуну лично показал маршалу и, подождав, пока тот его прочтет, сказал смеясь: «Не надо волноваться, я все устрою в отношении тебя». Но уже в январе 1967 года Хэ Лун был отстранен от своих постов, ему был приклеен ярлык «крупного милитариста», «крупного бандита». Маршал был выслан из Пекина и взят под домашний арест. В то время Хэ Лун тяжело болел диабетом, однако его плохо и нерегулярно кормили, 45 дней он был вынужден по каплям собирать дождевую воду для питья. Хэ Луну отказывали в надлежащем лечении и лекарствах, даже когда его положили в больницу. Однажды, когда жене разрешили навестить его в больнице, он откровенно сказал: «Они хотят меня умертвить, бескровно убить человека. Но я не умру! Я хочу жить и бороться с ними!» Хэ Лун скончался 9 июня 1969 года. В конце сентября 1974 года при активном содействии Дэн Сяопина ЦК КПК принял решение о «восстановлении доброго имени» Хэ Луна. 9 июня 1975 года прах Хэ Луна был перезахоронен с соответствующими почестями, в церемонии участвовал большой Чжоу Эньлай, который сказал прощальную речь»²⁷.

Уже в августе 1966 года на 11-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва начались атаки на Председателя КНР Лю Шаоци и генерального секретаря ЦК КПК Дэн Сяопина. «Форма заседаний во время пленума ЦК была организована так,— вспоминает вдова Тао Чжу,— чтобы все-сторонне изолировать тов. Лю Шаоци и Дэн Сяопина»²⁸. В своей дацзыбао «Огонь по штабу» Мао Цзэдун предпринял прямую атаку на Лю Шаоци. Вскоре начались травля и глумления над Председателем КНР²⁹.

Почти одновременно с Лю Шаоци подвергся критике и Дэн Сяопин. Его стали называть вторым после Лю Шаоци «стоящим у власти в партии и идущим по капиталистическому пути». Вскоре он подвергся репрессиям. Его обвинили в выступлении «против линии председателя Мао» и во многих других смертных грехах. Дэн Сяопина, его жену и млад-

шую дочь выслали в глухой уезд Синьцзян провинции Цзянси. Четырех сыновей и дочерей отправили в деревни провинций Хэбэй и Шаньси на «перевоспитание». Старшего сына Дэн Пуфана, к началу «культурной революции» учившегося на физико-техническом факультете Пекинского университета, хунвэйбины выбросили из окна, и Пуфан на всю жизнь остался калекой. Дэн Сяопин с женой работали на тракторном заводе, он — слесарем, вспомнив специальность, полученную в молодые годы во Франции. В свободное от работы время они сажали овощи, разводили кур, много читали. В феврале 1973 года при содействии Чжоу Эньлая Дэн Сяопин отзывается из провинции Цзянси в Пекин³⁰. В 1975 году он назначается заместителем председателя ЦК КПК, заместителем премьера Госсовета КНР, начальником генерального штаба НОАК. «Он стал руководить повседневной работой ЦК КПК и взялся за упорядочение работы в просвещении, науке, армии, народном хозяйстве, культуре, искусстве — фактически последовательно исправлял ошибки «культурной революции», — писал журнал «Китай». — Но всего этого не смог потерпеть Мао Цзэдун. И вот в 1976 году развернулось движение за «критику Дэн Сяопина и отпор правоуклонистскому вихрю пересмотра правильных выводов». Дэн Сяопин опять был свергнут и снят со всех постов внутри и вне партии»³¹.

В период «культурной революции» был поднят «спровоцированный Линь Бяо и «четверкой» злой ветер ниспровержения одного за другим членов Политбюро ЦК КПК и Военного совета Ли Фучуня, Ли Сяньняня, Чэнь И, Сюй Сянциня и Е. Цзяньнина», — вспоминал Не Жунчжэнь³². Однако наиболее шумевшим было «дело», связанное с «февральским регрессивным течением». 13—16 февраля 1967 года в Пекине в зале Хуайжэньтан резиденции ЦК КПК Чжунаньхая под руководством Чжоу Эньлая состоялось совещание с участием двух противостоящих группировок: таких членов Политбюро ЦК КПК, Военного совета ЦК, Госсовета КНР, как Тань Чжэньлинь, Чэнь И, Е Цзяньнин, Ли Фучунь, Ли Сяньнянь, Сюй Сянцинь, Не Жунчжэнь, Юй Цюли, Гу Му, и членов Группы по делам культурной революции в составе Чэнь Бода, Кан Шэна, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаня, Ван Ли,

Гуань Фэна. Между ними произошло открытое столкновение по вопросу о формах и методах проведения «культурной революции» в Китае. Первая группа лиц, которая была ответственной в тот период за те или иные участки повседневной работы в партии, правительстве и армии, выступила открыто с резкой критикой практики «культурной революции», решительно осудив попытки ГКР с помощью хунвэйбинов и цзаофаней вызвать хаос в стране, беспорядки в армии, они призывали атаковать армию и ряд ее руководителей. Сейчас «партия не играет никакой руководящей роли в культурной революции, — заявили они, — в партии хаос... в правительстве — хаос... в армии — хаос... в деревнях и на заводах — хаос... кампания («культурная революция». — Авт.) «приводит к дезорганизации производства»³³.

После совещания Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Ли, по указанию Цзян Цин, составили «Протокол совещания от 16 февраля в Хуайжэньтане» и передали его Мао Цзэдуну. Вечером 19 февраля, как утверждает китайская историография, Мао Цзэдун подверг резкой критике всех, кто выступил на совещании против ГКР³⁴. Объектом критики стали также Чжу Дэ и Чэнь Юнь³⁵. Эта политическая акция ряда крупных партийных и военных руководителей была названа «февральским регрессивным течением». Борьба с «февральским регрессивным течением» была распространена на всю страну. «Контрреволюционные группировки Линь Бяо и Цзян Цин, — писал Дэн Сяопин, — подняли волну так называемого «отпора регрессивному течению реставрации»... и стали в еще больших масштабах нападать на партийных и правительственных руководителей всех ступеней и травить их»³⁶.

Резким нападкам участники «февральского регрессивного течения» подверглись и на 12-м пленуме ЦК КПК, проходившем с 13 по 30 октября 1968 года. Линь Бяо, Цзян Цин, Кан Шэн и Чэнь Бода в своих выступлениях атаковали Тань Чжэньлиня, Чэнь И, Ли Сяньняня, Ли Фучуня, Е Цзяньнина, Не Жунчжэня, Сюй Сянциня, Юй Цюли, Гу Му, Чжу Дэ, Чэнь Юня и Дэн Цзыхуэя. На пленуме, по китайским данным, присутствовало шестеро участников «февральского регрессивного течения», за исключением Тань Чжэньлиня, который уже сидел в тюрьме. Все они были осуждены как

«приспешники Лю Шаоци»³⁷. Для расследования деятельности каждого были созданы специальные группы. В документах пленума было особо подчеркнуто, что разгром «февральского прогивотечения» (1967) и «черного поветрия реабилитации» (весна 1968 года) является «крупной победой» линии Мао Цзэдуна.

В 80-х годах действия участников «февральского регрессивного течения» в КНР оцениваются положительно. «Мнения, высказанные на совещаниях Тань Чжэньлинем и другими товарищами, были совершенно правильными, а способы борьбы соответствовали нормам и правилам партийной жизни. Они действовали с открытой душой, были кристально честными и проявляли дух высокой ответственности перед партией, государством, народом и кадровыми работниками, отстаивая истину. Что касается критики «февральского регрессивного течения», то товарищ Мао Цзэдун также несет за нее ответственность, — говорилось в одной из работ, разьясняющих «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР»³⁸. Дэн Сяопин в своих выступлениях 80-х годов характеризовал данное течение как истинное, правильное течение, направленное против Линь Бяо и «четверки»³⁹.

Решение о реабилитации всех пострадавших от несправедливого обвинения в связи с «февральским регрессивным течением» было принято в декабре 1978 года на 3-м пленуме ЦК КПК. Тань Чжэньлинь был избран на пост заместителя председателя Центральной комиссии советников КПК.

После дела с «февральским регрессивным течением» инициаторы «культурной революции» сфабриковали дело о «группе 61 предателя», к которой были отнесены многие старые партийные руководители, включая Бо Ибо, Ань Цзывэня, Лю Ланьтао, Ян Сяньчжэня. Им вменялось в вину то, что в 1936 году в соответствии с решением ЦК КПК, переданном Лю Шаоци, они написали гоминьдановским властям формальное заявление о выходе из КПК и после чего были освобождены из тюрем. На представленные по данному делу Кан Шэнмо «материалы» Мао Цзэдун 16 марта 1967 года наложил резолюцию: «В партийные, правительственные, военные, гражданские, учебные заведения, на заводы, в деревню, торговые учреждения проникла горстка контрреволюционеров,

правых элементов, перерожденцев», которых он требовал «выявить», то есть официально санкционировал их травлю и преследование⁴⁰. От имени ЦК КПК были изданы «Материалы о предательстве 61 человека, в том числе Бо Ибо, Лю Ланьтао, Ань Цзывэня и Ян Сяньчжэня, явившихся к врагу с повинной», в которых они квалифицировались «предателями», «спецагентами», «провокаторами», «шпионами» и «контрреволюционерами». В «материалах» говорилось, что они «стали предателями и вышли из тюрьмы при подстрекательстве и по решению Лю Шаоци, с согласия Чжан Вэньтяня, за спиной председателя Мао»⁴¹. По всей стране началась кампания по выискиванию «предателей». К этой группе в годы «культурной революции», по данным Ху Яобана, было отнесено более 10 тыс. высших руководящих работников, объявленных «изменниками». Общее число подвергнувшихся различного рода репрессиям по этому «делу» достигло 940 тыс. человек⁴².

О пересмотре «дела 61» было объявлено в январе 1979 года. Ли Сяньнянь по этому поводу заявил: ««Дело» было сфабриковано; предъявлены ложные обвинения старейшим кадровым работникам, еще до освобождения работавшим в гоминьдановских районах. Эти работники и те, кто был связан с ними, подверглись жестокому преследованию, подверглись гонениям ни в чем не повинные люди во всех районах Китая. От такой жестокости волосы вставали дыбом. Подвергшись длительным пыткам и варварскому обращению, часть этих людей умерла до того, как был положен конец несправедливости»⁴³.

Объемы статьи не позволяют рассказать о множестве других дел, сфабрикованных во время «культурной революции». Одной из последних кампаний этого периода был «отпор правоуклонистскому вихрю пересмотра правильных выводов культурной революции», начавшаяся весной 1976 года. Основной удар наносился в этой кампании по Дэн Сяопину, резко критиковались документы, выработанные при его участии или с его помощью. Первый из них — документ «Об общей программе работы всей партии и всей страны (проект)», который предполагалось опубликовать в апреле 1976 года в первом номере нового журнала «Сысян чжаньсянь». Фактически в нем поднимался вопрос об отказе от практики

«культурной революции» и о реабилитации ее жертв. Второй — «О некоторых вопросах ускоренного развития промышленности (проект)», подготовленный в июле—августе 1975 года в Государственном плановом комитете Госсовета КНР. В документе перед парткомами различных ступеней ставилась задача резкого увеличения темпов развития промышленности. Для этого предполагалось сначала провести упорядочение руководящих групп, затем очистить организации от хунвэйбинов и цзаофаней, а также от пассивных элементов, лентяев и тех, кто погряз в коррупции. Авторы документа предлагали реабилитировать рабочих и ИТР, пострадавших в предыдущие годы. И третий документ — «О некоторых вопросах работы в области науки и техники» («Тезисы отчета Академии наук») — явился результатом обследования положения в АН КНР реабилитированным Ху Яобаном (18 июля 1975 года). Проект был подготовлен к октябрю 1975 года⁴⁴. После этого началась масштабная кампания против Дэн Сяопина, критика в дацзыбао Ли Сяньняня, первого секретаря парткома Сычуани Чжао Цзыяна и других. Сразу же после событий на площади Тяньаньмэнь 5 апреля 1976 года⁴⁵, к которым объявили причастным Дэн Сяопина, решением Политбюро ЦК КПК от 7 апреля он был снят со всех постов внутри и вне партии⁴⁶.

Лишь после смерти Мао Цзэдуна и ареста «четверки» на 3-м пленуме ЦК КПК 10-го созыва в июле 1977 года было единогласно принято решение о восстановлении Дэн Сяопина на своей прежней должности⁴⁷.

На XI съезде КПК (12—18 августа 1977 года) из 333 человек вновь избранного состава ЦК КПК 96 были реабилитированными кадровыми работниками. Членами Политбюро ЦК КПК стали Сюй Сяньцянь, Не Жунчжэнь, Уланьфу, Чэнь Юнь, Тань Чжэньлинь, Ли Цзинцюань в марте 1978 года на 1-й сессии ВСНП 5-го созыва были избраны заместителями председателя Постоянного комитета ВСНП.

Работа по реабилитации кадров, которой ведала первоначально Канцелярия ЦК КПК, возглавляемая Ван Дунсином, активизировалась после XI съезда КПК. 7 октября 1977 года в «Жэньминь жибао» была опубликована статья сотрудников Высшей партийной школы ЦК КПК, поддержанных Ху Яобаном, в которой вы-

двигалось требование пересмотреть дела и реабилитировать кадры, репрессированные во время «культурной революции». Постепенно под нажимом Дэн Сяопина Ван Дунсин был вынужден отказаться от контроля за делами, связанными с реабилитацией (кроме специальных дел ЦК КПК) и передать этот вопрос в ведение орготдела ЦК КПК. Как отмечает известный историк Ян Хунгуй, «широкомасштабная реабилитация и пересмотр ошибочных дел кадровых работников» начались с декабря 1977 года, после того, как Ху Яобан был назначен заведующим организационным отделом ЦК КПК⁴⁸. Причем Ху Яобан поставил перед работниками отдела задачу реабилитировать и пересмотреть дела кадровых работников, пострадавших не только в 1966—1976 годах, но и за всю историю КНР. По словам Ху Яобана процесс массовой реабилитации, начатый вслед за разгромом «четверки», затрагивает 100 млн. китайцев, то есть одну десятую часть населения страны⁴⁹.

К июню 1978 года больше всего реабилитированных оказалось в бывших «опорных базах» «четверки» — в Шанхае и Хэйлуцзяне. Реабилитировались в основном люди, отнесенные к категории «каппутистов» (30 % от всего числа обвиняемых) и «ревизионистов» (40 %) ⁵⁰.

На 1-й сессии ВСНП 5-го созыва (февраль—март 1978 года) приняло участие 3497 делегатов, среди них 37,1 % были людьми преклонного возраста, которые подвергались репрессиям в годы «культурной революции». Избранный Постоянный комитет в составе 196 человек обновился на 60 % в основном за счет реабилитированных старых кадровых работников.

17 сентября 1978 года ЦК КПК утвердил к рассылке циркуляр «О реализации проекта решения относительно полного снятия ярлыков правых элементов», в котором указывалось, что в отношении тех лиц, которые в прошлом были ошибочно интернированы, необходимо провести повторную проверку и исправить положение, исходя из практики как критерия истины. А в ноябре 1978 г. было сообщено, что работа по снятию ярлыков с «правых» уже полностью закончена⁵¹.

Осенью 1978 года развернулась подготовка к 3-му пленуму ЦК КПК 11-го созыва. Кампания дацзыбао с

осуждением У Дэ и Чэнь Силян и требованием пересмотра Тяньаньмэньских событий 1976 года, начавшаяся в сентябре, способствовала снятию 9 октября 1978 года У Дэ с поста первого секретаря Пекинского горкома КПК и председателя ревкома. Вслед за тем потерял свой пост командующий Пекинским военным округом Чэнь Силян.

14 ноября 1978 года Постоянным комитетом Политбюро ЦК было утверждено решение Пекинского горкома партии о признании событий на площади Тяньаньмэнь во время Дня поминовения усопших, когда широкие народные массы отдали долг памяти премьеру Чжоу Эньлаю, как полностью революционные действия, а всех тех, кто подвергся преследованиям со стороны «четверки», реабилитировать и восстановить их доброе имя⁵².

С 10 ноября по 15 декабря 1978 года в Пекине прошло рабочее совещание ЦК КПК, на котором присутствовали Хуа Гофэн, Е Цзяньин, Ли Сяньянь и Ван Дунсин, а также основные ответственные работники провинций, городов центрального подчинения, автономных районов и больших военных округов, представители правительства и армии, руководящие работники массовых общественных организаций — всего 210 человек. Дэн Сяопин в это время находился с визитом за границей и принял участие только в заключительной части совещания⁵³.

12 ноября Чэнь Юнь в своем выступлении заявил о необходимости разрешения всех вопросов, затрагивающих широкий круг лиц и оказывающих большое влияние на современные события. Чэнь Юнь предложил реабилитировать «группу в составе 61 человека», которые были ошибочно причислены к «группировке предателей», реабилитировать Тао Чжу и Ван Хэшоу, также причисленных к «предателям». Далее он потребовал передать вопросы, которыми раньше занималась «спешгруппа по расследованию», включая часть партийных дел, орготделу ЦК КПК, навести там порядок. Он призвал оценить по достоинству вклад, внесенный Пэн Дэхуаем в дело партии, признать Тяньаньмэньский инцидент как великое движение масс против «четверки». Чэнь Юнь потребовал подвергнуть критике серьезные ошибки Кан Шэна⁵⁴. Выступивший затем Тань Чжэньлинь предложил пересмотреть оценку «фев-

ральского регрессивного течения» и «кампании» отпора правоуклонистскому поветрию пересмотра правильных выводов «культурной революции», потребовав реабилитации их участников. Некоторые участники совещания подвергли критике руководящих работников ЦК, совершивших ошибки в ходе «культурной революции», выступили с разоблачениями и критикой ошибок Кан Шэна и Се Фучжи⁵⁵.

15 ноября 1978 года с санкции ЦК КПК Пекинский горком партии объявил о пересмотре оценки Тяньаньмэньских событий и реабилитации участников выступлений.

В тот же день Пекинский горком КПК объявил о том, что его деятельность в течение 17 лет до 1966 года была правильной, кадровые работники горкома в подавляющем большинстве «хорошие». Это означало и фактическую реабилитацию бывшего первого секретаря горкома Пэн Чжэня.

На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва, проходившем в Пекине с 18 по 22 декабря 1978 года, было принято решение об аннулировании ошибочных документов по «правоуклонистскому поветрию пересмотра оргвыводов», событий на площади Тяньаньмэнь; лица, проходившие по этим делам и «февральскому регрессивному течению», были реабилитированы. Были рассмотрены и исправлены ошибочные выводы относительно таких деятелей, как Пэн Дэхуай, Тао Чжу, Бо Ибо, Ян Шанкунь, проанализированы и рассмотрены некоторые другие дела в истории партии, признано, что они были фальсифицированы, проведена переоценка некоторых руководителей⁵⁶.

Уже 24 декабря 1978 года произошло перезахоронение праха Пэн Дэхуая и Тао Чжу на пекинском кладбище Бабаошань.

Пленум решил распустить третий отдел канцелярии ЦК КПК, занимавшийся рассмотрением особых дел, и освободить Ван Дунсина от руководства канцелярией, а функции отдела передать орготделу ЦК⁵⁷.

На 3-м пленуме ЦК КПК было принято решение о проведении расследования дел двух человек — Кан Шэна и Се Фучжи. Комиссия по проверке дисциплины ЦК КПК, созданная по решению 3-го пленума ЦК и возглавляемая Чэнь Юнем, занялась этими делами и к сентябрю 1980 года подготовила доклад

для ЦК КПК по расследованию дел Кан Шэна и Се Фучжи. 16 октября 1980 года ЦК КПК на основании этого доклада и неопровержимых доказательств принял следующие решения: 1. Предать гласности всей партии, а в соответствующее время и беспартийным массам, контрреволюционные преступления, совершенные Кан Шэном и Се Фучжи, аннулировать «траурные речи», произнесенные на их похоронах. 2. Исключить этих лиц из партии⁵⁸.

В январе 1979 года на созванном отделом пропаганды ЦК КПК совещании подчиненных ему отделов провинциальных парткомов было объявлено об аннулировании ошибочной оценки работы отдела пропаганды за 17 лет (с 1949 по 1966 год), которую дал ей Мао Цзэдун⁵⁹. В феврале Пекинский горком КПК объявил о реабилитации бывших своих членов — Дэн То, У Ханя, Ляо Моша, обвиненных в 1966 году в создании антипартийной группировки «Села трех». Была пересмотрена и оценка деятельности партии в области культуры за 17 лет до 1966 года, отмечено, что в литературе и искусстве не существовало какой-либо «черной линии». В соответствии с этим курсом в провинциях велась аналогичная работа по пересмотру оценки и решений относительно местных руководителей КПК, осужденных в период «культурной революции»⁶⁰.

17 февраля 1979 года ЦК КПК издал «Уведомление относительно реабилитации тов. Пэн Чжэня»⁶¹.

В январе 1979 года ЦК КПК принял решение «По вопросу о снятии ярлыков «помещика» и «кулака» и о социальном происхождении детей кулаков», в котором отмечалось, что ярлыки «помещик» и «кулак», а также «контрреволюционный и вредный элемент», которые были даны в прошлом и утверждены уездными ревкоммами могут быть сняты с тех, кто соблюдает государственные законы, давно участвует в труде и не совершает плохих поступков, кроме небольшого числа лиц, не желающих исправляться и занимающих реакционную позицию. Крестьяне и члены коммун — выходцы из семей помещиков и кулаков, которые стали членами коммун и получают зарплату как и все остальные, с этого времени могут поступать учиться, наниматься на работу, служить в армии, вступать в комсомол и КПК, не должны подвергаться дискриминации и обладают всеми политическими

правами. Дети помещиков и кулаков, которые стали членами коммун, не должны рассматриваться выходцами из семей помещиков и кулаков⁶².

К началу работы 4-го пленума ЦК КПК (25—28 сентября 1979 года) были реабилитированы такие деятели как Ван Хэшоу, Лю Ланьтао, Лю Ланьбо, Ань Цзвэнь, Ли Чан, Ян Шанкунь, Чжоу Ян, Лу Динъи, Пэн Чжэнь, Цзян Наньсян, Бо Ибо, Хун Сюэчжи, которые были кооптированы в состав ЦК.

В июле 1979 года на совместном совещании руководящих работников судов высших инстанций и председателей военных трибуналов председатель Верховного суда КНР Цзян Хуа заявил следующее: «По неполным данным, к концу июня рассмотрено свыше 708 тыс. дел периода «культурной революции». Оправдательные приговоры вынесены по более чем 166 тыс. дел»⁶³.

Дэн Сяопин на совещании кадровых работников 16 января 1980 года, подводя итоги реабилитации в КНР, заявил: «За... три года, особенно за последний год, во всей стране, в центре и на местах, был пересмотрен ряд дел, сфабрикованных на основании надуманных, ложных и ошибочных обвинений. По неполным данным, реабилитировано в общей сложности 2900 тысяч человек. Эта цифра будет гораздо больше, если добавят сюда тех, кого реабилитировали, но на некоторых не было составлено дело»⁶⁴.

В 1980 году были полностью реабилитированы выдающиеся деятели китайской революции Лю Шаоци и Цюй Цюбо.

Таким образом, начавшийся с 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва процесс резкого ускорения пересмотра миллионов дел, сфабрикованных в период «культурной революции», явился поворотным моментом в кампании по массовой реабилитации в Китае в начале 80-х годов.

40-летняя история КНР свидетельствует, что в Китае в результате всевозможных политико-идеологических кампаний и движений подверглись репрессиям миллионы человек, что было признано официально в 80-е годы китайским руководством и историками КНР. Кампании реабилитации, о которых рассказывалось в статье, наглядно показывают, что большое число людей было репрессировано ошибочно, многие незаслуженно десятки лет просидели в лагерях и тюрьмах, часть была выслана в отдаленные районы на «перевоспитание». Уже в начале 60-х годов некоторые

руководители страны понимали пагубность политики репрессий. «Не надо больше убийств, рубки голов, разрушать легко, а создавать трудно», — говорил кандидат в члены ЦК КПК Чжоу Ян.

На наш взгляд материалы данной статьи могут помочь читателю составить представление о процессах, которые имели место в КНР. Они могут служить отправной точкой для сравнения с аналогичными процессами нашей истории недалекого прошлого.

¹ Жэньминь жибао.— 1979.— 26 сентября.

² См.: Беседы об упорядочении партии в новый период.— Пекин.— 1984 (на кит. яз.).

³ Жэньминь жибао.— 1979.— 10 октября; Лекции по истории КПК.— Ханчжоу, 1980.— С. 31—32.

⁴ См.: Дэн Сяопин. Избранное (1975—1982).— Пекин, 1985.— С. 307 (на рус. яз.).

⁵ Гуанмин жибао.— 1986.— 7 мая.

⁶ China yearbook. 1958—1959.— Taipei; 1959.— P. 511—512.

⁷ Лекции по узловым вопросам истории КПК (период начала всестороннего социалистического строительства).— Тяньцзинь, 1988.— С. 25 (на кит. яз.).

⁸ Подробнее о Дин Лин.— Титов А. С. Из когорты неггибаемых // Проблемы Дальнего Востока.— 1987.— № 6.— С. 96—101.

⁹ Иностранная литература / Пер. Л. Черкасского.— 1981.— № 11.— С. 153—154.

¹⁰ См.: Лекции по истории КПК.— Цзинань, 1982.— С. 239 (на кит. яз.).

¹¹ См.: Данши яньцзю.— 1981.— № 5.— С. 26; 60 лет КПК.— Пекин, 1984.— Т. II.— С. 538, 540 (на кит. яз.).

¹² Лекции по истории КПК.— Цзинань.— С. 239; Данды яньцзю.— 1981.— № 5.— С. 26.

¹³ См.: Лекции по истории социалистической революции и социалистическому строительству в Китае.— Пекин, 1985.— С. 214 (на кит. яз.).

¹⁴ 60 лет КПК... — С. 540.

¹⁵ Лекции по специальным вопросам истории КПК... — С. 19.

¹⁶ См.: Справочные материалы по истории КНР (1949—1985).— Пекин, 1986.— С. 874 (на кит. яз.).

¹⁷ Лекции по специальным вопросам истории КПК... — С. 18.

¹⁸ См.: Чжунгуан данши яньцзю.— 1988.— № 6.— С. 66.

¹⁹ Ван Вэйцзэя. Первоначальное исследование истоков кампании за социалистическое воспитание // Чжунгуан данши яньцзю.— 1988.— № 2.— С. 33.

²⁰ См.: Лекции по истории КПК.— Ухань, 1982.— Т. II.— С. 96 (на кит. яз.).

²¹ Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР.— Пекин, 1981.— С. 31.

²² См.: Жэньминь жибао.— 1979.— 29 сентября; Интервью Ху Яобана югославскому агентству ТАИЮГ от 22.VI.1980.

²³ Лекции по истории социалистической революции и социалистическому строительству в Китае...— С. 287.

²⁴ Жэньминь жибао.— 1979.— 30 сентября.

²⁵ Вэньчжай бао.— 1986.— 4 мая; Гуанмин жибао.— 1978.— 12 декабря.

²⁶ Шидайдэ баогао.— 1980.— № 1.— С. 49; Чжунго шинянь.— 1979.— № 7.— С. 20.

²⁷ Чжунго шинянь.— 1979.— № 7.— С. 20—28.

²⁸ Синьхуа вэньчжай.— 1986.— № 11.— С. 169.

²⁹ Подробнее см.: Вопросы истории.— 1982.— № 2.— С. 52—56; Ю. М. Галенович. «Особое дело» Лю Шаоци // Проблемы Дальнего Востока.— 1988.— № 6.— С. 134—138.

³⁰ Жэньминь жибао.— 1984.— 22 августа; Китай.— 1986.— № 12.— С. 3—6; Барахта Б. Дэн Сяопин // Правда.— 1988.— 12 августа.

³¹ Китай.— 1986.— № 12.— С. 4—5.

³² Синьхуа вэньчжай.— Пекин.— 1984.— № 12.— С. 154.

³³ Лекции по истории КПК.— Шанхай, 1981.— Т. II.— С. 124; Синьхуа вэньчжай.— 1984.— № 12.— С. 154; Шидайдэ баогао.— 1980.— № 1.— С. 55.

³⁴ См.: Лекции по истории КПК.— Чанчунь; 1983.— С. 172; Лекции по истории КПК.— Цзинань, 1982.— Т. II.— С. 292.

³⁵ См.: Лекции по истории КПК.— Чанчунь.— С. 127.

³⁶ Дэн Сяопин. Избранное...— С. 487—488.

³⁷ См.: Шидайдэ баогао.— 1980.— № 1.— С. 64.

³⁸ См.: Разъяснения терминов «Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР».— Пекин, 1981.— С. 147.

³⁹ См.: Дэн Сяопин. Избранное...— С. 487—488.

⁴⁰ См.: Вопросы истории.— 1982.— № 2.— С. 55.

⁴¹ Краткий словарь по истории КПК.— Пекин, 1986.— Т. I.— С. 195.

⁴² Фэйцинь юэбао.— 1980.— № 9.— С. 95.

⁴³ Жэньминь жибао.— 1979.— 16 января.

⁴⁴ Подробнее о документах см.: K. Lieberthal. Central documents and Politburo politics in China.— Ann Arbor.— 1978.— P. 115—154.

⁴⁵ Подробнее см.: Михайлов А. К событиям 5 апреля в Пекине // Проблемы Дальнего Востока.— 1976.— № 3; Китайская Народная Республика в 1976 г.: политика, экономика, идеология.— М., 1978.— С. 62—65.

⁴⁶ См.: Лекции по истории КПК.— Цзинань.— Т. II.— С. 306.

⁴⁷ См.: Чжунгун данши яньцзю.— 1988.— № 3.— С. 69.

⁴⁸ Ху Яобан сменил Го Юйфэна 10 декабря 1977 года.

⁴⁹ Интервью Ху Яобана ТАНЮГ от 22.VI.1980.

⁵⁰ Чжунгун яньцзю.— 1978.— № 139.— С. 38—40.

⁵¹ См.: Справочник материалов по истории КНР (1949—1985)...— С. 131.

⁵² См. там же.— С. 876.

⁵³ См.: 60 лет КПК...— С. 687.

⁵⁴ См.: Чэнь Юнь. Избранное (1956—1985).— Пекин, 1986.— С. 108—210.

⁵⁵ См.: 60 лет КПК...— С. 687.

⁵⁶ См.: Справочные материалы по истории КНР (1949—1985)...— С. 128.

⁵⁷ In: Chinese Law and Government.— 1981.— № 3.— P. 59.

⁵⁸ См.: Справочник материалов по истории КНР (1949—1985)...— С. 128.

⁵⁹ Жэньминь жибао.— 1979.— 17 января.

⁶⁰ См.: Жэньминь жибао.— 1979.— 1 марта.

⁶¹ См.: Справочник материалов по истории КНР (1949—1985)...— С. 130.

⁶² Там же.— С. 130—131.

⁶³ Жэньминь жибао.— 1979.— 31 августа.

⁶⁴ Дэн Сяопин. Избранное...— С. 265—266.

Рубрику ведет доктор филологических наук И. ЛИСЕВИЧ

Время меняет все — даже значения слов, наполняя привычное звучание новым смыслом. Спорящим о терминах и в голову не придет, что самое слово «термин» было некогда именем бога границ, впервые размежевавшего поля в Древнем Риме; слово «лирик» давно никак не ассоциируется в нашем сознании с музыкальным инструментом, а просьба героини сказки С. П. Аксакова «Аленький цветочек» достать ей «туалет хрустальный», в котором бы она «видела всю красоту поднебесную», вызывает у нынешних детей смех. Все это более чем естественно, и Китай, разумеется, не является здесь исключением. На протяжении трех с половиной тысячелетий его культурной истории кристаллизация подобных изменений достаточно заметна. Более или менее стабильная форма иероглифов и исконная приверженность традиции, заставляющая оберегать старую терминологию так долго, как это возможно, только подчеркивают изменение содержания. Впрочем, при этом следует учитывать изначально различие китайских терминов и подбираемых нами для них русских соответствий. Как правило, смысловые поля русских и близких им древнекитайских слов взаимно не перекрываются; порой между ними существует лишь внешнее сходство, так что для носителя языка может и не существовать того изменения смысла, которое видится нам.

Надо сказать, что китайский термин «Вёсны и Осени» с самого начала отличался от русского «Летопись» своей двуединостью, с одной стороны, и отсутствием упоминания о записи, с другой. Это как бы не отражение, а сам объективно существующий круговорот времени: весна, осень: весна, осень... Именно те периоды, когда происходит вселенское созревание начал *инь* и *ян* одно другое сменяющих. И конечно же, уже в «Вёснах и Осенях» Конфуция роль мировоззренческого элемента огромна, хотя прежде всего это, разумеется, история и философия истории.

В дальнейшем произведении, в названиях которых фигурировали иероглифы «Вёсны и осени», больше тяготели к философии, нежели к истории. Так, например, сочинение идеолога ханьского конфуцианства Дун Чжуншу (ок. 179—104 гг. до н. э.) «Обильные росы Вёсен и осеней» («Чунь цю фаньлу»), которое, как и летопись Цзо Цюмина «Цзо чжуань»*, мыслилось в качестве комментария к труду Конфуция, есть памятник в основном философский. Весьма философичны и более ранние произведения такого рода, оставившие заметный след в древней литературе.

Одно из них — «Вёсны и Осени господина Люя» («Люйши чунью»).

Своим появлением оно обязано Люй Бувэю, человеку незнатному, достигшему вершин власти и богатства благодаря способностям и счастливому случаю. Судьба странном образом соединила его с царским домом Цинь, название которого навсегда связалось в истории со страшным именем Цинь Шихуана. Еще в молодые годы он познакомился с наследником циньского престола, который жил тогда в качестве заложника в соседнем царстве Чжао (система заложников как гарантия добрососедских отношений была широко распространена в Китае эпохи Борющихся царств). Наследнику понравилась наложница Люй Бувэя, и сметливый купец «уступил» ее царственному другу, а вскоре та родила сына — будущего Цинь Шихуана. Злые языки говорили, что настоящим отцом принца был все-таки Люй Бувэй. Во всяком случае, судьба Люй Бувэя после этого резко пошла в гору. Когда же через тринадцать лет его бывшая наложница сделалась вдовствующей царицей, Люй Бувэй стал первым министром, получив княжеский титул и сто тысяч крестьянских дворов в кормление — фактически же он управлял всеми делами царства Цинь. В его доме по-

* См.: И. С. Лисевич. У истоков китайского летописания. Летопись «Цзо чжуань» (фрагменты). — Проблемы Дальнего Востока. — 1988. — № 6.

стоянно кормилось более трех тысяч «гостей», среди которых было немало ученых мужей из разных царств. Именно в этот период по его приказу ими была составлена книга «Весны и осени господина Люя», «объявляющая небо, землю и всю тьму вещей». Тщеславие не давало покоя Люй Бувэю: памятью о том, что ученики Конфуция не смогли ни прибавить, ни убавить ни слова в «Веснах и осенях» своего учителя, он приказал вывесить «Весны и осени господина Люя» у ворот столицы, обещав тысячу золотых тому, кто сможет изменить в них хоть один иероглиф. Его тщеславие было удовлетворено — никто не потребовал золото всесильного первого министра. Это было в 241 г. до н. э. А через семь лет, не сумев устранить от власти своего достигшего совершеннолетия предполагаемого отпрыска (будущего Цинь Шихуана), страшась жестокой казни, опальный Люй Бувэй покончил жизнь самоубийством и был тайно похоронен. Однако в веках осталась не только удивительная жизненная история этого энергичного простолюдина, но и созданная благодаря ему замечательная книга — «Весны и осени господина Люя».

Книга представляет собой произведение энциклопедического характера, перед нами как бы первая в Китае попытка охватить все доступное для обозрения в пространстве и времени, создать некую квинтэссенцию накопленных к тому времени знаний. От более ранней «Книги Пути и Благодати» («Дао дэ цзин»), суммировавшей абстрактное знание даосской школы, «Весны и осени рода Люй», превосходящие ее по объему в сорок раз, отличаются тем, что их знание конкретно, и тем, что в них представлены самые разные школы. Памятник состоит из трех основных частей: «Описаний», «Обзрений» и «Рассуждений», — которые в свою очередь делятся на множество глав и разделов. Книга содержит обширные сведения из области астрономии и сельского хозяйства, политического устройства и хозяйственной практики, истории и мифологии, философии и морали, обычаев и ритуала.

Название «Весны и осени» отчасти оправдано тем обстоятельством, что идея круговорота времен, фиксируется в первой части памятника, в «Описаниях», очень четко. Каждая из двенадцати глав «Описаний» посвящена какому-либо одному из двенадцати месяцев года или, точнее, началу, середине и концу каждого сезона. Мы узнаем, в каком из созвездий пребывает в это время Солнце, в каком оно восходит и в какое заходит, кто из пяти небесных владык, отвечающих за каждую из пяти сторон света*, главенствует в этот период и кто из духов ему помогает. Мы узнаем, какой зверь, какой звук, какой вкус и запах, какое число, наконец, этому времени соответствует. Мы читаем здесь о поведении животных, состоянии растительного мира, находим подробные предписания государю и подданным. Многие из этих предписаний явно продиктовано здравым смыслом, многолетним хозяйственным и житейским опытом — например, запрет на порубки леса, охоту и отстрел дичи, разорение гнезд и птиц, разорение гнезд и даже начало военных действий ранней весной.

Понимание других предписаний не так просто, хотя и в их основе лежит общественная целесообразность. В качестве примера можно упомянуть хотя бы запреты «строить городские стены» или «собираться толпами» той же ранней весной. И то и другое отвлекает людей от весенних полевых работ, а в последнем запрете слышится также стремление пресечь «разнузданный обычай» весенних празднеств молодежи, идущий еще из глубокой древности и допускаявший свободное общение полов. Однако самими авторами все запреты и предписания рассматривались прежде всего в свете идеи движения и взаимопреодоления двух мировых начал — *инь* и *ян*, — обосновывались необходимостью гармонии между состоянием Вселенной и деятельностью человека. Возведение всяческих преград, в том числе и городских стен, любая консолидация мыслились как противоположенные проявлению светлого, символизирующего движение начала *ян*, которое главенствует в мире с приходом весны. Точно так же противоположенной представлялась для весны и война, ибо, по словам Лао-цзы, «войско есть сосуд смерти», весна же (а в пределах суток — утро) олицетворяла жизнь. Именно поэтому в Китае было принято откладывать исполнение смертных приговоров на осень и зиму — период естественного увядания и смерти всего живого. Этот обычай сохранялся вплоть до XX в. Герой рассказа Лу Синя «Снадобье», стремящийся найти чудодейственное лекарство для своего чахоточного сына, не случайно именно осенью отправился за кровью казненного. В крайнем случае смерть должна была наступить после полудня. Так, например, был казнен знаменитый поэт III в. Цзи Кан, хотя из-за выступления его приверженцев даже малая отсрочка ставила власть в чрезвычайно затруднительное положение. Зарождающееся в момент наивысшего расцвета *инь* (в момент «зимнего

* Пятой стороной света считался центр.

солнцестояния» в конце декабря) светлое, олицетворяющее жизнь и движение начало *ян* достигает своего предельного подъема в пору знойного лета, после чего *инь* снова медленно и неуклонно набирает силу. С этим космическим круговоротом строго сочетается стратегия китайской медицины, в частности иглоукалывания. По воззрениям древних китайцев, его должен учитывать человек во всех своих деяниях.

Порой эти натурфилософские взгляды древних, облекаясь в причудливую мистическую форму, способны проявить себя даже в наши дни — и самым неожиданным образом. Известно, например, что всячески поощрявший оккультные науки и не избежавший влияния восточной мистики Адольф Гитлер рассматривал свое «воинство» и себя самого как воплощение стихии огня. Если учесть это обстоятельство, выбор им момента для молниеносного «броска на Восток», возможно, был не случайным — ведь двадцать второе июня, день «летнего солнцестояния», есть тот единственный день в году, когда «огненное» начало *ян* достигает своего апогея. Впрочем, бесноватый фюрер и здесь проявил себя скверным учеником: именно на подъеме *ян* в нем зарождается семя холодного *инь* — потенция смерти. Древние прекрасно знали, что «с вершины горы открывается путь вниз», что «за расцветом следует увядание», и давали советы, звучащие парадоксом для человека, незнакомого с теорией «*инь-ян*»: не делать карьеры, когда государство достигает наивысшего могущества, не вступать в родство с тем, кто находится на вершине процветания*. Что же до «Весен и осеней господина Люя», то их авторы рекомендовали воздержаться от каких-либо активных действий в самой середине лета. «В этот месяц** долгота дня достигает предела, *инь* и *ян* противостоят друг другу, живые и мертвые расстанутся. Благородный муж, затворившись и умеряя плотские желания, без суеты предается воздержанию... все должностные лица ведут дела неспешно, не прибегая к карам, дабы в спокойствии утвердить становление *инь*».

Разумеется, нам более интересны философское содержание и литературные достоинства «Весен и осеней господина Люя», чем их календарные предписания, поэтому мы ограничимся этим кратким упоминанием, для переводов же выберем иные сюжеты. Читатель узнает сегодня, как трактовали «Весны и осени господина Люя» понятия верности и неподкупности, что понимали под милосердием и беспристрастием, какими видели идеальные взаимоотношения правителя и народа. А над сложнейшими фундаментальными проблемами несовершенства формальной логики и ненадежности словесного выражения сущности, над проблемами достоверности факта и разрешимости противоречия его заставят задуматься яркие, остроумные притчи.

Другой памятник, с которым познакомится сегодня читатель, — это «Весны и осени Янь-цзы». Термин «Весны и осени», то есть «Летопись», можно отнести к этому произведению с еще большей условностью, чем к первому. Если перед нами и летопись, то это летопись высказываний и деяний лишь одного человека — древнего философа Янь-цзы (Янь Ина), жившего в VI в. до н. э. в царстве Ци. Расположенное у моря, на полуострове Шаньдун, оно было в то время не только одним из наиболее экономически развитых, но, пожалуй, и одним из самых культурных в Китае. Отовсюду съезжались в его столицу мыслители, и «у ворот Ци» разгорались жаркие споры. Слова «у ворот Ци» («Цзися») стали в истории китайской мысли синонимом древнегреческой Академии в первоначальном значении этого слова — места, где в садах некоего Акадэма встречались и вели свои дискуссии философы. Таким образом, Янь-цзы был лишь одним из многих, хотя в литературе ему повезло больше других.

Характеризуя высказывавшиеся им взгляды, различные авторы относили Янь-цзы и к моистам, и к конфуцианцам, но, по-видимому, он был достаточно оригинален. Разумеется, тот Янь-цзы, с которым мы встречаемся в «Веснах и осенях», не адекватен своему историческому прототипу. Литературный Янь-цзы — это идеальный образ «благородного мужа», мудрого советника, человека высокой души, чуждого суетных желаний. Однако при всей дидактичности «Весен и осеней Янь-цзы» беллетристический элемент не оттеснен в них на второй план и книга не стала тем философским сочинением, в котором сюжетные вкрапления служат лишь иллюстрацией. Перед нами первое (или, во всяком случае, самое раннее из сохранившихся ныне) собрание коротких рассказов, столь же занимательное, сколь и назидательное, объединенное общим героем.

* См.: Древнекитайская философия.— М., 1973.— Т. 2.— С. 39.

** Имеется в виду средний месяц лета, он приходится на наш июнь — начало июля.

Относительно автора этой книги и времени ее создания высказывались самые разные точки зрения. Начиная с того, что книга составлена самим Янь-цзы или его ближайшими учениками, и кончая утверждением, что перед нами подделка, сфабрикованная уже в IV—VI вв. н. э., то есть как минимум на тысячу лет позже. Однако наиболее правдоподобным представляется мнение, что «Вёсны и осени Янь-цзы» были составлены уже после объединения Китая императором Цинь Шихуаном, где-то на рубеже III и II вв. до н. э. Автором книги мог быть один из тех ученых-литераторов, которые собрались при его дворе после разгрома древних царств и которых впоследствии постигла столь страшная участь — ученые были похоронены заживо по приказу императора, чувствовавшего их молчаливую оппозицию. Автор, по-видимому, был выходцем из царства Ци. Материалом же для книги послужила летопись Ци, местные легенды и предания, а возможно, какие-то неизвестные нам сочинения.

В нашей подборке даны фрагменты из «Вёсен и осени господина Люя», переведенные на русский язык впервые, и фрагменты из «Вёсен и осеней Янь-цзы» — произведения, до сих пор совершенно незнакомого русскому читателю. Первый памятник дается в переводе кандидата филологических наук А. Г. Ткаченко, второй — доктора исторических наук М. В. Крюкова. Комментарий — доктора филологических наук И. С. Лисевича.

Вёсны и осени господина Люя

(фрагменты)

Глава первая. Часть пятая.

О беспристрастии

...Цзинский правитель Пин обратился к Ци Хуанъяну: «Кого бы назначить на незанятую должность правителя Наньяна?» Ци Хуанъян отвечал: «Предлагаю Се Ху». Пин спросил: «Но разве Се Ху не враг Вам?» И услышал в ответ: «Вы ведь спрашивали, кого назначить, а не кто мне враг». Правитель Пин сказал: «Чудесно!» Затем он назначил Се Ху, и все государственные мужи остались довольны. Через некоторое время правитель Пин вновь спросил Ци Хуанъяна: «Кого бы назначить на незанятую должность нашего военачальника?» И услышал в ответ: «Предлагаю У». Пин спросил: «Но разве У не сын Вам?» И услышал в ответ: «Вы ведь спрашивали, кого назначить, а не кто мне сын». Правитель Пин сказал: «Чудесно!» Затем он назначил У, и все государственные мужи остались довольны.

Конфуций, прослышав об этом, сказал: «Ответы Ци Хуанъяна великолепны! Однажды не побоялся рекомендовать врага, в другой раз — сына. Ци Хуанъян заслуживает, чтобы его называли справедливым!»

Когда наставник моистов Фу Тунь служил в царстве Цинь, его сын убил человека. Циньский царь Хуэй сказал ему: «Вы уже немолоды, а других сыновей у Вас нет. Я дал указание чинам, чтобы его не казнили. Согласитесь с этим и вы». Фу Тунь ему отвечал: «У нас, моистов, есть закон, гласящий, что убийцу карают смертью, а нанесшего рану пытаются. Это для того, чтобы помешать убийствам и членовредительству. Кто мешает убийствам и членовредительству, исполняет великий долг в Поднебесной. И хотя Вы проявили милосердие и дали указание чинам не казнить его, я, Фу Тунь, не могу не последовать закону Мо-цзы».

Он не согласился с царем, и сына его казнили.

Человек не может не быть пристрастным, когда речь идет о его сыне. Фу Тунь, отвергший свои пристрастия ради следования великому долгу, конечно же, заслуживает, чтобы его назвали справедливым!

Глава вторая. Часть вторая.

О жизнелюбии

...Жители Юэ убили подряд трех правителей. Царевич Соу, устранившись той же участи, скрылся в Красных пещерах. Оставшись без правителя, юэсцы искали Соу, но не нашли в городе. Отправились за ним к Красным пещерам, но царевич отказался к ним выйти. Тогда юэсцы зажгли полынь и выкурили его вон, а потом возвели на царскую колесницу. Царевич Соу принял вожжи, взошел на колесницу и, взглянув на небо, сказал со вздохом: «Зачем же быть правителем?! Неужто нельзя обойтись без меня?!» Царевич Соу с ненавистью относился не к сану правителя, а к проистекающим от него напастям. Такие, как Соу, можно сказать, не желают государственными делами вредить собственной жизни. Вот поэтому-то юэсцы и желали заполучить его правителем.

Правитель Лу прослышал, что Янь Хэ — муж, постигший *дао*, (то есть Путь.— Пер.), и отправил к нему гонца с шелком в дар. Янь Хэ, в одежде из грубой шкуры, кормил буйвола. Когда прибыл посланец луского правителя, он сам вышел ему навстречу. Посланный спросил: «Это дом Янь Хэ?» Янь Хэ отвечал: «Да, дом Хэ». Посланец хотел вручить ему шелк, но Янь Хэ запротестовал: «Боюсь, вы не поняли повеления! Как бы вам не поставили этого в вину. Не лучше ли справиться еще раз?» Посланец пустился в путь, получил подтверждение и вернулся с тем же, но Хэ уже не застал.

Такие, как Янь Хэ, ненавидят не богатство и знатность сами по себе. Они ими пренебрегают оттого, что слишком ценят собственную жизнь. Нынешние властители в большинстве своем из-за богатства и знатности свысока глядят на постигших *дао*, не желают их знать. Разве это не прискорбно? А ведь сказано: «Истина *дао* в том, чтобы сохранять себя, прочее можно употребить на управление страной, а что останется — на наведение порядка в Поднебесной». В этом смысле труды предков и царей — то, к чему мудрец обратится в последнюю очередь, ибо это отнюдь не тот путь, на котором совершенствуют себя, вскармливают собственную жизнь.

Суетные правители нашего века ради погони за вещами готовы рисковать собой, позабыть о своей жизни. Однако можно ли таким образом достичь своего, выполнить, что задумано? Ведь деяния мудреца в том, чтобы познавать причины, по которым так происходит, по которым так поступают.

Ведь если некто станет стрелять жемчужиной суйского царя по птахе летящей на высоте в тысячу жэней, все будут над ним потешаться. А отчего? Да оттого, что он станет тратить нечто ценное ради достижения весьма ничтожного. Жемчужина суйского царя не ценнее ли малой пташки?!

Некогда Хуа-цзы изрек: «Превыше всего — сохранение жизни в полноте, затем следует жизнь с ущербом, затем — смерть, а самое ничтожное — жизнь под гнетом». Почитать жизнь — значит сохранять ее в полноте. В жизни, сохраняемой в полноте, все шесть желаний удовлетворяются должным образом. В жизни ущербной шесть желаний удовлетворяются отчасти, в ней меньше того, за что стоило бы ее почитать. Смерть — это когда уже ничего не ощущается, все, как до рождения. Жизнь под гнетом — это когда ни одно из шести желаний не удовлетворяется должным образом, когда приходится ощущать лишь ненавистное. Это унижение и позор! Нет большего позора, чем отказ следовать долгу, но этим позор жизни под гнетом не исчерпывается. Поэтому и говорится: «Лучше смерть, чем жизнь под гнетом». Почему так? Когда ушам приходится слышать то, что им ненавистно, это хуже, чем вообще не слышать. Когда глазам приходится видеть то, что им ненавистно, это хуже, чем вообще не видеть. Поэтому, когда гремит гром, затыкают уши, когда сверкает молния, закрывают глаза. Если сравнить с этим положение, при котором все шесть желаний вынуждены наткаться лишь на наиболее им ненавистное, когда не в состоянии этого избежать, для них предпочтительнее полное отсутствие того, чем воспринимают. Полное отсутствие того, чем воспринимают, у того, кто умер. Поэтому лучше смерть, чем жизнь под гнетом. Тот, кто любит угоститься мясом, не считает мясом дохлую крысу, и кто любит угоститься вином, не считает вином прокисшую бурду. Так и почитающий жизнь не считает настоящей жизнью жизнь под гнетом.

Глава седьмая. Часть пятая.

О милосердии

Правитель говорит не из любви к рассуждениям, и ученый спорит не из любви к словам. Один говорит только то, что соответствует законам жизни; другой спорит только о том,

что для него безусловно справедливо.

И потому стоит заговорить о долге, как цари, правители и большие люди устремляются к исполнению законов, а судьи и простой народ вступают на стезю долга. Когда же истина закона и долга воссияет во всей красе, тогда умелые в мятежах, разврате и разбое оказываются не у дел. Мятеж, разврат и разбой противоположны закону и долгу. Не может быть, чтобы обе эти противоположности существовали одновременно друг с другом. И посему, когда войско входит в пределы врага, тамошние горожане должны знать, что их имущество будет под защитой, а народ должен знать, что его не перебьют. И когда войско подходит к столичным предместьям, оно не должно губить посева, разрывать могилы, вырубать деревья, сжигать припасы, предавать огню дома, угонять скот, а если захватит пленных из горожан, то должно их отпустить, чтобы этим продемонстрировать любовь к простому народу и ненависть к его угнетателям.

Если войско внушает доверие народу, оно лишает враждебного правителя опоры. Если же и после всего этого окажутся ненавистники, упорствующие и преступные, не желающие подчиняться, против них можно применить и силу.

Прежде всего следует во всеуслышание объявить: «Наше войско пришло, чтобы спасти народ от смерти. Ваш правитель на своем высоком посту утратил *дао* и возгордился. Он празден, алчен, деспотичен, распутен и упрям. Он отошел от освященных древностью порядков, опозорил прежних царей своего рода, извратил смысл канонов. Он не следовал небу, не любил свой народ. Его налогам и поборам не было конца, он беспрестанно тянул деньги с подданных. Он осуждал и казнил невинных, награждал и жаловал недостойных. Таких, как он, небо карает, а люди ненавидят. Он недостойн быть правителем. Ныне наше войско пришло, дабы покарать недостойного, уничтожить врага человечества и последовать *дао* неба. Если в народе найдутся такие, которые пойдут наперекор воле неба и станут защищать врага человечества, они будут преданы смерти, а семьи их истреблены без пощады. Тот же, кто приведет к повиновению своих домочадцев, будет вознагражден вместе с ними. Кто приведет к повиновению деревню, будет пожалован деревней. Кто приведет к повиновению волость, будет пожалован волостью. Кто приведет к повиновению город, будет пожалован городом. Кто приведет к повиновению крепость, будет пожалован этой крепостью».

Следует покорять государства, а не карать народы. Поэтому карают лишь заслуживших кары, и только. Нужно выдвинуть способных мужей и пожаловать их уделами; нужно найти мудрых и добрых, оказать им почет и уважение; нужно осведомиться о вдовых и сирых, оказать им помощь и выказать сострадание. Нужно также принять старост и старейшин и их уважить; нужно прибавить всем жалованье и присвоить следующий чин; нужно рассмотреть дела осужденных, кого и освободить. Нужно разделить металл из государственных складов и зерно из государственных амбаров, дабы умиротворить народ. Не следует присваивать государственных сокровищ. Нужно справиться о святилищах и обрядах. То, от чего народ не хочет отказаться, следует восстановить, а список поминаемых при жертвах дополнить.

Имя поступающего таким образом будет прославлено мудрым, о его приверженности традициям будут говорить старосты и старейшины, а народ будет душой привержен ему за его добродетель.

Если, положим, нашелся бы человек, который сумел бы поднять из мертвых хотя бы одного, вся Поднебесная стала бы оспаривать право ему служить. Верное долгу войско поднимает из мертвых не одного, а многих. Могут ли люди не радоваться его приходу? Посему, когда является праведное войско, народ из соседних государств стекается к нему подобно потокам вод, народ завоеванного им государства взирает на него, как на отца и мать, и чем дальше оно продвигается, тем больше народу покоряется ему и принимает его закон еще до того, как воины успеют скрестить клинки.

Глава восьмая. Часть пятая.

О служилых

Когда циньский правитель Му правил колесницей, она вдруг подломилась, и правая пристяжная понесла. Ее потом поймали иньцы. Правитель сам отправился на поиски и у южного склона горы Ци застал иньцев, как раз намеревавшихся съесть его коня. Му тогда

молвил со вздохом: «Есть мясо доброго скакуна и не пить при этом вина! Боюсь, это может вам повредить!» Затем он поднес всем вина и удалился. Через год случилась битва на равнине Хань. Цзиньцы взяли колесницу правителя Му в кольцо, и Лян Юмин уже схватил под уздцы левую пристяжную из колесницы Му, а правый воин с колесницы цзиньского правителя Хуэя по имени Ци Фэнь метнул копье, и оно раскололо панцирь Му на шесть частей. Но триста иныцев, что когда-то ели конину у южного склона горы Ци, бились за Му изо всех сил у колес его боевой колесницы... Так одержал он великую победу над царством Цзинь и вернулся к себе с плененным правителем Хуэем. О таком вот и поется в песне:

Он честен с благородным,
 Чтоб славы тот хотел;
 Великодушен с подлым,
 Чтоб сил тот не жалел.

Как может властелин не следовать добродетели и не питать любви к людям, если, следуя добродетели и любя людей, он достигает народной любви. Если же народ любит высших, он рад за них умереть.

Чжао Цзянь-цзы обожал своих двух белых мулов. Но вот однажды заболел хранитель южной стены дворца Сюй Цюй. Тогда чиновник, служивший при дворовых воротах, явился ночью с докладом к дверям правителя. Он сказал: «Ваш слуга Сюй Цюй болен. Врачеватель сказал, что, если удастся достать печень белого мула, он остановит болезнь, если же нет, больной умрет». Когда он кончил говорить, Дун Аньюй, стоявший рядом с повелителем, раздраженно сказал: «Ха! Да ведь этот Сюй Цюй зарится на мула нашего правителя! Он достоин казни!» Цзянь-цзы сказал: «Убить человека, чтобы сохранить жизнь скотине, разве это доброта? Доброта в том, чтобы сохранить жизнь человеку, убив скотину!» И он позвал повара, чтобы тот убил мула, взял печень и отнес ее хранителю южной стены Сюй Цюю.

В скором времени Чжао поднял войска и повел их походом на племена ди. Чиновник, служивший при городских воротах, повел войска на штурм, имея семьсот воинов по правую и семьсот по левую руку. Они первыми взобрались на стены и пленили передовой отряд латников.

Так что властелин никак не может не привечать служилых. Ибо враг всегда является за выгодой, но, если ему грозит смерть, он сочтет выгодой уйти. Когда же все враги сочтут выгодой уйти, не с кем будет скрестить оружие.

Когда враг благодаря мне обретает жизнь, я благодаря ему обретаю смерть; когда враг благодаря мне обретает смерть, я благодаря ему обретаю жизнь. Можно ли не уделять внимания тому, получаешь ли ты жизнь от врага или враг получает жизнь от тебя, когда в этом самая суть военного дела, а существование и гибель, жизнь и смерть прямо зависят от этого?!

Глава девятая. Часть вторая.

О народе

Первые цари во главу угла ставили следование сердцу народному. И потому добивались славы и побед. Все они привлекали народное сердце своей добродетелью *дэ* и достигали славы через установление в мире порядка. Таких в прежние времена было немало. Не бывало лишь такого, чтобы прославили свои деяния утратой народного сердца.

Чтобы обрести сердце народное, нужно овладеть *дао*. Тогда и в государстве с десятью тысячами колесниц, и в городке в сто дворов не будет никого, кто не радовался бы. Обрести же то, чему радуется народ, означает обрести народ. Но мало ли чему радуется народ! Надо брать главное.

В старину Тан одержал победу над Ся и привел мир в порядок. Небо послало великую засуху, и пять лет подряд был неурожай. Тогда Тан самолично вознес молитвы в Саилине со словами: «Если преступлен я один, не простирай гнев на всех. Если преступны все, накажи меня одного. Нельзя, чтобы из-за того, что один был недостойн высшего бога Шанди, душ предков и духов природы, уничтожались жизни многих».

И он сбрил волосы с головы и стесал ногти на руках, принося себя в жертву; так молил он высшего бога Шанди о счастье. Народ возликовал — и хлынул ливень. Так сумел Тан повлиять на деяния духов предков, духов природы и исправить последствия дел человеческих.

Вэнь-ван поселился на горе Ци и стал служить Чжоу. Хотя обращались с ним жестоко и несправедливо, сам он был справедлив и послушен. И поутру и ввечеру поспешал он сообразно времени, всегда своевременно платил и был почтителем при жертвоприношениях и молитвах. Чжоу был им доволен, пожаловал ему титул властителя удела Си и отдал во владение тысячу ли земель. Узнав об этом, Вэнь поклонился до земли дважды и откасался, сказав: «Прежде прошу отменить казнь поджариванием».

Вэнь, конечно, не прочь был получить земли в тысячу ли, но, прося об отмене казни поджариванием, он желал непременно заполучить сердце народное. Ему казалось, что умнее получить сердце народное, нежели земли даже в тысячу ли. Потому-то он и прославился своей мудростью.

Царь Юэ страдал от позора после поражения при горе Куайци. Стремясь вернуть себе сердце народное, сразиться насмерть с У, он спал без изголовья и без циновки, не брал в рот сластей, не смотрел на красавиц, изнурял плоть трудами. У него растрескались губы и иссохла грудь. При дворе он относился к слугам как к родным, по всей стране пестовал народ, стараясь привлечь его сердца. Если редких яств с его стола не хватало на всех, он отказывался есть их; если у него случалось хорошее вино, он выливал его в реку, чтобы так разделить со своим народом. Он сам пахал и этим кормился, одевался в то, что наткала жена. В еде запретил изысканное, в одежде — пышное; не носил одновременно одеяний двух цветов. Пускался в путь по дорогам с телегой, нагруженной едой, высматривал сирот, вдовых, старых и слабых, сирых и хворых, нуждающихся и обремененных, падших духом и печальных ликом и сам их кормил. Он собирал всех служилых и, обращаясь к ним, говорил: «Желаю одного — поспорить с У ради блага Поднебесной. Ныне государства Юэ и У истощены друг другом. Но если благородные мужи положат свои животы за меня, я готов буду схватиться с царем У врукопашную и лягу вместе с ним в тот же день. Если же мое государство окажется неспособным нанести поражение У и даже с помощью других правителей я не сумею разбить моего врага на поле брани, я покину страну, оставлю подданных, опояшусь мечом и с кинжалом в руке, изменив внешность, стану служить под другим именем как последний слуга, с совком и метлой, чтобы однажды схватиться с царем У насмерть. И пусть голова моя расстанется с телом, а руки и ноги будут валяться порознь на позор всему миру, но я свершу свою волю!»

И однажды он сошелся с У в бою при Уху. Уские военачальники потерпели поражение, царский дворец был окружен. Городские ворота никто не защищал, и юэсцы схватили царя Фу Ча, убили первого министра. Через два года после уничтожения У юэский царь стал гегемоном, а случилось это оттого, что он следовал сердцу народному.

Глава одиннадцатая. Часть вторая.

О верности

Речи о высшей верности режут слух и смущают сердца. Никто не в силах выслушать их, кроме мудрого владыки. Ибо то, что вызывает радость мудрого владыки, гневит властителя недалекого.

Среди властителей нет ни одного, кто не ненавидел бы смуту и крамолу, и все же они сами навлекают их день за днем. Какой же прок от их ненависти к этим вещам?

Допустим, некто пожелал бы вырастить пышное дерево. Если он будет его все время поливать, он возненавидит это занятие; но если он каждый день станет отрубать по корешку, дереву не выжить. Те, кто не желает внимать речам о высшей верности, губят все лучшее в себе.

Чуский царь, Чжуан Ай, охотясь в Юньмэне, подстрелил самку носорога. Но сын властителя Шэнь, по имени Пэй, стал пререкаться с царем из-за добычи и забрал ее себе. Царь вознегодовал: «Это бунт и непочтительность!» Он хотел наказать Пэя, но советники, приблизившись, стали его уговаривать: «Пэй — мудрец и стоит сотни в свите государя. Его поведение непременно имеет основания. Следует иметь это в виду». Не прошло и трех месяцев, как Пэй заболел и умер. Чуский царь же поднял войска и в сражении при Лянтане одержал блестящую победу над царством Цзинь. По возвращении из похода, когда он награждал всех отличившихся, младший брат Пэя явился к чину, ведавшему наградами, и сказал: «Есть люди, заслужившие награды под знаменами, мой же брат заслужил награду у охотничьей колесницы». Царь спросил, что он имеет в виду, тот отвечал: «Мой брат был

груб по отношению к вам, государь, и за этот смертный грех был осужден молвой. Но в своем простом сердце он всегда оставался верен вам, государь, желая вам долголетия. Мой брат знал из древних записей, что тому, кто убьет самку носорога, не прожить и трех месяцев. Поэтому он, страшась за вашу жизнь, и спорил с вами из-за добычи. Вот и взял на себя грех, а потом умер». Царь послал людей отыскать в книгохранилище старые записи и справиться. Оказалось, есть такая запись. Тогда царь щедро наградил младшего брата Пэя.

Сколь славна верность Пэя! Понистине нет ничего выше поступка, совершаемого не ради того, чтобы об этом узнали, и от совершения которого не отказываются оттого, что он может остаться неизвестным.

У царя Ци появились болячки. Послали людей в царство Сун за Вэнь Ци. Вэнь Ци явился и, взглянув на болячки царя, сказал наследнику: «Царский недуг излечим, но для этого придется умертвить меня, Ци». Наследник спросил, в чем причина. Вэнь Ци отвечал: «Невозможно излечить этот недуг, если не прогневить царя. Если же я прогневлю царя, мне, Ци, придется умереть». Тогда наследник, склонившись перед ним, стал упрашивать: «Если царь поправится, я и моя мать станем изо всех сил просить за вас перед моим отцом, и царь, конечно, снизойдет к нашим мольбам. Прошу вас, преждевременный, не сомневайтесь в этом». Вэнь Ци сказал: «Хорошо. Раз уж вы настаиваете, чтобы я спас царя ценой собственной жизни...» И он стал приходить к царскому сыну во всякое время и с ним вместе заявляться к царю. После того как он проделал это трижды, царь впал в сильный гнев. Тогда Вэнь Ци вновь явился к царю, залез с ногами на царскую постель и осведомился о ходе болезни. Царь от гнева не мог вымолвить ни слова. Вэнь Ци тогда намеренно стал говорить такие слова, чтобы разгневать царя еще больше. Тогда царь выругался, встал, и недуг его прошел. Но он был в таком гневе, что велел живьем сварить Вэнь Ци. Наследник со своей матерью упрашивали его, но ничего не добились. Вэнь Ци стали варить в треножнике, кипятили три дня и три ночи, но он даже в лице не изменился. Наконец он сказал: «Если и вправду хотите меня убить, закройте треножник крышкой, чтобы прервать связь между силами *инь* и *ян*». Царь велел закрыть таган, и Вэнь Ци умер.

Следовать долгу в упорядоченном мире легко, в мире, охваченном смутой, куда труднее. Не то, чтобы Вэнь Ци не знал, что излечение недуга царя будет самому ему стоить жизни. Он пошел на это ради наследника, чтобы доказать свою верность долгу.

Глава одиннадцатая. Часть третья.

О неподкупности

Великого мужа нельзя опозорить никакими интригами. Такой почитаем больше богатых и знатных. Никакая выгода не увлечет его с истинного пути. Ни слава, как у правителя удела, ни сила, равная десяти тысячам колесниц, не заставят его свернуть с этого пути. Ибо если будет поругана его честь, в жизни для него не останется никакой радости.

Такой человек, даже получив власть, не станет ее употреблять в корыстных целях. Такой и на посту чиновника себя не опозорит. Даже если многие восстанут против него, он устоит. Таким и должен быть верноподданный, помышляющий о благе властителя и выгоде государства.

Если такому будет грозить даже гибель, он не отступится, пожертвует собой ради правителя и страны. Если в стране есть такие мужи, можно сказать, что в ней есть настоящие люди. Но их трудно найти, а еще труднее — распознать.

Царь У страстно желал убить царевича Цин Ци, но никак не мог этого сделать и оттого пребывал в печали. Тогда Яо Ли сказал: «Я, ваш слуга, могу это сделать». Уский царь сказал: «Куда уж там! Я шестеркой коней не сумел настичь его на берегу реки Цзян, я стрелял в него, и стрелы вонзались слева и справа, но ни одна не попала в цель. А ты мечом не достанешь ему до плеча, а если бросишься на его колесницу, не достанешь даже до переднего бруса. Где уж тебе!» Яо Ли сказал: «Когда речь идет о настоящем муже, можно сожалеть лишь о недостатке храбрости, но не умения. Если царь захочет мне помочь, я сделаю это». Царь согласился. На другой день он обвинил Яо в тяжком преступлении, велел схватить его жену и детей, сжечь их и пепел развеять. Яо Ли бежал. Он направился в Вэй и предстал там перед царевичем Цин Ци. Цин Ци обрадовался ему и сказал: «Уский ваш царь утратил *дао*. Вы сами в этом убедились, и все властители на местах об этом знают.

То, что вам удалось избежать его рук, прекрасно». Яо Ли поселился у царевича и через некоторое время обратился к нему: «Да, в У утратили *дао*, и конца этому не видно. Прошу вас взять меня с собой, когда пойдете на них походом». Царевич Цин Цзи сказал: «Непременно!» Когда они вместе переправлялись через Цзян и уже были на середине, Яо Ли выхватил меч, чтобы заколоть царевича Цин Цзи, но тот отразил удар и сбросил Яо в воду. Тот выплыл, и Цин Цзи пришлось вновь сбросить его в воду, и так три раза, пока царевич наконец не сказал: «Ты поистине настоящий муж в Поднебесной! Я дарю тебе жизнь, чтобы ты прославился своими подвигами!» Так Яо Ли избежал смерти и вернулся в У. Царь У так обрадовался, что хотел разделить с ним страну, но Яо сказал: «Это невозможно, ибо я должен умереть». Тогда уский царь стал урезонивать его, но тот сказал: «То, что ради нашего дела были убиты моя жена и дети и пепел их развеян по ветру, я считаю, с моей стороны было проявлением бесчеловечности. То, что ради нового господина я согласился пойти войной на старого, было с моей стороны изменой долгу. То, что, будучи трижды сброшенным в реку, я был помилован Цин Цзи, я считаю позором лично для себя. Бесчеловечному, изменившему долгу и опозоренному, я считаю, незачем жить». Уский царь не сумел его удержать, и он закололся мечом.

Яо Ли старался не ради награды. Поэтому даже при виде великой выгоды не мог изменить долгу. Это можно назвать неподкупностью. Неподкупность — это когда ни богатство, ни знатность не дают забыть о позоре.

У вэйского правителя И был слуга по имени Хун Инь. Пока он был в отъезде по поручению правителя, племена ди напали на Вэй. Тогда в народе заговорили: «У нашего правителя жалованье и посты получают журавли, в благородных и богатых ходят евнухи. Вот пусть и посылает своих журавлей и евнухов за него воевать, а нам чего ради?» И разбежались кто куда. Пришли ди и настигли И у заводи Юань. Они его убили и сожрали почти целиком, оставив только печень. Когда Хун Инь вернулся, он сделал этой печени доклад о своей поездке, а когда кончил, возопил к небу, зарыдал. Излив скорбь, он прекратил рыдания и сказал: «Прошу разрешения служить Вам покровом». Он распорол живот, вынул свои внутренности и поместил в утробу печень своего господина.

Когда правитель Хуань узнал об этом, он сказал: «Царство Вэй погибло из-за утраты его правителем *дао*, но, если в нем оставались такие подданные, невозможно его не сохранить!» И он вновь основал Вэй в Чуцю.

Хун Инь, можно сказать, сохранил истинную верность. Он отдал жизнь ради своего господина, но благодаря ему вновь был воздвигнут храм предков, жертвы им не прекратились. Это, можно сказать, подвиг!

Глава одиннадцатая. Часть четвертая.

О должном

Спорить, не имея здравых суждений, верить без достаточных на то оснований, геройствовать, не имея понятия об истинном долге, устанавливать суровые законы, не зная, к чему их должно применять, — это все равно что в смятении вскакивать на горячего скакуна, в безумии размахивать острым мечом. Из-за этих четырех вещей в Поднебесной и настает великая смута.

Спор хорош, когда он приводит к здравым суждениям; вера, когда она основывается на уважении к естественным основам; мужество, когда оно направлено на служение должному; закон, когда он направлен на должные цели.

Как-то удалец из шайки разбойника Чжи спросил у него: «Есть ли у разбойника свое *дао*?» Чжи ответил: «Как не быть. Как по интуиции он узнает, что за запорами что-то ценное, — в этом его мудрость. Входит первым — в этом его доблесть, выходит последним — в этом его долг. Знает время — в этом его разумность. Делит поровну — в этом его добропорядочность. В Поднебесной не было никогда великого разбойника, который, прежде чем стать им, не овладел бы этими пятью принципами. А вот насчет шести царей и пяти гегемонов — не знаю.. Яо, к примеру, не был чадолюбив. Шунь бывал непочтителен к родителю. Юй был непрочь поразвлечься. За Таном и У числились насилия и убийства. Пять гегемонов вынашивали планы мятежей и смуты. А между тем все теперь их восхваляют, люди их поминуют добрым словом. Какое ослепление!» И когда он стал умирать, решил прихватить с собой свой железный молот, приговаривая при этом: «Вот повстречаюсь там с

этими шестью царями и пятью гегемонами — проломлю им черепушки!» Чем так аргументировать, лучше не аргументировать вообще.

В Чу жил некий верный долгу. Его отец украл барана, и он донес об этом начальству. Власти схватили отца и приговорили его к наказанию. Тогда верноподданный стал просить, чтобы наказание было применено к нему, и обратился к судье со словами: «Отец украл барана, и я донес об этом. Разве этим я не доказал свою благонадежность? Когда отца приговорили, я просил, чтобы наказали вместо него меня. Разве этим я не доказал свою почтительность? Но если наказывать за благонадежность и почтительность, то разве останутся в стране невиновные?» Узнав об этом случае, чуский царь велел дело прекратить. Когда же об этом услышал Конфуций, он произнес: «Вот это благонадежность, даже странно! Отец у него один, а прославился он дважды». Так что, чем благонадежность верного долгу, лучше уж никакой благонадежности вообще...

Глава двенадцатая. Часть вторая.

О долге

Служилый муж — это человек, которого ничто не заставит отступить от морального долга. В момент испытания он забывает о выгоде, оставляет попечение о своей жизни и следует только ему. На смерть он смотрит как на возвращение. Такого человека нелегко заполучить в помощники правителю страны, нелегко заполучить в подданные сыну неба. Величайшие из таких способны установить порядок в мире, менее великие — в стране, но без них вообще ни то, ни другое невозможно. Поэтому те из владык, кто стремится совершить великие дела и прославить свое имя, не могут не искать повсюду таких людей. Разумный правитель из всех дел правления поэтому больше всего озабочен именно поисками таких людей.

В царстве Ци жил некий Бэй Госоа. Чтобы прокормить свою мать, он плел сети и верши, собирал тростник и камыш и плел из них сандалии. Когда же этого оказалось недостаточно, он направил стопы к воротам дома Янь-цзы и, явившись к нему, сказал: «Прошу милостыню, чтобы прокормить мать». Слуга Янь-цзы ему пояснил: «Этот человек известен в Ци своим умом. Он считает своим долгом не служить Сыну Неба, не водить дружбы с местными правителями, так как не ищет выгоды и не знает страха. Раз он обратился к вам за милостыней для матери, это означает, что он радуется вашей верности долгу. Надо дать». Янь-цзы послал человека в амбар за зерном, в сокровищницу за золотом. Бэй взял зерно, но золото отверг. Через некоторое время Янь-цзы впал в немилость у циского правителя, принужден был бежать из страны, но, проходя мимо дома Бэй Госоа, заглянул проститься. Бэй Госоа как раз мылся, но все же вышел, чтобы принять Янь-цзы, и спросил: «Куда направляетесь?» Янь-цзы ответил: «Увы, я впал в немилость, приходится бежать». Бэй Госоа сказал: «Желаю вам избежать худшего». Янь-цзы взошел на колесницу и вздохнул: «Да, мне, Ину, и впрямь надо бежать. Я совершенно не знаю людей!» Когда он уехал, Бэй позвал к себе друга и сказал: «Я всегда радовался верности долгу у Янь-цзы, потому и попросил у него на пропитание матери. Но я слышал также, что тому, кто помог тебе прокормить родных, нужно всегда помогать в беде. Ныне Янь-цзы впал в немилость, и я хочу своей смертью заслужить для него прощение». Он оделся, покрыл голову и в сопровождении друга, с мечом и бамбуковой корзиной в руках отправился ко двору правителя. Там он вызвал управляющего и сказал ему: «Янь-цзы — истинно разумный муж в Поднебесной. Если он покинет нас, на Ци нападут. Лучше умереть, чем видеть гибель своей страны. Головой отвечаю за Янь-цзы». Затем он сказал своему другу: «Положишь мою голову в корзину и передашь вместе с моими словами». Затем он отступил на шаг и закололся. Его друг передал его голову и просьбу о прощении Янь-цзы, а затем обратился к присутствующим: «Бэй Госоа умер за страну, а я умираю за Бэй Госоа!» И он также отступил на шаг и закололся. Когда циский правитель услышал об этом, он пришел в ужас. Вскочил на колесницу, и сам погнался за Янь-цзы. Настиг его уже на границе и стал уговаривать вернуться. Янь-цзы ничего другого не оставалось. Когда он узнал, как Бэй Госоа ценой своей жизни добился для него прощения, он сказал: «Да, мне и впрямь надо было бежать — я знаю людей еще меньше, чем предполагал!»

Глава двенадцатая. Часть пятая.

О достоинстве

Жизнь, конечно, важнее Поднебесной. И все же государственный муж жертвует собой для других. В том, что он жертвует собой ради других, его высокая ценность, поэтому-то его и стараются всеми способами заполучить к себе на службу. Когда разумный правитель умеет отличить такого мужа, тот отдает все силы и знания, правдив в речах, готов к борьбе и не отступит перед угрозой.

Таковы были Юй Ян и Гунсунь Хун. В свое время их сумели нанять властитель Чжи и мэнчанский правитель.

Нынешние властители радуются, когда им достаются сто ли земли, и соседи со всех сторон спешат их поздравить. Но они не так уж рады, когда на службу к ним поступает настоящий государственный муж, да и поздравлять с этим никто не спешит. Это оттого, что они не прониклись пониманием, что важно, что нет.

Тан и У располагали всего лишь тысячей боевых колесниц, но мудрые мужи шли к ним на службу. Цзе и Чжоу владели Поднебесной, но мудрые мужи их покидали. Конфуций и Мо-цзы были мужами в холщовой одежде, но ни обладатели десяти тысяч колесниц, ни повелители с тысячько колесниц не могли поспорить с ними. Из этого видно, что знатности, благородства самих по себе еще недостаточно, чтобы привлечь достойного человека. Это становится возможным, только если сам стремишься его разыскать.

Друг Юй Яна как-то спросил у него: «Отчего вы так непоследовательны? Прежде вы служили родам Фань и Чжунхан, но, когда их уничтожили, вы и не помышляли о мести. Отчего же вы ныне так стремитесь отомстить за род Чжи?» Юй Ян ответил: «Я скажу вам отчего. Когда я дрожал от холода, Фань и Чжунхан меня не одели, когда я умирал от голода — не накормили. А потом заставили меня искать пропитание в числе прочих. Они смотрели на меня как на одного из толпы, и служил я им как один из толпы. А с Чжи было иначе. Когда я отправлялся с поручением, мне давали колесницу, а когда возвращался назад, меня ждал роскошный стол. При дворе толпилась масса народу, но внимание всегда оказывалось мне лично. Во мне видели государственного мужа, вот я и служил как государственный муж». Юй Ян был поистине мужем государственным, но и он обращал внимание на отношение к нему лично.

Когда мэнчанский правитель присоединился к союзу Цзун, Гунсунь Хун ему сказал: «Не лучше ли было послать кого-нибудь на запад к циньскому царю, имею в виду, что циньскому царю суждено стать владыкой над всеми царями. Вам следует опасаться того, что, став подданным Цинь, вы будете вызывать гнев тем, что присоединились в свое время к Цзун». Мэнчанский правитель сказал: «Что ж, прекрасно. Попрошу вас отправиться туда». Гунсунь Хун почтительно согласился и во главе десяти колесниц отправился в Цинь. Узнав про это, циньский царь Чжао пожелал его осрамить в разговоре, чтобы посмотреть, чего он стоит. Когда Гунсунь Хун предстал перед Чжао, тот спросил: «Сколько велики владения Сюэ?» Гунсунь Хун отвечал: «Сто ли». Тогда царь Чжао рассмеялся и сказал: «В моем царстве тысячи ли, но я не решаюсь грозить другим. Земли же мэнчанского правителя составляют всего лишь сто ли, а он тем не менее мне, несчастному, угрожает. Как это возможно?» Гунсунь Хун отвечал: «Мэнчанский правитель любит государственных мужей, а вы, великий государь, как видно, их не жалуете». Чжао спросил: «В чем же проявляется любовь мэнчанского правителя к государственным мужам?» Гунсунь Хун отвечал: «Есть люди, которые считают своим долгом не служить сыну неба и не водить дружбы с местными правителями, так как они не ищут выгоды и не знают страха. Таких у нашего правителя трое. Есть люди, способные управлять так, что у них могли бы поучиться Гуань Чжун и Шан Ян, радующиеся долгу и способные сделать своего правителя гегемоном и царем. Таких у нашего правителя пятеро. И есть люди, которые, будучи посланниками, способны в ответ на унижения, чинимые суровым владыкой десяти тысяч колесниц, тут же перед ним пронзить себя мечом и кровью обогреть свои одежды. Таких у нашего правителя семеро». Тогда царь Чжао рассмеялся и, извинившись, сказал: «Ну, зачем же так. Я высоко ценю мэнчанского правителя и прошу вас передать ему слова моего благоволения». Гунсунь Хун почтительно согласился.

О Гунсунь Хуне можно сказать, что он не позволял себя задевать никому. Ведь царь Чжао был великим царем, а у мэнчанского правителя была всего-то тысяча колесниц. Стоять за тысячу колесниц так, чтобы тебя не могли унижить, — это мог действительно государственный муж!

Вёсны и осени Янь-цзы

(фрагменты)

О том, как Цзин-гун увидел на охоте тигра и змею

Цзин-гун отправился на охоту. Поднялся в горы — увидел тигра. Забрался в болота — увидел змею. Вернувшись обратно, призвал к себе Янь-цзы и спросил его: «Сегодня я охотился. Поднялся в горы — увидел тигра; забрался в болота — увидел змею. Не является ли это дурным предзнаменованием?»

«Существует три дурных предзнаменования для государства, — ответил Янь-цзы, — но увиденное Вами не имеет к этому никакого отношения. Когда правитель не знает о том, что в его царстве есть мудрые люди, — это первое дурное предзнаменование. Когда он знает об этом, но не привлекает их к себе на службу — это второе дурное предзнаменование. Когда же правитель назначает мудрого на должность, но не доверяет ему — это третье дурное предзнаменование. Вот что имеют в виду, когда говорят о дурных предзнаменованиях. Вы же увидели тигра, поднявшись в горы, змею — забравшись в болото. Но горы — это логово тигра; болото — это змеиня нора. Что же необычного в том, что Вы увидели тигра в его логове, а змею — в ее норе?»

О том, как два персика убили трех мужей

Три достойных мужа — Гунсунь Цзе, Тянь Кайцзян и Гу Е-цзы — служили Цзин-гуну. Они прославились своей храбростью и силой. Говорили, что они голыми руками могли одолеть тигра.

Однажды мимо трех мужей проходил Янь-цзы, а те даже не встали при виде его. Янь-цзы вошел к правителю и сказал ему: «Слышал я, что мудрый государь держит у себя на службе храбрых и сильных людей для того, чтобы утвердить взаимоотношения между правителем и подданным, соблюдать правила поведения начальника и подчиненных, в пределах государства предотвращать мятеж, а за его пределами — устрашать врагов. Подвиги таких людей идут на пользу государю, а их храбрость вызывает чувство уважения подданных. Поэтому-то они и занимают высокое положение и получают щедрое жалованье. Нынче же храбрые и сильные люди, состоящие на службе у Вас, о государь, не знают, каковы должны быть взаимоотношения между правителем и подданным, не соблюдают правил поведения подчиненных по отношению к начальнику. Поэтому в пределах государства они не могут предотвратить мятеж, а за его пределами — устроить врагов. Они опасны для государства. Вам следует покончить с ними».

«Хорошо, — отвечал правитель, — но если попытаться схватить их, они вырвутся, а если вознамериться заколоть их — они увернутся!»

«Но все они — люди, всегда рассчитывающие только на свою силу в схватке с врагом. Они не знают, как должны вести себя младшие по отношению к старшим. Это-то и окажется для них роковым», — сказал Янь-цзы.

И он попросил правителя послать им два персика со словами: «Съеште эти персики, ведь ваши заслуги так велики!»

Гунсунь Цзе глубоко вздохнул, поднял глаза к небу и сказал: «Поистине мудр этот Янь-цзы! Если бы правитель, зная о моих заслугах, не дал бы мне персика, то это означало бы, что я недостаточно храбр. Нас много, а персиков всего два. Придется отведать персиков тем, кто имеет большие заслуги. Однажды я голыми руками сладил с вепрем, в другой раз — одолел тигрицу. Мои заслуги позволяют мне съесть персик и не быть ровней другим». С этими словами он взял персик и встал.

«Мне дважды приходилось в одиночку отражать своим мечом натиск трех армий, — сказал Тянь Кайцзян. — Мои заслуги тоже позволяют мне съесть персик и не считаться с другими». Он взял персик и встал.

«Некогда мне пришлось вместе с правителем переправляться через Хуанхэ,— сказал Гу Е-цзы.— Вдруг огромная черепаха схватила левую пристяжную и вместе с ней нырнула в воду около утеса Чжичжу. Тогда я был еще молод и не умел плавать. Поэтому я опустился на дно и прошел по нему сто шагов против течения и девять ли по течению, схватил черепаху и убил ее.левой рукой держа пристяжную за хвост, а правой придерживая голову черепахи, я выпрыгнул из воды. Все люди на переправе приняли меня за водяного. Так что мои заслуги также позволяют мне съесть персик и не равняться с другими. Вы двое должны вернуть мне персик!» С этими словами он выхватил меч и встал.

Гунсуи Цзе и Тянь Кайцзян воскликнули в один голос: «Наши заслуги — ничто по сравнению с твоими, а храбростью мы уступаем тебе. Когда мы взяли по персику, в нас говорила жадность. За это следует заплатить жизнью, ибо в противном случае про нас скажут, что недостаточно храбры».

Тут они возвратили свои персики и покончили с собой.

«Обоих их нет уже в живых, я один еще не умер, и это негуманно с моей стороны,— сказал Гу Е-цзы.— Я обидел их своими речами, преувеличив к тому же свои подвиги, и это несправедливо. Сейчас я сожалею о содеянном, то, что я остаюсь живым,— проявление моей недостаточной храбрости...» И тогда он положил обратно персики и покончил с собой.

Человек, посланный правителем, доложил ему: «Всех троих уже нет в живых». И правитель приказал похоронить их с почестями.

О том, как Янь-цзы был послом в царстве У

Однажды Янь-цзы был послан в царство У. «Я знаю, что Янь Ин славится на севере как человек красноречивый и прекрасно разбирающийся в правилах поведения людей»,— сказал своим приближенным правитель царства У. И он приказал чиновнику, ведавшему придворными церемониями: «Когда появится наш гость, объяви: «Сын Неба просит пожаловать!»».

На следующий день прибыл Янь-цзы. «Сын Неба просит пожаловать!» — объявил приближенный правителя. Янь-цзы изобразил на лице испуг, но не двинулся с места. «Сын Неба просит пожаловать!» — вновь объявил приближенный. Янь-цзы снова сделал вид, что перепуган, но остался стоять. Снова возвестили: «Сын Неба просит пожаловать!», но Янь-цзы в третий раз ограничился тем, что притворился испуганным.

«По приказу правителя моего ничтожного государства я намеревался прибыть в качестве посла ко двору усюго царя,— сказал он наконец,— но по своему невежеству я, видно, перепутал дорогу и попал к самому Сына Неба. Не скажете ли, как проехать в царство У?»

И тогда правитель У велел объявить: «Фу Ча просит пожаловать!» Он принял Янь-цзы, как подобает принимать посла соседнего государства.

О том, как Янь-цзы был послом в царстве Чу

Однажды Янь-цзы был послан в Чу. Воспользовавшись тем, что Янь-цзы был маленького роста, чусцы, желавшие унижить его, сделали дверцу рядом с городскими воротами и пригласили Янь-цзы войти в нее. Но тот отказался это сделать, сказав: «Через отверстие для собак в город входит только тот, кто отправляется послом в собачье государство. Но я прибыл в качестве посла в царство Чу, и мне не подобает входить в город через эту дверцу». И тогда чиновник, встречающий Янь-цзы, пригласил его войти через главные ворота.

Началась аудиенция у правителя Чу. «Что, разве в государстве Ци вообще нет людей?» — спросил правитель. «В городе Линьцзы триста кварталов,— отвечал Янь-цзы.— Если жители нашей столицы расправят рукава, на улице города падает тень. Если они смахнут с лица капельки пота, пойдет дождь. В нашем городе жители касаются друг друга плечами и наступают друг другу на пятки. С чего Вы, правитель, взяли, что в царстве Ци вообще нет людей?» «Но почему же в таком случае именно Вас послали к нам?» — спросил правитель Чу. «Видите ли,— ответил Янь-цзы,— в царстве Ци есть такое правило: людей мудрых отправляют послами в достойные государства, а в недостойные посылают глупых. Я — самый глупый из всех жителей царства Ци и мог претендовать только на то, чтобы стать послом при дворе чусюго правителя».

О том, как чуский царь решил опозорить Янь-цзы

Янь-цзы собирался отправиться послем в Чу. Правитель Чу узнал об этом и сказал своим приближенным: «Янь Ин — известный спорщик из Ци. Я хочу унижить его. Что бы такое придумать?»

«Когда он приедет, — отвечали приближенные, — прикажите связать человека и провести его мимо дворца. Вы, о, правитель, спросите: «Что это за человек?» И Вам ответят: «Это человек из царства Ци». «А какое преступление совершил он?» — опять спросите Вы. И Вам ответят: «Он уличен в воровстве».

Когда Янь-цзы прибыл ко двору чуского правителя, тот стал угощать его вином. Все немного захмелели, и тогда двое тюремщиков связали человека и подвели его к правителю. «Кто этот связанный человек?» — спросил правитель. «Это человек из царства Ци, — был ответ, — он уличен в воровстве».

Правитель посмотрел на Янь-цзы и спросил его: «А что, в царстве Ци действительно все жители воры?»

Янь-цзы встал с циновки и ответил: «Я слышал, что апельсин, вырастающий в местности к югу от реки Хуай, всегда остается апельсином. Если же он вырастает в местности к северу от реки Хуай, он превращается в горький померанец. Листья у них похожи, а вкус плодов различен. Почему это так? Вода и земля разные. Так и люди — живет человек в царстве Ци и не ворует, а приедет в Чу — становится воров. Видно, вода и земля в Чу таковы, что вызывают у людей желание воровать!»

Правитель рассмеялся: «Никогда не следует шутить над мудрым человеком. Я хотел унижить Вас, а в результате сам попал впросак».

О том, как Цзин-гун решил наказать Янь-цзы

На пиру у Цзин-гуна ему прислуживал Тянь Хуань-цзы. Увидев Янь-цзы, он сказал правителю: «Следует наказать Янь-цзы». «А что случилось?» — спросил Цзин-гун. Тянь Хуань-цзы ответил: «Янь-цзы носит халат из грубой материи и шубу на оленьем меху. Он приезжает на аудиенцию на простой повозке, запряженной клячей. Тем самым он хочет показать, что правитель недостаточно щедро одаривает его». «Если это так, то его действительно следует наказать», — сказал правитель.

Янь-цзы занял свое место. Виночерпий поднес ему чарку с вином и сказал: «Правитель приказал наказать Вас». «А что случилось?» — спросил Янь-цзы. Тогда Тянь Хуань-цзы сказал ему: «Правитель пожаловал Вам должность первого министра и тем оказал Вам большую честь. Он подарил Вам миллион монет, чтобы обеспечить достаток Вашей семье. Вы занимаете самое высокое положение среди всех приближенных и получаете самое большое жалованье. И вот Вы носите халат из грубой ткани и шубу на оленьем меху, а на аудиенцию приезжаете в грубой повозке, запряженной клячей. Этим Вы, видимо, хотите показать, что правитель недостаточно щедро одаривает Вас. За это-то и следует наказать Вас».

Янь-цзы встал с циновки и спросил правителя: «Что мне лучше сделать сначала — выпить или ответить?» «Отвечайте, а потом будете пить», — сказал правитель.

«Вы, о, правитель, пожаловали мне должность первого министра и тем оказали мне большую честь, но я принял эту должность не из желания прославиться, а только лишь подчиняясь Вашему приказу. Вы подарили мне миллион монет, чтобы обеспечить достаток моей семье, но я принял этот подарок не из желания разбогатеть, а только потому, что это даровано мне правителем.

Я слышал, что если в древности мудрый подданный правителя получал богатые подарки и не заботился о своем государстве и о своем клане, то он был достоин порицания. Если, занимая должность, он не справлялся со своими обязанностями, его также следовало порицать. Если бы среди царских слуг и моих родственников были бы такие, кто, не имея средств к существованию, скитался бы по захолустью, это была бы моя вина. Если бы среди подданных царя и моих подчиненных были бы такие, кто покинул свою должность и отправился странствовать, это была бы моя вина. Моя вина в том, что армия у нас недостаточно вооружена, а колесниц не хватает. Разве я приезжаю на аудиенцию в простой повозке, запряженной клячей, не для того, чтобы продемонстрировать тем самым, что я понимаю свою вину?»

К тому же благодаря подаркам правителя мои родственники по отцовской линии имеют возможность ездить в повозках, у родственников по материнской линии достаточно одежды и пищи, среди родственников по линии жены нет страдающих от холода и голода, а самому мне прислуживают и освещают мне факелами дорогу сотни знаменитых в нашем государстве мужей.

Если это так, то хочу ли я показать, что подарки правителя чрезвычайно щедры, или же стремлюсь продемонстрировать то, что они недостаточны?»

«Вы правы,— сказал правитель,— наказания заслуживаете не Вы. Его заслуживает Тянь Хуань-цзы».

О том, как Цзин-гун предложил Янь-цзы сменить место жительства

Цзин-гун предложил Янь-цзы переехать жить на другое место: «Живете Вы вблизи рынка, в месте сыром и грязном, не пригодном для жилья. Переезжайте-ка на просторное и удобное место!»

«Здесь жили Ваши бывшие министры,— отказался Янь-цзы,— и если я сочту это место неудобным, то тем проявлю стремление к роскоши. К тому же если маленький человек живет рядом с рынком, то он постоянно имеет возможность купить там все, в чем нуждается. Разве это ему неудобно? Стоит ли после этого причинять беспокойство живущим в богатых городских кварталах?»

Правитель рассмеялся: «Вот Вы живете рядом с рынком, а знаете ли Вы, что сейчас в цене и что не пользуется спросом?» «Раз уж я извлекаю из этого пользу, то могу ли я не знать этого?» — был ответ. «В таком случае, что же сейчас ценится, а что нет?» — спросил правитель.

В то время Цзин-гун ввел жестокие законы, по которым было предусмотрено такое наказание, как отрубание ног, и поэтому были люди, покупавшие на рынке костыли.

«Костыли стоят сейчас дороже туфель!» — ответил Янь-цзы правителю. Тот изменился в лице и вскоре отменил некоторые наказания.

КОММЕНТАРИИ

«Вёсны и осени господина Люя»

Цзиньский правитель Пин (Цзинь Пин-гун) царствовал в Цзинь с 558 по 532 г. до н. э. Ци Хуанъян был его министром.

Циньский царь Хуэй правил с 399 по 384 г. до н. э. Фу Тунь, последователь школы Мо-цзы, был министром Хуэя и современником конфуцианца Мэн-цзы.

Царевич Соу, устранившись той же участи, скрывается в Красных пещерах Даньсюэ. — В комментаторской литературе предлагается несколько чтений и, соответственно, идентификаций имени «Соу». Мы не будем заниматься розысканиями, а предлагаем читателю рассматривать царевича Соу просто как литературного героя. Случай с ним, как и последующие эпизоды с Хуа-цзы и Янь Хэ, приводятся также в главе 28 книги «Чжуан-цзы», но в ином порядке и с некоторыми разночтениями.

Красные пещеры (буквально Киноварные), согласно свидетельствам древних, находились в пятистах ли к югу от Шаньдуна, на окраине царства Юэ, а быть может, даже за его пределами. Свое название получили от ярко-красного, киноварного цвета.

Чтобы сохранять себя. — У Чжуан-цзы — «совершенствовать себя», что более логично для данного текста.

Жемчужина суйского царя. — Изумительная по красоте жемчужина, в древнем Китае ее красота вошла в поговорку. Согласно легенде, ее достал Священный Змей из обильной жемчужом реки Бу, протекавшей через царство Суй, и поднес одному из суйских царей в благодарность за собственное спасение.

Шесть желаний. Это понятие известно в Китае уже в своей буддийской интерпретации и объединяет совокупность страстей, мешающих человеку вырваться из круга перерождений. К ним относится наслаждения цветом, формой, музыкой, речами, прикосновением, властью и положением, мечтаниями. В древности, по-видимому, означало, все возможные желания, порождаемые шестью органами чувств (зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием и чувствительным бесплотным).

Хуа-цзы (Цзы Хуа-цзы) — житель царства Сун, последователь древнего философа Ян Чжу. В даосских книгах «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы» имеются рассказы о Хуа-цзы, очень созвучные данному фрагменту.

Тан и У. Цзе и Чжоу.— Тан — это император Чэн Тан (1711—1698 гг. до н. э.), основатель династии Инь, У — император У-ди, основатель следующей за ней династии Чжоу. Оба они в китайской традиции предстают идеалом добродетельного правителя Поднебесной, благодаря заслугам которого существует созданная им династия, пока запас ее духовной потенции до не израсходован. Цзе и Чжоу — это Цзе-ван и Чжоу Синь, последние императоры предшествовавших династий, запятнавшие себя распутством и многочисленными злодеяниями. Они были не только духовными антагонистами Тана и У, но также их противниками на поле боя и пали от их рук. Цзе и Чжоу, от которых, согласно преданию, «отвернулось небо», традиционно олицетворяют зло и неправду.

Циньский царь Му правил в 659—637 г. до н. э.

Лян Юмин — один из богатырей цзиньского царя Хуэя.

Чжао Цзянь-цзы — глава знатного цзиньского рода; впоследствии основал небольшое самостоятельное царство Чжэн.

Сюй Цюй из Янчэна... Некий чин из Гуанмэня.— Идентификация названий здесь не совсем ясна. Вполне возможно, что иероглифы «Янчэн» (переведенные здесь как «Южная стена») составляют часть имени Сюй Цюя, а слово «Гуанмэнь» — это название должности привратника при каких-то «широких» (дворцовых?) вратах. Так, во всяком случае, переводит этот отрывок Р. Вильхельм (см. его: *Frühling und Herbst des Lu Bu Wei.*— Яена, 1918.— S. 102—103).

Десять тысяч колесниц — символизировали крупное, царство могущее претендовать на власть во всей Поднебесной.

В старину Тан одержал победу над Ся.— Имеется в виду родоначальник иньской династии Чэн Тан, одержавший победу над Цзе-ваном, последним правителем династии Ся.

Тан самолично вознес молитвы в Санлине.— Санлинь — буквально «Тувый лес», священная роща на горе, где иньцы приносили жертвы Небу. Источники сообщают, что после продолжавшейся в течение семи лет засухи, когда никакие моления не помогали, было решено совершить в Санлине человеческие жертвоприношения Небу. Думается, однако, что самопожертвование Чэн Тана явилось в данном случае не вполне добровольным. Дело в том, что он, будучи вождем племени, был одновременно и верховным жрецом, то есть нес моральную ответственность за неудачные попытки избавить своих сородичей от стихийного бедствия. Ведь и впоследствии случилось, что шамана и шаманку, которым не удавалось вызвать дождь, страдающие от засухи крестьяне либо возводили на костер, либо просто выставляли под палящее солнце в надежде, что ради своей жизни те постараются как следует и дождь наконец хлынет. Видимо, нечто подобное имело место и с Чэн Таном.

Высший бог Шанди — главное небесное божество древних китайцев.

И он сбрил волосы с головы... Чэн Тан срезал волосы и ногти, а затем сжег их, желая ограничиться символическим жертвоприношением. Поскольку это успеха не возымело, он сам, очистившись и покаявшись в грехах, взошел на костер. Однако как только огонь был зажжен, загремел гром, полил сильный дождь, и огонь погас.

Царь Вэнь поселился на горе Ци и стал служить Чжоу.— У горы Цишань располагалась главная ставка вождя чжоуских племен, известного под своим посмертным титулом Вэнь-ван (Царь Просвещенный). Вэнь-ван был отцом будущего императора У-вана и даником последнего иньского императора Чжоу Синя. Тиран Чжоу Синь с большим недоверием относился к Вэнь-вану, постоянно усиливавшему свое влияние. Долгое время он держал его в подземной темнице (где тот якобы, создал 64 гексаграммы «Книги Перемен»). Однако, угостив как-то раз узника супом из его собственного сына (вариант известного в мировой литературе сюжета «Пир Атрея»), который тот покорно съел, тиран решил, что Вэнь-ван ему не опасен. Ублаженный дарами, он даже пожаловал Вэнь-вану титул Сибо (Владыка Запада) вместе с соответствующими землями (которыми тот владел и без того). Осторожная политика Вэнь-вана привела к желаемому результату, и созданное им государство (правда, уже после его смерти) одержало решительную победу над государством Инь.

Казнь поджариванием.— Человека привязывали к раскаленному медному столбу, внутри которого были уголья, и он как бы поджаривался на медленном огне, погибая в страшных мучениях. Согласно другой версии, преступника заставляли идти над костром по раскаленному медному брусу, смазанному маслом,— в конце концов, тот срывался и падал в огонь.

Царь Юэ.— Имеется в виду Гоу Цзянь, правивший в Юэ с 497 по 464 г. до н. э. Его противником был Фу Ча (или Фу Чай), правивший в другом южнокитайском царстве У с 495 по 473 г. до н. э.

Уху — город и уезд под таким названием находятся на территории современной провинции Аньхой.

Юэский царь стал гегемоном.— В так называемый период «Весен и осеней» (VII—II вв. до н. э.), о котором повествует одноименная летопись Конфуция, а также в последующий период «Сражающихся царств» власть Сына Неба все в большей степени становилась номинальной. На фоне ослабления «законной» центральной власти разгоралась борьба за гегемонию над всем Китаем между бывшими удельными правителями, фактически превратившимися в независимых государей. В различное время такими гегемонами были правители нескольких крупнейших царств (например, Фу Ча, Гоу Цзянь и более ранние «пять гегемонов», о которых см. ниже).

Чуский царь Чжуан Ай, известный под именем Чжуан-вана, правил в Чу с 614 по 591 г. до н. э.

Юньмэн («Туманные и Сонные») — огромные заболоченные угодья по обоим берегам реки Янцзы на территории современной провинции Хубэй. В древности их ширина составляла около 350 км, они изобиловали разнообразной крупной дичью и птицей, служа излюбленным местом охоты чуских царей. Впоследствии от них осталось лишь несколько небольших озер.

Царевич Цин Цзи был полководцем царства Вэй, воевавшим с царством У. Река Цзян — это Янцзы.

Вэйский правитель И (И-гун) правил в царстве Вэй с 668 по 661 г. до н. э. Вошел в историю как правитель, пренебрегавший своим долгом перед народом и потому заслуживший кару неба. Все свое время он посвящал не государственным делам, а журавлям, которых очень любил. На их содержание он тратил огромные средства, в то время как народ голодал. Наиболее ранняя версия рассказа о гибели И содержится в летописи «Цзо Чжуань» под вторым годом правления Минь-гуна.

Правитель Хуань (Хуань-гун), царь Ци, был в то время «гегемоном», то есть фактическим владыкой Китая. После разгрома вэйской армии кочевниками и гибели И он послал войска, дабы уберечь жителей вэйского царства от полного уничтожения.

Чуцю (буквально «Терновые холмы») — древний город, находившийся на территории современной провинции Хэнань.

Разбойник Чжи — известнейший персонаж древней китайской литературы. Подробнее о нем см. у Чжуан-цзы (русский перевод в кн. Л. Д. Позднеевой «Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая». — М., 1960. — С. 28).

Шесть царей — совершенномудрые правители древности, превозносимые конфуцианцами. Кроме перечисленных в тексте к ним относился также Вэнь-ван, основатель династии Чжоу.

Пять гегемонов — пять царей, поочередно претендовавших на высшую власть в Китае в эпоху «Весен и Осеней» (циский Хуань-гун, 685—643 гг.; сунский Сян-гун, 650—637 гг.; цзиньский Вэнь-гун, 635—628 гг.; циньский Му-гун, 659—621 гг.; и чуский Чжуан-ван, 613—591 гг. до н. э.).

Мэнчанский правитель (Мэнчан-цзюнь) — известный политический деятель из царства Ци, впоследствии был оклеветан врагами и погиб. Подробнее его жизнеописание см. у Сыма Цяня в его «Исторических записках» (глава 75).

отомстить за род Чжи, то есть род своего покровителя Чжибо, обладавшего огромной властью в царстве Цинь и убитого там в 453 г. до н. э.

союз цзун («поперечный союз») назывался так потому, что состоял из царств, протянувшихся с севера на юг Китая. Был организован для отпора возвышающемуся царству Цинь, которое впоследствии все же подчинило себе весь Китай.

Гуань Чжун, или Гуань-цзы, — крупный государственный деятель и философ (VIII—VII вв. до н. э.). Бывший раб, он стал впоследствии фактическим вдохновителем политики циского царя Хуань-гуна, первого «гегемона» Китая. Гуань Чжуну приписывается также авторство высказываний, вошедших в философский трактат «Гуань-цзы».

Шан Ян (Гунсунь Ян, 390—338 гг. до н. э.) — крупный государственный деятель и реформатор царства Цинь, автор трактата «Шанцзюньшу» («Книга правителя области Шан») посвященного вопросам государственного управления и социальной философии. Основоположник школы «законников», или «легистов» («фацзя»).

циньский царь Чжао правил в Цинь с 306 по 250 г. до н. э.

«Весны и Осени Янь-цзы»

Цзин-гун — правитель царства Ци (547—488 гг. до н. э.).

Гунсунь Цзе, Тянь Кайцзян и Гу Е цзы — аристократы, служившие при дворе циского царя Цзин-гуна.

Чжичжу — знаменитый утес на реке Хуанхэ. Согласно легенде, он возник, когда мифический основатель первой китайской династии Ся, Великий Юй, углублял русла рек и рыл каналы, чтобы спустить в море воды потопа. Возле утеса Чжичжу существовали опасные стремнины — упоминание этого места как бы подчеркивает трудность подвига Гу Е-цзы.

Янь Ин — имя Янь-цзы. Говоря о нем, правитель царства У сознательно избегает употреблять принятую другими почтительную форму (Янь-цзы — «Учитель Янь») и называет его просто по имени.

Царство У. — В конце VI — начале V в. до н. э., когда жил Янь-цзы, принадлежало к числу наиболее сильных царств древнего Китая, и его правитель Фу Ча даже пытался присвоить себе титул Сына Неба, то есть претендовал на роль владыки всего Китая. Своим поведением Янь-цзы напомнил ему, что существует истинный Сын Неба (в то время обладавший лишь номинальной властью), и показал, что не признает его притязаний.

Царство Чу в это время продолжало проводить свою традиционную политику противостояния северным царствам.

Линьцзы — столица царства Ци.

Хуай — левый приток реки Янцзы, одна из крупнейших рек Китая.

Тянь Хуань-цзы — циский аристократ, представитель рода Тянь, впоследствии захватившего власть в этом царстве.

И. ГУЛЬБЕВ

Научно-техническая революция не только ведет к быстрому изменению окружающего нас материального мира и нарастанию темпа жизни, но и оказывает заметное влияние на психологический облик самого человека. Все более интенсивная технизация труда и быта обуславливает хроническую «недогрузку» мышечной системы современного человека, что лишает его эмоциональные центры того положительного заряда, который необходим для эффективного преодоления так называемых жизненных «психологических барьеров». Оторванность от естественных природных условий в связи с бурно развивающимся процессом урбанизации ведет к тому, что перечисленные факторы со временем будут охватывать все большие массы людей, следовательно, удельный вес их отрицательного воздействия будет повышаться.

Перегрузка информацией, беспокойный ритм жизни, скученность людей в больших городах, оторванность от природы — все это оборачивается для нас плохим настроением, усталостью и подавленностью, ощущением неблагополучия. Мы начинаем все лучше осознавать, что необходимо укреплять, обогащать нашу психику, так как в складывающихся сегодня условиях именно психические резервы во многом определяют благоприятный общественный климат, нашу повседневную работоспособность и здоровье.

Понимая, что, пока человек не подвергнется коренному изменению «изнутри», никакая наука и никакой спорт сами по себе не улучшат его положения, все больше людей во всем мире, в том числе и в нашей стране, стали проявлять в последние десятилетия интерес к различным традиционным системам и методам психической и физической саморегуляции, особенно предлагаемым Востоком. Это: индийская йога, китайские тайцзицюань и цигун, различные виды боевого искусства Японии, Китая, Кореи, Таиланда и других стран Азии. Популярность восточных единоборств, как сейчас принято называть азиатские боевые искусства, объясняется не только заложенными в них возможностями гармоничного развития физических и психологических свойств личности, но и их доступностью для людей обоих полов и всех возрастных групп.

Неумеренная реклама «сверхчеловеческих» качеств мастеров кунфу и каратэ привела к тому, что сегодня почти не встречаются люди, впервые пришедшие заниматься восточными единоборствами, которые не хотели бы в первую очередь овладеть какими-то скрытыми в них «секретами» неуязвимости, позволяющими приблизиться к непостижимой физической и духовной силе. Эта мистическая загадочность привлекала и продолжает привлекать в группы ушу, каратэ, тээквондо, айкидо и других видов единоборств новичков, которые готовы платить немалые деньги за занятия под руководством иногда весьма сомнительных «учителей».

Многие из «учеников», однако, вскоре уходят. Некоторые, овладев определенной техникой, уходят в нерешительности, сбитые с толку, обуреваемые еще большими сомнениями, чем до того, как впервые попали в зал. Они усвоили технику, но не поняли, что нужно самосовершенствоваться. Другие, быстро продвигаясь в технике и тактике, остаются и начинают считать себя достигшими высоких вершин мастерства, что таит в себе немалую социальную опасность, ибо неправильные занятия восточными единоборствами могут обострить заложенные в человеке чувства превосходства, самоуверенности и вседозволенности.

К сожалению, люди, которым удается достичь в восточных единоборствах настоящего совершенства и которые в конце своего пути становятся едины телом и духом,

встречаются не часто. Во многом это происходит из-за неправильного понимания ими главных целей, которые должен ставить перед собой человек, занимающийся боевым искусством, отчасти — из-за нехватки терпения и настойчивости, но чаще всего — из-за отсутствия хорошего учителя.

Что же такое восточные единоборства? Традиционно такие из них, как дзюдо, каратэ-до, таэквондо, айкидо, кэндо, относятся к боевым (воинским) искусствам. Так как японский термин «будо» («боевой путь») выражает сущность и значение того, что называют боевыми искусствами, для понимания феномена восточных единоборств необходимо глубже его проанализировать. Он состоит из двух частей — «бу» и «до». Первый иероглиф встречается в китайских рукописях, относящихся к 120 году н. э., где в него вкладывался смысл «остановить копье», «подавить натиск», а также «привести в порядок создавшиеся условия». Вторая часть «до» означает «дорога», «путь», «выход» и используется в Японии в синтоистских и дзэнских рукописях. Таким образом, значение термина «будо» может быть и иным — не «боевой путь», а «подавление агрессии», «возвращение к Пути человеческому» или еще более общим — «установление понимания между соперниками».

Причиной превращения «будо» в средство нанесения противнику повреждений, средство внушения страха или в чистый спорт послужил сам человек, а не природа «будо». Ведь нож, к примеру, может быть использован и для резания хлеба, и в целях убийства — все зависит от того, в чьих руках он находится. На самом деле человечество уже давно миновало в своем развитии времена, когда люди сражались врукопашную. Никакой мастер каратэ или кунфу не сможет противостоять противнику, вооруженному современным огнестрельным оружием, поэтому говорить сегодня о военно-прикладной стороне восточных единоборств можно лишь очень условно. В настоящее время они превратились в увлекательные виды спорта, некоторые из которых уже стали (дзюдо), а другие (каратэ-до, таэквондо) вот-вот станут олимпийскими.

Конечно, нельзя отрицать, что все восточные (как и западные) единоборства несут в себе элементы самозащиты, но главное должно оставаться главным — все они при правильном подходе представляют собой великолепное средство физического и духовного совершенствования человека.

Большинство восточных единоборств имеют в своих названиях иероглиф «до» (кит. — «дао»). В соответствии с восточной философией «до» — это первооснова и завершение всего существующего и происходящего, это всеобъемлющий закон мироздания, это субстанция, субстрат. В понятии «до» воплощен принцип «не-деяния», переплетающийся с идеей великой естественности. «До» воплощает принцип единства противоположностей (инь-ян), их взаимообусловленности и естественной взаимозаменимости. Чтобы следовать «до», считают на Востоке, прежде всего нужна искренность. Там говорят, что искренний человек, даже следуя ложному пути, делает его истинным. Когда же неискреннего выводят на правильный путь, его путь очень быстро становится ложным. В японских единоборствах существует принцип: «Обучая ученика технике, учитель должен быть настойчивым. Объясняя ученику, когда ею пользоваться, он должен быть добрым. Показывая ученику правильный Путь, учитель должен быть терпеливым».

Таким образом, любое боевое искусство, любое восточное единоборство, включающее в себя идею «правильного Пути», — это прежде всего состояние ума, образ жизни, философия. Им нужно заниматься для самосовершенствования, а самосовершенствование, как и Путь, может длиться всю жизнь. Ведь идея завершенности несовместима с вечной изменчивостью мира, поэтому избегать ее следует и в боевых искусствах. В процессе совершенствования не может быть вершины, точки покоя. Нельзя достигнуть полного совершенства иначе как на мгновение, которое тут же тонет в потоке перемен. Совершенствование прекраснее, чем совершенство, завершение полнее олицетворяет жизнь, чем завершенность. Движение по замкнутому кругу, являющемуся символом Пути, не имеет конца; точка, являющаяся центром окружности, которая символизирует Гармонию, не имеет величины.

Иероглиф «до» является составной частью названий всех боевых искусств Японии. Наряду с усиленно развивающейся в нашей стране борьбой дзюдо в 70-х — начале 80-х годов большую популярность получило каратэ-до, официально, правда, именовавшееся «борьбой каратэ». Каратэ, имеющее более выраженный, чем дзюдо, прикладной аспект, во многих случаях, к сожалению, воспринималось у нас не как боевое искусство, а лишь как средство агрессии, и это непонимание его истинного смыс-

ла явилось главной причиной того, что в конечном итоге Спорткомитет СССР был вынужден распустить федерацию каратэ и «закрыть» новый вид спорта.

Чтобы подойти к правильному пониманию каратэ-до, необходимо начать с анализа этимологии самого названия. Основоположителем современного японского каратэ по праву считается Гитин Фунакоси, главной заслугой которого явилось изменение понятия «каратэ-дзюцу» (то есть «техника пустой руки») на «каратэ-до» (то есть «путь пустой руки»). Давайте попытаемся рассмотреть, какое значение вкладывают в иероглиф «кара» в слове «каратэ» сами японцы. Этих значений пять.

Первое (в соответствии с тем, как выглядел иероглиф «кара» до Г. Фунакоси) — «китайский», потому что каратэ пришло в Японию из Китая.

Второе — «пустой» в смысле «невооруженный»; это — наиболее хорошо известная трактовка: «пустая рука», то есть «рука, не держащая оружия».

Третье — «пустой» в смысле «бесконечный», это означает бесконечность развития каратэ-до и бесконечные возможности для самосовершенствования, которые оно представляет.

Четвертое — «пустой» в смысле «свободный от предвзятых мыслей и агрессивных намерений», что соответствует психологическим принципам каратэ-до.

Пятое — «пустой» в смысле «совершенный», что указывает на конечную цель человека, занимающегося каратэ-до.

Таким образом, исходя из этих пяти значений «кара», можно попытаться определить каратэ-до следующим образом: «Путь жизни, который ведет свободных от предвзятых мыслей и агрессивных намерений людей, посвятивших себя изучению безоружного единоборства, пришедшего из Китая, к самосовершенствованию и постижению бесконечного».

Сильнодействующие лекарства, если не следовать указаниям врача, могут стать столь же губительными для здоровья, как и самые страшные яды. Если же человек соблюдает дозировку, принимает лекарства правильно и своевременно, их польза может быть неоценимой. С другой стороны, самые опасные яды нашли широкое применение в медицине. Аналогично обстоит дело с восточными единоборствами, в том числе и с каратэ-до, истинная ценность которых заключается в умении правильно их применять. Когда боевое искусство служит корыстными целям или агрессивным намерениям, оно может стать неизмеримым злом. Если справедливость без силы зачастую невозможна, то сила без справедливости ужасна.

Было бы идеальным, если бы человек мог вообще никогда не прибегать к силе при разрешении конфликтов. Однако, к сожалению, пока еще недостаточно просто быть правым, быть справедливым. Справедливость, к несчастью, иногда должна подкрепляться силой. И именно в этом смысле восточные единоборства подчеркивают важность силы не как средства убийства и разрушения, а как средства сохранения жизни, борьбы за справедливость и гуманизм. Сила должна использоваться только в качестве крайней меры и только в целях самообороны. Ситуация, когда необходимо применить боевое искусство, может возникнуть лишь один раз в жизни, но нужно стремиться к тому, чтобы она не возникла ни разу.

Относительная правда полна дисгармонии. Вступить в поединок и победить — лишь относительная победа. Рано или поздно — но неизбежно — эта относительная победа приведет к поражению. Поэтому, обучаясь технике, необходимо одновременно обучаться тому, как избегать ее применения. Дух восточных единоборств проявляется не в том, чтобы затеять драку, а в том, чтобы суметь ее избежать.

Человек, постигший дух восточных единоборств, всегда уверен в себе и спокоен. Он лишен страха и не имеет нужды быть воинственным и агрессивным, так как именно неуверенность и страх чаще всего заставляют нас прибегать к запугиванию других. Его уверенность ведет к осознанию чувства собственного достоинства, которое в свою очередь приводит к сдержанности в любых поступках, позволяет адекватно реагировать даже на самые критические ситуации.

Последователь восточных единоборств должен обладать чувством чести и гуманизма, которое никогда не позволит ему использовать свои познания в корыстных целях, обидеть слабого, пройти мимо несправедливости или превысить пределы необходимой обороны. Со временем он придет к своеобразной переоценке ценностей, начнет по-новому смотреть на окружающих, по-другому воспринимать их поступки, пересмотрит оценку своего места в жизни. Это и есть главный смысл занятий боевыми искусствами.

Для того чтобы распознать добро и зло, человек, занимающийся восточными единоборствами, должен освободиться от предвзятых мыслей и закалить свой дух. Он должен обладать скромностью и добротой, но если ему придется встать на защиту справедливости, то доброта превратится в бесстрашие, а скромность — в настойчивость и мужество. Овладеть боевым искусством — значит прежде всего познать самого себя — не только физические возможности своего организма, но, главное, те внутренние духовные силы своего «я», которые составляют подлинную личность человека. Познав эти силы, он научится лучше понимать других людей. Такой человек сможет побеждать своих противников, не просто заранее предугадывая их действия и намерения, но даже не вступая с ними в единоборство. Он поймет, что для того, чтобы победить противника, сначала нужно победить самого себя.

Иногда встречается рассуждения, что в боевом искусстве техника является самым эффективным элементом, потому что она — основа той или иной системы единоборств, отличающая эту систему от всех остальных. Однако такие рассуждения не отражают глубокого понимания сути восточных единоборств. У молодого человека, например, основным элементом его подготовки является тело, то есть физические качества, у более опытного бойца доминирует техника, у мастера же всегда дух или разум, в целом — умственная сила, соединенная с волей, которой он может располагать мгновенно, интуитивно и в любых обстоятельствах. Если борются развитая техника и развитое тело, победит техника. Если развитый разум борется с развитой техникой, победит разум.

Непростые взаимоотношения «духа» и «тела» являются ключевыми для понимания психологических механизмов, делающих человека саморегулирующейся и самосовершенствующейся системой. Каждому физическому явлению в теле, как известно, соответствует определенный психический процесс, так что каждый раз, когда имеет место одно явление, происходит и другое — и наоборот. Такое соответствие объясняется тождественной сущностью обоих процессов.

Но взаимоотношения «духа» и «тела» чаще бывают отмечены теми или иными противоречиями, чем миром и гармонией, чего желал бы в идеале каждый человек. Вот почему рано или поздно эта проблема становится поводом для раздумий, недоумений и часто огорчений. Нередко люди начинают заниматься восточными единоборствами именно под воздействием подобных мыслей.

Восточные единоборства в качестве своей главной цели провозглашают внутреннюю гармонию человека, то есть полное единство духа и тела. Однако в отдельных «школах» от учеников на словах требуют совершенствования духа, но, по сути, обращают внимание лишь на овладение техникой и тренировку тела. В действительности воспитание духа без тренировки тела или тренировка тела без воспитания духа не могут способствовать гармоничному развитию личности.

На Западе нередко попытки использовать модернизированные и «европеизированные» варианты йоги, дзэн-буддизма и других восточных религиозных и философских учений в качестве альтернативы материалистическому мировоззрению. И тогда появляются утверждения о том, что элементы психотренинга, свойственные, скажем, йоге, а также и восточным единоборствам, неэффективны, если они не обусловлены соответствующей мировоззренческой перестройкой сознания. Понятно, что в подобных случаях расчет ведется на недостаточно окрепшую юношескую психику, еще не способную подойти критически к философско-психологическим учениям Востока. При этом многие стороны таких учений заведомо и необоснованно переоцениваются.

Порок встречающихся в нашем обществе упований на систему психотренинга в рамках йоги и восточных единоборств состоит в том, что ее достижения воспринимаются слишком наивно, без учета того, к какому преобразованию личности ведет практика такого самосовершенствования, какому идеалу оно соответствует. Вольно или невольно значение различных форм психотренинга, практикующихся в рамках восточных единоборств, противопоставляется теории и практике научно-материалистического формирования личности.

Согласно фундаментальному принципу историчности психики, разрабатываемому в советской психологии, психика есть продукт развития индивида в определенной социокультурной среде, а не феномен, заданный чисто биологически и детерминированный лишь социально-экономическими факторами.

Разнообразные практические методы психической саморегуляции и тренировки

разработанные на Востоке и применяемые в практике боевых искусств, дают человеку возможность сознательно управлять своим нервно-психическим состоянием и повышать способность к регуляции произвольных функций организма, чем делают более продуктивной всякую культурную и социально значимую деятельность, служат эффективным средством мобилизации духовных и физических сил для решения тех или иных конкретных задач. Общекультурное и социальное значение этих методов заключается также в том, что наряду с решением основной задачи по качественной перестройке исходных психических структур, они выполняют психотерапевтические, психогигиенические, психопрофилактические, общеоздоровительные и многие другие функции, тем самым повышая адаптационные возможности человека как личности и субъекта деятельности.

Психологические принципы восточных единоборств, такие, как принцип бессознательного, принцип «не-деяния», принцип упреждения и другие, безусловно, представляют интерес как в плане изучения восточной психологии вообще, так и в смысле более глубокого понимания восточных единоборств. Некоторые их компоненты и методы тренировки, необходимой для их усвоения, могут быть с успехом применены в практике психологической подготовки спортсменов, особенно занимающихся спортивными единоборствами (борьбой, боксом, фехтованием и др.), а также людей, чья работа связана с повышенным риском и частыми стрессовыми воздействиями.

Чтобы правильно понять психологические принципы, лежащие в основе восточных единоборств, к ним необходимо подойти с материалистической точки зрения. Нам в нашей жизни не обязательно культивировать принцип бессознательного или «не-деяния». Но важно понять их социокультурную, онтологическую сущность, ибо они, безусловно, содержат в себе много рационального, аккумулированного многовековой практикой восточной психокультуры.

Психологическая подготовка в рамках восточных единоборств направлена на развитие способности человека к самопрограммированию психических и физических функций. Эмпирически установлено, что самопрограммирование организма осуществляется наиболее эффективно не в любом состоянии, а лишь при достижении полной уравновешенности психики. При этом равновесие психики представляется не только как неперемное условие самопрограммирования личности, но и как высшая составная часть его конечного результата. Кстати, аутогенная тренировка основывается на использовании именно этой закономерности.

Методы самопрограммирования и саморегуляции психических состояний представляют широкие возможности для самосовершенствования человека, создавая дополнительные «ступени свободы» для его многостороннего развития. Овладение соответствующими навыками позволяет не только интенсифицировать свой интеллектуальный и физический труд, но и сознательно преодолевать отрицательные черты своего характера.

Очень важно научиться систематически повышать уровень резервов своего организма и целенаправленно использовать их в соответствующих случаях. Главное условие, которое требуется для этого,— изначальная активная жизненная позиция самого человека, рассматривающего свои психические и физические возможности как продукт собственного труда, своих внутренних сознательных усилий.

Случайно или по целому ряду обстоятельств человек, расходующий незначительное количество энергии и живущий, так сказать, в медленном темпе, чаще всего так и продолжает жить, совершенно не предполагая, что он может «создать» значительную большую энергию. Занятия восточными единоборствами способны активизировать внутреннюю энергию человека, предохранить его от психических заболеваний и душевных надломов, помочь обосновать и вселить в себя внутреннюю уверенность, выработать непоколебимую стойкость духа.

Систематическая тренировка психологических реакций и центральных нервных процессов с помощью определенных приемов, таких, как, например, динамическая медитация, позволяет выработать первичный комплекс специфических навыков. Использование и совершенствование этих навыков дает возможность целенаправленно изменять собственное настроение и самочувствие, формировать целесообразный уровень рабочей активности, более эффективно отдыхать. Эти упражнения являются средством, которое не только способствует росту резервных возможностей человека, но и постоянно совершенствует деятельность программирующих механизмов мозга. Это в свою очередь позволяет людям более рационально использовать свои силы в

повседневной жизни, а в нужный момент — предельно их мобилизовывать, помогает им устранять нежелательные психические состояния, такие, как напряженность, нерешительность, мнительность, упадок настроения.

Психологическая подготовка последователей восточных единоборств включает выработку в себе определенных психических и физических навыков, в которые, в частности, входят: управление вниманием, оперирование чувственными образами, идеомоторика, словесные самовнушения, регуляция мышечного тонуса, управление дыханием и др.

Методы психического самовоздействия сложились в результате естественного многовекового и разностороннего человеческого опыта и продолжают оттачиваться и совершенствоваться по мере развития науки. Они дают возможность мобилизовать те внутренние резервы человеческого организма, которые чаще всего остаются без употребления даже в тех случаях, когда в этом возникает крайняя необходимость.

Замечательны по своей значимости слова В. И. Ленина о том, что противопоставление материального и идеального правомерно лишь в пределах теоретико-познавательного, гносеологического исследования. «За этими пределами,— подчеркивал В. И. Ленин,— оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой»¹. И если в гносеологическом аспекте психика представляет собой нечто вторичное по отношению к материи, то в онтологическом аспекте она называется такой же объективной реальностью, как и другие проявления материального мира, о чем, в частности, свидетельствуют серьезно обсуждаемые в настоящее время информационные воздействия на расстоянии (телепатия) и другие парапсихологические явления.

Психику человека нельзя рассматривать абстрактно, ибо она всегда функционирует в определенной конкретной деятельности. Любой поединок в рамках восточных единоборств — это всегда борьба умов, это эмоционально-волевое противоборство, это борьба личностей со всеми их психическими сторонами и особенностями. Она существует в системе «человек — человек», ибо человеку противостоит живой противник. Особенности функционирования психики в этих условиях требуют формирования соответствующих ее качеств. Поэтому можно сказать, что психология восточных единоборств изучает: во-первых, закономерности проявления психики человека во время поединка; во-вторых, методы психологического изучения противника и целенаправленного воздействия на его психику для достижения победы, и, в-третьих, пути формирования, воспитания и самовоспитания важных для последователя данного восточного единоборства психологических качеств.

Восточные единоборства требуют воздействовать на противника не только силой техники и тактики, не только силой мышц, но и силой духа, то есть силой воли. Какие же волевые качества важнее всего воспитывать у себя человеку, занимающемуся восточными единоборствами? Основу первой группы этих качеств составляет такое сложное психологическое явление, как целеустремленность. Ко второй группе относятся волевые качества, характеризующие способность человека неустанно искать наиболее рациональные пути достижения поставленной цели, исполнения принятого решения. К ним прежде всего относятся: решительность, настойчивость, трудолюбие, инициативность, самостоятельность. Третья группа включает волевые качества, выражающие способность подчинить свое поведение объективной действительности. К ним относятся: самообладание, смелость, стойкость, дисциплинированность. Главным является самообладание — способность владеть собой, проявлять в любых условиях выдержку, хладнокровие. Оно дает человеку возможность не растеряться в случае внезапно изменившейся обстановки, удержаться от неправильных действий, подавить в себе отрицательные чувства, эмоции и желания, трезво взвесить все «за» и «против», всегда действовать справедливо.

Следует помнить, что воля сама по себе, без развитого интеллекта, стоит немного, потому что надо действовать не вообще, а действовать правильно. Целенаправленное формирование необходимых волевых качеств с помощью особых методов, предлагаемых восточными единоборствами, таких, как убеждение, специальные упражнения и приемы стимулирования, а главное, самовоспитание, включает систематическое накопление практического опыта «волевого поведения», готовность и способность выполнять до конца принимаемые решения, мобилизовать все свои силы на преодоление трудностей, на достижение поставленных целей.

Развитие воли — это развитие стремления к самовоспитанию воли. Важно сознавать, что занятия восточными единоборствами — это работа не «на учителя», а исключительно «на себя». Есть воля — есть последователь боевых искусств, нет воли — нет бойца. Волевые качества ярко отражаются на характере человека, проявляются в направленности его личности, оказывают влияние и на особенности его темперамента, и на развитие и функционирование его способностей. Все это необходимо учитывать при подготовке спортсменов в восточных единоборствах, постоянно помня, насколько велика в ней роль учителя, который должен быть не просто тренером, дающим технику, тактику и физическую подготовку. Учитель должен стать настоящим воспитателем своих учеников.

Процесс воспитания многогранен. В нем формируются потребности и отношения личности, ее желания, интересы, стремления, идеалы, мировоззрение и убеждения. Воспитание, безусловно, опирается на обучение, в данном случае на упражнение и тренировку, но оно не ограничивается ими. В процессе воспитания устанавливается связь всего усваиваемого в ходе обучения с личностью в целом. Воспитание является высшим приемом формирования психики.

Развитию человека, его духовного облика придается важное значение в намеченном партией курсе на ускорение социально-экономического развития страны, совершенствование всех сторон жизни нашего общества. Без активизации человеческого фактора, отметил М. С. Горбачев в своем докладе на октябрьском (1985) Пленуме ЦК КПСС, не может быть решена ни одна из выдвинутых партией задач. Коммунистическое воспитание предполагает целенаправленное формирование всесторонне развитых и высоко-сознательных людей, гармонически сочетающих в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

Именно управляемое воспитание предполагает активное выявление в человеке истинно человеческого, создает условия для наилучшего развития индивидуальных черт характера каждого. При этом управляемое воспитание подразумевает, что ни одно из этих качеств ничего не стоит без главного — глубокой гуманности.

Управляемое воспитание содержит в себе и сверхзадачу — постепенно перевести процесс воспитания в режим самовоспитания. Самовоспитание как вершина человеческой психики включает три тесно взаимосвязанных компонента: самопознание, самоконтроль и самосовершенствование. Самопознание в свою очередь складывается из самонаблюдения и самооценки. Самоконтроль — это самоуправление поведения, которое является главным условием самосовершенствования.

Самосовершенствование личности связано с самосовершенствованием психики. Система психологической подготовки, предлагаемая восточными единоборствами, при наличии хорошего учителя может научить людей, как пользоваться своим мозгом, и привить им навыки управления своим состоянием, самочувствием, мышлением. Для этого в арсенале таких систем существует множество социальных средств и методов тренировки внимания, развития наблюдательности, способности к сосредоточению и манипуляции образами. Восточные единоборства учат человека использованию внутренних резервов его психики, взаимосогласованной работе сознания и подсознания, целенаправленному воздействию на функции последнего.

Возвращаясь к началу, то есть к понятию «бу-до» — «боевого пути» как к одному из восточных феноменов, следует отметить, что изучение этого феномена помогает нам как бы изнутри увидеть Восток, прежде всего Японию, богатую различными, в том числе и весьма интересными, подчас труднообъяснимыми, но очень эффективными системами воспитания. Занимаясь национальными единоборствами, японцы учатся не только и не столько приемам, позволяющим победить противника, сколько образу жизни. С их помощью японская молодежь воспитывается в традициях искренности, чести, уважения и почитания старших, чего так часто, к сожалению, не хватает молодым людям у нас. Поскольку все восточные единоборства требуют длительной и упорной тренировки, они прививают твердость духа, решительность, самообладание и другие качества, столь необходимые каждому человеку в быту, в работе, при защите Родины.

Любое единоборство безгранично в своем развитии и не имеет пределов в смысле своего изучения. Различные системы единоборства человека с человеком сложились тысячелетиями, они развивались вместе с самим человеком и будут существовать, пока существует человек. Стремление к умению защищать свою жизнь и достоинство, как и стремление к психическому совершенствованию, — объективны и останутся с

человеком навсегда. По этой причине никакие попытки искусственно запретить ему иметь такие стремления не могут остановить этот процесс — они лишь стимулируют поиск новых форм, новых названий. Суть же боевых искусств, суть единоборств остается неизменной.

В настоящее время каратэ-до, дзюдо, таэквондо и другие восточные единоборства — это виды спорта, Спорт с большой буквы. В то же время любое восточное единоборство — это больше, чем спорт. Человек любого возраста и пола найдет в нем что-то интересное и полезное для себя. Дело в том, что восточными единоборствами можно заниматься всю жизнь, не стремясь при этом стать великим чемпионом. Они позволяют научиться использовать резервные возможности психики, стабилизируют деятельность нервной системы, учат управлять поведением, преодолевать стрессы и критические ситуации. Они, наконец, просто захватывают. Они популярны. Лишь бы это были истинные восточные единоборства, а не их гипертрофированные подопытия, маскирующиеся как под названиями «каратэ» или «ушу», так и под маской различных «идеологически не вредных», даже «способствующих патриотическому воспитанию молодежи» систем обучения драке, главным принципом которых является «победить противника любой ценой».

То, что мы видели в нашей стране в 70-х — начале 80-х годов, не было каратэ-до ни как боевое искусство, ни как хороший спорт. Как говорил Аристотель, «когда хорошее портится, оно становится особенно плохим». Были «учителя», которые пытались объяснить то, что они сами понимали плохо, с помощью слов, смысл которых часто не понимали совсем. Однако неразумный человек способен увлечься любым учением, особенно если оно модно, а каждый шарлатан всегда найдет еще большего шарлатана, который станет им восторгаться.

К сожалению, такое происходило у нас. Поэтому, питаясь соками периода застоя и попустительства, советское «каратэ» очень быстро обросло людьми, для которых оно стало лишь средством личного обогащения, людьми, которых совершенно не интересовало, насколько трагическими последствиями для их учеников может обернуться боевое искусство, вложенное в грязные руки подобных «сэнеэев». Популярность, когда ее искусственно добиваются, становится преступной. Сердце может прибавить учителю ума, но ум (иногда и весьма предприимчивый) не может прибавить ему сердца. Отдельные личности могут морально разложиться, истинное боевое искусство не может разложиться никогда.

Сейчас ситуация меняется. Процессы перестройки затронули сферу идеологии, сферу физкультуры и спорта, через которые международное спортивное сообщество во многом пересматривает сложившиеся в нашей стране идеологические стереотипы. В этих условиях представляется необходимым по-новому взглянуть на проблему развития восточных единоборств в СССР. А ведь они развиваются хаотично, бесконтрольно, под различными вывесками типа «оздоровительной гимнастики плавных движений», мало кому известной борьбы айкидо, китайских ушу и цигун, наконец, «рукопашного боя». И занимается восточными единоборствами в нашей стране сегодня ни много ни мало — более миллиона человек! Так неужели же повторится то, что один раз уже произошло, когда кому-то «не хотелось» серьезно заниматься порученным делом, а кто-то этим нежеланием сумел ловко воспользоваться?

Созданная в декабре 1988 года Советская ассоциация восточных единоборств считает, что, выделив общегосударственное, общечеловеческое в восточных единоборствах в духе нового политического мышления, с помощью заинтересованных организаций и лиц, правильно понимающих возможности их ассимиляции в систему советской физической культуры и спорта, эта нелегкая задача может и должна быть решена.

ЛЭ СИНЬ

Вечер в Гуанчжоу выдался по-южному тихий и безветренный. Сегодня встреча с американкой должна была состояться в другом особняке Цзян Цин. Сюда и поспешили прийти заранее Цзэн Фань и переводчицы. Они пересекли широкий двор, густо засаженный благоухающими орхидеями всевозможных оттенков, пышно расцветшим жасмином, вошли в дом. В гостиной, куда их привела горничная, царил приятная прохлада. На окнах — плотные шторы, спасавшие от южного зноя. Напротив дивана Цзэн Фань увидела длинный стол с разложенными книгами.

Послышались голоса, приближающиеся шаги — в гостиную в сопровождении адъютанта и советника Вана вошла Цзян Цин. Она была в небесно-голубом платье европейского покроя, оживлена и подвижна. Следом горничные внесли огромный поднос, наполненный орхидеями, цветами жасмина и еще чем-то.

— Что-то прохладно здесь, — недовольно проговорила Цзян Цин. — Наверное, не отключили вовремя кондиционер. Какая температура воздуха?

— Уважаемая руководительница, сейчас в комнате 21 градус, через некоторое время воздух согреется.

— Вы уже здесь? Отлично, — обратилась она к стоявшим навтыжку женщинам. — Взгляните, эти книги я хочу преподнести в подарок мисс Льюис. Ей, специалисту по Китаю, совершенно необходима такая книга, как, например, «Династийные истории».

Цзэн Фань обомлела. Можно ли такие ценные книги преподносить в качестве личного подарка!

— Простите, товарищ Цзян Цин, здесь весьма редкие книги. Может быть, их лучше передать в дар библиотеке Стэнфордского университета? Передавать подобные ценности в личную собственность запрещено.

— Запрещено?! Кем, интересно? Эти книги я покупала на собственные деньги и вольна подарить их кому захочу!

— Существуют правила вывоза культурных ценностей, — едва слышно возразила Мин Сянь.

— Гм! А разве Чжоу Эньлай не дарил книги президенту Никсону? Значит, ему можно, а мне нельзя?

— Насколько мне известно, — очень осторожно проговорила Сяо Шэнь, — премьер Чжоу Эньлай передал книги в дар Национальной библиотеке США.

Видя, как дрогнули и поползли вверх брови Цзян Цин, Цзэн Фань поняла, что не миновать новой вспышки гнева. К счастью, в этот момент в гостиную вошла американка.

Цзян Цин, мгновенно овладев собой, с теплой улыбкой пошла ей навстречу, мягко взяла за руку. Она сделала знак горничной, и та приблизилась с подносом цветов.

— Вот эти букетики белых орхидей я приготовила специально для вас. У вас на родине растут такие цветы?

— Не знаю, разве что на Гавайях... Но таких ослепительно белых и ароматных наверняка нет. Какое чудо!

Цзян Цин взяла украшенный тонкой резьбой сандаловый веер, прикрепила к его ручке букетик цветов и протянула Льюис.

— Возьмите на память мой веер, он почти новый. Когда преподносят личную вещь, подарок приобретает особый смысл, не правда ли? Такую вещицу вы не купите на рынке, видите, какая филигранная работа?

Пока американка любовалась изящным веером, Цзян Цин раздавала женщинам оставшиеся букетики жасмина.

— Чтобы не обижались на меня,— хихикала она. Потом повернулась к письменному столу.

— Хочу подарить вам, мисс Льюис, еще некоторые безделушки. Вот ножичек для разрезания бумаг. Узор на слоновой кости точно повторяет роспись одной из древних фарфоровых ваз, недавно найденных при раскопках в Хунани. А эта печать, вырезанная из бамбука, украшена резьбой по моему личному эскизу. Работал мастер высшего класса.

Льюис, радостно округлив глаза, кивала головой.

— Как мне благодарить вас, госпожа Цзян Цин. Я еще никогда не встречала столь гостеприимной хозяйки!

— Пустяки, ведь мы — друзья, хотя нас вскоре и разделит большое расстояние. Мы вместе создадим великую книгу, не так ли?

И вдруг Цзян Цин нахмурилась, словно вспомнила о чем-то неприятном.

— Посмотрите на эти книги. Вам, наверное, знакома вот эта — «Династийные истории». Специалисту по Китаю обязательно нужно иметь такую под рукой — я вам ее дарю. Не смущайтесь, это моя собственная книга. Председатель часто получает большие гонорары, иногда и не знаю, на что их тратить. Они,— она ткнула пальцем в сторону Цзэн Фань,— хотели заставить меня подарить книги библиотеке вашего университета, но я отдаю их лично вам.

Лицо американки, на котором только что светилось радостное удивление, вдруг потускнело и вытянулось. Цзян Цин попыталась сгладить неловкость; взяв гостью за руку, она заговорила проникновенным голосом.

— Не беспокойтесь, все в порядке. Пусть эти книги станут залогом нашей дружбы, вы мне глубоко симпатичны, и я верю, что со временем вы станете великой писательницей. А теперь давайте пройдем в банкетный зал, сегодня я приглашаю вас отведать шаньдунских блюд, на севере Китая это самая знаменитая кухня.

После ужина Цзян Цин повела свою гостью в другую гостиную. Когда все расселись, хозяйка продолжила свой рассказ.

— Сегодня я расскажу о моем детстве. Родилась я в 1914 году в семье очень бедного ремесленника. Мой отец начал учеником и вырос до хозяина лавки. По характеру он был страшно вспыльчив и жесток, часто избивал своих работников, доставалось и моей матери. Один раз, это было в ночь под Новый год, он разошелся так, что сломал ей палец на руке. Посадив меня к себе на спину, мать убежала из дома. Не раз мне приходилось разыскивать свою мать по ночам. Никогда не забуду один случай, когда я, маленькая девочка, шла через густые заросли гаоляна, кричала, звала маму, но ее нигде не было, и вдруг на меня набросилась собака, прокусила мне ногу. Как бедны и несчастны мы были!

Присутствовавшие, затаив дыхание, слушали рассказ о детстве Цзян Цин. И только Мин Сянь и Сяо Юй о чем-то перешептывались в дальнем углу комнаты.

В 1929 году,— продолжала Цзян Цин,— я поступила учиться в художественную школу, но уже через год ушла. Там меня невзлюбили — за то, что одежда драная, знания скудные... Потом в Циндао я слушала лекции Вэнь Идо¹, много читала, особенно классику. Мои литературные сочинения всегда были лучшими в группе. В 1935 году меня пригласили в Шанхай, играть Нору². Я знала, что у меня много врагов и недоброжелателей, поэтому учила роль ночи напролет, очень много работала. Позже, когда я обрела популярность, многие из тех, кто вредил мне, стали заискивать. Я играла в «Норе», «Ревизоре», «Грозе», даже Лу Синь в своей газете «Шэньбао» восхищался моей игрой. В то время я еще не помышляла о кинематографе, но, когда стала известной, начали осаждать продюсеры. Однако враги не унимались, они мечтали о моей гибели. Вы, может быть, знаете, в Китае была одна кинозвезда — Жуань Линхюй, чем-то она напоминала Грету Гарбо. Так вот, ее довели до самоубийства. То же самое хотели сделать со мной.

— Госпожа Цзян Цин,— прервала хозяйку американка,— не могли бы вы рассказать подробнее о ваших отношениях с Лу Синем. Это будет весьма интересно иностранным читателям.

— Да, конечно. В то время Чжоу Ян выдвинул лозунг «Оборонной литературы», он занял предательскую позицию³. Лу Синь противопоставил ему лозунг литературы революционной, подлинно народной. Они нападали на Лу Синя, а в Шанхае травили меня.

Цзэн Фань недоуменно слушала сбивчивый и путанный рассказ Цзян Цин, стараясь

понять, к чему она клонит, зачем темнит и без конца перескакивает с одного на другое. Она закрыла глаза. Безумно хотелось спать, вот уже две ночи кряду бессонные.

Тем временем Цзян Цин распространялась о своей подпольной работе в Шанхае.

— Опасности подстерегали на каждом шагу. Помню, как-то я несла секретное донесение. Иду неподалеку от парка Бэйфэн — это уже почти пригород, рядом — дачная местность. Вдруг слышу сзади топот ног, ругань, подбегает полиция. А с обеих сторон неожиданно появляются двое в штатском. Схватили меня и потащили куда-то. На мне в тот момент был надет халат из бархата и голубая холщовая куртка — записку я спрятала в одежде. Я попробовала кричать, но вокруг ни души. Один из тех, что были в штатском, подгонял меня, другой же просил успокоиться. И вот, когда мы подошли к заливному полю, я сделала вид, что споткнулась. Упав, я ловко вытащила записку и быстро проглотила ее. Улика была уничтожена.

— Когда меня привели в участок, я принялась плакать и причитать, словно испуганная, ничего не понимающая женщина. Но вдруг — сильный удар в лицо! Я подняла глаза — передо мной стоял один из членов нашей организации, оказавшийся предателем.

Цзян Цин остановилась, чтобы, как показалось, перевести дух. Однако пауза оказалась неестественно долгой. Неожиданно она сменила тему.

— Кстати, я тут принесла показать вам кое-какие мои фотографии, не детские, конечно, но есть некоторые времен моей революционной юности. Я покажу вам и некоторые художественные фото, выполненные мною. Ведь, кажется, я уже говорила вам, что увлекаюсь фотографией. Я вообще натура творческая, меня влечет к миру искусства.

— Я тоже немного фотографирую, — отозвалась американка, — но очень посредственно. Рада случаю поучиться у вас, госпожа Цзян Цин.

Цзян Цин листала альбом с фотографиями, комментируя каждую из них. декламировала стихи — сначала строки председателя Мао, написанные в ее честь, затем свои собственные. Наконец с обворожительной улыбкой предложила:

— Я подарю вам вот этот пейзаж и надпишу его своими стихами. Чудесный подарок! Сяо Шэнь, переведи, — обернулась она к переводчице и вдруг прошипела злобным шепотом. — Ты почему так мало переводишь? Я говорю-говорю, а ты скажешь пару фраз и молчок! Ленишься? Не смей ничего пропускать!

— Как можно, верховная руководительница! Дело в том, что английский язык гораздо лаконичней китайского, — побелев от волнения прошептала Сяо Шэнь.

Время близилось к четырем утра, беседа наконец завершилась. Минул и этот, еще один длившийся вечность день. Переводчицы, стенографистки были утомлены и взбудоражены. Не сговариваясь, женщины собрались в номере Цзян Фань, всем хотелось выговориться, обменяться впечатлениями.

Проработав вместе несколько дней, переводчицы уже не так подозрительно, как прежде, относились друг к другу, говорили более свободно и откровенно. Теперь они наперебой удивлялись странной сбивчивости рассказа Цзян Цин о детстве и юности.

— Интересно, что из этого могла понять американка? И как она будет писать ее биографию на основе этих бесед! А Цзян Цин еще собирается отдать ей записи этих бесед! — возмущалась Мин Сянь.

— Да это просто невозможно переводить! — вторила ей Ясо Шэнь. — И невыносимо слушать, как откровенно она бахвалится! Что называется, «надует бычью шкуру» — да так, что она вот-вот лопнет! С какой стати несет она всю эту белиберду? Есть ли у нее разрешение рассказывать подобные вещи иностранке? Кто будет отвечать за эти «откровения»?

— Разумеется, только она сама, — проговорила Цзян Фань. — Единственное, что мы можем и должны сделать, — это по возможности сглаживать несурзности.

Незаметно растаяла ночь, наступал рассвет. Наговорившись, женщины разошлись по номерам. Цзян Фань прилегла на кровать и дала волю хаотически скачущим мыслям. Тело ломило от усталости, но сон не шел. Она уже примирилась с бессонницей.

Стало быть, Цзян Цин решила увековечить свой героический облик, заставить мир видеть ее такой, как она хочет. Мало того, что она себя представляет героической личностью, она еще посылает ядовитые стрелы в адрес своих противников. Иногда намеренно что-то не договаривает, как бы давая американке возможность досочинить, развить подказанную мысль.

Цзян Фань вспомнила, как Цзян Цин, говоря о начале культурной революции, назвала Лю Шаоци путями на ногах революции, рассказывала о конфликтах внутри руководства

КПК. Зачем обнажать эту кухню? Видно, не боится ничего. Видно, кроме Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня, ее поддерживает кто-то еще. Иногда она ведет себя так, будто уже стоит на самой вершине власти. При этом порой распоясывается не хуже самой вульгарной бабы. На Цзэн Фань волной накатила ужас при мысли о том, что Цзян Цин и ее люди могут захватить в стране полную власть. За годы культурной революции им удалось посеять хаос и смуту. Страшно подумать, что будет дальше!

В голове мешалось настоящее и недавнее прошлое. Вспоминался 1937 год.

Зимой 1937 года Цзэн Фань участвовала в антияпонском движении школьников, попала в Яньань. Ей тогда еще не было и полных пятнадцати лет. Она впервые столкнулась с Цзян Цин во время постановки спектакля «Главарь бандитской шайки». Цзэн Фань назначили отвечать за костюмы и реквизит, она старалась всюду поспеть, буквально сбивалась с ног. Как-то раз задержалась с костюмом, и тут же послышался крик Цзян Цин:

— Эй, кто у нас отвечает за костюмы!

Схватив куртку алого цвета, она опрометью кинулась к ней.

Цзян Цин вдруг расхохоталась, увидев ее:

— А это еще что за малышка! Гляньте-ка, ну и боец! Ха-ха-ха! А гимнастерка-то! Почти до колен!

Потом она обратила внимание на Цзэн Фань во время занятий в Академии искусств имени Лу Синя. Попеняла ее за нечеткость выговора на южный манер, обещала помочь. Затем предложила вместе учиться мастерству исполнения в стиле пекинской оперы.

— У тебя неплохой голос. Не пой иностранных песен, я попрошу учителя Фу, он и тебя возьмет в ученицы.

Однажды она поведала Цзэн Фань о своей заветной мечте:

— Наверное, мне не суждено стать великой личностью. Но ведь я могу выйти замуж за какого-нибудь выдающегося человека. Мне кажется, жить обыкновенно, как все, — неинтересно.

Цзэн Фань тогда была еще слишком мала, чтобы до конца понять ее.

В канун Праздника весны в 1938 году Цзян Цин впервые выступила в пекинской опере «Месть рыбака». Она сама сколотила труппу, потому что узнала, руководство партии предпочитает именно традиционную пекинскую оперу. Цзян Цин, игравшая роль главной героини Гуй Ин, привела в полное восхищение Кан Шэна⁴, и он пообещал пригласить на следующий спектакль Председателя. Цзян Цин тогда действительно была в ударе, оживленная, общительная, она подбадривала остальных артистов.

Вскоре Цзян Цин куда-то исчезла, не появлялась ни в Академии, ни в театре. Кто-то думал, что ее послали на партийную учебу, а некоторые говорили, что она теперь живет в Янцзялине⁵.

Однажды в воскресенье ученики Академии, как обычно, занимались домашними делами — стирали, убирали помещение. Многие в это чудесное майское утро загорали возле пещер, читали или просто болтали друг с другом. Зима кончилась, солнце щедро дарило свое тепло, было спокойно и тихо, словно и не гремели недавно тяжелые бои. Вдруг кто-то окликнул Цзэн Фань по имени. Девушка, сидевшая рядом, толкнула ее в бок, и только тогда она увидела взбравшегося по склону солдата в почти добела застиранной, но аккуратной гимнастерке.

— Кто здесь Цзэн Фань? — спросил он, подойдя ближе. — С вами хочет говорить руководительница.

Цзэн Фань с удивлением вытаращила глаза. Какая руководительница?

Боец пояснил:

— Вас зовет товарищ Цзян Цин.

Окружающие насторожились, с любопытством наблюдая эту сцену. Все еще недоумевая, Цзэн Фань последовала за бойцом. По мостику из камней они перешли речку Яньхэ и очутились в Янцзялине. Довольно долго стояли у входа в пещеру, пока наконец не раздвинулась белая занавеска и не появилась Цзян Цин.

— Это ты, малышка? Знаешь, что это за место? Расскажи-ка мне, что там болтают обо мне, наверное, злословят?

Цзэн Фань, конечно, приходилось слышать, будто Цзян Цин живет у Председателя, хотя официально не зарегистрирована в нем. Многим это не нравилось, включая и ближайшее окружение Председателя КПК. Но обычно Цзэн Фань пропускала подобные разговоры мимо ушей, и сейчас не захотелось повторять их, поэтому она сказала:

— Я ничего не слышала. Разве что люди удивляются вашему внезапному исчезновению.

— Хочешь, я познакомлю тебя с Председателем? Подожди немного, сейчас приглашу на ужин — яичницу с картошкой.

Цзян Цин скрылась за занавеской. Гостья осталась стоять перед входом, озираясь по сторонам, вокруг никого не видно. Потопталась у пещеры, прислушалась — изнутри ни звука. И резко повернувшись, бросилась бежать вниз под гору — скорей назад, к своим.

Цзэн Фань лежала на кровати. Перед глазами, словно кадры кинохроники, возникали и сменялись картины прошлого. Уже рассвело, но в гостинице еще тихо, все спят. Она отодвинула москитную сетку, но не стала раздвигать тяжелых штор, в комнате по-прежнему царил полумрак.

В 1945 году Цзэн Фань снова оказалась в Яньани, куда выехала из оккупированных районов. Здесь она приняла участие в политической кампании за «исправление стиля». Тогда начинала восстанавливаться нормальная жизнь, и в моду вошли танцевальные вечера, которые устраивались по выходным дням почти во всех учреждениях. Цзэн Фань не любила эти шумные сборища и по возможности старалась их избегать. Но однажды подруги сказали, что на вечеру будут руководящие товарищи и необходимо присутствовать. Пришлось пойти. Зал был набит битком, многие сидели на скамейках, расставленных вдоль стен. В перерыве между двумя танцами, когда стихла музыка, Цзэн Фань услышала, как ее окликают, и обернулась. Перед ней стояла Цзян Цин.

— Здравствуй, малышка. Говорят, все наши здесь. Как я рада видеть тебя! Ха-ха!

Цзян Цин была в застиранной, ладно сидевшей на ней гимнастерке, фуражка по моде сдвинута на затылок.

— Подожди, я сейчас разыщу Председателя, попрошу его станцевать с тобой. О подобной чести мечтают многие.

Цзэн Фань совсем не хотело танцевать с Председателем — ведь она не была с ним знакома. Она попробовала отвлечь Цзян Цин от ее затеи, потянула за руку:

— Какая встреча, почти восемь лет не виделись!

Но та нетерпеливо вырвала руку.

— Сейчас, сейчас, подожди! — И скрылась в толпе. Однако через некоторое время Цзэн Фань стало скучно, и она ушла домой.

Потом Цзэн Фань еще несколько раз сталкивалась с ней, но каждый раз она лишь холодно отвечала на ее приветствие. Видно, с тех пор она и возненавидела Цзэн Фань. Неужели и вправду, думала иногда Цзэн Фань, женщина, выйдя замуж за человека незаурядного, сама становится необыкновенной личностью.

С тех пор минуло почти двадцать лет. В 1964 году Цзян Цин внезапно для всех появилась на Всекитайском смотре пекинской оперы. Она сильно изменилась, носила теперь хорошо пригнанную форму кадровых работников, очки в золотой оправе. Порой, сталкиваясь с Цзэн Фань на совещаниях, она делала вид, что незнакома с ней, а иногда бросала пристальный взгляд, вызывавший у Цзэн Фань безотчетный ужас.

Вот так и случилось, что общаясь когда-то и довольно близко, они затем оказались людьми чужими и далекими друг от друга. В Цзян Цин ее всегда раздражало это постоянное стремление быть центром внимания, поставить себя выше других. Непомерное тщеславие естественно дополнялось склонностью ко лжи, которая всегда легко и складно слетала с ее уст. Вот и теперь Цзэн Фань коробило от ее бахвальства. Еще школьницей Цзэн Фань очень любила ходить в кино. Тогда она, конечно, видела Цзян Цин в некоторых фильмах, например в «Ване Пятом». Но тогда говорили не столько о ее артистическом даровании, сколько о скандальных любовных похождениях. Многие мужчины будто бы даже кончали с собой из-за нее.

* * *

На другой день Цзян Цин, беседуя с Льюис, заговорила о литературе.

— Чтобы изучить китайскую литературу, вам необходимо прочитать «Сон в красном тереме». Это самое выдающееся произведение мировой культуры. Пожалуй, оно превосходит и «Анну Каренину» Толстого. Цао Сюэцинь был великим знатоком языка.

Цзян Цин порылась в сумочке и извлекла из нее сложенный клочок бумаги, исписанный мелкими иероглифами.

— Цао Сюэцинь был редкий эрудит, сведущ во всем — от звезд на небесах до былинки на земле. Он не только прозаик, но и блестящий поэт. В его великом романе заключена история расцвета и упадка китайского феодального общества, чрезвычайно полно отражена жизнь того времени.

И Цзян Цин принялась излагать сюжет романа, зачитывая по бумажке цитаты. Выступление явно затягивалось. Американка, преодолевая усталость, вежливо улыбалась.

Мин Сянь прошептала на ухо Цзэн Фань:

— Когда же это кончится! Я слышала, она содрала все это у одного специалиста по «Сну в красном тереме».

Наконец наступил день последней встречи с американкой, возвращавшейся на родину.

— Как жаль, что у вас так мало времени,— сетовала Цзян Цин.— Но я постаралась рассказать вам как можно больше. Признаться, я еще никогда так откровенно не говорила с иностранными гостями.

— А я так много узнала и услышала за эти короткие полмесяца. Вы, как никто другой, помогли мне понять современный Китай. Как я вам благодарна!

— Ну что вы! Лучшей благодарностью будет ваша книга. Конечно, о многом я не успела вам рассказать, например о моем участии в проведении земельной реформы — здесь мне также пришлось немало бороться с врагами и недоброжелателями. Позже, уже после образования КНР мы вели ожесточенную борьбу по поводу фильма «Жизнь У Сюня»². И еще очень, очень многое.

Цзян Цин сделала знак адъютанту, и тот торжественно подал огромный портфель. Она стала выкладывать на столик папки с документами, раскрыла одну из них.

— 15 июня 1953 года — доклад Политбюро о генеральной линии партии в переходный период; 10 февраля 1954 года — пленум ЦК КПК принял постановление об укреплении единства партии; апрель 1954 года — решение о кооперировании сельского хозяйства; март 1957 года — начало бешеной атаки правых элементов. В этих документах подробно прослеживаются все этапные события политической жизни от момента образования КНР до начала культурной революции. Думаю, это пригодится вам в работе.

Все это время лихорадочно строчившая в записной книжке Льюис остановилась.

— Разумеется! Нельзя ли мне взять копии?

— Конечно, они уже приготовлены для вас. Есть также письмо Линь Бяо, февральские тезисы...

Цзэн Фань сидела, оцепенев от ужаса, не веря своим ушам. Все эти документы были засекречены, письмо Линь Бяо не было открыто даже для внутреннего пользования, февральские тезисы тоже еще не обнародованы... А она передает это иностранке! Что делать? Как остановить ее?

— Вы знаете,— продолжала тем временем Цзян Цин,— в этот период вспыхивали и некоторые локальные войны. Война сопротивления Америке, помощь Корее. Хотя вы американка, но я все же скажу прямо — мы стояли на стороне справедливой. Поскольку у нас нет времени подробно говорить об этих событиях, я передам вам карты с подробными пояснениями...

Это уже переходит всякие границы! Цзэн Фань решила — надо действовать и немедленно! Будь что будет. Она шепотом попросила советника Вана выйти в коридор.

— Видимо, карты и документы привезены вами? Я о них ничего не знала.

— Я тоже ничего не знал, ну и что?

— Я уверена, что, во всяком случае, насчет карт вы в курсе — их нельзя дарить мисс Льюис.

— Имеется распоряжение руководительницы, мы должны его выполнить.

— Дарить карты и документы иностранке нельзя, это исключено. Вы должны помешать.

— А если руководительница рассердится?

— Хорошо, я возьму это на себя. Но если вы сейчас не вмешаетесь, за последствия будете отвечать сами.

Они вернулись в гостиную, где беседа уже близилась к концу. Советник подошел к Цзян Цин и, понизив голос, стал ей торопливо что-то объяснять. Та, слушая его, свирепо и злобно глядела на Цзэн Фань.

В этот момент иностранка подошла к столику, собираясь забрать бумаги и карты. Но советник мягко остановил ее.

— Мисс Льюис, здесь нужно внести кое-какие поправки, мы передадим это вам несколько позже.

И он быстро собрал бумаги.

Льюис растерянно и недоуменно взглянула на Цзян Цин.

— Сегодня вечером наденьте свое самое красивое платье, я приглашаю вас на прощальный банкет.

Улыбаясь, она пожала американке руку. Когда гостыя вышла, Цзян Цин обернулась к Цзэн Фань:

— Ладно, погоди у меня,— тихо и зловеще проговорила она.

* * *

Наконец Льюис улетела. В тот же день все, кроме советника Вана, вылетели в Пекин. Женщины вздохнули с облегчением — слава богу, минули эти кошмарные дни. В самолете молчали, погруженные каждый в свои мысли. Цзэн Фань мучили тревожные предчувствия. Она думала о том, какой урон будет нанесен авторитету страны, если сбудутся планы Цзян Цин.

За иллюминатором слоились облака, но сквозь их плотную пелену кое-где пробивались лучи солнца.

Сидевшая рядом Мин Сянь склонилась к Цзэн Фань.

— Боюсь, дело этим не кончится,— шепотом проговорила она.— Наверняка Цзян Цин будет настаивать на отправке стенограмм и документов в Америку.

— Этого нельзя допустить. В Пекине я постараюсь что-нибудь предпринять.

Цзэн Фань рассчитывала на поддержку начальницы своего отдела Чжу Жун. Если она захочет, сможет помочь. Поэтому уже на следующее утро Цзэн Фань поспешила в министерство. Она знала, что незамужняя Чжу Жун и ночует здесь в небольшой спальне рядом с кабинетом. Постучавшись, толкнула дверь. Чжу Жун уже встала, но в комнате еще царил невообразимый беспорядок, даже присесть было негде. Начальница удивилась:

— Вы уже вернулись?

Она хотела провести Цзэн Фань в кабинет, но та мягко усадила ее на край кровати.

— Давайте лучше поговорим здесь. Кое о чем я уже докладывала вам по телефону. В дальнейшем беседы шли в том же духе, положение довольно сложное. Я прошу вас срочно просмотреть эти записи.

Цзэн Фань достала из портфеля записи бесед, восстановленные с магнитной ленты. Вдруг на соседней кровати приподнялась Сяо Тан, наверное, она уже давно не спала.

— Здравствуй, Цзэн Фань. С приездом. Расскажи, какая она — Цзян Цин.

— В двух словах не опишешь. Одно могу сказать: натерпелись мы стыда. Например, ни с того ни с сего начала рассказывать американке о своих романтических похождениях, о том, как однажды за ней хотел приударить американский солдат. Кроме того, старалась закамouflировать свою связь с Линь Бяо...

К удивлению Цзэн Фань, обе собеседницы, не дослушав ее, разразились безудержным хохотом.

— Я надеюсь, вы не доложите обо всем наверх. Если записи попадут в Америку, это может сказаться на авторитете страны.

— Вряд ли я смогу что-нибудь,— сквозь смех выдавила Чжу Жун.

— Дело серьезное. Я оставлю бумаги.

И Цзэн Фань положила несколько пухлых стопок листов прямо на захламленный стол.

* * *

Очевидно, просьба Цзэн Фань не возымела действия. Через несколько дней она получила от своей начальницы приказ срочно заняться редактированием записей бесед Цзян Цин с американкой, их подготовкой к отправке за океан. Цзэн Фань назначили ответственной и поставили во главе группы, в которую вошли и переводчицы, ездившие в Гуаньчжоу. Задание было срочное и секретное. Три дня они трудились, не поднимая головы. Выискивая и исправляя в тексте ошибки, неточности. При этом их никто не освободил от основной работы, поэтому все буквально валялись с ног от перенапряжения. Однажды в конце рабочего дня в кабинете неожиданно появилась Чжу Жун. С радостным видом она объявила о том, что только что звонил секретарь Цзян Цин.

— Вам оказана большая честь. Руководительница приглашает вас всех в гостиницу «Дяоюйтай» на просмотр американского фильма. Это благодарность за ваше усердие. После ужина вас отвезут туда.

Вот это новость! Все ошеломленно молчали. Побывать в «Дяоюйтай» — об этом можно было только мечтать!

После того, как солдат тщательно сверил их имена со списком, женщины прошли по каменному мостику и оказались перед семнадцатизэтажной громадой гостиницы. Они приехали немного раньше назначенного времени, поэтому были вынуждены подождать во дворе.

Несмотря на то что стояла пора начала осени, двор был совершенно гол — ни травинки, ни цветка, желтая земля казалась безжизненной пустошью.

— Поразительно. — воскликнула Мин Сянь, — знаменитая гостиница, и такой жалкий двор!

— Прежде было совсем не так, — вспомнила Цзэн Фань, — цветы вытоптали во время культурной революции.

Припомнился 1956 год, когда она приходила сюда полюбоваться гостиницей, которую только что выстроили. Тогда планировке двора было отдано немало сил — сажали деревья, разбивали клумбы, устроили даже пруд с лотосами. Каждый этаж гостиницы обставился особо, с учетом вкусов и традиций представителей дружественных социалистических стран, чтобы гости чувствовали себя как дома. Тщательно продумывался стиль отделки помещений, интерьер комнат. Уже после начала культурной революции ей как-то пришлось побывать здесь с одной иностранной делегацией. «Дяоюйтай» уже был разделен на две половины — несколько зданий с северной стороны были отведены для дипломатических приемов, а вся восточная часть стала резиденцией Цзян Цин и ее приближенного Яо Вэньюаня. И часто на мостике стояла двойная охрана и двойной пропускной пункт. Доступ в гостиницу и ее двор был закрыт.

В начале культурной революции цветы были «запрещены», на клумбах рассадили шпинат и кукурузу. Но никто за ними не ухаживал — землю не пропальывали и не удобряли, вот она и высохла, потрескалась; на стеблях не завязалось ни одного початка кукурузы.

Когда однажды администратор, ожидая приезда иностранцев, получил задание немного украсить двор, навести здесь порядок, он оказался в немалом затруднении. Начальник охраны имел на этот счет свое мнение:

— Разводить цветы — такое занятие пристало лишь всяким буржуям. Но мы не можем допустить, чтобы пустовала земля, поэтому надо сажать овощи, злаки. Именно такое указание поступило сверху. Так что цветы исключаются, на худой конец можно посадить фруктовые деревья.

У Цзэн Фань, которая работала здесь же неподалеку и услышала эти слова, горько жалось сердце. Однако нашлись люди, возразившие начальнику охраны. Наша-де страна богата и обширна и не так остро нуждается в этих нескольких метрах земли. А двор гостиницы должен быть уютным и радовать взор.

Администратор воспрял духом, получив нежданную поддержку, но вот проблема — где теперь раздобыть цветы? Кто-то предложил поискать по городским паркам. Поручили Цзэн Фань и еще одной женщине объездить все парки Пекина, найти и привезти цветы.

Первым делом они направились в парк имени Сунь Ятсена. Стоял погожий осенний день, но на дорожках парка было пустынно, люди уже давно не гуляли здесь. Зеленеют высокие сосны, но исчезли цветочные клумбы, обычно разбивавшиеся у входа. Висел замок и на дверях павильона, где раньше проводились выставки цветов. Опустели и высохли аквариумы, сверкавшие прежде чешуей резвившихся рыбок. На перекрещивающихся веревках шелестели на ветру полуразодранные дацзыбао — «газеты больших иероглифов», призывавшие «свергнуть реакционеров и капиталистов», «осудить попытки разложения революционных масс посредством рыбок и цветочков». Душу воротило от этих лозунгов.

С трудом женщины разыскали мужчину довольно преклонных лет, судя по всему бывшего садовника парка. Спросили, как найти директора.

— Какого еще директора! — забрызжал тот в ответ. — Давно все начальство свергли. Даже нашего старого инженера взяли, а какой был душевный человек. Вон там в чайной заседают цзаофани-бунтари.

Они подошли к дверям бывшей чайной. Изнутри доносились грубые крики, шум скандала. На их робкий стук появился парень в рабочей спецовке, удивленно оглядел

незнакомых женщин. Те натужно улыбнулись.

— Простите, нас прислали из гостиницы «Дяюйтай», где готовится прием иностранной делегации. Не могли бы вы помочь нам достать цветы — все равно рассаду или в горшках.

— Цветы?! В нынешнее-то время? Эти штуки давно уже осуждены и ликвидированы. Плевать я хотел на ваших иностранцев!

Возражать ему не имело смысла, и они поспешили ретироваться. Объехали еще несколько парков, но с тем же успехом. И только в парке Тяньтай (Небесная Терраса) им повезло: они случайно познакомились с неким мастеровым Чжао, который, как выяснилось, припрятал до лучших времен несколько горшков с цветами. У Цзэн Фань даже слезы навернулись на глаза при мысли о том, что это, быть может, последние цветы, уцелевшие во всем городе. Старый рабочий без лишних слов принес в их машину фикусы и орхидеи.

И теперь Цзэн Фань, стоявшей в оголенном дворе гостиницы, вспомнилась утопавшая в цветах резиденция Цзян Цин в Гуанчжоу, ее чудесный сад орхидей Ланьпу.

Начинало смеркаться, и появившийся наконец в дверях адъютант пригласил их войти. Женщинам странно и удивительно было очутиться в огромном многоэтажном здании. Их провели в просторный кинозал с удобными креслами мест на двести-триста. Из отдельной ложи в конце зала, где горел тусклый свет, донесся голос Цзян Цин.

Она приветствовала их издали, не вставая с места. Гости не рискнули приблизиться — знали, Цзян Цин боится инфекции и поэтому не терпит рукопожатий.

— Чжу Жун сообщила мне, что вы славно потрудились, и я хочу отблагодарить вас. Сегодня я покажу вам фильм «Звуки музыки», который мне прислала в подарок из Америки мисс Льюис.

В Гуанчжоу Цзян Цин преподнесла американке несколько копий «образцовых» фильмов, попросив выслать что-нибудь в ответ, она называла это культурным обменом. Льюис, которую тогда не особенно воодушевил подарок Цзян Цин, все же выполнила ее просьбу.

Женщины расселись на довольно приличном расстоянии от ложи Цзян Цин, но та подозвала к себе Сюй Цзя.

— Сядь рядом, будешь переводить. Я видела эту картину уже не раз, но мне переводили лишь общий смысл. А ты переводи все дословно, я хочу понять малейшие оттенки и нюансы.

Цзян Цин устроилась с большим комфортом: на диванчике со спинкой, под ногами мягкий пуфик, на колени наброшен теплый плед. Рядом на столике чашка чая под крышечкой. Она готовилась сполна вкушать радость эстетического наслаждения.

* * *

Спустя несколько дней в рабочей комнате Цзэн Фань снова появилась Чжу Жун. Она вызвала ее в коридор и заговорила возмущенным шепотом.

— Руководительница просмотрела отредактированные записи и очень недовольна. Они никуда не годятся. В чем дело?

— В этом нет нашей вины. Мы исправили все ошибки и неточности, но сами по себе рассказы были столь сумбурны и бессвязны, что отредактировать их просто невозможно. Ведь я уже говорила вам об этом и просила обо всем доложить наверх.

Цзэн Фань недоумевала, неужели Чжу Жун и вправду не понимает, что нелепо отправлять за границу эти записи, где беззастенчивая ложь мешается с откровенным бахвальством.

— Свое мнение впредь лучше держите при себе! — резко оборвала ее Чжу Жун. — Я пришла передать вам приказ: сегодня в шесть часов быть вместе с Сюй Цзя у руководительницы. Держать это дело в тайне.

Цзэн Фань вспыхнула, оскорбленная грубым тоном, но сдержалась, промолчала. Через несколько минут пришла Сюй Цзя. Поскольку столовая еще не открылась на ужин, они купили себе по лепешке с овощами и не мешкая отправились в «Дяюйтай».

Кабинет Цзян Цин располагался в главном семнадцатизэтажном корпусе гостиницы. Это была огромная комната удлиненной формы, больше напоминавшая конференц-зал, чем кабинет. Им сказали, что Цзян Цин подойдет с минуты на минуту.

Почувствовав голод, женщины вспомнили об ужине и достали свои лепешки. Но есть всухомятку не хотелось, и Цзян Фань вышла из комнаты в поисках стакана воды. В ко-

ридоре она наткнулась на горничную, которая с готовностью принесла им чай.

— Руководительница никогда не приходит в кабинет раньше семи часов. Вы зря торопились, лучше бы поужинали. Ведь наверняка она продержит вас до глубокой ночи.

— Нам велели прийти к шести, столовая в это время была еще закрыта,— ответила Сюй Цзя, жуя свою холодную лепешку.

Но и в семь часов Цзян Цин не появилась. От нечего делать женщины прогуливались по пустынному коридору. Машинально открыв какую-то дверь, Цзэн Фань увидела комнату, залитую ярким светом. Да это стоматологический кабинет! Худошавый мужчина в белом халате обернулся на шум открывшейся двери, и Цзэн Фань удивленно ахнула:

— Доктор Чжан! Ваш кабинет перенесли сюда?

— Я прихожу сюда по вызову,— как-то смущенно объяснил мужчина.

Они были давними знакомыми, хотя встречались редко.

В коридоре раздался чьи-то шаги, и Цзэн Фань торопливо вернулась в кабинет. Адьютант уже докладывал вошедшей минутой раньше Цзян Цин:

— Уважаемая руководительница, вас ожидают Цзэн Фань с Сюй Цзя и доктор Чжан.

Она кивнула женщинам.

— Вы принесли бумаги? Над ними еще надо работать, после вашего редактирования осталась еще масса сбоев и шероховатостей. Я буду править их сама, а вы будете писать под диктовку. Подождите меня здесь.

Она вышла, а через несколько минут из-за стены внезапно донесся ее пронзительный крик:

— Ай-яй! Доктор, это невыносимо!

Затем голос врача:

— Потерпите немного, это недолго, и не так уж больно.

— Нет-нет, я не могу, бормашина действует мне на нервы.

Молчание.

— Не сердитесь, доктор Чжан. Давайте будем подтачивать постепенно, каждый день понемногу. Поживите пока у меня.

Резко распахнулась дверь кабинета, Цзян Цин вошла с непроницаемым лицом, уселась в кресло.

— Адьютант, вы звонили советнику Вану?

— Позвольте доложить, звонил, но не застал. За ним послали нарочного, скоро должен прибыть.

Цзян Цин молча взглянула на большие настенные часы. Они показывали ровно восемь. В кабинет вошла служанка с довольно объемистым подносом в руках. Это был ужин для Цзян Цин. На подносе, кроме обычной утвари, изящные фаянсовые миски, прикрытые крышками. Внутри оказались глубокие тарелки с едой, а миски были наполнены горячей водой, чтобы кушанья не остывали. Руководительнице подали рыбу, приготовленную на пару, овощи, соевый сыр и куриный бульон.

Цзэн Фань хотела встать из-за стола, чтобы не мешать Цзян Цин ужинать, но та остановила ее.

— Вы мне нисколько не мешаете, сидите. Питание — это очень важно для человека, диетой можно лечиться гораздо эффективней, чем лекарствами. Я непременно должна сохранять свой вес, не поправляться, но ведь организм должен получать все необходимое. Гм! А послушать врачей, так вообще ничего нельзя. Но я не собираюсь им подчиняться. Сама знаю, что делать.

Вскоре появился советник Ван, лицо Цзян Цин заметно просветлело.

— Уж извини, пришлось снова тебя беспокоить. Сейчас будем редактировать записи беседы о Сибэйском сражении, без тебя никак не обойтись.

— Всегда готов выполнить ваш приказ.

— Вот и отлично. Мы вдвоем будем править и диктовать, а они — записывать.

Советник Ван словно только сейчас заметил сидящих за столом женщин. И будто сглаживая оскорбительность прозвучавших слов Цзян Цин, пожал руку Цзэн Фань с почтенной почитательностью.

— Будем работать вместе,— подхватил он.— Думаю, в стилистике товарищ Цзэн Фань гораздо сильнее меня. Давайте попробуем все вместе. Не возражаете, уважаемая руководительница?

Цзэн Фань покорило от его слов. Хочет лебезить, так на здоровье, а меня-то зачем

умасливать, вроде ни к чему. Но вслух она ничего не сказала.

Начали работать. Сюй Цзя читала текст, Цзян Цин что-то отчеркивала, потом оставила ее, обсуждала ту или иную фразу с советником, и, наконец, Цзэн Фань вписывала окончательный вариант. Дело продвигалось медленно, а время близилось к полуночи. Ровно в двенадцать Цзян Цин решила сделать перерыв. Она тронула кнопку звонка на подлокотнике своего кресла и приказала вошедшей служанке:

— Проводите женщин в столовую.

В это же время в кабинете появилась официантка с подносом еды для Цзян Цин.

Цзэн Фань и Сюй Цзя получили на ужин лепешки шаобин¹ и по чашке бульона. Потом служанка посоветовала им немного погулять, отдохнуть.

— Обычно в это время руководительница посещает зал для спортивных занятий. Вам придется немного подождать.

— Когда же она ложится спать? — удивилась Сюй Цзя. — Ведь уже второй час ночи.

— Не раньше четырех утра. Не хотите ли пройти в ее спортивный зал?

— А это удобно? Нас не приглашали.

— Ничего страшного. Обычно все, кто бывает здесь в это время, заходят туда.

Служанка провела их в просторную, изысканно обставленную комнату, где бросались в глаза горшки с карликовыми соснами, аквариумы с тропическими рыбками. Здесь, объяснила она, руководительница часто проводит свой досуг, играет в карты. Отсюда женщины вышли прямо на веранду, судя по всему, специально пристроенную и предназначавшуюся для физкультурных занятий Цзян Цин. Здесь горел яркий свет и было довольно многолюдно. Цзян Цин играла в пинг-понг, кто-то бегал за шариком, остальные толпились возле стола, издавая одобрителные и восхищенные возгласы.

— Не правда ли, неплохой зал? — обратилась она к Цзэн Фань, когда игра была кончена. А хотите, я покажу вам мой огорожок?

Они прошли в небольшую комнату, где отсутствовал потолок. Здесь и вправду росли на грядках помидоры, баклажаны, горох.

— Это мое опытное поле, — с гордостью объясняла Цзян Цин, — зимой помещение застекляется, и получается теплица.

Вернувшись в кабинет, они застали советника Вана, склонившегося над бумагами. И тут Цзян Цин осенило.

— Послушай, уважаемый Ван, а может быть, сначала ты просмотришь и выправишь эту часть записей? Идет? Мы сразу сэкономим массу времени. Нам надо торопиться — мисс Льюис необходимы материалы для книги.

Советник выразил полную готовность выполнить просьбу руководительницы.

— А вас я вызову, как только понадобится, — обратилась она к женщинам. — на сегодня все. Вы свободны.

Советник Ван был настолько любезен, что развез женщин по домам на своей машине.

Дня три спустя их снова вызвали в семнадцатипятиэтажный корпус «Дяоюйтай», и на этот раз Цзэн Фань получила задание отредактировать ту часть записей, которая касалась романа «Сон в красном тереме». Со дня возвращения в Пекин из Гуанчжоу у Цзэн Фань и Сюй Цзя уже стало нормой оставаться на работе по вечерам. Работа над стенограммами бесед Цзян Цин считалась секретной, ее не разрешалось брать на дом.

— Вот уж действительно, по секрету всему свету, — иронизировала по этому поводу Сюй Цзя. — Ведь о встречах Цзян Цин с американкой сообщалось в прессе.

— А ты слышала, что она просит премьера Чжоу Эньлая завизировать ее записи?

— Это неувидительно! Еще в Гуанчжоу она не раз как бы вскользь бросала, что будто бы содержание ее бесед с американкой согласовано и одобрено. Теперь же стремится получить визу премьера, чтобы подтвердить это. К тому же, впутав его в это дело, она и часть ответственности переложит на него.

Цзэн Фань корпела над высказываниями Цзян Цин о романе, пытаясь придать им более связный вид, сверяла цитаты по источнику. А сколько сил ушло на то, чтобы раздобыть саму книгу!

Вообще Цзэн Фань была заядлым книголюбом, раньше она все свободные деньги тратила на книги. И не было для нее занятия приятнее, чем рассматривать и перелистывать свои сокровища. Но вся библиотека погибла в начале культурной революции, когда подростки, в которых разжигали самые низменные инстинкты, сокрушали «наследие прошлого». Она хорошо помнит, как весной 1967 года в их общежитии появились хунвэйбины с нашивками

«маленьких генералов революции». Стоило им войти, как раздались вопли: «Это настоящее логово феодализма, капитализма и ревизионизма!», «Сколько здесь книг! И ни одной правильной!», «А пластинки с иностранными песнями — да это махровый ревизионизм!», «А это что — вазы?!» Они переколотили, что могли, а книги свалили в кучу во дворе. Так знания, культура превратились в кучу мусора.

И вот теперь Цзэн Фань с трудом удалось выпросить «Сон в красном тереме» в Пекинской библиотеке. Листая страницы книги, она думала, что совсем уничтожить культуру им, конечно, не удалось, но доступ к ней стал достоинством и привилегией единиц — таких, как Цзян Цин. Сколько раз за эти годы она в своих публичных выступлениях давала указания по вопросам культурного наследия. А то, что шельмовалось и объявлялось «феодализмом, капитализмом и ревизионизмом», стало источником наслаждения горстки людей. Теперь мы уже лучше понимаем, где ложь и где правда, но куда идти с этой правдой?!

Цзэн Фань не сомневалась, что придет день, когда обо всем можно будет сказать открыто. Верила и в то, что обязательно разберутся и в истории встреч Цзян Цин с американкой. Вот почему, когда в ее руки попал экземпляр записей, случайно оказавшийся незарегистрированным, она решила, что его необходимо спрятать. Однако не придумала ничего лучше, как просить об этом Чжу Жун, свою начальницу.

Та усмехнулась, но взяла.

— А у меня есть для тебя одна радостная новость, — обратилась она затем к Цзэн Фань. — Сегодня вечером руководительница Цзян Цин приглашает тебя и Сюй Цзя на прогулку в парк Ихэюань — любоваться луной.

— Нельзя ли отказаться? — взмолилась Цзэн Фань. — Я буквально валюсь с ног от усталости. Каждый день прихожу домой за полночь, а утром ни свет ни заря приходится вставать на работу!

— Сочувствую, сочувствую. Но не советую отказываться. Руководительница может рассердиться. Вечером за вами придет машина.

Пока ехали, Цзэн Фань думала о том, что уже много лет не была в парке Ихэюань, куда прежде любила ходить с детьми. По воскресным дням здесь бывало шумно и весело. Резвилась детвора, светились лица их молодых мам и пап. Что теперь случилось с ними? Беды и тревоги до времени состарили молодых. А дети! Они растут жестокими и циничными. Цзэн Фань вспомнила о трагичной истории своего соседа, директора средней школы. В самом начале культурной революции его, человека добрейшей души, свирепо, до полусмерти избили подростки. От побоев произошло кровоизлияние в мозг, и вот теперь он уже несколько лет лежит прикованный к постели.

Когда подъехали к парку, уже смеркалось. На дорожках — посты караула. На темно-синем бархате неба — круглый диск, испускающий тусклые лучи света. Сердце сжалось неясным предчувствием тоски и страха. Они шли, пугливо вздрагивая от малейшего шороха.

Женщин провели к роскошному дворцу, которым они прежде любовались только издали. Здесь горел яркий свет, доносился оживленный голос Цзян Цин.

— Проходите, проходите, — приветливо встретила она их. — Сегодня немножко отдохнем, нельзя же все время только работать.

Здесь собрались все те же лица — адъютант, советник Ван, доктор Чжан и еще какой-то мужчина. Цзэн Фань не могла сразу припомнить, где она его видела.

— Сыграем в покер! — весело предложила Цзян Цин. — Я буду в паре с директором Ли. А ты, Ван, почему не присоединяешься?

— Какой из меня игрок! Эта игра не для моего интеллекта. Пусть лучше товарищ Цзэн Фань сыграет, — улыбнулся Ван.

— Я не умею. Думаю, советник Ван и доктор Чжан наверняка смогут составить вам компанию.

Цзян Цин начала закипать злостью. Заметив это, советник безропотно заспешил к столу.

Руководительница играла с азартом. Когда ей казалось, что кто-то нарушает правила, она грубо одергивала его. Остальные помалкивали.

Вскоре Цзян Цин решила отдохнуть, сделать передышку перед ужином. Воспользовавшись наступившей паузой, Цзэн Фань и Сюй Цзя выскользнули за дверь, за ними вышел и доктор Чжан. Они прохаживались по дворику, с наслаждением вдыхая чистый прохладный воздух.

— Часто вам приходится сопровождать руководительницу в ее развлечениях? — спро-

сила Цзэн Фань доктора.

— Увы, я не волен распорядиться своим временем, — вздохнул он и с горечью добавил: — А сколько больных дожидаются меня сейчас. Ведь я по натуре труженик, безделья просто не переношу. А тут, хочешь не хочешь: изволь любоваться луной!

Цзэн Фань знала доктора Чжана как человека очень несловоохотливого, замкнутого. Видно, сильно наболело, если не может сдерживать чувств. В начале культурной революции в больнице, где работал Чжан, всех крупных врачей репрессировали — навесили на шею позорные таблицы и выгнали на улицу, мести двор, чистить отхожие места. Чжана не тронули, потому что он работал недавно, еще не занимал никаких постов. Теперь же его, оказывается, определили в резиденцию к Цзян Цин.

— А директор Ли, кто он?

— Бывший главврач больницы. При руководительнице находится постоянно. Она все время жалуется на недомогание.

Цзэн Фань поразились, какие болезни могут быть у Цзян Цин с ее завидным аппетитом и такой жизнью. Обзавелась штатом личных врачей!

* * *

Чжоу Эньлай просматривал записи бесед Цзян Цин с американкой, делая пометки красным карандашом. Проработав почти два часа, остановился, задумался. Чтобы по-настоящему выверить и исправить тексты, нужно много времени и сил. Если вернуть их Цзян Цин в таком виде, значит скрепить своей подписью все сказанное ею.

Премьер снова погрузился в работу. Перевалило за полночь. Вдруг резко распахнулась дверь, и стремительной походкой вошла Цзян Цин — лицо перекошено гримасой гнева. Наверное, подобные появления Цзян Цин были премьеру не в диковинку, он спокойно поднялся из-за стола.

— Что-нибудь срочное? — мягко осведомился он.

— Я хочу знать, как решен вопрос с моим охранником Даню. Почему не интересуются моим мнением?

— Вроде бы дело рассматривается в Центральном Секретариате. Не беспокойтесь, если вы не довольны им, переведем в другое место.

— Кто говорит о недовольстве?! Он выступал против меня, я настаиваю на его аресте! — хрипло выкрикнула она.

— Не вы ли хвалили его за усердие и преданность? Вряд ли он мог выступать против вас.

— Я говорю — мог!

И Цзян Цин разразилась потоком упреков и жалоб на то, что ее мнение игнорируют. Премьер молчал. В дверь заглянул и тут же скрылся секретарь. Вскоре Цзян Цин выдохлась и замолчала.

— Премьер Чжоу, — заговорила она внезапно мягко, — давайте не будем больше говорить об этом. Я обращусь в Секретариат и выясню все там. Скажите, вы успели посмотреть записи моих бесед с американской ученой? Их надо срочно отправлять.

— Как раз хотел поговорить с вами об этом. Дело в том, что в них затрагивается очень широкий круг вопросов, редактировать записи чрезвычайно трудно. Как вы думаете, может быть, не стоит их отправлять, ведь иностранке было, кажется, разрешено записывать во время бесед?

— Что вы говорите! Это подорвет наш международный авторитет! Раз я обещала, значит, надо выслать непременно, — твердо и безапелляционно возразила Цзян Цин.

Она не желала слушать никаких доводов, не желала ничего объяснять.

— Просмотрите и поставьте свою подпись, материалы надо отправлять немедленно!

Близился рассвет. Цзян Цин вернулась в «Дяоюйтай», но была слишком взвинчена и раздражена, чтобы лечь спать. Наверное, наверху что-то узнали о ее планах, и вот теперь Чжоу Эньлай намеренно задерживает бумаги.

Цзян Цин вошла в кабинет, села за стол, начала нервно перелистывать бумаги. О, как ее бесил Чжоу Эньлай! Он уже давно ставил ей палки в колеса. В 1972 году, когда приезжал американский президент, ей очень хотелось появиться перед ним. Но Чжой Эньлай и его МИД все сделали, чтобы помешать этому, ей не разрешили даже на банкете присутствовать! Председатель тоже хорош со своими феодальными предрассудками! Никсон-то приехал с женой, а ей, видите ли, и показаться нельзя.

Но она тогда все же отчасти добилась своего. Пригласила гостей на балет «Красный батальон». До сих пор ей приятно вспоминать тот вечер в малом актовом зале Дома народных собраний — она была главной хозяйкой. Перед этим долго мучилась и колебалась, обдумывая, как одеться. Что выбрать? Армейскую форму, которая придает внушительность и создает героический ореол? Или строгий и торжественный полувойенный френч? А может быть, лучше надеть платье, которое подчеркнет женственность и сделает ее моложе? В конце концов она остановилась на сером френче.

Цзян Цин встретилась с женой президента в комнате отдыха. Американка была в золотистом платье из французского атласа, очень мила и приветлива. Цзян Цин нравилось в иностранке все — мягкая вежливость, образованность, тонкий вкус. А как изысканно одета, несмотря на возраст. Единственное, что смущало Цзян Цин, так это осознание своей священной миссии непримиримо бороться с капитализмом и буржуазией.

Цзян Цин сидела в удобном кресле, погрузившись в воспоминания. Пора было принять душ и лечь спать, но нервное напряжение не спадало. Она вспомнила о Яо Вэньюане, может, его позвать, поболтать, развеяться. Да нет, не хочется. И снова мысленно вернулась к дням визита Никсона. Она просила МИД разрешить ей устроить для супруги президента обед, но Чжоу Эньлай не разрешил. Тогда она приказала своему повару приготовить несколько блюд и от ее имени отправить прямо в номер американки. Та ответила ей благодарственной запиской. Но ненавистные мидовцы донесли об этом наверх. Цзян Цин сжала кулаки, даже теперь при одном воспоминании об этом у нее от злости перехватывало дыхание. С Чжоу Эньлаем надо кончать! Пока есть Чжоу, настоящей власти ей не видеть. Ничего, что-нибудь придумаем! В этом деле ее наверняка поддержат и Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань. С этой приятной мыслью она и отправилась наконец в спальню.

Она проспала почти до четырех часов. После завтрака в сопровождении адъютанта и советника вышла прогуляться. Несмотря на позднюю осень и пронизывающий ветер, солнце еще немного согревало. Однако Цзян Цин была снова не в духе, поэтому прогулка оказалась непродолжительной. Вскоре Цзян Цин уже сидела за письменным столом в кабинете и, хмурясь, просматривала свои записи бесед с американкой. Вот часть, в которой говорится о культурных контактах Китая с зарубежными странами. Выглядит это довольно бедно, да и что тут можно было рассказать! Ведь не станешь рассказывать о том печальном опыте «приобщения» к симфонической музыке.

Долгие годы Китай находился в полной культурной изоляции. Капиталисты и ревизионисты, разумеется, не могли быть допущены к культуре, да и в самом Китае не было ничего достойного, кроме образцовых пьес. Но Цзян Цин очень хотелось прослать деятелем культуры, поэтому она задумывалась над тем, как же все-таки наладить культурный обмен хоть в какой-либо форме. Тогда и появилась мысль приглашать иностранные симфонические оркестры. В Китае, если говорить о широкой аудитории, мало кто разбирается в симфонической музыке, решила она. Поэтому вряд ли ее яд сможет отравить революционные массы. И вот в стране вдруг сразу сделалась популярной симфоническая музыка — здесь побывали Венский, Лондонский оркестры. Затем решили пригласить Филадельфийский оркестр. Цзян Цин лично участвовала в обсуждении программы концерта. Она настояла на том, чтобы включить только классические произведения — Бетховена, Чайковского. И решительно воспротивилась исполнению музыки французского композитора Дебюсси, которого отнесла к числу импрессионистов. Чжоу Эньлай не стал мешиваться в это дело, и мнение Цзян Цин оказалось решающим.

Когда же американские музыканты приехали, Цзян Цин потребовала включить в уже утвержденную программу новую вещь — Пасторальную симфонию Бетховена. Дирижер воспротивился, это было нарушением прежней договоренности, к тому же он не захватил партитуру. Конфликт затянулся на несколько дней, музыкантов кое-как уломали. Но сразу после концерта они, крайне раздосадованные и уязвленные, покинули Китай...

Вечером снова вызвали Цзэн Фань и Сюй Цзя. Обсуждался раздел беседы, где Цзян Цин рассказывала о своей семейной жизни. Прочитав несколько абзацев, она вдруг насторожилась:

— Здесь что-то не так. Ты редактировала, Цзэн Фань?

— Я только кое-что подсократила.

— Кто тебе разрешил? — угрожающе повысила голос Цзян Цин. — Не слишком ли много на себя берешь?

Цзэн Фань старалась говорить как можно спокойнее и тверже:

— Извините, но мне кажется, говорить о себе в подобном тоне не совсем уместно.

— Что?! — вспыхнула Цзян Цин, но внезапно осеклась. Поднялась из-за стола, закурила по комнате, бормоча себе что-то под нос. Можно было разобратъ, как она говорила:

— Пожалуй, на самом деле не очень хорошо звучит. Но эти слова обязательно должны войти в текст, непременно надо подчеркнуть, что моя свадьба с Председателем была великим и светлым событием, что я не была просто третьей'.

Она резко обернулась к Цзэн Фань:

— А может быть, мы напишем эти слова от твоего имени?

Цзэн Фань не сразу нашла, что ответить.

— Нет, это невозможно.

— Какая тебе разница?

— Но ведь я тогда в Яньани была еще совсем ребенком, как я могу судить о таких вещах?

Цзян Цин, расшвырнув, стукнула кулаком по столу.

— Послушай, Цзэн Фань! Ты ошибаешься, если думаешь, что мы спорим о мелочах. Ты возражаешь мне? Я делаю вывод о твоём отношении к революционной линии Председателя Мао. Если ты не с нами, значит — против нас!

Цзэн Фань замерла, оцепенев от ужаса. Она, конечно, была внутренне готова к вспышке Цзян Цин, но не ожидала столь резкой реакции. В комнате повисло напряженное молчание.

— Ну зачем же так расстраивать руководительницу? — мягко заговорил советник Ван. — Можно ведь предположить, что вы, товарищ Цзэн Фань, слышали в Яньани, как об этом значительном событии отзывались другие люди, и повторите их слова.

И здесь Цзэн Фань словно осенило:

— А может, еще лучше будет внести эти слова в текст от вашего имени? Ведь вы — боевой друг товарища Цзян Цин.

Советник Ван ничего не ответил. Однако инцидент казался исчерпанным.

* * *

Домой Цзэн Фань вернулась вконец обессиленная и на другой день не вышла на работу, попросив день отдыха. Поздно вечером кто-то постучал в дверь. На пороге стояла женщина.

— Не узнаешь?

— Господи, А Чень! — Цзэн Фань бросилась к подруге, они обнялись и всплакнули.

Хотя А Чень жила в Шанхае, они раньше виделись часто. Теперь же, в годы культурной революции, почти все ее друзья, особенно причастные, как и она сама, к миру искусства, оказались в числе «монстров и чудовищ». Вот и о судьбе А Чень она давно ничего не знала. Цзэн Фань оглядела ее похудевшую фигуру, побелевшие волосы, лицо, изборожденное морщинами. Не удивительно, что она не сразу узнала подругу.

— Как все наши? Что Цзюньли?

А Чень говорила, едва сдерживая слезы.

— Никого не пощадили, многие сосланы, иных уже нет в живых. А Цзюньли... Цзюньли... он... — Она разрыдалась, не в силах продолжать.

Цзэн Фань принесла ей воды.

— О тех, кто погиб, ты, наверное, уже слышала. А Цзюньли в тюрьме. Арестовали, не известно за что! Пришли как-то ночью, не понятно, кто это был: не похожи ни на госбезопасность, ни на хунвэйбинов. Ворвались в дом, и давай все переворачивать вверх дном. Забрали бумаги, все фотографии. Что могли, разбили и разодрали. Загнали нас в маленькую комнату, остальные — опечатали. Мужа увели. И три года — ни звука, ни единой весточки. Я обезумела от горя, не знала, куда идти, где искать. Потом сообщили, сидит в тюрьме. А месяца два назад разрешили свидание. Наверное, это была тюремная больница. Он лежал завернутый в белую простыню, страшный, словно мертвец. Едва мог говорить, только шептал, что, скорей всего, его взяли из-за старых фотографий. Это наверняка ее работа. Это она, Цзян Цин!

— А Чень снова заплакала.

— Цзэн Фань... Мы должны что-то делать... Он умирает... Цзэн Фань, помоги, если можешь...

Цзэн Фань плакала вместе с подругой, сознавая свое бессилие.

* * *

А спустя год с небольшим страна содрогнулась от горестной вести — скончался Чжоу Эньлай. Он умер в январе 1976 года в Пекинской больнице. Там же в небольшом помещении состоялась панихида. Люди шли толпами, стеной стояли по обеим сторонам улицы Чаньаньцзе до самой площади Тяньаньмэнь, стояли часами, чтобы проводить своего премьера. Окоченевшая от мороза Цзэн Фань была среди сотен людей, и вдруг с необычайной силой ощутила огромную силу этой массы, охваченной единым волнением. Смерть Чжоу Эньлая многое меняла в ее собственной судьбе. Если раньше она чувствовала себя хотя бы в некоторой степени защищенной, то теперь оказывалась абсолютно незащитной перед Цзян Цин и ее людьми. И временами ей уже чудилось, будто огромная лапа тянулась к ее шее, неведомая сила грозила раздавить, стереть с лица земли.

Ей предстояла командировка, и, хотя она довольно часто уезжала из дома, в этот раз было отчего-то не по себе, томило какое-то смутное предчувствие. Вернувшись домой, Цзэн Фань подозвала детей.

— Милые мои, завтра я должна уехать. Быть может, все и обойдется. Но если что-нибудь случится, если я не вернусь, не верьте тем, кто будет называть вашу маму контрреволюционеркой. Когда-нибудь придет время, и раскроется настоящее лицо многих людей и многих событий.

Она с тревогой всматривалась в посерьезневшие глаза, до времени повзрослевшие лица детей. Может, она взваливает на их плечи слишком тяжелую ношу? Но нельзя было не сказать, не проститься. Она еще живо помнит угрозы Цзян Цин, от нее можно всего ожидать.

Однако на этот раз ее страхи не оправдались. В середине октября Цзэн Фань благополучно вернулась в Пекин. И сразу почувствовала какую-то гнетущую напряженность — все старались больше сидеть по домам, как можно реже выходить на улицу. Казалось, затаившись, все чего-то ждали. Вдруг, словно канонада, прогреготало: осуждена «банда четырех»! И распахнулись окна, двери, люди хлынули на улицы. Конец Цзян Цин! Конец Цзян Цин! Кричали, смеялись, ликовали — это второе освобождение! Действительно, улицы Пекина напомнили Цзэн Фань 1949 год — та же радость, те же восторженные лица. Только она тогда была юной девушкой, полной революционного энтузиазма, а сейчас она ощущала иное — казалось, с души сняли тяжелый камень. Слезы туманили ей глаза, и расплывались очертания счастливых лиц вокруг.

Но события продолжали развиваться своим чередом. И как-то раз под вечер к ней пожаловали нежданные гости — Чжу Жун и Сяо Тан. Они никогда не бывали у нее раньше, да и не те у них отношения, чтобы ходить друг к другу в гости. Цзэн Фань проводила их в комнату, усадила в старые продавленные кресла, подала чай.

— У тебя очень мило, — улыбнулась Чжу Жун.

Цзэн Фань напряженно улыбнулась в ответ, пытаясь угадать причину неожиданного визита.

Чжу Жун, как будто услышала ее молчаливый вопрос, сразу приступила к делу.

— Мы хотим поговорить с тобой об одном важном деле. Ты недавно из командировки, не в курсе последних событий, поэтому я хочу тебе кое-что объяснить. Если помнишь, несколько лет назад проводилась кампания «критики Конфуция». В то время еще действовала «банда четырех», и, разумеется, Цзян Цин и Чжан Чуньцяо многих людей просто оклеветали, они занимались своими интригами. Но, надо признать, что в некоторых случаях они были и правы. Хотя бы в том, что Чжоу Эньлай в силу своего социального происхождения был сильно заражен феодальными предрассудками¹⁰.

Цзэн Фань слушала свою начальницу с возрастающим удивлением и одновременно страхом. Зачем они пришли? Обсуждать ошибки бывшего премьера? Теперь? Когда его уже нет?

— Конечно, премьера всегда любил народ, — продолжала Чжу Жун, — он был чуток и внимателен к людям. Но ты не все знаешь, Цзэн Фань, многие были им и недовольны, — со значением прибавила она.

Цзэн Фань молчала, пытаясь понять, куда клонит Чжу Жун.

— Им были недовольны многие из руководства ЦК. Да, в некоторых идеологических и дипломатических вопросах он был небезгрешен.

И тут Цзэн Фань не сдержалась:

— А кто из нас безгрешен? Премьер никогда и не претендовал на знание истины в последней инстанции, напротив, был скромнен и самокритичен.

— Но в последние годы у него случались серьезные разногласия с верховным руководством, и это уже попахивало ренегатством! — резко парировала Чжу Жун.

— Я рядовой работник и не в курсе этих дел.

— Ты должна понять, — настаивала ее начальница, — что Чжоу в последние годы ошибался, его критиковали и правильно критиковали. Так вот, мы сейчас в отделе будем собирать материалы по делу Цзян Цин — относительно ее встреч с американкой. И мне кажется, мы должны показать, что во всем этом был замешан и Чжоу Эньлай.

— Как?! — Цзэн Фань не ожидала подобного оборота. — Но ведь мне, как никому, известно, что, напротив, премьер здесь никак не замешан. И потом, я не понимаю, кому это нужно теперь, когда премьера уже нет.

— Цзэн Фань, я тебя прошу. Если хочешь, это моя личная просьба к тебе. Пожалуйста.

— Простите меня, но я не могу искажать факты. Боюсь, мне не удастся помочь вам в сборе того материала, который вам нужен.

Чжу Жун недовольно смолкла и насупилась. Вскоре обе гостьи ушли.

Цзэн Фань помнила, как враждебно относилась к Чжоу Эньлаю Цзян Цин, но теперь, когда она уже смещена, кому и зачем нужно пятнать имя бывшего премьера. Не иначе, как Чжу Жун и Сяо Тан имели какое-то отношение к травле Чжоу Эньлая, а сейчас хотят как-то оправдаться, надеются собрать сведения, уличающие его. Как тесно переплелись тут правда и ложь!

Вскоре в отделе собрали всех, кто некогда участвовал в деле Цзян Цин и Льюис. Чжу Жун объявила, что поступило распоряжение подготовить докладную о том, как проходили встречи Цзян Цин с американкой. Она назначила ответственной Цзэн Фань. Цзэн Фань, которая уже навела некоторые справки, обратилась к начальнице с просьбой сделать запрос об архивных документах, поскольку, как выяснилось, те экземпляры бумаг, что хранились в отделе, были изъяты и уничтожены по приказу Цзян Цин.

— К сожалению, — ответила Чжу Жун, — архивные документы тоже не сохранились. Их кто-то похитил.

— Как же быть?

— Увы! Вам придется восстанавливать историю этих встреч и содержание бесед по памяти.

Отдав это распоряжение, Чжу Жун поспешно вышла из кабинета. Женщины встревоженно зашумели. Как можно восстановить по памяти такое количество многочасовых бесед! Цзэн Фань сидела растерянная и подавленная, но вдруг вспомнила — ведь один экземпляр она отдавала на хранение самой Чжу Жун! С ним ничего не могло произойти, наверное, Чжу Жун просто забыла о нем.

Она опрометью кинулась в коридор, чтобы догнать начальницу.

— Уважаемая Чжу Жун, я вспомнила одну важную вещь. Помните, я отдавала вам на хранение один экземпляр записей Цзян Цин, оказавшийся тогда незарегистрированным. Он сохранился?

— Нет. Я его давно уничтожила.

— Как?! — Цзэн Фань была потрясена.

— А что ты думаешь, мне жизнь не дорога. В любую минуту могли нагрянуть с обыском.

— Никто не посмел бы вас обыскивать. Это был ваш гражданский долг — сохранить бумаги.

— Ничего не поделаешь. Такие были времена. Восстанавливайте по памяти. А я попробую сделать запрос в Гуанчжоу, может, остались какие-нибудь магнитофонные ленты.

И Чжу Жун, резко повернувшись, пошла по коридору. Цзэн Фань разочарованно и возмущенно глядела ей вслед.

Минуло три дня, но Чжу Жун не появлялась, словно в воду канула. Цзэн Фань была в отчаянии. Только теперь она со всей отчетливостью поняла, что Чжу Жун все время вела двойную игру. Как можно было так опрометчиво положиться на нее!

Но оказалось, что еще не все было потеряно. Ее ждал совершенно неожиданный сюрприз. Как-то раз женщины собрались в отделе, царил уныние, дело почти не продвигалось. Вдруг в комнату с непонятной улыбкой на лице вошла Мин Сянь. Она положила на стол портфель.

— У меня есть для всех радостное сообщение. В этом портфеле лежит полный текст первого варианта записей Цзян Цин.

Сначала никто не поверил, слишком это было неожиданно и неправдоподобно. Затем раздались шумные восклицания, возгласы радости и удивления.

— Как тебе удалось? Мин Сянь, как ты решилась? Это просто невероятно!

Цзэн Фань крепко пожала женщине руку.

— Какая же ты молодчина! Это, можно сказать, настоящий подвиг! Спасибо тебе. Смотри, ведь это самый первый вариант, еще не исправленный, настоящая находка!

Мин Сянь, взволнованная не меньше остальных, рассказала, как было дело. Той осенью она потихоньку вынесла и закопала в цветочном горшке бумаги. А сколько шуму тогда было из-за пропавшего экземпляра!

* * *

Прошло несколько лет. Однажды Цзэн Фань получила приглашительный билет. На первый взгляд самый обыкновенный, но все же и совершенно особый — ее приглашали в Верховный Народный суд, где было назначено слушание по делу Цзян Цин.

Она прошла по улице Чаньаньцзе, свернула возле Музея революции, пересекла широкий двор и вошла в здание суда. Еще никогда в жизни Цзэн Фань не приходилось бывать здесь. Зал был набит до отказа — сидели люди в основном в синих униформах и зеленых армейских гимнастерках. Впереди возвышался помост, на столе таблички с надписями «Прокурор», «Судья», «Заседатели». А внизу, немного справа — окруженное деревянными перилами место для подсудимых. У большинства сидящих в зале лица были суровы, у некоторых глаза горели любопытством.

Точно в назначенное время появился прокурор, это была женщина.

— Введите обвиняемую Цзян Цин, — строго распорядилась она.

Взгляды присутствующих устремились к дверям бокового входа, откуда в сопровождении двух милиционеров появилась Цзян Цин. Она была в черном арестантском костюме. Шла, высоко поднимая голову, презрительно поджав губы.

В этот день слушалось дело о преследованиях деятелей культуры. Судья приступил к допросу.

— Цзян Цин, в 1967 году вы подписали приказ об аресте товарища Ли, обвиняя его в публикации антисоциалистических статей. Вы признаете это?

— Он действительно писал статьи против партии и против социализма, он должен был понести за это наказание.

— Вы не имели права и полномочий оценивать направленность его статей. Отвечайте на поставленный вопрос. Вы подписывали приказ?

— Я отстаивала революционную линию.

— Отвечайте!

— Как вы смеете так разговаривать со мной! — истерично закричала Цзян Цин.

Но резкий голос судьи остановил ее. Вызвали свидетеля Яо Вэньюаня. Он поднялся с места, воровато озираясь по сторонам.

— Да, было такое дело, я лично присутствовал. Решение приняла Цзян Цин.

Затем Цзян Цин был зачитан длинный список многих противозаконно преследованных ею людей. Цзян Цин, слушая, все время менялась в лице, она уже плохо владела собой. В числе прочих был упомянут и Чжэн Цзюньли.

— Я не знакома с Цзюньли, я не виновата...

Из левой боковой двери появилась женщина. Поддерживая под руку, она вела седую старуху. Они сели за стол неподалеку от помоста. Цзэн Фань взгляделась и не поверила своим глазам: это была А Чэнь! За два года она превратилась в старуху. Цзэн Фань услышала голос своей подруги.

— Взгляни-ка на меня, Цзян Цин. Раскрой глаза бесстыжие, посмотри на меня...

Цзян Цин была близка к истерике:

— А Чэнь, я не имею отношения к делу Цзюньли, я ничего не знала...

— Не знала?! А разве не ты одной сетью накрыла всех моих друзей и твоих старых знакомых по Шанхаю? Ты хотела замести следы, боялась, что всплывут твои похождения 30-х годов, вот и решила всех убраты! Это ты, ты убила Цзюньли, он сам говорил мне перед смертью, ты его мучила...

А Чэнь не могла говорить, ее душили слезы. Чтобы не упасть она опустилась на стул.

А Цзян Цин визжала:

— Я не убивала его!

— Это по твоему приказу Цзюньли увели глубокой ночью, а дома все перевернули, клочок бумаги не оставили...

А Чэнь задыхалась от волнения и душивших ее слез, а Цзян кричала что-то бессвязное, мешая ей говорить. Заволновался и молчавший до сих пор зал.

Наконец вмешался судья.

— Цзян Цин, лучше добровольно признавайтесь в содеянном. У нас есть доказательства.

И тут Цзян Цин словно взбесилась. Она ничего не слышала, выкрикивала какие-то угрозы, неистово размахивая руками.

— Увести подсудимую!

Но она судорожно вцепилась в поручни. Ее оторвали, повели. Она отбивалась, кричала, возле дверей опустилась на пол — ее потащили волоком. Зал молча наблюдал безобразную сцену. Люди не верили своим глазам. Неужели это руководительница Цзян Цин!

Цзэн Фань медленно вышла из здания суда. Было начало зимы, на улице ясное небо и легкий бодрящий морозец. По Чаньяньцзе двигались потоки людей, на площади Тяньаньмэнь новыми красками засияли отреставрированные древние строения. Казалось, с них смыли толстый слой пыли. На душе и радостно и горько. «Как могло все это случиться с нами, в стране древнейшей культуры, — с болью думала Цзэн Фань. — Почему наша революция, пройдя полувековой путь, потерпела страшное поражение. Это — жестокий урок, ничем не восполнимые потери».

Перевела с китайского языка З. Ю. Абдрахманова

¹ Вэнь Идо (1899—1946) — поэт, революционер, убитый гоминьдановцами.

² Главная героиня очень популярной в Китае 20—30-х годов драмы Г. Нобена «Кукольный дом», или «Нора».

³ Цзян Цин здесь преувеличивает степень реакционности лозунга // История современной китайской литературы. — Пекин, 1982. — Т. 1. — С. 254.

⁴ Кан Шэнь (Кан Син) род. в 1899 году. В Яньани занимал пост начальника управления информационной службы, объединявшего функции разведки, контрразведки, суда и прокуратуры.

⁵ Деревня близ Яньани, где в то время жил Мао Цзэдун.

⁶ Цяо Сюэцин (1724? — 1764?) — автор известного сентиментально-психологического романа «Сон в красном тереме».

⁷ Одна из идеологических кампаний «перевоспитания» интеллигенции в 1951 году.

⁸ Печенье лепешки, обсыпанные семенами кунжута.

⁹ Цзян Цин была третьей женой Мао Цзэдуна.

¹⁰ Чжоу Эньлай родился в семье помещика.

Г. ШИШКИНА

Среди разнообразных выставок, посвященных изобразительному искусству, которые проводились в Государственном музее искусства народов Востока в последние годы, видное место занял показ произведений художника Цзян Шилуня.

Московские зрители получили достаточно полное представление о творчестве этого талантливого мастера. Его выставки были очень тепло приняты широкой публикой и в других городах, о чем свидетельствовали многочисленные отзывы — доброжелательные, благодарные, восторженные. Особый интерес вызывала сама личность автора, который прожил более 30 лет в Советском Союзе и остался китайским художником, точнее, не остался, а стал им.

Цзян Шилунь приехал в нашу страну в начале 50-х годов преподавать китайский язык и китайскую литературу. В Ленинградском университете он много лет помогал будущим китаистам не только осваивать филологические дисциплины, но и углубленно изучать китайскую культуру в целом. Цзян Шилунь плодотворно занимался научной работой. Однако было еще серьезное увлечение живописью, которое захватывало его все больше и со временем стало делом всей жизни. С середины 70-х годов работы китайского мастера начали появляться на выставках ленинградских художников. В 1977 году он принят в члены Союза художников СССР.

Произведения Цзян Шилуня отличаются высоким профессиональным мастерством, одухотворенностью и поэтичностью образов, истинно национальным характером. Как же удалось художнику обрести все эти качества, будучи вдали от Родины, которую он покинул еще совсем молодым человеком, вскоре после окончания Государственного университета Северо-Востока Китая? Секрет — в воспитании будущего художника на постоянном изучении художественных и литературных традиций Китая. Родители Цзян Шилуня, оба филологи-преподаватели, просто жили в мире этих традиций. Отец был образованным, литературно одаренным человеком и замечательным каллиграфом. Цзян Шилунь вспоминал:

«Каждый день отец неизменно делал каллиграфические надписи. Домой к нам часто приходили гости. В большинстве своем это были незнакомые мне люди, но я знал, что они пришли к отцу с просьбой сделать для них каллиграфическую надпись. Потом эту надпись вешали на стену, гости пили чай и молча любовались. Было очень тихо. Я тоже тихонько сидел в уголке и вместе с гостями смотрел на надпись. Иногда украдкой переводил взгляд на лица присутствующих, стараясь угадать, какое впечатление произвела она на них.

После долгого молчаливого созерцания раздавались одобрителльные возгласы, и я испытывал облегчение, радость и даже какую-то гордость.

Для надписей отец брал строки из древних стихов, иногда же сам сочинял для них стихи. Все мои детские впечатления связаны со стихами и каллиграфией. Отец начал учить меня каллиграфии еще до того, как я пошел в школу, занятия продолжались и тогда, когда я стал учиться в школе со специальным художественным уклоном. В какой-то мере овладев основами каллиграфии, я начал учиться рисовать. В китайскую живопись «гохуа» мастерство владения кистью пришло из каллиграфии. Поэтому тот, кто хорошо пишет иероглифы, обладает выразительным и сильным мазком в живописи.

Поступив в университет, я так же, как и мои родители, стал учиться на литературном факультете. Можно сказать, что, не учась на этом факультете и не получив

Шишкина Галина Борисовна — научный сотрудник Государственного музея искусства народов Востока в Москве.

литературной подготовки, я не смог бы стать художником, работающим в манере традиционной национальной живописи»¹.

Вот почему Цзян Шилунь работает главным образом тушью с добавлением акварельных красок, почему он любит писать иероглифы-картины, почему в его произведениях много литературных реминисценций. Если к этому добавить то, что художник хорошо знаком и с национальной, и с европейской музыкой, это во многом объяснит и отточенный музыкально-ритмический строй его произведений, придающий им особую гармоничность.

Творчество большого мастера, каким является Цзян Шилунь, поднимает многоаспектную проблематику, связанную с историческими, эстетическими и духовными традициями в китайской живописи. Следование традиции всегда было основой существования и постепенного развития китайской живописи. Современные китайские художники, работающие в «гохуа», имеют несравненно большие возможности для раскрытия своей индивидуальности, чем их предшественники, поскольку могут не просто следовать манере того или иного известного мастера, как это было принято прежде, а отбирать наиболее важное, помогающее определить собственный стиль, манеру. Кстати, в Китае под «гохуа» имеется в виду вся собственно китайская живопись (так считает и Цзян Шилунь), в то время как на Западе и в нашей стране понятие «гохуа» ограничивается определением традиционной китайской живописи только XX века.

Будучи высокообразованным человеком, Цзян Шилунь свободно ориентируется как в живописном, так и в литературном и каллиграфическом наследии старых мастеров. Его творческое кредо, отношение к окружающему миру очень сходны с позициями выдающихся представителей средневекового художественного мира, которые в свою очередь впитали лучшие традиции предшествующих времен. Мысли художника, метод работы, его понимание творчества и сами произведения во многом заставляют вспомнить одну из блестящих страниц в истории китайской живописи — направление «*вэньжэньхуа*», которое переводится специалистами и как «живопись образованных людей», и как «живопись интеллектуалов», и как «живопись литераторов».

Первым идеологом этого течения был, как известно, поэт живописец, каллиграф и теоретик искусства Су Ши (1036—1101), оставивший блестящие поэтические эссе, в которых он выразил свое понимание роли живописи и назначения художника:

Если кто-нибудь знает в душе, но не может выполнить,
Значит, внутреннее и внешнее,
душа и рука у него не связаны.
Значит, все дело в недостаточном обучении.
Когда Юй-кэ пишет бамбук,
Он сосредоточен на бамбуке, а не на себе.
Но он передает в бамбуке
Чистоту и благородство своей души.
Когда моя кисть касается бумаги,
Она движется быстро, словно ветер,
Мой дух охватывает целое
До того, как кисть оставляет след².

Нельзя сказать, что Су Ши был первым, кто декларировал абсолютную самоотдачу в творческом процессе, полную погруженность в изображаемое. Его современник Го Си (ок. 1020 — 1090), работавший в академическом русле, также понимал творчество как процесс высокого духовного напряжения и просветленного восприятия мира. В трактате «О высокой сути лесов и потоков» Го Си, собственно, выражает те же мысли о свободе, об единенности, о слитности с природой как необходимых условиях творчества, что утверждали и *вэньжэнь*. «Куда стремится благородный человек наслаждаться пейзажем? В холмы и сады — вот места, где воспитываешь нравственную чистоту. К источникам и камням — где радуешься свободе и наслаждаешься. К рыбакам и дровосекам — где испытываешь покой уединения. Близким и родным становится то место, где кричат обезьяны и летят журавли. Суэта и шум, цепи и замки — вот что гнетет людские чувства, а дымка и зори, мудрецы и отшельники — вот то, к чему они стремятся»³.

И Су Ши, и Го Си, каждый по-своему, притом во многом сходно, говорили о сокровенных процессах, которые вызывают к жизни подлинные «картины души». К это-

му стремится и Цзян Шилунь. Воспринимая наследие минувшего, он менее всего хочет выглядеть только эрудитом и эстетом, гораздо больше его привлекают концентрированное, целенаправленное изложение глубочайших духовных основ развития личности художника и непосредственно практические рекомендации по овладению тушкой и кистью. Не случайно Цзян Шилунь уже много лет принимает участие в конференциях ИВ АН СССР «Общество и государство в Китае». Его сообщения там являются результатом осмысления и обобщения тех или иных аспектов традиционной китайской живописи и каллиграфии. Например, последние его выступления были посвящены таким проблемам, как каллиграфическая основа китайской традиционной живописи, стиль «сеи» («живопись идеи») и искусство каллиграфии.

Конечно, художнику XX века не так-то просто противостоять энергичному, стремительному ритму современной жизни и следовать «отшельническим» вкусам древних. Пример Цзян Шилуня показывает реальную возможность тончайшего синтеза старого и нового. Истинный художник, даже если он тяготеет к классике, не может отрываться от своего времени, от современного зрителя, и Цзян Шилунь совершенно справедливо утверждает, что традиции нужно развивать, и подтверждает это своим творчеством. Он говорит: «Для китайского живописца, работающего в классической манере, характерно не просто копирование, воспроизведение изображаемого предмета, но и определенное изменение его. Художник что-то добавляет, что-то отбрасывает при его изображении. Вкладывая в картину свои чувства, свою душу, он преобразует натуру. Китайская национальная живопись требует умения сделать так, чтобы картина имела «подтекст», подобно тому как его имеют стихи классиков китайской поэзии»¹.

Говоря о «подтексте» художник имеет в виду не только ту дополнительную информацию, которую несет зрителю устойчивая образно-символическая система, глубоко вошедшая в ткань китайской культуры, и в которой определенные цветы, растения, птицы имеют различные смысловые акценты, в основном благожелательного и нравственного характера. Например, «четыре благородных» — бамбук, цветок сливы, хризантема и орхидея — соответствуют чертам, которыми должен обладать просвещенный ученый. Это имеет, конечно, значение, но главное в том, что картина должна будить в зрителе творца, который будет не просто смотреть на изображение, но, проникаясь его сутью и настроением, создавать собственную картину в душе. Такая же работа души требуется и при восприятии китайской классической поэзии.

Высказывания Цзян Шилуня, касающиеся творческих вопросов, как правило, находят подтверждение в его работе. Последнее время им создана серия больших пейзажей на шелке, выполненных по мотивам стихов поэтов эпохи Тан (VII—IX века). Танская поэзия, являющаяся гордостью национальной литературы, давно привлекает Цзян Шилуня. Это тема его дипломной работы, к ней он обращался как художник и раньше. Теперь это целая серия изысканных живописных произведений, с тонким настроением, вызывающих раздумья и глубокие чувства.

За сизой дымкой вдали горит закат,
Гляжу на горные хребты, на водопад.
Летит он с облачных высот
Сквозь горный лес —
И кажется: то Млечный Путь
Упал с небес.

«Водопад Лушань»
(пер. А. Гитовича)

В этом стихотворении Ли Бо (701—762) не только поэтическая зарисовка, но и конкретное географическое название. Однако Цзян Шилунь уходит от простого иллюстрирования и создает свой живописный эквивалент стихотворному образу. Как это происходит у настоящего художника, объяснял известный мастер Ши Тао (1630—1717): «Выявить картину из стихотворения — дело интуиции и темперамента; речь идет не о том, чтобы заимствовать свою живопись от того или другого [поэта], а потом опять делать из нее стихотворение. Выявление стихотворения из картины протекает естественно в момент вдохновения той же ментальной Вселенной. Для того,

кто улавливает их взаимоотношения, обмен похож на зеркало, воспроизводящее образ, которого у него вначале не было, и не было ни малейшего намерения, заранее предусмотренного. Но люди наших дней неизбежно впадают в ошибку в понимании отношений между живописью и поэзией⁵.

Взаимоотношения живописи и поэзии — одна из ключевых проблем в китайском искусстве. Особенно пристальное внимание ей уделяли мастера «вэньжэньхуа». Су Ши, говоря о Ван Вэе (701—761), отмечал, что его стихам присуща живописность, а живописи — поэтичность. Более пространно раскрывает это положение У Куань (XV век). «Ван Вэй в душе своей был свободен и беспределен, он не ведал преград-затруднений. Слово прозрачная чистота в заиндевелом чайнике или бездонная кристальность в зеркале воды. Глубокое проникновение в ход высших ритмов материи, чуткая реакция на тончайшие оттенки. Вот почему его кисть, прикоснувшись к бумаге, не несла с собой ничего от суетного и прошлого, и кто скажет, что его живопись и поэзия вне гармонического единства»⁶.

Все эти высказывания, несмотря на отдаленность времени, имеют непосредственное отношение и к творчеству Цзян Шилуня, давая ему высочайшие образцы. Он хорошо знает всю многотрудную историю китайской живописи, сопровождаемую обилием теоретических трудов и практических наставлений. Руководствуясь этим богатейшим наследием, много работая, стремясь к достижению максимальной выразительности и глубины, Цзян Шилунь на собственном опыте познал, что «поэзия в живописи рождается путем долгого проникновения в содержание образа». Благодаря этому практически все его произведения обладают возвышенным, одухотворенным характером.

Вместе с тем Цзян Шилунь не замыкается в рамках специфики «гохуа». Он пытается, правда достаточно осторожно, экспериментировать с линейной перспективой, применять прежде не свойственные китайской живописи световые эффекты, как, например, в пейзаже лунной ночи. В этом сказалось, конечно, то, что любимым русским художником Цзян Шилуня является Куинджи.

На выставке в Москве была представлена еще одна необычная работа — натюрморт с кистями и цикламенами. Это произведение — своего рода творческая декларация художника. Кисть — одна из «четырёх драгоценностей» стола художника и каллиграфа, важнейший предмет в арсенале этих мастеров. Подвешенные на традиционной стойке, они напоминают о классическом китайском искусстве. Цикламены — новые для китайской живописи цветы. Цзян Шилунь любит их изображать, передавая мазками прихотливое строение цветков и нежное звучание разнообразных расцветок. Натюрморт сопровождает стихотворная надпись: «Расцвети все цветы, и придет гость-волшебник» («цикламен» по-китайски звучит так же как, «волшебник»). В этой небольшой работе заключен типичный для китайской живописи многослойный символический подтекст, но с современным акцентом. Натюрморт как жанр не существовал в китайской живописи, но художник решал его очень деликатно, в духе «гохуа», так что он не выглядит инородным.

Есть и произведения, в которых Цзян Шилунь отдает должное традиционной линии «гохуа». В картине «Цветы линьсяо», например, он применяет диагональное композиционное построение, присущее многим произведениям китайских художников. Длинные ветви с ярко-розовыми крупными цветами и темной зеленью красиво обрамляют большой камень с темными и светлыми пятнами. Камень является чрезвычайно распространенным мотивом в китайской живописи, связанным с горами. Ван Гай, теоретик искусства XVII века, считал, что секрет живописи камней «раскрывается одним словом — они живые». Картина интересна тем, что напоминает об одном старом народном обычае. Цветы линьсяо растут высоко в горах и по поверью обладают магической силой. Крестьяне специально приходят поклониться им и загадать желание.

Цзян Шилунь придает очень большое значение технике исполнения. Сам он говорит об этом так: «От художника требуется при рисовании картин монохромных гораздо больше мастерства и сноровки, нежели при рисовании картин в красках. Сошлюсь на собственный опыт рисования картин методом «наклон кисти для вбирания туши». В этом случае кисть надо держать с наклоном в пределах 30°, затем налить тушь на кисть, выждать некоторое время, чтобы тушь стекла в нижнюю половину кисти, а потом уже начинать писать. Рисую стволы деревьев и бамбука, удается

при таком способе вбирания туши в кисть изобразить как бы в натуре освещенные и теневые стороны стволов, даже придать им объемность... Есть и другой способ рисования — держать одновременно две кисти в руках, по одной в каждой. Одну кисть обмакивать в тушь, а другую в воду и писать ими одновременно, чтобы происходило слияние и смешение туши с водой в виде размыва. Этот способ применяется в качестве одного из приемов изображения облаков, водной глади и отдаленных гор⁷.

Метод работы художника отличается быстротой, необходимой при технике монохромной туши. Плодотворно мастер работает и акварелью, добываясь тончайших цветовых нюансов и размывов. В качестве основных материалов используются шелк и бумага. Шелк обладает не только благородной серебристой фактурой, но и способностью впитывать водные растворы красок, расширять диапазон выразительности. Иногда художники, выполняя картину, усиливают звучание тех или иных цветов и пятен туши, когда экспонирование работы задумано с обратной стороны. Есть такие произведения и у Цзян Шилуня. Они обладают особой мягкостью размытых очертаний, создающих ощущение легкой свето-воздушной вибрации. Лотос, выполненный таким способом, усиливает ощущение водной среды, в которой растут эти цветы, отчего образ обретает большую достоверность, но не реалистического, а поэтического плана.

Самостоятельную область творчества художника представляют каллиграфические произведения. Каллиграфия является для Цзян Шилуня не столько важной формой тренировки, сколько еще одним способом выражения мыслей, чувств, отношения к классическому наследию. Темы, избираемые мастером для каллиграфических надписей, значительны и поэтичны: «Снег и сосна», «Облака», «Осенний ветер», «Светлая луна», «Цветы и птицы», «Горы-воды», «Долголетие», «Счастье». Даже далекий от китайского искусства, от понимания специфики каллиграфии человек способен увидеть и оценить графическую красоту энергичных иероглифов. Мощные черные линии с пробелами и стремительными, летящими окончаниями обладают глубокой выразительностью и эмоциональностью. Иероглифы мастера, как и живописные произведения, поддаются художественному анализу, помогающему раскрыть их целостный образ.

К примеру, в работе «Шань-шуй» («Горы-воды») иероглиф *шань* (гора) выполнен более сдержанно и весомо, чем иероглиф, *шуй* (вода), который отличается повышенной стремительностью, движением. Внешнее различие знаков соответствует и их смысловой противоположности. «Шань-шуй» означает «пейзаж», поскольку горы и воды, воплощение активной, светлой силы *ян* и пассивной, темной силы *инь*, являются непрменными «героями» любого китайского пейзажа.

Классический пейзаж выступал не просто как своеобразное художественное отражение реального мира, но в первую очередь выражал его философское осмысление. Пейзаж и в малом масштабе картины призван был передавать грандиозность окружающего человека мира, незыблемость его вечных законов, которым подчиняется все сущее. Это нашло отражение и в творчестве Цзян Шилуня, которое напоминает зрителю о долгой замечательной истории пейзажной живописи в Китае, о ее философской основе и приглашает к сопереживанию всех, кто способен ощутить творческую энергию кисти мастера. Недаром художник говорит, что каждый иероглиф — это особая картина, по-своему подтверждающая тонкое замечание К. Леви-Строса: «Графические символы, особенно символы китайского письма, обладают эстетическими свойствами независимо от интеллектуальных значений, которые они обязаны передавать»⁸.

Живописные произведения Цзян Шилуня относятся главным образом к двум жанрам: пейзажу и «цветы-птицы», который также существует в китайской живописи уже много столетий.

Во всех работах Цзян Шилуня важную роль играет пустое, незаполненное пространство, выражающее основополагающий мировоззренческий постулат древнекитайской философии, согласно которому Пустота понимается как субстанция, дающая начало мирозданию. В живописи пустое пространство выполняет ту же роль изначальной сущности, из которой являются все феноменальные вещи. У Цзян Шилуня пустое пространство, белый цвет, дымка всегда имеют главенствующее значение, поэтому его произведения, несмотря на их активную декоративность,

«Бамбук и сороки»

«Цветы льнясяо»

寿

壽者長壽也
 人欲長壽而壽
 長壽人己
 長壽有終
 壽者
 長壽
 長壽

«Шоу» — долголетие

山水

山水即山水即

山水即山水即

«Шань-шуй» (пейзаж)

не утрачивают серьезности и значительности, какие присущи большому искусству.

Несколько лет тому назад в Государственном музее искусства народов Востока экспонировалась выставка художников «гохуа». На ней были представлены произведения таких классиков, как Ци Байши (1864—1957), Хуан Биньхуна (1863—1955), Сюй Бэйхуна (1895—1953), Пань Тяньшоу (1897—1971), Фу Баоши (1904—1965) и других, а также более молодых авторов. Сопоставление творчества Цзян Шилуня с показанными на выставке разнообразными картинами убеждает в том, что художник выработал свою художественно-образную и мировоззренческую систему, нашел свой стиль и по праву может занимать достойное место среди современных мастеров «гохуа».

Это признают и китайские художники. Поездка осенью 1988 г. в Китай дала возможность Цзян Шилуню познакомиться со своим творчеством китайских коллег и специалистов. В разных городах у него состоялись интересные встречи с представителями китайской интеллигенции — художниками, каллиграфами, писателями, переводчиками, композиторами, — среди которых были такие известные деятели, как Янь Хань, профессор Центральной академии художеств КНР, заместитель председателя Союза графиков КНР; Гао Ман — талантливый художник и переводчик русской поэзии, главный редактор издательства «Иностранная литература»; Чао Шигуань — знаменитый мастер лаковой живописи, чьи работы экспонировались в Москве и Ленинграде; Ли Линюнь — профессор Центральной академии художеств КНР, мастер «гохуа», и многие другие. С профессором Ли Цзян Шилунь совместно рисовал картины в пекинском Доме народных представителей, которому и были подарены созданные произведения. Общее мнение выразил декан факультета живописи Нанкинского художественного института Чжан Хуацин, отметивший, что работы Цзян Шилуня удивляют тем, как мастерски в них сливаются китайские традиции, европейские влияния и личный темперамент художника-романтика, что уже само по себе весьма необычно для китайского живописца. И высшей похвалой были слова о том, что натура в его картинах живая и в них хочется жить.

Художник побывал у себя на родине, в городе Шэньяне, на Северо-Востоке Китая, а в Аньшане для вестибюля отделения Общества китайско-советской дружбы он написал большое полотно с изображением достопримечательностей гор Цаньшань. Китайской стороной было предложено избрать его членом правления аньшанского отделения Общества дружбы.

Цзян Шилуню довелось много поездить по стране, побывать в знаменитых своими красотами местах, и, наверное, это непременно отразится в его дальнейшей работе. В знак признания высокого профессионализма он был избран почетным членом Союза художников КНР. У китайских товарищей возникла мысль об организации выставки Цзян Шилуня в Пекине.

Это в будущем. А недавно, в том же 1988 году, у художника так же успешно, как и в Москве, прошли выставки в Магнитогорске и Армении (в Ереване, Раздане, Эчмиадзине). Картинная галерея в Ереване приобрела одиннадцать работ, а написанную им гору Арарат Цзян Шилунь подарил католикосу Вазгену I, которого удивило и тронуло, как тонко и душевно передал китайский художник дорогой армянам образ.

17 его работ приобрел Государственный музей искусства народов Востока и 11 — Государственный Эрмитаж. В ближайших планах мастера выставки в Калининграде, Одессе и Тбилиси и, конечно же, новые картины, интересная, напряженная творческая работа.

¹ Цзян Шилунь. Каталог выставки.— М., 1987.

² Завадская Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая.— М., 1975.— С. 404.

³ Самосюк К. Ф. Го Си.— Л., 1978.— С. 48.

⁴ Цзян Шилунь. Каталог выставки.— М., 1987.

⁵ Завадская Е. В. Беседы о живописи Ши-тао.— М., 1978.— С. 163.

⁶ Соколов-Ремизов С. Н. Литература. Каллиграфия. Живопись.— М., 1985.— С. 51.

⁷ Общество и государство в Китае. Тезисы и доклады.— М., 1978.— Ч. III.— С. 155.

⁸ Цит. по: Завадская Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая.— М., 1975.— С. 177.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КНР: четыре десятилетия развития

40 лет КНР.— М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы.— 1989.— 564 с.

Нынешний, 1989-й, год отмечен у нас в стране обильным урожаем на различные публикации по китайской тематике. Периодическая печать, специальные и общественно-политические журналы щедро предоставляли свои страницы аналитическим, очерковым, информационным и другим материалам о КНР и происходящих там процессах. Появился и ряд работ, подготовленных советскими учеными-китаеоведами. Среди них — справочные издания, монографии, сборники документов, переводы трудов китайских авторов.

Такое оживление в выпуске литературы по Китаю вполне объяснимо. Активный, благотворный процесс сближения СССР и КНР, подготовка и проведение встречи руководителей двух стран, общность проблем их социально-экономического развития пробудили огромный интерес к Китаю у советской общественности. Повышению внимания к китайской проблематике способствовало и то, что нынешний год — год 40-летия образования Китайской Народной Республики. В этих условиях понятно желание советского читателя побольше узнать о том, чего достиг за эти четыре десятилетия китайский народ, что представляет собой современный Китай, какие задачи стоят перед ним и как они решаются.

Стремление дать как можно более полные ответы на подобные вопросы и лежат в основе рецензируемой книги. Подготовленный большим коллективом авторов — сотрудников Института Дальнего Востока Академии наук СССР, этот труд по жанру представляет собой, как указывается во введении, «издание справочно-информационного характера». Достаточно объемный и насыщенный по содержанию, сборник ставит своей задачей познакомить читателя с опытом и уроками «борьбы за социализм в этой стране и одновременно дать... основные сведения и данные о содержании и итогах развития экономики, внутренней и внешней политики, политического механизма и правовой системы, науки, культуры и просвещения КНР за 40 лет ее существования» (с. 11).

Нет нужды пересказывать содержание сборника. Можно лишь констатировать, что

цели, сформулированные в вводной главе, в целом авторами достигнуты. Сборник сослужит немалую пользу специалистам-китаеведам, ученым других отраслей общественных наук, преподавателям и студентам, изучающим Китай, практическим работникам, занятым в разных сферах расширяющегося сотрудничества с этой страной.

Во многом придает вес сборнику то, что он базируется прежде всего на официальных китайских документах, статистических справочниках. В нем широко использованы материалы китайской прессы, издаваемая в Китае научная литература. Работа демонстрирует высокую компетентность авторов. В наиболее удачных главах умело сочетаются изложение фактического материала с его проблемным анализом. Многие разделы интересны с познавательной точки зрения.

Новые, интересные сведения содержат главы, посвященные политической структуре КНР, состоянию правовой системы, внешне-политической концепции и отношениям Китая с зарубежными странами. Большой фактический материал привлечен по экономической тематике. Хотя, заметим попутно, при наличии большого справочно-статистического раздела в конце книги можно было бы, очевидно, несколько «облегчить» текст за счет сокращения цифровых данных, в пользу аналитического осмысления социально-экономических процессов.

Вероятно впервые за многие годы читатели смогут узнать много поучительного для себя о таких, например, сторонах жизни Китая, как состояние отдельных отраслей науки, положение дел в литературе, искусстве, место и роль религии в современном китайском обществе и т. п.

Как нередко бывает в многоплановых работах, к тому же подготовленных большим числом авторов, сборник не свободен от некоторых структурных недостатков; отдельные его части написаны неравно. Не вполне оправданным выглядит разделение работы на две части, одна из которых отведена статьям «обобщающего характера», а вторая содержит «краткие сведения информационно-справочного характера об административном устройстве, государственном и общественном строе, экономике, науке, культуре и просвещении КНР на современном этапе» (с. 11).

При такой структуре неизбежными оказались элементы дублирования, «разорванности» отдельных тем. Так, вопросы советско-китайских отношений рассматриваются в двух местах и с некоторыми повторами. Общая характеристика современного социально-экономического положения в стране, также разведенная по двум разделам, получилась, по нашему мнению, не очень убедительной. В первом разделе эти вопросы даны в основном в историческом разрезе, во втором же авторы ограничились краткой статистической информацией об успехах экономического роста КНР за 40 лет. Правда, за

этой краткой главой следуют параграфы о промышленности, сельском хозяйстве, транспорте и других отраслях. Но и они не в полной мере воссоздают целостную картину сложной, противоречивой экономической ситуации в КНР.

В этой связи хотелось бы высказать одно критическое соображение, имеющее, как представляется, принципиальный характер. Авторы сборника при изложении материалов по большинству вопросов современного положения в КНР явно предпочитают пользоваться розовой краской. Возможно, это отчасти связано с «юбилейным» характером издания. Но вернее будет рассматривать несколько односторонний, недостаточно критический анализ состояния дел в различных областях общественно-политической и экономической жизни Китая как дань установившейся в последние годы традиции, когда в советских публикациях события в Китае освещаются почти исключительно со знаком «плюс».

Правда, в самое последнее время в советской печати, наряду с показом успехов КНР, стали появляться и некоторые тревожные нотки. Однако о серьезных трудностях, на которые натолкнулось, например, проведение экономической реформы, о сложных проблемах, зреющих в деревне, говорится чаще всего мимоходом, преимущественно как о «естественных трудностях роста». Между тем об этих вопросах в самом Китае говорят и пишут во весь голос и весьма остро.

Как известно, в 1988 году в Китае выявились серьезнейшие проблемы в народном хозяйстве. Рост цен (в среднем почти на 21 %) практически почти на все потребительские товары, включая продовольствие, приобрел социально-опасный характер. Прямым следствием роста цен стал подлинный ажиотаж на потребительском рынке в течение летних месяцев 1988 года. Одновременно происходило массовое изъятие вкладчиками денег из сберегательных банков. Все более остро давала себя знать инфляция, обусловленная, среди прочих причин, чрезмерной денежной эмиссией. В течение 1976—1987 годов находящаяся в обращении денежная масса увеличилась в 5 раз; только за 8 месяцев 1988 года она выросла еще на 40 %, достигнув суммы 170 млрд. юаней.

Все это вело к снижению реальных доходов населения, вносило элементы дезорганизации в функционирование всего народно-хозяйственного комплекса. Обострились связанные с проведением курса на приоритетное развитие приморских районов межрегиональные противоречия и отсутствующие им настроения социальной несправедливости. Большую тревогу в Китае вызывают рост «теневой экономики», многочисленные факты коррупции, контрабанды, взяточничества, крупных спекулятивных махинаций, в том числе со стороны государственных служащих и партийных работников. Все это создавало

общую обстановку серьезной социальной неудовлетворенности в стране.

В сложившейся к концу 1988 года крайне неблагоприятной экономической ситуации в стране руководство КНР было вынуждено на 3-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва принять решение об отсрочке на несколько лет осуществления столь необходимой и давно намеченной реформы цен и заработной платы и приступить к очередному «урегулированию» экономики страны. Несмотря на принятие комплекса антиинфляционных мер, негативные тенденции в экономике продолжали нарастать.

Драматические события апреля — июня 1989 года в Пекине и других городах показали, насколько высок в стране накал социальной напряженности. Независимо от того, какие пружины непосредственно привели в действие механизм этих событий, едва ли можно сомневаться, что питательной средой для них в немалой степени послужили экономические трудности, растущее недовольство своим материальным положением не только студенчества, но и других категорий трудящихся, интеллигенции. Это недовольство особенно контрастно выделяется на фоне процветания увеличивающейся прослойки китайских нуворишей. В одном из своих высказываний Премьер Госсовета КНР признавал, что в студенческих выступлениях отразились реальные проблемы общества, такие как «явления хаоса в хозяйственной сфере, бюрократизация в партийных и административных органах и некоторые явления разложения». Сказалась, как признается в Китае, затяжка в реализации намеченных XIII съездом КПК мер по перестройке политических структур, по демократизации общественно-политической жизни в стране.

Разумеется, было бы абсурдным предьявлять претензии к авторам рецензируемого сборника в том, что они «не предусмотрели», «не предсказали» столь серьезного развития событий в КНР. Однако если бы в соответствующих главах анализ положения, особенно в социально-экономической области, носил более объективный, разносторонний характер, если бы с большей остротой было бы обращено внимание на очевидные трудности и назревающие проблемы, это позволило бы советскому читателю лучше понять, разобратся в причинах и содержании происходящего в Китае.

Высказанное соображение, поэтому, следует рассматривать не как упрек составителям сборника, а как желание видеть научные исследования по Китаю более свободными от влияния политической конъюнктуры. Представляется, что такой подход был бы полезным как для нас, так и для китайских коллег.

Нормализация советско-китайских отношений, расширение сотрудничества, в том числе в области общественных наук, позволит в значительно большей мере чем прежде, «...активной обмениваться опытом, учиться

друг у друга, творчески воспринимать лучшее, что есть в мировой социалистической практике, а с другой стороны — избегать повторения ошибок». (Из выступления М. С. Горбачева на встрече с китайской общественностью 17 мая 1989 года).

Рассматривая рецензируемую работу в этом ракурсе, можно со всей определенностью сказать, что она в целом несомненно

Полезное пособие по истории китайской философии

История китайской философии: Пер. с кит. / Общ. ред. и послесловие М. Л. Титаренко. — М.: Прогресс, 1989. — 552 с.

Последнее десятилетие характеризуется значительным развитием исследований в области истории китайской философии. Отличительная черта этого периода — не только расширение тематики исследований, но и серьезный прорыв в методологии историко-философского анализа, попытки системного подхода к изучению самобытной философской и общественно-политической мысли Китая.

Именно такой характер носят, например, фундаментальные монографии Л. С. Переломова «Конфуцианство и легизм в политической истории Китая» (М., 1981) и А. И. Кобзева «Учение Ван Янмина и классическая китайская философия» (М., 1983), в которых содержатся новые подходы к исследованию исторического и логического содержания многовекового развития философского знания в Китае.

Серьезным достижением в изучении советскими синологами философской традиции Китая является и вышедший недавно сборник статей «Этика и ритуал в традиционном Китае» (М., 1988), в котором особенно хотелось бы выделить новаторские статьи А. И. Кобзева и В. В. Малаяина, поднимающие трудные вопросы методологии и содержательной эволюции традиционной китайской идеологии. Значительным вкладом в изучение общественно-политической мысли Китая стал сборник «Китайские социальные утопии» (М., 1987), в котором предпринята попытка комплексного анализа социальных утопий в истории Китая, имеющих все права, как показали авторы сборника, занять достойное место в истории утопических учений человечества. Наконец, вопросам методологии китайской классической философии по-

будет способствовать тому, что советский читатель существенно пополнит свое понимание страны, нормализация отношений с которой с таким удовлетворением встречена как в СССР и КНР, так и повсюду в мире.

Г. ГАНШИН

священа недавно защищенная в Институте философии АН СССР докторская диссертация А. И. Кобзева: Диссертация А. И. Кобзева серьезно расширяет горизонты научных исследований в области истории китайской философии, выявляя специфические, национально-особенные черты философского знания традиционного Китая, что дает возможность подойти к более адекватному отображению этого самобытного процесса.

Определенных успехов советское Китаеведение последних двух десятилетий достигло и в деле перевода на русский язык памятников философской и общественно-политической мысли Китая. Усилиями наших Китаеведов разных поколений русскоязычный читатель получил доступ к большому числу оригинальных произведений классиков китайской философии, в том числе Конфуция, Мэн-цзы, Ян Чжу, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы, Мо Ди, Шан Яна, Сюнь-цзы и др. Вышли в свет сборники избранных переводов китайских философов. Словом, накоплен большой научный и фактический материал, дающий представление об отдельных важных этапах, иногда — о целых эпохах развития китайской философии. Однако эти исследования и переводы не охватывают пока всего процесса эволюции китайской общественной мысли. Такой недостаток не смогли восполнить и переведенные в недавнем прошлом труды по истории китайской философии видных китайских ученых — Го Можо, Ян Юнго, Фань Вэньлани и др., поскольку они в основном посвящены истории древней китайской философии.

Между тем интерес советской общественности к философии Китая, как и в целом к истории этой древней страны, неуклонно возрастает. Одним из последних свидетельств этого является открытие в 1989 году факультета востоковедения в Казахском государственном университете им. С. М. Кирова, где будет изучаться материальная и духовная культура китайского народа.

Возникла острая необходимость в относительно популярном «сквозном» пособии по истории китайской философии, которое могло бы стать комплексным научным источником для получения знаний о процессе исторического развития общественной мысли в Китае и которым могли бы пользоваться не только студенты философских и востоковедных факультетов университетов, но и все, кто интересуется историей одной из древнейших цивилизаций мира.

Отмеченные выше объективные обстоятельства помогают правильно оценить вышедшую недавно в русском переводе «Историю китайской философии», подготовленную коллективом преподавателей девяти педагогических институтов КНР². Не претендуя на оригинальную научную разработку сложных и во многом дискуссионных проблем китайской философии, авторы книги представили достаточно цельный и систематизированный очерк истории философии в Китае с древнейших времен и до 20-х годов XX века. В нем нашли свое отражение научные достижения китайской историко-философской науки периода КНР — труды Фэн Юланя, Хоу Вайлу, Го Можо, Ян Юнго, Ду Госяна, Жэнь Цзинюя и др. В меньшей мере учтены работы зарубежных историков китайской философии, в том числе советских.

Главное достоинство книги — систематизация большого фактического материала, в основном первоисточников, дающая адекватную картину зарождения и последующей эволюции китайской философской мысли. Периодизация истории философии в книге — традиционная для исторической науки КНР — в целом отражает объективный процесс развития философского знания в этой стране. Уместны и краткие исторические вступления, предваряющие главы-рубрики и вводящие читателя в социально-экономическую, политическую и духовную обстановку каждого нового этапа развития китайской философии.

Как это ни кажется парадоксальным, но объем книги (а он в русском варианте составил почти 40 учетно-издательских листов) оказался недостаточным для полного изложения трехтысячелетней истории китайской философии. Авторы книги были вынуждены существенно ограничить рамки очерков, отобрав для анализа лишь наиболее яркие фигуры. При этом они стремились представить читателю по возможности собственно философов, оставив вне рамок анализа другие направления общественной мысли — экономическую, политическую, военную, эстетическую и т. д. Сделать это полностью не удалось — сказалась особенность самого философского знания в Китае, которое, как правило, было тесно связано с проблемами этики и политического управления. Поэтому наряду с чистыми философами — Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ван Чуном, Чжу Си, Ван Янмином, Ван Чуньшанем, Цзай Чжэнем и др. — очерки включают в себя анализ взглядов мыслителей, которые в своих трудах выходили за рамки спекулятивной «метафизики» и рассматривали политические, этические, экономические и другие не сугубо философские проблемы.

Этим, очевидно, объясняется и тот факт, что из поля зрения авторов книги выпала такая важная область китайской философской мысли, как каноническая литература («цзинь»). За исключением анализа «И цзина» («Книги перемен»), отсутствует специальное

исследование формирования и роли в духовной истории Китая системы канонов официального конфуцианства — «Пятиканония» («У цзин») и «Четверокнижия» («Сы шу»), из которого в очерках рассмотрены лишь памятники «Лунь юй» и «Мэн-цзы». Это, конечно, сужает содержательные рамки книги, ограничивая соперничество и взаимовлияние трех важнейших идеологических (и философских) течений в истории Китая — конфуцианства, даосизма и буддизма — взглядами отдельных мыслителей.

С другой стороны, индивидуальный подход к изложению истории китайской философии дал возможность авторам книги достаточно подробно представить взгляды крупнейших фигур китайской философии, раскрыть их роль в духовной истории Китая.

В первой главе книги рассматривается зарождение примитивных философских идей древнейшей китайской истории — эпохи Шан (Инь) и Западного Чжоу (XVIII—XIII века до нашей эры). Наибольший интерес представляет здесь обстоятельный раздел, посвященный анализу древнейшего памятника китайской мысли «Книги перемен» («И цзина»). Авторы подробно рассматривают философский смысл основного текста канона, его древнейшей части, в афористической форме выражающей наивно-диалектические и материалистические догадки о сущности, структуре и движении мироздания. На русском языке подобный анализ звучит впервые: вкупе с блестящим исследованием и переводом древнейшего раздела «И цзина» Ю. К. Щуцким³ эта часть рецензируемой книги может служить глубоким и надежным источником для постижения одного из самых оригинальных памятников мировой философской литературы. Главное, что выносит читатель после ознакомления с этой главой — удивление перед глубиной и системностью подхода древнекитайских мыслителей к проблемам единого, взаимосвязанного и постоянно меняющегося мира.

Менее убедительно выглядит анализ «первых ростков философии» эпохи династии Ся (с. 7—9). Как известно, вопрос об историческом (а не легендарном) существовании династии Ся (XXI—XVII века до нашей эры) до настоящего времени не решен. Не дали убедительного доказательства ее существования и все проводившиеся до сих пор археологические раскопки⁴. Одни лишь ссылки на более поздние литературные источники, в частности памятник «Го юй» («Речи царств»), не могут служить надежным основанием для признания реальности этой династии, тем более о ее более раннем происхождении по сравнению с эпохой Шань (Инь).

Глава вторая, рассматривающая философское сознание Китая в эпоху Чуньцю — Чжаньго (VIII—III века до нашей эры), известную как «золотой век китайской философии», является, пожалуй, «опорной» главой книги. Это неслучайно. «Золотой век», эпоха «соперничества ста [всех] школ» наиболее полно

изучена в китайской и мировой историко-философской науке. Поэтому анализ взглядов наиболее выдающихся мыслителей древнего Китая — Лао-цзы, Конфуция, Мо Ди, Мэн-цзы, Чжуань-цзы, Сюнь-цзы, Хань Фэй-цзы и других философов выглядит убедительно и интересно. Авторы привлекают большое количество источников, обильно их цитируют. Особый интерес представляет разбор замечательного памятника этого периода — «Толкования к Книге перемен», или «Десяти крыльев». Он дан в исследовании достаточно научно, показан широкий спектр философских идей этих комментариев, их диалектические догадки и материалистические элементы. В то же время попытки доказать на основании отдельных цитат памятника, «в основном идеалистический и метафизический характер» «Толкований» выглядят неубедительными (с. 135).

Вообще в этой главе, — как впрочем и в книге в целом, — проявилось стремление авторов непременно «привязать» взгляды того или иного мыслителя, идеи того или иного памятника либо к материализму, либо к идеализму, либо к тому и другому разом и притом обязательно вскрыть «классовые корни» этих взглядов, даже самых отвлеченных и относящихся к чисто философским спекуляциям. Если «социальный» подход оправдан в отношении анализа политической идеологии, то при оценке чисто мировоззренческих, онтологических и гносеологических параметров взглядов древних философов он вряд ли сможет дать адекватные научные результаты. В этой связи хочется не согласиться с оценкой взглядов Конфуция как «идеологического оружия в руках реакционного господствующего класса», хотя, как оговариваются авторы книги, «в теории познания и взглядах на просвещение (Конфуция, — В. Ф.) содержится много положительного и рационального» (с. 76). Огромная исследовательская литература о Конфуции и конфуцианстве (как китайская, так и зарубежная) показывает более сложную картину роли идей «Лунь юй» в формировании общественного сознания китайского народа, идеологии императорского Китая и ортодоксального конфуцианства эпохи Хань и Сун. Думается, что в оценке взглядов Конфуция авторы книги не сумели преодолеть того схематизма и неприязни к крупнейшему мыслителю древнего Китая, которые господствовали в конце 60-х — первой половине 70-х годов. Конфуций выглядит в книге оторванным от идеолого-культурной традиции Китая, от процесса создания канонической литературы, оказавшей огромное влияние на всю последующую духовную и политическую историю страны. При этом авторы книги не учитывают (по крайней мере не приводят) иные оценки взглядов Конфуция, к стати, как и Лао-цзы, которые существуют в китайской и мировой синологии.

Что касается привычной формулы «материализм — идеализм», то рамки и содер-

жание этих понятий в истории китайской философии носили специфический характер, как специфичны и отличные от европейской философии — сами категории (особенно парные), которыми оперировали китайские мыслители. Не случайно эта тема — изучение особенностей категориального аппарата китайской философии — вот уже много лет является предметом оживленных дискуссий на страницах китайской научной периодики. Сколько неоднозначными с точки зрения принятых стереотипов могут быть содержательные оценки взглядов китайских философов, показала монография А. И. Кобзева о Ван Янмине, где автор доказывает — в противовес устоявшейся точке зрения — натуралистически-материалистический характер мировоззрения общепризнанного «субъективного идеалиста» и «солиптиста»¹.

Это не значит, однако, что в истории китайской философии не было мыслителей, материалистически решавших основной вопрос философии. Сюнь-цзы, Ван Чун, Фань Чжэнь, Ван Чуаньшань и ряд других философов древнего и средневекового Китая могут быть с полным правом названы мыслителями материалистического направления. Вопрос в другом — выявлении специфики китайского, национального особенного категориального мышления этих философов, которое, как правило, требует и отличного от западной философии подхода к критериям понятий «материализм» и «идеализм». Иными словами, не отрицая общего, мирового характера развития философского знания, следует раскрывать и его особенный, специфический характер в Китае. Он, как представляется, заключен в отличном от Запада, категориальном аппарате философских спекуляций. И это, к стати, хорошо показано в рецензируемой книге.

В следующих трех главах работы дается картина последовательного развития философской мысли в Китае в эпохи Хань — Тан (II век до нашей эры — X век нашей эры). Следует отметить в целом фундаментальный и адекватный анализ взглядов крупнейших философов этого периода — Дун Чжуншу, Ван Чуня, Ван Би, Пэй Вэя, Оуян Цзяня, Фань Чжэня, Хань Юя, Лю Цзунъюаня, Лю Юйси. Особый интерес в этих главах вызывают разделы, посвященные школе «учения о сокровенном»² и философской системе буддизма. Авторы книги раскрывают сложный процесс проникновения буддийской философии и культуры в китайскую среду, адаптации буддийских духовных ценностей и китайской традиционной идеологии, что в конечном счете породило как китайский буддизм (секты Хуань и Чань), так и сформировавшееся под его несомненным влиянием мощное направление философской мысли — неоконфуцианство. Его подробному анализу посвящена шестая глава книги — первое на русском языке столь полное философское исследование этого важного периода духовной эволюции китайского общества. Хорошее

впечатление оставляет критический анализ взглядов Фань Чжэня, особенно его трактата «Рассуждения об уничтожаемости духа». Авторы убедительно показывают ту прогрессивную роль, которую сыграла в развитии китайской философии критика Фань Чжэнем идеалистических построений буддизма. Убедительно выглядят и другие разделы этих глав, посвященные Хань Юю, Лю Цзунъюаню и Лю Юйси.

В следующих трех главах работы хотелось бы отметить достаточно подробное и научно-объективное изложение взглядов виднейших представителей дух основных школ неоконфуцианства эпох Сун и Мин — учение о законе-принципе ли сюэ и учение о сердце (разуме) синь сюэ. Авторы подробно прослеживают происхождение и эволюцию сунского конфуцианства в воззрениях Чэн Хао и Чэн И («двух Чэнов»), их генетическую связь с ранним конфуцианством и философской традицией, выделяя и то новое, что они внесли в традиционное конфуцианство — соединение учения о «ци» с категорией «дао» и высшим принципом «ли». Точны и оценки связи учения «двух Чэнов» со взглядами Мэн-цзы, его моральное учение о доброй природе человека, которое братья Чэны превратили в своеобразное онтологическое учение о сущности человека и его моральных свойств. Более сжато, но также убедительно рассматривается и мировоззрение крупнейшего философа средневекового Китая Чжу Си. Здесь, правда, хотелось бы видеть более полный анализ того вклада, который Чжу Си внес в создание сунской ортодоксии, и того нового толкования конфуцианской канонической литературы, которое послужило идеологической основой второй версии конфуцианства.

Новой страницей в истории китайской философии для советского читателя выглядят разделы о взглядах представителей материалистического направления в философии средневекового Китая — Чэнь Ляна, Е Ши и Ван Тинсяна (с. 356—370, 381—391). Мы открываем для себя интересных, самобытных философов, являвшихся предтечами материализма Ван Фучжи (Ван Чуаньшаня) и сыгравших важную роль в критике философских концепций сунского неоконфуцианства. Этому помогают многочисленные отрывки из малоизвестных советскому читателю сочинений этих трех выдающихся мыслителей.

Заслуживает высокой оценки и анализ мировоззрения одного из крупнейших мыслителей средневековья — Ван Шоужэня (Ван Янмина, с. 371—380), оказавшего огромное влияние на развитие философии не только в Китае, но и в других странах Дальнего Востока.

В седьмой главе книги следует выделить большой раздел, посвященный взглядам крупнейшего мыслителя-материалиста Ван Фучжи (Ван Чуаньшаня), которые ранее были подробно рассмотрены в монографии

известного советского китаеведа В. Г. Бурова. Заканчивается глава анализом взглядов интересного философа-эрудита XVIII века Цзай Чжэня, — страстного противника сунского неоконфуцианства. Цзай Чжэнь подверг резкой критике философские основы учения «двух Чэнов» и Чжу Си, особенно их тезис о законе-принципе «ли» как высшей субстанции мира, обосновав тезис о материальной первооснове всего сущего, воплощенной в категории «ци».

Последняя, восьмая глава книги в конспективной форме излагает учения некоторых видных китайских мыслителей нового времени (по китайской традиции — период с 1840 года до «движения 4 мая» 1919 года). Отметив главный стержень духовной жизни Китая этого времени — борьбу между старой «традиционной» наукой, традиционными ценностями и «новой наукой», проникавшей в Китай с Запада, авторы избрали для анализа взгляды лишь нескольких (наиболее характерных с точки зрения содержания этой борьбы) философов — Гун Цзычжэня, Вэй Юаня, Хун Сюцюаня, Кан Ювэя, Янь Фу, Чжан Бинлиня и Сунь Ятсена. Анализ взглядов этих мыслителей дает, конечно, представление об идеологической борьбе в Китае той эпохи, но, к сожалению, исключает из нашего поля зрения многие крупные имена — Тань Сытуна, Лян Цичао, Ху Ши, Ли Дачжао, Чэнь Дусю и др. Это, с нашей точки зрения, обедняет реальную картину развития китайской философии нового времени.

Отмеченный недостаток книги в значительной степени «снимается» послесловием М. Л. Титаренко, в котором дается достаточно полная картина духовной жизни китайского общества XIX — начала XX века. Послесловие восполняет также и такой пробел книги, как отсутствие анализа особенностей истории философского знания в Китае, его категориального аппарата, соотношения собственно философских, морально-этических и политических сюжетов. Послесловие дает также возможность выявить логическую картину эволюции философской мысли в Китае (правда, в основном с V века нашей эры, после проникновения в страну буддизма), показав внутренний механизм столкновений и взаимовлияния различных школ и течений как характерную черту всего процесса духовного развития китайского общества. Особенно убедительно это видно на примере развития китайской философии нового времени.

Следует отметить огромную работу переводчика книги В. С. Таскина, безукоризненно точно следовавшего китайскому оригиналу и весьма успешно справившегося с труднейшей задачей перевода не только авторского текста, но и сложнейших отрывков из философских произведений, написанных на древнем литературном языке.

Единственный упрек, который может быть высказан переводчику, — это излишний, на

наш взгляд, буквализм при переводе отдельных терминов и понятий (например, дословный перевод понятия «синь» — «сердце», которое в философском смысле означало «разум») и отсутствие в ряде случаев транскрипции наряду с переводом понятий и категорий, что подчас затрудняет их адекватное восприятие. На наш взгляд, чтение книги облегчила бы унификация собственных имен философов, имевших, как правило, еще и прозвище, второе имя и т. д., употребление которых в книге наряду с основными фамилией и именем иногда усложняет идентификацию того или иного мыслителя. В ряде случаев не помешали бы и комментарии-примечания переводчика, объясняющие или обосновывающие тот или иной вариант перевода термина или категории.

В целом же следует сказать, что советский читатель и все, кто интересуется самобытной китайской культурой, ее оригинальной философией, получили полезное издание, раскрывающее огромное духовное богатство великого китайского народа.

В. Ф. ФЕОКТИСТОВ,
кандидат философских наук

¹ Кобзев А. И. Методология китайской классической философии (нумерология и протологика). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. — М., 1988.

² История китайской философии / Пер. с кит. — М., 1989. — 552 с.

³ Шуцки Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». — М., 1960.

⁴ См.: Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. — М., 1983. — С. 64, 81—86.

⁵ См.: Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. — М., 1983. — С. 252.

⁶ В настоящем переводе название школы «сюнь сюэ» дано неточно — «учение о глубочайшем».

Объявлена подписка на 1990 год на реферативный журнал серии «Китаеведение», издававшийся ранее Институтом научной информации по общественным наукам и Институтом Дальнего Востока АН СССР для служебного пользования. Журнал знакомит читателей с рефератами и обзорами научной литературы по проблемам Китая, выходящей в КНР, а также с трудами специалистов — китаеведов и обществоведов Японии, США и других зарубежных стран.

В центре внимания редколлегии журнала, который возглавляет академик С. Л. Тихвинский, — информация о трудах, содержащих анализ и оценки важнейших процессов и событий в жизни современного Китая: содержания и хода экономической реформы, социально-политических и идеологических процессов, внешней политики и международных отношений КНР. Специальные разделы журнала посвящены материалам о состоянии науки и культуры в Китае, о его истории, традиционной и современной общественно-политической и философской мысли.

Издание рассчитано на специалистов — ученых и практиков, занимающихся вопросами Китая и других стран зарубежного Востока, а также общими проблемами теории и практики социалистического строительства, на преподавателей и учащихся вузов, лекторов и пропагандистов, а также на широкие круги читателей, интересующихся историей, жизнью и опытом развития КНР.

Индекс издания 57191, стоимость подписки (6 номеров в год) — 6 руб.

Технический редактор Т. Ерохова

Сдано в набор 14.07.89 г. Подписано в печать 21.08.89 г. А10572. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 16,9. Усл. кр.-отт. 35,6.
Уч издат. л. 20,83. Тираж 14240 экз. Заказ 1752. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли 119817. ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bul'var, 17.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический
комбинат Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской области

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на журнал «Проблемы Дальнего Востока»

Редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» с учетом проведенного в 1989 году анкетного опроса читателей, внимательного изучения их разнообразных пожеланий и критических замечаний делает все возможное, чтобы наше издание становилось более интересным и актуальным по содержанию, разнообразным по тематике и жанрам. В 1990 году «ПДВ» наряду с научными статьями будет знакомить читателей с материалами «круглых столов» и дискуссий ученых по актуальным вопросам экономики, истории, международных отношений, продолжит публикацию мемуаров, публицистических и художественных произведений, уделит больше внимания национальным традициям и обычаям, богатейшему культурному наследию восточных народов, стран АТР, их вкладу в общечеловеческую культуру. Мы хотим познакомить читателей с неизвестными, незаслуженно забытыми событиями и фактами истории, рассказать правду об оклеветанных, репрессированных в годы сталинизма ученых, политических и общественных деятелях, жизнь которых была тесно связана с Востоком.

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» планируют опубликовать в 1990 году статьи и другие материалы по следующим темам:

Перспективы интеграции СССР в АТР

Советский Дальний Восток — лицом к Тихому океану

Китайская реформа: достижения и уроки

Анатомия науки менеджеров в Японии

«Белые пятна» в истории.

Из жизни востоковедов Алексеева, Невского, Елисеева и других.

Политические портреты Хо Ши Мина, Чэнь Дусю, Ху Ши, Фэн Юйсяна.

Переводы восточных авторов в библиотеке «ПВД».

Мемуары писателей Ба Цзиня, Фэнь Циция о репрессиях в период «культурной революции».

«Жизнеописание знаменитых женщин» в «Антологии восточной классики»

Русский философ Вл. Соловьев о Китае

«Клуб Конфуция» — заветы древних мудрецов

«Музей традиций и обычаев»:

— Ушу, цигун, айки-до и другие восточные единоборства;

— Рецепты китайской, корейской и японской кухни.

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» поступают в розницу в киосках «Союзпечати» в ограниченном количестве. Поэтому самый надежный способ регулярно получать журнал — подписаться на него. Подписная цена за шесть номеров в год — 4 руб. 20 коп., на полугодие — 2 руб. 10 коп.

Подписка принимается всеми отделениями связи СССР, агентствами «Союзпечать» и общественными распространителями без ограничений.

Не забудьте указать индекс нашего журнала 70758.

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» — это журнал для всех, кого интересует древний и современный Восток. Подписывайтесь на наш журнал, не теряя времени!